

МОСКВА 2009

альманах ■ книга 3 ■ проза ■ поэзия ■ публицистика ■ memoria

MOSCOW 2009

almanac ■ book 3 ■ prose ■ poetry ■ articles ■ memoria

BELLES-LETTERS

СЛОВЕСНОСТЬ 2009

СЛОВЕСНОСТЬ 2009

Проза, поэзия, мемуары, публицистика, интервью.

Альманах. Книга 3. — М.: «Библиотека газеты «МОЛ»

№1(53), 2009, 170 с.

Главный редактор серии «Библиотека газеты «МОЛ» Дмитрий Цесельчук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА;
ДМИТРИЙ ЦЕСЕЛЬЧУК, СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ;
СЕРГЕЙ АЛИМАРИН, РУКОВОДИТЕЛЬ САЙТА СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ;
НАТАЛЬЯ РОЖКОВА, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ ПОЭЗИИ;
НИНА ДАВЫДОВА, КООРДИНАТОР СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ

Дизайн: Любовь ЕЗЕРОВА

Верстка: Митя НЕКРАСОВ

Корректор: Наталья РОЖКОВА

Идея обложки: Марьяна ДАВЫДОВА

На обложке использован барельеф памятника Н. Гоголю работы Н. Андреева

Перед Вами альманах «Словесность 2009». Как и в предыдущих книгах («Словесность 2007», «Словесность 2008»), в этом издании Союз литераторов России предлагает вниманию читателей прозу и поэзию; стихи, рассказы и познавательное чтение (о святой равноапостольной Нине) для детей разного возраста; в разделе МАСТЕРСКАЯ можно прочитать о палиндроме, моностихе, о том, как написать мениппею, синопсис и литературный портрет. Раздел НЕОПУБЛИКОВАННОЕ продолжает знакомство с дневниками великого князя К.К. Романова. Юбилейным датам посвящены публикации «Тайна Гоголя» и интервью с Галиной Ерофеевой. В разделе НАСЛЕДИЕ помещено увлекательное исследование о сельских хозяевах—поэтах: Пушкине и Баратынском. Об опыте прочтения «Египетской марки» О. Манделштама, о неизвестных автографах А. Блока, триумфе и трагедии И. Бродского, Гомеровской Итаке, «Живом ТВ» и о многом другом написали литераторы из Москвы, Орла, Санкт-Петербурга, Рязани, Костромы, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Дагестана, ближнего и дальнего зарубежья.

Заканчивается альманах АНТОЛОГИЕЙ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ, куда вошли стихи участников Всемирных Дней Поэзии (под эгидой ООН), а открывает книгу интервью с Юрием Мамлеевым о современном мировом кризисе, его истоках и прогнозе на будущее.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ «МОЛ» (РЕГ. А-0470 ОТ 27 МАЯ 1994 ГОДА)

© Газета МОЛ, 2009 г.

«ЭТА ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИСЧЕРПАЛА СЕБЯ... СВОИМ МЕТАФИЗИЧЕСКИМ СЛАБОУМИЕМ...»

О современном кризисе, его истоках и прогнозе на будущее
с писателем Юрием МАМЛАЕВЫМ, кавалером Ордена Дружбы, лауреатом
Пушкинской премии, премии Андрея Белого и премии Слоvesность

беседует Дмитрий КОЛЕДИН

Д.К.: Юрий Витальевич, как вы думаете, каковы истоки нынешнего кризиса?

— Истоки кризиса хорошо известны — это создание после Второй Мировой войны виртуального капитализма ценных бумаг и ложного кредитования. И источником этого являются действия определенных финансовых кругов в США, цель которых — политическая власть и экономическое господство. И, кроме того, эта система виртуального капитализма была основана на разжигании жажды наживы и такого, я бы сказал, патологического потребительства таким образом, что при этой системе лояльным считается тот, кто все время покупает, все время потребляет, так, чтобы поддерживался круговорот этих мнимых денег. И враг такого общества — даже не коммунист, а тот, кто не потребляет. Потому что, если люди откажутся от сверхпотребления, общество рухнет. Вот каковы истоки. То есть это определенная модель капиталистического общества, доведенная до абсурда. Но зерном системы является не только экономика, но и, конечно, политическая власть. Потому что тот, кто владеет деньгами (тот, кто владеет сверхденьгами), тот и обладает властью.

Д.К.: То есть, при такой мировой экономической системе кризис был неизбежен?

— При такой системе кризис был абсолютно неизбежен, и это предчувствовали многие. Но те, кто создал такую систему, надеялись, что как-то проскочат. И вот даже в данный момент, когда кризис только начинает-

ся, а его пик далеко еще впереди, даже в этот момент видно, что они не хотят менять свою модель. Связанные с ней финансовые круги, финансовые магнаты хотят выйти из кризиса, не меняя в сущности этой модели, а только подправляя ее. И вся проблема, мировая, и в Америке, как в источнике этого кризиса, состоит в том, что часть американского общества сознает, что реальный выход из кризиса — это смена существующей системы на другую, пусть и капиталистическую, но с очень сильным элементом социальной ориентированности. Но другая часть, как я говорил, хочет выйти из кризиса, не меняя системы, потому что, изменение этой системы будет означать потерю их власти, а власть добровольно не отдают. Вот в чем глобальная проблема. В связи с этим очевидно, что этот кризис — он не только экономический, он глобальный — это и политический кризис тоже, потому что реальный выход из создавшейся ситуации, пусть с большими потерями, но должен быть основан на замене этой системы другой — в Европе, может, более близкой к социал-демократии, как, скажем, в скандинавских странах или в Германии, где социал-демократия очень сильна, и социальное обеспечение всех довольно сильное. Сверхбогатые там платят налог в пользу обездоленной части населения, которая без такой поддержки была бы действительно обездоленной. Ну, а в Америке это, возможно, должна быть какая-то новая модель социализма с очень сильным социальным элементом и, самое главное, с отсутствием этого банковского капитализма. И проблема в том, что может произойти столкновение. По мере углубления кризиса и возрастания безработицы и разорения, будут воз-

растать желания, стремления и действия, направленные на замену этой системы. Это будет встречать сопротивление. Может произойти действительно глубочайший кризис. Как все обойдется, предположить трудно, но последствия уже сейчас говорят о том, что крах Уолл-Стрита равносит падению Берлинской стены. То есть фактически этот кризис по своей серьезности может превышать кризис советской системы и замену коммунистического строя в России другим строем. То есть здесь тоже речь идет о замене одного строя другим, но это даже носит гораздо более глобальный характер, поскольку касается многих стран, а не одной только страны. И возможно также, что этот кризис будет продолжаться еще несколько лет, года два, три, четыре. Кроме того, такого рода серьезные кризисы обычно сопровождаются какими-либо параллельными явлениями. Какие это будут явления — природные или еще какие, уже носящие не экономический или не политический характер, трудно сказать. Конечный же смысл этих лет, когда пройдет этот кризис, в том, что мир будет другим. Америка, и не только, я так думаю, будет совершенно другой страной. И мир после этого кризиса, видимо, кардинально изменится. И эти изменения станут только частью тех изменений, которые предстоят в будущем. Потому что ничто не вечно, цивилизации и системы на протяжении истории человеческой постоянно меняются. И тенденция идет к тому, что вот эта современная цивилизация постепенно будет уступать место чему-то иному. И, хотя и будет наблюдаться, конечно, выход из этого кризиса, но изменения будут продолжаться уже в других направлениях. Потому что в течение, видимо, ближайших столетий, произойдет настоящая, глобальная смена цивилизаций. Имея в виду, что глобальная смена цивилизаций означает появление совершенно другого человека. Как человек средних веков отличался, скажем, от человека восемнадцатого века, то есть от человека начала материалистической эпохи, так и человек будущего будет отличаться от человека современности. И критерием отличия цивилизации является человек, а не машина, не материальный слой жизни. И вот наша цивилизация — материалистическая цивилизация, хотя сохранилась религия и так далее, но в целом она — материалистическая. И этому есть определенная космологическая причина. Но в будущем, поскольку эти космологические процессы, которыми сопровождается история человечества, будут меняться, будут раскрывать-

ся щели в ближайшие параллельные миры, так, как это было всегда, до материалистической эпохи, когда эти щели, пространства были закрыты. Пойдет изменение глубинного, онтологического характера, при котором неизбежно будет меняться уже человек. Человек в середине этого тысячелетия, то есть через 3–4 столетия, будет абсолютно не похож на современного человека. Современный человек прочитав, скажем, воображаемый школьный учебник будущего времени, половину там не поймет, а от другой половины у него, может быть, волосы дыбом встанут — настолько все изменится. Как человек древний, если говорить о европейской, условно говоря, цивилизации, человек времен, когда боги посещали землю, был совершенно одного типа человек, как человек исторических, так называемых античных времен был совершенно иной, нежели в христианскую эру, как человек, скажем, переходного периода, эпохи Возрождения опять совсем другой, чем в средние века и в начале христианства, и, наконец, человек нашего времени, материалистической эпохи, тоже другого типа, так появится абсолютно новый человек. Тут, конечно, надо пояснить, что, хотя человек исторически очень сильно меняется на бытовом и на любом плане (помести человека средних веков в наше время, он просто сойдет с ума), но, разумеется, человек остается человеком. И ясно, что многие моменты в нем являются общечеловеческими и неизменными. Ясно, что общность сохраняется, ведь речь идет о человеке, а не о других существах. Но люди действительно меняются, когда воистину происходит смена цивилизации. Особенно это видно на примере европейского и околоевропейского развития. Но, скажем, в некоторых таких как бы вечных цивилизациях, как Индия и Китай, подобных изменений не происходит. Почему эти страны сохраняют себя тысячелетия? Потому что эти цивилизации изначально имеют некий вечный духовный корень, и он проходит через тысячелетия. В Китае этот духовный корень совершенно иной, нежели в Индии, скорее даже противоположный, но он есть, и Конфуций там появился не даром и Лао-Цзы... И хотя этот корень в Китае тоже очень менялся, но при всем при этом национальное, этническое духовное единство в основе своей сохраняется, и потому Китай смог себя сохранить как Китай, как государство на протяжении веков. То же и с Индией, хотя там духовный стержень совершенно другой и связан с чисто духовным мировоззрением, позволяющим при

всей разности религий сохранить общность... Но, возвращаясь к вопросу кризиса, может случиться так, что значительная часть людей будет оставаться в состоянии такого inferнального покоя, inferнального безразличия ко всему, что происходит вокруг. А изменения будут касаться более образованных людей, которые будут определять историю. То есть этот кризис — это только начало смены цивилизации, которая произойдет не в 10, не в 20 лет, а в ближайшие столетия. Это будет, конечно, постепенно. Нынешний кризис это одно, а дальше пойдет течение, которое неизбежно приведет к появлению другой цивилизации, потому что эта цивилизация исчерпала себя — прежде всего своим метафизическим слабоумием.

Д.К.: То есть фактически этот кризис — это кризис современной цивилизации?

— Да, но это только начало кризиса всей цивилизации как таковой. Он начинается с экономического, политического и геополитического кризиса. Изменения, которые произойдут, будут настолько глобальные, что после них геополитическая картина мира может измениться. На первый план могут выйти страны, которые сейчас еще не достигли своего пика.

Д.К.: А как это коснется России?

— России это действительно коснется, как и всех стран. Хотя эпицентр этого кризиса в Америке, и главные изменения произойдут там и в тех странах, которые завязаны на американском виртуальном капитализме, связанном с банками и мнимыми деньгами. Россия меньше завязана на этом. Но мы сейчас здорово пострадали, поскольку произошел огромный убыток из-за того, что нефть резко подешевела, и приток безумных денег в Россию прекратился. Но это не носит такого глобального характера, в России не будет ломки политической системы, поскольку она не связана с американским типом капитализма, а только отражает его в какой-то степени. Но степень кризиса в России будет зависеть от того, насколько профессионально будет вести себя власть, насколько они смогут найти наиболее приемлемый путь выживания и выхода из ситуации. Здесь очень важно, чтобы между властью и народом установилось доверие. Потому что никаких ре-

волюций, никаких взрывов, которые могут произойти в Америке или в других частях мира, нам не нужно, мы уже все это пережили. Но для того, чтобы не было никаких опасных моментов, очень важен принцип ответственности всей власти, об этом тоже говорят сейчас. Но нужна ответственность не только высшей, верховной власти, которая в общем понимает ситуацию, но и ответственность местных властей, которые сидят повсюду на местах. От них многое зависит, от их добросовестности — нужно, чтобы выполнялись действия, смягчающие кризис, которые идут сверху, чтобы они доходили до цели. Вся эта кризисная ситуация напоминает немножко холодную экономическую войну. Потому что любая война — это игра на выживание. Конечно, одно дело война с врагом — льется кровь, а другое дело — это такая невидимая война, экономическая, когда рушатся какие-то устои, но надо выдержать. И борьба с кризисом означает, в общем-то, борьбу с саморазрушением. И как в любой войне здесь необходима смычка народа с властью. Если она будет, если будет доверие народа, народ будет понимать, как действует власть, власть будет, возможно, ответственней перед народом, то эта смычка — она и есть условие победы. И если так будет, то общими усилиями с минимальными потерями (потери, конечно, будут, это происходит везде сейчас) мы сможем выйти из кризисного состояния. Ну, а дальнейший путь России — уже особый вопрос. И я лично верю, и это основано не только на вере, в величайшее будущее России — если мы будем следовать своей внутренней сути во всех ее смыслах, и, особенно, если будет сохранена духовность России. Поскольку, вообще говоря, выживают в истории страны, которые создают свой собственный особый духовный мир, как это сделали Индия, Китай, Персия. В этом случае они представляют в созвездии человечества такое мощное, великое духовное и культурное творчество, которое получает протекцию высших сил. То есть сохранение духовности России означает, с моей точки зрения, получение протекции высших духовных сил. А это самое главное. Ну и, конечно, человеческое стремление при этом важно.

Потому что Бог бережет тех,
кто сам хочет сберечься.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юлия КРАСОВСКАЯ

ПОСМЕРТНЫЙ РАЗГОВОР СО СТАЛИНЫМ, ИЛИ О ВРЕДЕ ПОЗДНЕГО УЖИНА

Мрак, окружавший со всех сторон, казалось, был одушевленным, дышал, двигался, и проникал всюду — в карманы пиджака, за шиворот, и даже в уши. Он был вязким и лип к коже. Кроме того, было душно и страшно хотелось пить...

Александр Анатольевич пошарил вокруг себя руками и понял, что сидит на голом, каменном полу. В правом боку, как раз там, где печень, противно ныло.

— Где я? — тихо спросил Александр Анатольевич, с трудом разлепив сухие губы.

Однако ему никто не ответил. В животе Александра Анатольевича перекатывалось что-то тяжелое, словно он наглотался камней, а к горду то и дело подкатывала тошнота.

— Кто-нибудь... — еле слышно позвал он, так как голос его не слушался.

Подождав немного, но, так и не дождавшись ответа, сделал еще одну попытку.

— Эй, кто-нибудь! Помогите! — попытался крикнуть он, но голоса своего не услышал.

Тут Александр Анатольевич чувствовал, как внутри него поднимается волна дикого, животного страха. Он захотел сглотнуть, но в пересохшем рту не было слюны. Что же это? Может, это сон? Ну, конечно же, это сон. Он спит, и ему все это только снится, поэтому не надо пугаться, сейчас он проснется и снова увидит свою комнату. Увидит кровать, большой платяной шкаф — подарок матери, увидит обои в мелкий голубой цветочек и снова подумает, что пора бы их переклеить... Но самое главное, он увидит спящую рядом с ним жену... Тьфу ты, изменщица! До чего человека довела! Родного мужа!

Александр Анатольевич сосредоточился, но проснуться не смог. Еще усилие... Но тщетно — мрак не исчезал, только от усилием голова разболелась. Кроме того, печень заныла сильнее. Да что же это такое, в самом деле!

6 И вот темнота неожиданно дрогнула, и показалась прямо

перед ним слабая, прямоугольная полоска света, которая постепенно росла, пока не стало совсем ясно, что где-то впереди открылась дверь, выходящая в ярко освещенный коридор.

— Александр Анатольевич! — внятно произнес чей-то властный голос.

Александр Анатольевич с трудом поднялся с пола.

— Выходите! — последовал приказ.

Александр Анатольевич встал и, пошатываясь, пошел вперед.

И вот тут, (о, ужас!) он вдруг споткнулся о чьи-то ноги! От испуга и какого-то непонятого чувства отвращения он чуть было не закричал, так как понял, что все это время был в этой комнате не один. Он остановился и стал напряженно всматриваться в темноту. Постепенно стали вырисовываться некоторые детали.

И Александр Анатольевич понял, что кроме него в комнате было еще человек, примерно, десять. Мужчины, женщины... Кто-то стоял, прислонившись спиной к каменной стене, кто-то сидел, а кто-то лежал, поджав в бессилье ноги и положив голову на локоть...

Двигаясь осторожно, чтобы не наступить ненароком на кого-нибудь, Александр Анатольевич пошел к двери.

Как замороженный смотрел он на яркую полоску света, боясь, что дверь вот-вот захлопнется и тогда он снова останется в темноте один на один с этими незнакомыми людьми.

Как только Александр Анатольевич вышел в коридор, дверь за ним сразу же закрылась.

— Идите вперед! — потребовал все тот же властный голос.

Александр Анатольевич повиновался.

Он шел по длинному коридору, отмечая про себя полное отсутствие удивления, да и вообще отсутствие какого бы ни было чувства.

Коридор был таким бесконечно длинным, что казалось, конца ему не будет. В него выходило множество дверей. Иногда, проходя мимо, Александр Анатольевич слышал из какой-нибудь двери какие-то голоса. Порой голоса были грубые, словно за дверью ругались, порой наоборот, нежные, даже грустные, словно кого-то о чем-то молили...

Он испугался, и ему страшно захотелось оглянуться.

— Не оглядываться! Идите вперед! — тут же приказал голос.

Александр Анатольевич вздрогнул всем телом и, не смея ослушаться, пошел дальше. Снова поплыли мимо многочисленные двери, снова были слышны голоса.

— Стойте! — скомандовал голос, когда Александр Анатольевич подходил к очередной двери. — Вам сюда.

Александр Анатольевич остановился перед дверью и прислушался. За дверью было тихо. Тогда он осторожно нажал на ручку и вошел внутрь.

Вначале он не понял, где находится. Посреди комнаты стоял длинный стол, покрытый толстым зеленым сукном. Во главе стола горела лампа под зеленым плафоном, отчего свет в комнате был мягким.

Три огромных окна вдоль стены были наглухо задернуты тяжелыми гардинами. Возле среднего окна спиной к Александру Анатольевичу стоял человек в военном френче образца середины прошлого века. Человек курил трубку. Запах терпкого табака проникал в легкие, сизый дымок неподвижно застыл в воздухе, указывая на полное отсутствие вентиляции.

Не успев удивиться этому обстоятельству, Александр Анатольевич услышал, как дверь за ним захлопнулась.

Стоявший возле окна человек, не выпуская изо рта трубку, медленно повернулся и посмотрел на Александра Анатольевича. В первый момент Александр Анатольевич подумал, что сошел с ума. Нет, этого не может быть!

На него, шурясь одним глазом и слегка улыбаясь рябым, неровным лицом, смотрел Иосиф Виссарионович Сталин, по паспорту Джугашвили.

— Ну, что встали, как неродной? — спросил Сталин с выраженным южным акцентом. — Проходите, садитесь.

Александр Анатольевич почувствовал, как его лоб покрывается противной липкой испариной.

— Я... Вы... — промямлил он.

— Что «я», «вы»? Вы мужчина, или нет? — чуть грубее спросил тот.

— Я мужчина... — не очень уверенно ответил Александр Анатольевич.

— А если мужчина, тогда проходите и садитесь.

Александр Анатольевич повиновался. Отодвинув один из стульев, стоявших возле длинного стола, он сел на него, не спуская глаз со своего собеседника.

— Ну, что смотрите? — спросил тот. — Не надо так. Расслабьтесь.

Отойдя от окна, Сталин тоже отодвинул стул и сел напротив гостя.

— Ну, как там?

— Где? — не понял Александр Анатольевич.

— В жизни? Что нового происходит? Вы расскажите, а то здесь трудно с информацией.

— Да, в общем, нормально все, — ответил Александр Анатольевич, все больше и больше утверждаясь в мысли, что все окружающее ему просто-напросто снится.

— Нормально? — переспросил Сталин. — Точно? Вы ничего не путаете?

— Нет, ничего...

— А Америка как? Как Эйзенхауэр?

— Америка? Ничего Америка... По-прежнему процветает Америка. А Эйзенхауэр... — Александр Анатольевич замаялся, а потом сказал как-то виновато, словно извиняясь, — так помер Эйзенхауэр.

— Помер? — переспросил Сталин и тут же, словно спохватившись, добавил. — Да-да, помер, помер...

Сталин отложил в сторону трубку и глубоко вздохнул.

— А как там мой друг и соратник товарищ Берия?

— Берия? — Александр Анатольевич растерянно почесал затылок. — Так он тоже умер.

— Не может быть! Когда это случилось?

Александр Анатольевич наморщил лоб, пытаясь вспомнить, в каком году умер Берия, но так и не смог.

— Кажется, где-то в середине шестидесятых... — не очень уверенно ответил он.

— Ох, ох, ох, — заохал Сталин. — Как же быстро уходят люди... Впрочем, вы тоже не очень-то зажились...

И Сталин сочувственно посмотрел на Александра Анатольевича. Тот нервно слотнул.

— В каком смысле?

— В прямом.

Александр Анатольевич провел рукой по лбу.

— То есть вы хотите сказать, что и я тоже умер? — тихо спросил он.

— Вот именно, дорогой, — добродушно усмехнулся Сталин.

От всего этого разговора, а особенно из-за этой вот кривой усмешки Александру Анатольевичу стало не просто страшно, а даже жутко. Какой страшный, какой долгий кошмар! Ему, конечно же, и раньше приходилось видеть страшные сны, но ни один из них даже отдаленно не напоминал этот ужас.

— Нет, постойте, давайте разберемся, — сказал он.

— Ну, давайте, давайте, — снова усмехнулся Сталин.

— Итак. Вы, Иосиф Сталин, то есть, Джугашвили, умерли в 1953 году, это всем известно.

— Да, это так, к сожалению... — согласился Сталин.

— Но я-то жив!

— Да с чего вы это взяли?

— Как с чего? С того! Я пришел домой с работы, поужинал, после чего лег спать, вот с чего! А все это мне просто снится и все! И комната эта снится, и вы мне снится!

Про то, что жена изменила, и он это узнал, Александр Анатольевич рассказывать вождю не стал. Неудобно...

В этот момент дверь в комнату открылась, и Александр Анатольевич увидел солдата, который держал в руках поднос с двумя стаканами чая. Поставив поднос на стол, солдат взял один стакан и поставил его поближе к Сталину, а второй пододвинул Александру Анатольевичу. Делал он это молча, деловито и четко. После чего взял поднос и, козырнув, покинул комнату.

Сталин взял свой стакан, и с удовольствием отхлебнул чай.

— А вы, что же? — спросил он у Александра Анатольевича.

— Пейте, пейте, не стесняйтесь.

Александр Анатольевич машинально взялся за подстаканник и потянул его к себе. Сверху в чае плавала долька лимона. Однако, сделав глоток, он не почувствовал никакого вкуса. Ну, совершенно никакого. Удивившись этому обстоятельству, Александр Анатольевич сделал еще глоток и почмокал губами. Хотя, что там говорить! Накануне он выпил водки и так наелся на ночь, что...

— Что? Не вкусно? — спросил Сталин.

— Не знаю... — ответил Александр Анатольевич. — Я почему-то ничего не чувствую...

— Ну, это и понятно, — вздохнул Сталин. — После смерти человек в принципе ничего не чувствует...

Александр Анатольевич вздрогнул. После смерти... Вот опять он об этом!

— А вы? — спросил он.

— Что я?

— Вы чувствуете что-нибудь?

Сталин посмотрел на Александра Анатольевича, причем за это короткое время в его глазах сменилось несколько выражений.

— Нет, я тоже ничего не чувствую, — ответил он.

— А зачем тогда чай пьете? — спросил Александр Анатольевич.

8 — По привычке, — вздохнул Сталин. — Я все делаю по

привычке. Пью, ем, работаю...

— Работаете? — Александр Анатольевич удивленно посмотрел на Сталина. — Вы?

— А что вас так удивляет?

— Ну, как это... — Александр Анатольевич от удивления с трудом подбирал слова. — А что же вы делаете?

— Как что? Страной руковожу.

Александр Анатольевич подумал, что еще немного, и он наверняка сойдет с ума. Как это можно руководить страной с того света?

— Но у вас же для этого ничего нет... Ни свежих данных, ни политических новостей...

Сталин снова вздохнул.

— Да, конечно, у товарищей в раю есть свежая информация, — сказал он. — Газеты, журналы...

— Постойте, как вы сказали? У товарищей в раю? В каком раю?

— В обычном.

— А мы тогда с вами где?

— Как где? В аду, естественно.

Что за бред? Это почему это он, Александр Анатольевич в аду? Нет, что товарищ Сталин в аду, это неудивительно, учитывая некоторые особенности его, то есть товарища Сталина, поведения. Но вот что здесь делать Александру Анатольевичу, вот в чем вопрос.

Если уж он, как говорит Сталин, умер, что, конечно, очень прискорбно, но все же неудивительно, поскольку всему рано или поздно приходит конец, то почему же он оказался именно в аду?

— Но я-то за что?! — крикнул Александр Анатольевич.

— Не понял.

— Что вы не поняли? Вы убили миллионы ни в чем неповинных людей, а я-то почему тут? За что меня-то в ад?

— А жена?

— Чья?

— Ваша.

При упоминании жены неприятный озноб пробежал по телу Александра Анатольевича. Правый бок заныл еще сильнее. Александр Анатольевич застонал.

— Ну, что вы, не надо так уж... — сказал Сталин.

— И что? Что дальше?

— Ничего. Вы ее убили. Она вам изменила, и поэтому вы столкнули ее с лестницы. Вот нормальный джигит так бы не поступил.

— Я? Убил?

— Да, вы. Вы — не джигит.
То ли от того, что было как-то неожиданно услышать из чужих уст об измене жены, то ли от того, что он не джигит, но Александр Анатольевич густо покраснел.
— Я ее не убивал! — крикнул он.
— Как так? Да вы не горячитесь, товарищ!
— А я и не горячусь! Не убивал я ее! Говорю вам, не убивал! Она сейчас дома спит, в своей... В нашей постели!
— Ну, ну... — хитро улыбнулся Сталин. — Я и сам знаю, что она спит в вашей кровати. Но согласитесь, Александр Анатольевич, вы же намеревались ее убить. У вас уже и план был готов. Так что не надо отрицать того, что вы планировали это убийство.
— Какой план?
— Простой. Вы хотели инсценировать несчастный случай, столкнув жену с лестницы. Ведь, если не ошибаюсь, ваша квартира крайняя от лестницы, да?
Александр Анатольевич кивнул, соглашаясь, что квартира действительно крайняя.
— Вот вы и решили, что когда ваша жена вернется от любовника домой и позвонит в дверь, вы откроете и сильным ударом в грудь столкнете ее вниз. Так или не так? Посмотрите мне в глаза.
Александр Анатольевич послушно взглянул в глаза Сталину и почувствовал, как у него перехватило дыхание от страха. Вместо прежней добродушной улыбки и хитровато сощуренных глаз на него глядели безжалостные, страшно невозмутимые глаза палача.
— Что же вы замолчали? — спросил Сталин.
— Понимаете, я...
— Да все я понимаю, Александр Анатольевич, — вздохнул Сталин. — Ну, если не хотите говорить о жене, можно поговорить о чем-нибудь другом. Вы на какую тему желаете говорить?
Александра Анатольевича, чьего деда по отцовской линии арестовали, как врага народа в тысяча девятьсот тридцать девятом году, всегда интересовала тема репрессий. С тех пор, как он, уже, будучи взрослым человеком, узнал правду о судьбе деда, Александр Анатольевич мечтал задать вопрос товарищу Сталину — чем же рядовой бухгалтер с кондитерской фабрики мог навредить великому советскому народу, частью которого он и сам являлся, в конечном счете. Но, к тому времени, как Александр Анатольевич узнал скрытые доселе подробности о жизни своего деда, товарища Сталина уже давно не было в живых, а те,

кто попал в кровавую мясорубку сталинских репрессий, были реабилитированы. Кто еще при жизни, а кто по-смертно, как его дед...
— Я вот хочу спросить вас... — начал он.
— Называйте меня товарищ Сталин.
— Я вот хочу спросить вас, товарищ Сталин.
— Ну, спрашивайте, не бойтесь, — подбодрил его вождь.
— Я хочу спросить вас, зачем вы арестовали моего деда?
— Вашего деда?
— Да. Александра Петровича Голубева.
Сталин прищурил левый глаз.
— Он бухгалтером был на кондитерской фабрике? — спросил он.
— Верно, — ответил Александр Анатольевич, удивляясь памяти вождя народов.
— Да... Я его помню, — сказал Сталин.
— Добрейшей души человек был. Мне это отец рассказывал, — Александр Анатольевич постепенно начинал горячиться. — Никому никакого зла не сделал! Так зачем же было его арестовывать? За что?
— Как это «за что»? — Сталин погрозил Александру Анатольевичу пальцем. — Он же на кондитерской фабрике работал, так?
— Ну, так, так! И что?
— А то, что на кондитерской фабрике работал, а конфет не ел!
— И что?
— Как это «что»? — казалось, у Сталина зашевелились кончики усов. — Каждый советский человек, работающий на кондитерской фабрике, обязан есть конфеты!
— У него диабет был! Вот и не ел! Ни конфет, ни шоколада, ни мармелада!
— Тогда почему он работал на кондитерской фабрике? Шел бы, хоть на «Шарикоподшипниковый» тем же бухгалтером.
— Но ведь он, же бухгалтером там работал, а не технологом!
— Это не имеет значения.
Александр Анатольевич схватился за голову.
— Абсурд!
— Не скажите, не скажите... — и Сталин заложил левую руку за китель. — Ведь он, почему сладкого не ел?
— Я же сказал, у него диабет был!
— Нет, не поэтому.
— А почему тогда?

Сталин наклонился вперед и поманил Александра Анатольевича пальцем. Тот придвинулся ближе.

— Диверсию готовил, — шепотом ответил вождь.

— Дед? Не может быть!

— Может, ох, как может... — вздохнул Сталин. — Уж вы мне поверьте, я столько на чистую воду вывел... И не считаешь. А тут явный заговор!

— Да какой заговор? Дед не воровал, бухгалтерию вел правильно.

— А сладкого не ел!

— Далось вам это сладкое! — Александр Анатольевич почувствовал, что на лбу его выступила испарина. — Что же это получается? По-вашему, если человек работает на мясокомбинате, а мяса не ест, он что, тоже враг народа?

— Вот теперь вы правильно мыслите, — похвалил Сталин.

— Надо, кстати, сказать Микояну, пусть проверит, все ли его работники едят мясо...

Сталин провел рукой по животу и посмотрел на часы.

— Ох, устал я что-то... — вздохнул Сталин и, протянув руку, нажал на кнопку сбоку стола. — Надо перекусить.

Дверь тут же открылась, и в комнату вошел тот же солдат, который до этого приносил чай.

— Обедать! — коротко приказал Сталин и солдат исчез.

Александр Анатольевич задумался. «Обедать!» Это такое простое и привычное слово здесь звучало как-то странно. В обычной жизни оно привязывалось к определенному времени суток. Сколько же времени он здесь находится? Обедать... Значит, это должно совершаться днем. А здесь что, тоже есть день, что ли? А заодно и утро, и вечер, и ночь?

— Да нет здесь ничего такого... — неожиданно сказал Сталин. — Это я так по привычке сказал.

Тут дверь снова открылась, и солдат вкатил в комнату небольшой столик на колесиках, накрытый сверху белой салфеткой. Эту салфетку он расселил на столе и стал аккуратно выставлять на нее тарелки с едой.

В центр солдат поставил супницу, а вокруг нее закуски. Тут был язык, сервелат, сельдь под шубой, балык, икра, маринованные белые грибы. На овальном блюде лежало мясо в каком-то диковинном соусе. Были также фрукты и овощи.

В довершении всего солдат поставил на стол запотевший хрустальный графинчик с водкой и две бутылки красного вина.

10 Повинуясь взгляду вождя народов, солдат открыл вино и

налил его в бокалы.

— Может, вы предпочитаете водку? — спросил Сталин.

Александра Анатольевича буквально всего передернуло.

— Нет-нет, — поспешно ответил он. — Я не хочу водки.

Есть Александру Анатольевичу тоже не хотелось. Более того, при виде разложенной на тарелке свежайшей норвежской форели, к горлу его немедленно подступила тошнота, а правый бок занял еще сильнее.

— Вот, помню, в тридцатых, был у меня повар... Вах! Какой повар был! Как готовил! — и Сталин даже причмокнул губами, вспоминая кулинарные изыски своего повара. — Сациви, чахохбили...

— Почему был? Умер?

— Расстрелян.

Александр Анатольевич, у которого белый гриб встал поперек горла, закашлялся.

— А за что? — тихо спросил он, перестав кашлять.

— Враг народа. Участвовал в заговоре, — коротко ответил Сталин.

— Расстрелян вместе с другими заговорщиками.

— Кто же остальные участники заговора?

Сталин вытащил из кармана блокнот и стал листать страницы.

— Вот! — воскликнул он, найдя, по-видимому, нужную записку. — Уборщица Евдокимова и слесарь-сантехник Ващенко. Вот эта злостная шайка вступила в преступный створ.

— С какой целью?

— С целью покушения на меня, естественно.

Александр Анатольевич попытался представить себе, что же за «злостную шайку» представляла собой повар, уборщица и слесарь-сантехник, и не смог — уж больно неподходящие получались кандидатуры.

— Ну, а как там у вас сельское хозяйство? — спросил Сталин, дожидая кусок заливного. — Как там озимые?

— Сельское хозяйство? — переспросил Александр Анатольевич. — Да не знаю... Что-то есть...

Сталин удивленно посмотрел на Александра Анатольевича, и его брови при этом слегка изогнулись. Это выражение лица придало лицу Сталина удивительное сходство с грифоном.

— Как это, «что-то есть»? Сельское хозяйство или есть, — и Сталин поднял указательный палец правой руки, — или его нет. Другого варианта быть не может!

Александр Анатольевич посмотрел на палец и послушно кивнул.

— Да, вы, конечно, правы, товарищ Сталин, — сказал он.
— Только...

— Что «только»?

— Только сейчас эта тема... — и Александр Анатольевич замылся, подбирая более точное, по его мнению, слово. — Не так актуальна, что ли...

Брови Сталина удивленно приподнялись. В эту минуту его сходство с грифоном еще больше усилилось.

— Как бы там ни было, а сельское хозяйство забывать нельзя, — твердо сказал Сталин. — Нельзя! Колхозы...

— Да какое там сельское хозяйство! — Александр Анатольевич неожиданно осмелел и махнул рукой. — Какие колхозы? Да вы поезжайте немного подальше от Москвы...

И Александр Анатольевич оглянулся, как бы в поисках направления, куда бы товарищ Сталин мог бы проехать.

— Да хоть... Ну, куда хотите можете проехать, чтобы убедиться! Там же ничего уже не осталось! Деревни, в которых одни старики! Дома покосившиеся, в землю вросли. Какие-то вообще заколоченные стоят... Поля под дачи отдали, луга. Это значит, травы нет, скотину кормить нечем...

— Погодите, погодите! Какие дома, какие старики?

— Такие! Такие дома, такие старики! Молодежи-то нет!

— А где же она?

— В города разъехалась. Что ей в деревнях-то делать?

— Как это что делать? — и Сталин удивленно развел руками. — Работать!

— Так, где же ей работать? Колхозов-то у них нет, совхозов, кстати, тоже. Что б совсем не спать, вот ребята в город и тянутся. Ну, и деньги, конечно, манят... Денег молодежи хочется, сразу и много. Правда, кто-то в институты поступает, кто-то так, на заработки, рабочими. Кто-то вообще... — тут Александр Анатольевич понизил голос, — того...

— Что «того»?

— Проституция...

И Александр Анатольевич махнул рукой, горюя о судьбе сельской молодежи.

— Кстати, и о факте вашей смерти нельзя сказать однозначно... — сказал он, помолчав.

— Что вы имеете в виду?

— А то. Отравили вас, похуже.

Сталин закрыл глаза. Александр Анатольевич заметил, что лицо его как-то сразу стало уставшим, как у человека, которого долго гнетет какая-то мысль.

— Я так и знал! — и Сталин даже стукнул кулаком по столу, да так сильно, что звякнули стаканы.

— Знали?

— Точнее, предполагал.

— Почему же вы тогда ничего не предприняли?

— А зачем?

— Не понял.

Сталин открыл глаза и посмотрел на Александра Анатольевича взглядом, который проник в самую глубину души.

— Вы просто многого не знаете, — сказал Сталин. — Между тем как мне какие-то мысли кажутся вполне очевидными. Вот и в этом случае вполне очевидно, что меня рано или поздно все равно убили бы. Отравили бы, скорее всего...

И Сталин задумчиво посмотрел куда-то поверх головы Александра Анатольевича.

— Вот так-то, Александр Анатольевич, — тихо, но как-то зловеще сказал Сталин. — Время подходит. Пора нам с вами заканчивать...

Александр Анатольевич хотел спросить, что именно товарищ Сталин имеет в виду, но тот и сам объяснил смысл своих слов.

— Итак, вы намеревались убить свою жену. Поступок нетипичный для советского человека, зато вполне типичный для его врага...

Александр Анатольевич хотел возразить против подобной формулировки, однако, Сталин не обратил на него никакого внимания и продолжал.

—... а потому я принимаю решение вас расстрелять.

Александр Анатольевич удивленно посмотрел на Сталина.

— Меня? За что?

— За жену.

— Но я не убивал!

— Не важно. В вашем умысле, в конечном итоге, можно найти не только попытку убийства собственной жены, но и попытку измены Родине.

— Да какая здесь связь?

— Прямая. Вы позорите высокое звание советского человека, а потому заслуживаете высшей меры наказания — расстрела.

И Сталин нажал какую-то кнопку сбоку стола и тот час в комнату вошел конвой из двух солдат.

— Расстрелять! — коротко приказал Сталин.

— Нет! Этого не может быть! — крикнул Александр Анатольевич. — Я же и так уже умер! Как же меня можно расстрелять! Ведь меня же нет!

Однако Сталин никак не отреагировал на эти, казалось бы, разумные доводы. Он молча взял трубку, набил ее табаком и закурил.

— Но это же бред! — снова крикнул Александр Анатольевич. — Вы не можете меня расстрелять!

Сталин встал из-за стола и подошел к среднему окну, совсем так, как его впервые увидел Александр Анатольевич.

Александр Анатольевич сделал попытку вцепиться в стол, но солдаты быстро оторвали его и, заломив ему за спиной руки, потащили его к выходу.

Последнее, что видел Александр Анатольевич, когда солдаты выводили его из кабинета, была спина стоявшего возле окна Сталина и струйка дыма от трубки вокруг головы.

Конвой вел Александра Анатольевича молча. В пустынном коридоре гулкие шаги отдавались в голову, в самый мозг.

Александр Анатольевич покорно шел вперед. Неожиданно они остановились перед какой-то дверью. Тот солдат, который шел впереди, открыл ее, и Александр Анатольевич увидел, что находится в пустом, холодном колодце внутреннего двора. Поначалу он подумал было бежать, но едва его вывели из кабинета Сталина, его ноги как-то сразу отяжелели, словно налились свинцом, а сознание отказывалось воспринимать происходящее. Он внезапно понял, что ничего уже не хочет, кроме, пожалуй, одного — чтобы все это побыстрее закончилось.

Однако, как только конвойный подтолкнул его к стене, на которой виднелись следы от пуль и какие-то страшные бурого цвета пятна, Александр Анатольевич почувствовал, что сердце его забилося так сильно и часто, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Он дикими глазами следил за тем, как конвойные достали из кобуры пистолеты и, сняв их с предохранителя, направили их на несчастную жертву. Черные, пустые дула глянули прямо в глаза Александра Анатольевича. Он понял, что еще пара секунд — и будет выстрел. И никто, решительно никто ему не поможет...

Александр Анатольевич дико закричал... и проснулся.

Наталия ГАБРИЭЛЯН

НЕСМОТРЯ И ВОПРЕКИ

* * *

Мы сидели в ресторане, в самом центре Москвы, помнится, что это была «Прага». Во главе стола наш директор — Валентина Александровна, справа от нее — заведующий иностранным отделом, наш любезный Лев Николаевич, слева от нее — бывший секретарь парторганизации институте Андрей Федорович. Напротив них сидела я и два иностранца. Один из них — финн Лааксен, другой — Павел Константинович — эмигрант, работающий в Австралии. Мы с ним разговорились после его доклада, и это именно он настоял, чтобы меня пригласили на обед после Ученого совета.

Все чинно сидели за обеденным столом, когда вдруг Павел Константинович спросил: «Скажите, как вы выжили, как пережили репрессии тридцатых, как пережили эту ужасную войну? И при этом сохранились такими нормальными интеллигентными русскими людьми? Мне это трудно понять, я не ожидал встретить таких приятных, близких и понятных мне людей». Воцарилось молчание. Я взглянула на Валентину Александровну, она смотрела на меня с надеждой. Я попробовала ответить: «Мы выжили потому, что старались иметь дело только с людьми, которым доверяли. Вот даже на работу я бы не устроилась, если бы меня не рекомендовали Валентине Александровне сотрудники, хорошо меня знавшие и пользующиеся ее доверием». Валентина Александровна подтвердила мои слова, сказав что-то одобрительное: «Да-да, так, мол, и было!» — и даже улыбнулась. Но Павел Константинович ждал еще чего-то. «Ну, а в самые трудные времена?» Я сказала, что и тогда были такие люди, которые помогали другим, буквально не давали погибнуть, исчезнуть физически. «Ну, кто, кто, например?» — не унимался Павел Константинович. «Ну, например, Анна Андреевна Ахматова, она была центром определенного круга людей, которых она поддерживала». Валентина Александровна вновь одобрительно кивнула. Она явно была довольна, что дело ограничилось литературными примерами, а не скатилось к обсуждению «дела врачей». Обед быстро закончился, и мы оказались на старом Арбате. В обществе Павла Кон-

стантиновича, молчаливого финна и Андрея Федоровича мы пошли по пешеходной улице, вокруг сновали люди, что-то продавали, играли уличные музыканты, двери магазинов и маленьких кафе были открыты. Остановились у лотка с сувенирами, и тут Павел Константинович сказал: «А вы знаете, у вас тут жизнь, очень живой, какой-то праздничный город! А у нас скучно, тихо, спокойно, но скучно. Госпиталь, в котором я работаю очень хороший, прекрасно оборудован, можно серьезно лечить больных, можно работать над новыми методами, заниматься наукой. Но сам город какой-то застывший, сонный. А у вас тут жизнь и люди другие, более активные, веселые. Я рад, что приехал. Отец мой мечтал о России, хотел вернуться, но не решился. Если бы он дождал до вашей перестройки, то был бы счастлив». Я проводила их до метро, они должны были идти в Большой театр, и распрощалась с ними. Но разговор запомнился, и я стала думать, что бы еще я могла сказать Павлу Константиновичу о нас. Как мы сохранились, кто нас воспитал, кто не дал забыть истоки, культуру, как это все было? Почему мы не остались безграмотными, распропагандированными официальной идеологией, лишенными религии, лишенными культуры. Конечно, я не смогла ответить Павлу Константиновичу достаточно серьезно и глубоко, слишком долго надо было говорить, слишком многое вспомнить. Ведь именно нашему поколению пришлось войти в перестроечные времена. Попробую теперь более подробно ответить на вопрос: «Как мы, несмотря и вопреки, сумели сохранить определенные традиции русской культуры?»

* * *

Мне чудовищно повезло, я родилась в семье, которая по выражению одного моего друга сумела создать свою собственную маленькую «фронду». Все началось с моей бабушки, которая, услышав по радио слова «солнцеликий» по отношению к вождю, сказала — это только к Богу так обращаются, и выключила радиоприемник. Моя мама, которой пришлось срочно уволиться из редакции Малой советской энциклопедии в 1938 г., работала в школе. Она преподавала литературу и русский язык и это придавало определенный колорит нашим семейным разговорам. Отец иногда сердился и ворчал — ну, хватит говорить об этом Пьере Безухове и Андрее Болконском, вечно они находятся за нашим столом! Мама отвечала, что это лучше, чем обсуждать цены на продукты. Мама

никогда не произносила никаких официальных слов или фраз, даже слово «товарищу» произносила очень редко и то только по отношению к сугубо официальным лицам или неприятным ей людям. Своих коллег называла по имени и отчеству, а друзей по именам.

Мама страстно любила русскую литературу, литературу XIX-XX века. Ее рассуждения об уникальности русской литературы, о ее культурологической роли я вспомнила, когда прочла статью Адамовича, посвященную памяти Ивана Бунина.

Вокруг мамы всегда были интересные люди, отличающиеся от остальных своей оригинальностью. Мама вела факультативные занятия, где читали «непрограммных писателей» — Достоевского, Бунина. Она участвовала в создании школьного театра, где вместе со своей подругой Натальей Борисовной Гюне они ставили пьесы Шварца. Как-то ее ученик вспоминал свое впечатление от первых встреч с Натальей Борисовной и моей мамой — Ниной Петровной.

Ну, представляете 1946-47 годы, мы полуголодные, ожесточенные приходим в школу, и нас встречают учительницы молодые, красивые, с добрыми глазами. Разговаривают с нами участливо, спрашивают, что мы любим, чем интересуемся, хотим ли участвовать в школьном театре. Ну, мы, конечно, обзавелись и дружно принялись читать книги, учить роли и начали просто жить, жить нормальной жизнью подростков.

Вот благодаря таким «чудикам», таким «зубрам» мы и выжили, сформировались, приобрели знания. Были и другие, более замкнутые, более робкие люди, которые показывали свою суть только при особых, иногда случайных обстоятельствах. Такой была преподаватель литературы в моей школе — Мария Александровна. Высокая, с гладко причесанными седыми волосами, уложенными на макушке буклями, всегда в черном костюме и белой блузке, она преподавала только в старших классах. Литературе она явно предпочитала русский язык, который знала блестяще. Ее усилиями мы закончили школу грамотными. На уроках литературы было скучно, Мария Александровна не выходила за рамки официальной программы, да еще любила цитировать такие всем известные фразы, как «Писатели — инженеры человеческих душ» или «Эта штука сильнее «Фауста» Гете». К слову сказать, к выпускному экзамену нас готовила моя мама, устроив у нас дома целый «хедер», как говорил мой отец.

Конспектами этих занятий пользовались еще очень долго и не одно поколение абитуриентов.

Возвращаясь к урокам литературы в моей школе, могу только сказать, что старательное цитирование классиков марксизма не вязалось с внешним обликом Марии Александровны, с ее прекрасным русским языком, в котором мелькали французские выражения, типа «тет а тет», когда она хотела с кем-то из нас поговорить наедине или выражение: «Ну, милая моя, это уже «моветон», когда она была недовольно кем-то. И вот однажды Мария Александровна пригласила нескольких учениц к себе домой. Не помню по какому поводу, скорее всего, обсудить предстоящие выпускные экзамены. Жила она на улице Алексея Толстого, в старом доме. Квартира была коммунальной, обычная квартира с темноватой прихожей и длинным коридором, но когда мы вошли в комнату Марии Александровны, то просто остолбенели. Все стены от пола до потолка были завешаны картинами, и какими картинами! Только в 60-е годы мы смогли увидеть подобные произведения — тут были русские художники начала века. Позже, вспоминая эти картины, я поняла, что видела у нее Серебрякову, Бакста и Добужинского, этих художников я люблю и запомнила их сразу. Помню, что Мария Александровна заметила наше удивления и пояснила, что ее дочь художница и в роду ее было много художников. Не менее картин нас поразили старые фотографии, на которых мы увидели сестер милосердия и врачей I-й империалистической войны, студентов и гимназистов в мундирах, военных с георгиевскими крестами. Хотелось расспросить о людях на фотографиях, но было неудобно. Предваряя наши вопросы, Мария Александровна пояснила, что на фотографиях ее родные, участники I-й империалистической войны, война была очень жестокой и было много жертв. Мария Александровна помолчала и предложила нам сесть за стол. В это время пришла ее дочь, весь ее облик был очень типичным для художниц начала века. На ней была шляпа с большими полями, шаль на плечах, удлиненная юбка. Как она только в метро, на эскалаторах не путается в таком одеянии, невольно подумала я. Дочь Марии Александровны спросила — пили ли мы чай, и стала доставать чашки из крошечного буфета. Чашки были прозрачные с тонким золотым ободком, к чаю подали кекс. Мы старались пить чай бесшумно, не дуть, не прихлебывать, не выливать его на блюдце, чтобы остыл, а спокойно ждать, когда можно

пить из чашек, не обжигаясь.

Этот визит к Марии Александровне запомнился мне потому, что он был контрастом с тем, какой старалась быть она в официальной обстановке. Я поняла, что за ее плечами стоит другая жизнь, другое время, что оно никуда не ушло, что в ее комнате мы встретились с русским искусством времен Чехова и Блока. Протянулась ниточка к нам из прошлого века и никакие «инженеры человеческих душ» ее не порвут.

Пожалуй, с этого и надо было начинать рассказывать о нашей жизни Павлу Александровичу и иже с ним.

Но кроме визита к Марии Александровне были и другие встречи и впечатления, позволившие нам почувствовать связь времен, сохранить в душе облик людей той, старой цивилизации.

В те послевоенные времена мало кто жил в отдельных квартирах, но даже комнаты в «коммуналках» сохраняли свою индивидуальность. Вы входили в такую комнату, закрывали дверь и попадали в другой мир. Так было, когда я пришла к Нине Николаевне Маковской, маминой коллеге, которая взялась преодолеть мою безграмотность и исправить мой ужасный почерк. В ее комнату я попадала, пройдя длинный коридор с рядом дверей, из-за которых порой выглядывали любопытные и неприветливые лица, когда, наконец, я входила в ее комнату, то с облегчением переводила дух и долго раздевалась, приходя в себя. В небольшой комнате Нины Николаевны ухитрились разместить громадные зеркала. Одно из них висело над овальным столом, за которым я занималась, первое время я все время глядела в него. «Нина Николаевна, как вы можете жить среди зеркал, вы ведь все время видите свое отражение, они следят за всеми вашими движениями!». «Да, нет, мой друг, я их не замечаю. Я привыкла к ним с детства. У нас во Владимире они висели в гостиной и в зале. Когда ставили елку в зале, она вся отражалась вот в этом овальном зеркале. Танцующие пары видели свое отражение в ней и старались танцевать как можно лучше!». Я представляла себе эту залу, блестящий паркет, елку, сияющую свечами, легкие, скользящие по паркету пары. Ах, как красиво, как весело, как легко. Я читала уже Чарскую и могла в мечтах уходить далеко, далеко в мир Лесовички и Людмилы Власовской... «Просыпайся, просыпайся», — говорила мне Нина Николаевна, пора диктант писать. Мама всегда спрашивала меня: «Как ты себя вела? Нина Николаевна человек благовоспитанный, она

ничего не скажет, но ты должна понимать, что она тратит на тебя время». Комната Нины Николаевны позволила мне представить обстановку конца прошлого века и красоту той далекой жизни.

Мои занятия французским языком еще больше расширили мой кругозор и помогли узнать, как жила интеллигенция творческая, работающая. Я попала в квартиру Мартыновых — брат Веры Васильевны, с которой я занималась, был одним из тех хирургов, которые оперировали Ленина после ранения в 1918 году. Квартира Мартыновых находилась на Спиридоновке в большом доме с лифтом, украшенном зеркалом. Вера Васильевна давала уроки французского языка мне и еще нескольким девочкам. Войдя в квартиру, я попадала в большую прихожую, уставленную шкапами с книгами, на верхних полках размещались образцы камней и бюсты ученых мужей и великих деятелей. В комнате Веры Васильевны в углу находился большой киот, полный икон и теплилась лампадка. Я не могла оторвать взор от киота. Я бывала в церкви с моей няней — Марией Антоновной, но киотов не видела. Занимались мы за столом, покрытым синим сукном, которое чистилось специальной щеточкой. Вера Васильевна была строгой, и я истово зубрила глаголы и выучивала стихи и считалки. До сих пор я помню эти уроки и не забыла французский язык. Под Новый год Вера Васильевна устроила нам праздник, мы ее ученицы выучили роли пьесы про «Красавицу и Чудовище», пели песенки и даже танцевали. Невестка Веры Васильевны накрыла на стол в большой комнате, мы торжественно уселись, мама одной из девочек испекла сладкие пироги. Получился чудесный праздник в этой старой квартире на Спиридоновке, праздник, который всегда помнится. Вот видите, Павел Константинович, были не только тяжелые времена, были и праздники.

* * *

Мало мы с вами разговаривали, Павел Константинович. Было бы больше времени, наверняка возникла бы тема возрождения церкви и возникновения в нашем обществе интереса к проблемам религии.

Каждый год в Москве проводятся Рождественские чтения, в которых участвуют не только церковные деятели, но и люди науки, и деятели культуры, и просто прихожане, активно участвующие в жизни церкви.

А ведь были времена, когда людей не пускали во время службы в церковь. Мне повезло, я встретила в начале

60-х Наталию Борисовну Черемушкину. Привел меня к ней мой коллега Миша Турчинский — ее зять. Она жила на улице Станиславского, в чудесной комнате, на стенах которой были картины и старые афиши, так как в роду были артисты. Большой портрет прекрасной дамы — матери Наталии Борисовны украшал эту комнату и создавал атмосферу праздника. Были и иконы в правом углу и чудесная фарфоровая розовая лампадка. Меня давно мучил один вопрос, мне хотелось найти людей, с которыми я могу пойти на праздник Пасхи в церковь. Быть одной в этот вечер было тяжело. И вот тут я спросила: «Наталия Борисовна, вы бываете на Пасху в церкви?». Она ответила, что бывает всегда в Церкви Воскресения Славушего на Успенском вражке. И когда я спросила можно ли мне присоединиться к ней и ее родным, она сказала: «Да, конечно, будешь на Пасху со мной всегда, пока я жива». С этого времени я стала постоянным участником этого торжественного дня и вместе с Наталией Борисовной каждый год стояла на заутрене в канун Пасхального воскресения. Мы приходили к ней в субботу вечером, она уже ждала нас. Комната была по-праздничному убрана, на столе стояли куличи, закрытые белой салфеткой, рядом блюдо с крашеными яйцами. Наталия Борисовна одета в темное платье с кружевным воротником. Мы направляемся в церковь, в Елисеевский переулок, церковь Воскресения Славушего на Успенском вражке, там рядом с церковью жили мои родные. Мы (ее дочь — Кира и я) держим Наталию Борисовну под руки и вместе с ней входим в храм. Иначе нас бы не впустили, так как впускали только пожилых, это продолжалось до середины 80-х годов. Начиналась торжественная служба и, когда возвещали «Христос воскрес!», все находящиеся в храме отвечали «Воистину воскрес!». Это был самый торжественный момент. Вся толпа вокруг храма участвовала в службе и отвечала на возвещение в едином порыве.

До сих пор мы посещаем этот храм в страстную субботу, сохраняя традицию и память о Наталии Борисовне. Вот так и получилось, что несмотря и вопреки обстоятельствам, многие из нас сохранили традиции русской культуры и духовного наследия.

Хочу только добавить, что в 70-80-е годы начал служить и благовествовать Отец Александр Мень, что помогло воцерковлению многих из нас, но этому следует посвятить отдельное повествование.

Борис ВОРОТНИКОВ

Жан-Локтист Мольер

Толпа кишит кишмя: кишки чуть не наружу прут, но всё ещё на месте. Отдельный индивид торопится попасть быстрее к заветному вагону, к заветной полосе, туда, где будет он стоять и, беспокойно отдыхая, мечтать о лучших временах, когда, в конце концов, он сможет отдохнуть. Спешит наш индивид в неведомые дали, во столь неведомые, что о них он сам не знает. Не видел никогда ни в яви, ни во сне. Но всё спешит, спешит, спешит, — и всё быстрее, не опоздал он чтобы. Куда — неважно, главное — когда: как можно раньше, причём как можно дальше. Стало быть, быстрее!

Отдельный индивид в такой горячке не смог бы обойти спокойно и одного другого индивида. Но если вспомнить, что таких, как он, — толпа, то можно нам представить, какая давка (нет: борьба!) за будущее место там завязалась в узелок. Толчки, потуги, вздохи, раздраженье, крики, почти пинки (до них не позволяет им дойти достоинство так называемое). И вместо тех пинков пихание локтями среди них имеет практику. Пихание вполне достойно, оно удобно также во всяком отношении, особенно по отношению к соседу, к которому оно и было применено. А посему пихания локтями встречаются везде и всюду, и, что замечательней всего, среди любого народа: и стар, и млад готов в любое время переложить с себя да на соседа своё ярмо при помощи локтя.

Но был один Локтист, которого прозвали так истории сей авторы, за то, что при своём отличии от всех чрезвычайном (он острыми локтями обладал), он никогда локтей своих на практике не применял. Не мог он почему-то локтём старушку ткнуть или младенца, быть может, потому что кишки наружу лезли у него (рвало его наружу, то есть) при каждом случае пиханья иного индивида. А если б сам он прикоснулся своим локтём к кому-нибудь, то в тот же миг бы умер от приступа сердечного. А посему привык Локтист ходить в толпе спокойно, аккуратно, при этом, чтобы не смотреть по сторонам, не видеть сцен насилия локтём чтоб, смотрел он вглубь себя и размышлял о чём-то.

16 Всё было ничего до времени-поры. Но вот пришла суббо-

та, все ринулись по дачам, Локтист же в этот день поехал книгу купить. Но лучше бы сидел он дома! Народу было в этот день так много, что наш Локтист не смог сидеть в своём мирке уютном, и проснулся. В тот самый миг услышал он потуги, вопли, охи, крики, увидел все толчки и пихи. И голова пошла у нашего героя кругом. Все мысли из мирка уютного смешались с будничной толпой, с её обыденной вознёю. И понесло Локтиста в потоке люда неведомо куда. Он изнывал от духоты, от жара, от криков и толчков. Но вот в один момент, когда толпа с особой силой напирала, Локтист не выдержал и, примешав в одно мгновенье сжавшиеся мысли, чувства, идеи из мирка ко всяким будничным и тошнотворным мызгам, в одно мгновенье вырвал из себя всё это раздражающе невыносимое наружу: он пнул локтём с огромного размаху прямо в морду, но не кому-нибудь, а в морду мира обычного, земного, не из головы который. Все в замешательстве остановились мигом. Всё застыло. Раскрыли рты беззубые старухи и младенцы. Ошалело на это дело выглянул милиции послушник — даже он. Не сразу понял он, что только что здесь было. А было то, что морду мира, его картину, картину мира то есть, прорвал Локтист своим локтём, и зазияла всем своим противным омерзеньем изнанка мира нашего. В тот миг лобой, стоявший близко к ране мира, пусть даже самый кощунственный или циничный, не смог спокойно заглянуть туда. Его тошнило. Оцепенение такое продолжалось не более минуты, но минуту ту все будут очень долго вспоминать, особенно свидетели прямые (те, кто стоят у самой раны). Людской поток, что сзади, всё напирал и прибавлялся, не мог согнать оцепеневших и застывших свидетелей трагедии. Не знаем мы, что было бы тогда, не пробудись от сна милиции послушник. Нажал он кнопку снизу под столом, и тот час же примчались люди в штатском. Они все входы и выходы прикрыли оцепленьем, свидетелей — на обработку тут же. Судьба Локтиста не ведома нам больше. С того момента растерянный Локтист пропал во времени и в пространстве. Дыру зашили, покрасили то место. Поэтому никто вам не покажет ныне место то, где была дыра, зияющая гноем и смердящая ужасной вонью. Так всё и было. Вы можете, конечно, спорить, но ведь вас там не было тогда (раз спорить вы решились), а я, точнее мы (все авторы сего рассказа), мы были там и помним всё, хоть и пытались нашу память с мылом вымыть.

Взрыв

Некогда твёрдый шаг стал робким ошупыванием. Он тем мягче, чем массивнее и тяжелее асфальт. Раньше я ходил и по нему спокойно, теперь — нет. Я не стар, как вы могли предположить, я молод и даже, можно сказать, в расцвете сил. Но удалю, а уж тем более бравадой, похвастаться не могу. Как и многие мои ровесники. Они тоже. И нельзя сказать, что бегать теперь невозможно. Наоборот, это, может быть, наиболее безопасный способ передвижения, но как-то не хочется. Нет настроения. Вот и небо оплакивает своё любимое солнце. Ему не хочется раскрываться и распускать тучи, кутаться в шустрые облака. Также нет настроения. Я делаю шаг. Ещё. Следующий. Хочу разогнаться и отбросить сомнение и страх. Но что-то каждый раз не позволяет мне это сделать. Обидно. Не за себя. Я-то ещё могу шагать в отличие от некоторых других. Похолодело. Закапавшие было сосульки снова замёрзли, капли застыли во льду и дрожат. Вспомнил я женщину. Где — не помню. Помню, сидела с опущенными руками и также застыла, также застыли слёзы в глазах и — дрожат. Взгляд устремлён в никуда. Просто некуда больше смотреть. Нет больше того, на которого, на единственного, на любимого — можно было смотреть. Смотреть и любить. Вот и небо. Небо тоскою покрылось и рыдает. Оно не стыдится уже ничего. Чего ему стыдиться? Что ещё быть дороже может — любимого солнца? Ничего! Я делаю шаг. Другой. И Третий. Четвёртый, чёрт бы его побрал! Ещё. И ещё. Следующий. Как бы мне-то сдержаться. Мне-то, казалось бы, нечего. У меня все на месте. Все здесь, рядом. Но шаг стал жалким ошупыванием почвы. Не выйти больше на широкую, людную улицу, где всегда много народу. Нет больше улиц таких. На тех улицах, как и на лицах — только лишь страх. Слёзы набухли, глаза покраснели, страх поменял я на гнев и на ненависть. Я хотел бы спросить, я хотел бы сказать, я хотел бы взять за грудки тех и этих. Да нет. Даже просто взглянуть. Посмотреть им в глаза. Пусть увидят. Пусть поймут. Хотя, я знаю, они поняли ещё до того, как начали эту игру. И увижу тогда я не понимание в сострадательных глазах, — нет! — лишь усмешку на лицах. Они смеются. Они хохочут. Злорадствуют, видя наш страх. Что же вы, сволочи? Сами вы трусы, раз перекидываете через нас свои сардинницы страшного содержания, адресованные не нам, а вашим — не нашим — врагам. У нас нет врагов.

У нас только братья. Братья и сёстры. Их стало меньше. С каждым днём меньше. С каждым разрушенным домом. С каждой раскорёженной станцией, с каждым вагоном. С каждой обезлюдившей площадью или улицей. С каждой весной. А вам всё равно. Жирные свиньи. Ненавижу. Сквозь ваш жир не пройдёт состраданье. Смех лишь может трясти массы жира. Только лишь он. Мерзкое ржанье свиней. Мрази. Твёрже шаг. Я пытаюсь. Твёрже шаг. Не могу. Твёрже шаг. Я рыдаю. Мне неподвластно тело моё, содрогающееся в мучительных родах слезы. Я ненавижу тех сволочей, что отобрали у всех нас право спокойно ходить, не оглядываясь, право свободно дышать, не задумываясь, право куда-то бежать, не сомневаясь в твёрдости нашего шага. Я ненавижу свиней, жиром заплывших. Ненавижу за то, что жир свой они укрывают нашими лицами, нашими жизнями, нашей потребностью в смехе. Я ненавижу их. Как и многие мои ровесники. Они тоже. Только лишь ненависть. Что ещё нам осталось? Что ещё можно предложить свинье, укравшейся сверху иль за углом? Твёрже шаг. Стисну зубы. Твёрже шаг. Им назло. Твёрже шаг. Прочь сомненья. Твёрже шаг и вперёд. Твёрже шаг. Взрыв! Я лечу. Прощайте. Но не бойтесь. Хотя бы здесь. Ведь два раза... не бывает.

Стройка

Нас не спрашивают, они просто приходят и делают своё дело, а потом говорят, что это мы так хотели; причём, что самое страшное, до сих пор для меня странное (я об этом не раз думал) и весьма обидное, — этому верят, этому многие верят. Наш род вообще доверчив, к тому же среди его добродетелей (впрочем, от которых он и страдает) ещё миролюбивость и кротость. Кстати, именно из-за них мы и ушли подальше от их суеты и населили окраины их города.

Редко расположенные дома — наша особенность — отражают уважение к традициям старины. Мы привыкли не мешать друг другу, и поэтому разносим дома на значительные расстояния. Многие утверждают, что мы слишком похожи в своих повадках на крыс, прячущихся каждая по своей норке. Но, во-первых, если они хотели нас обвинить в том, что мы слишком эгоистичны и самодовольны, то подобрали не лучшее сравнение, ведь крысы всё же в большой степени коллективны, а, во-вторых, даже точная аналогия была бы неверна: мы не укрываем-

ся друг от друга — мы друг друга уважаем. К тому же, мы весьма общительны, а взаимопомощь — неотъемлемая черта характера нашего рода. Кроме того, в походе в гости к другу, живущему от тебя за несколько километров, мы чувствуем некоторый шарм. Это оттого, что друг, которого ты посетил или тебя посетивший, более долгожданный и любимый, чем тот, которого ты можешь увидеть, зайдя в соседнюю дверь; тем более, шармом наполнено любое приятное церемониальное действие (а поход в гости — это ведь целый процесс, притом какой!). Но, хватит об этом. Любой интересующийся традициями нашего рода может обратиться к энциклопедии — ей можно доверять и она содержит достаточно полную информацию. Вернусь к главному.

Вначале в местах, нами населяемых, появились новые дома. Их обитателей мы приветствовали, они нам тоже были рады. Совместно мы прожили долгое время, не выражая ни капли неприязни. Скорее наоборот: мы даже помогали друг другу в сложные времена. Но с какого-то момента наши отношения охладели. Мне не известны причины этому, но это произошло. Что ж! Не грустить же мне из-за того, что чужаки стали ещё отчуждённее.

Этот холод длился очень долго, и я успел к нему привыкнуть. Всё было действительно как зимой: всё замёрзло, остановилось, ничего не менялось. Я даже полюбил этот холод — из-за него стало ещё приятнее сидеть с другом вечером у камина и разговаривать о чём-нибудь или просто молчать, покуривая трубку. Что за времена тогда были! Можно даже сказать, что я был благодарен чужакам за их холодность... Но зима кончилась, началось потепление. Наш род вообще, и я в частности, очень любил тепло, но в этот год мы должны были в нём разочароваться. Вернее, конечно, не в самом тепле, а в том, как оно повлияло на дальнейшие события.

Любой архитектор, да и вообще каждый уважающий себя инженер знает, что зимой нельзя ничего строить, а вот летом... его они не стали дожидаться, — и дома стали выстраиваться ровными рядами с такой скоростью, с которой грибы растут после дождя. А ландшафты!.. Раскинувшись на бескрайних просторах и являясь единственной в наших краях достопримечательностью, неповторимую красоту форм которой в состоянии оценить лишь человек, сжившийся и влюбившийся в неё, так же как красотой женского тела по-настоящему может любоваться лишь настоящий любовник, ландшафт, завора-

живающий переливами красок, переходами местности из лесов в поля, перегибами из равнины в холмы, наш любимый ландшафт безжалостно стирался с лица земли в прямом смысле этого слова, превращаясь в плоскость, на которую впоследствии ставились «петербургские» параллелепипеды. Мы молчали. Да и кто нас мог услышать! Эти шушукующиеся по углам людишки? Никогда. Тот, у кого нет собственной святости, не в состоянии уважать чужую. Оставалось сжимать кулаки и стискивать зубы. Через некоторое время я уже боялся выглядывать в окно. Там из ровных линий складывались параллели дорог и кубы домов, а в довершение всему, как бы в насмешку над нами, у перекрёстков стояли сверкающие домики, на некоторых из которых вместо их обычной вывески с названием красовались знаки вроде двух красно-желтых дуг, складывающихся в подобие буквы М, и тому подобные. Ну, а эти таракашки, трясушие своими лапками там, вдали, окончательно добивали меня — я задёргивал шторм с неприятным чувством в горле, зазывающим в туалет.

Выходил я на улицу крайне редко. Чтобы дойти до нужного мне дома, приходилось делать огромные крюки. Они смеялись, указывая мне на дороги, по которым якобы можно было быстро передвигаться, но на самом деле они ведь только лгали и издевались надо мной. По их дорогам бешено носятся автомобили, у которых достаточно мощи и наглости, чтобы смести всех и каждого на своём пути. Их дороги и живой человек — две вещи совершенно несовместимые. Моё тело покрывается неприятно холодными мурашками при одной только мысли, что через эти полосы жёсткого серо-чёрного асфальта, вытянувшиеся в бесконечность, надо перейти. Бррр! Тем временем дома множились, заполняя пространство. Мне ничего не оставалось делать, кроме как забиться в угловое кресло и читать любимые книги, кормя себя неверием в чужую победу. (У меня оставалась, по крайней мере, моя комната жёлтого цвета — последний оплот моего мира).

Итак, я сижу и читаю. Переворачиваю страницу и лёгким усилием двух негибких рук разделяю слипшиеся у основания ещё совсем белые, не чувствовавшие прикосновения пальцев листы нечитанной книги. Передо мной ровными рядами — от края до края — в раскрепощённом изяществе — буквы, возглавляемые — в самом начале — даже не каллиграфью, но резной, раскинувшей

свои завитушки заглавью художественного исполнения. Буквы мелькают, словно сносимые ветром, так быстро, что уже не следишь за этим балетом чёрного с белым. Мелькание постепенно прекращается, буквы меркнут, книги — нет, как, в общем-то, нет и всего окружающего. Чёрные балеруны, смешавшись, превратились в образы, краски, звуки; ты за ними наблюдаешь и получаешь несказанное удовольствие. Представление, конечно, не театральное, где живые актёры, но в том-то и прелесть, что видишь чью-то фантазию, пропущенную сквозь призму твоего сознания. Ни с чем несравнимое ощущение! Однако, я за всеми этими восторгами потерял нить повествования. Возвращаюсь к героям — они не слишком далеко ушли и даже, кажется, не заметили моего отсутствия. Но что это? Что за гнусность? Куда все они? Я их перестаю видеть. На руках у меня лежит книга, на книге — буквы. Пытаюсь ухватиться за них глазами, хочу хотя бы их не потерять, но, всё тщетно, и они покидают меня, с белой гладью листа начиная осыпаться от чьих-то мощных ударов. Что это?.. Это — стук! Но стук тот ломится не в дверь, не в стену и даже не в потолок или в пол он ломится, а в... окно! Вернее, конечно, окно не при чём здесь. (Простите, не в окно.) Но в землю. Окно же казалось землёю мне в то мгновение. В мою комнату (а здесь я должен отметить, что с комнатой этой я сжился давно, так что комната эта мне стала казаться моей головою, которую, впрочем, надобно было хорошенько прибрать), так вот, в комнату бесконечно жёлтого неразбавленного ничем цвета пытались забить... сваю! Да, да, именно сваю! Представьте: в моей голове находится свая; нет, нет, но вы только представьте: в мою голову забил кто-то сваю; представьте вы только процесс забивания в крошечную голову (говоря относительно, имея в виду объекты материального мира, конечно) огромную (учитывая, конечно же, то же) сваю! Это всё равно что представить, что останется от яблока после наступления на оное яблоко (всего лишь!) слона!!! Я бежал, бросив книгу. Но бежать мне не пришлось далеко (все пути уж отрезаны), и я констатировал: ужас. По моей недавно полюбившейся мне комнате гуляли гулливерских размеров грохот, шум, топот, хохот, лязг, визг, — и всё это — с стройки; стук забиваемых свай был для стройки стуком сердечным, без него немислима ни одна хоть малость себя уважающая стройка. Ну, а так как я не смог ужиться и минуты, нет, даже секунды с этим стуком, то и я рядом со стройкой — немислим...

Укрылся я в ванной, быстро захлопнув за собой дверь и повернув защёлку в закрывающее положение. Остатки грохота, шума, топота, хохота, лязга и визга, прошмыгнувшие под дверь и глядящие на меня с пола и потолка, пытаясь достать меня и здесь, были выгнаны прочь заворчавшей струёй воды, ставшей наполнять огромный сосуд ванны.

Как-то ни о чём не думалось, глядя на бегущую струю, ворчливо и проворно падающую вниз, словно бы крича: «Эй, там внизу, посторонись, да порасторопней!». В отсутствии мыслей приходится себя чем-то занимать, и я стал разглядывать сотни раз виденные мной предметы. Теперь они разгляделись. Через минут пять, глазами наткнувшись на бритву, я замер в безмолвии. Мы — я и она — пытали друг друга молчаливым ожиданием, затем я сказал: «Знаешь что, уважаемая? Нет, ты, видимо, не знаешь, так как если бы знала, не смотрела на меня так настырно. Ты мне нужна только для того, чтобы я брился по утрам, а твоё нынешнее предложение оставь при себе, я о нём никому не расскажу, не беспокойся. Если бы ты знала, что в эту самую минуту таких, как я, в таких же ваннах — не один и не два, а... да, конечно, я не знаю, сколько именно, но они точно есть, должны быть, их не должно не быть. И каждый из них сможет отбросить шум и лязг, как вот теперь я отбрасываю тебя, ничтожная. Я не сдаюсь, так и знай, так и передай». — «Кому?» — хотела было она... но я не ответил.

Так я говорил тогда в ванной. Я так говорил, потому что верил своим словам.

Когда я вышел из ванной, стук приутих, но не исчез окончательно. Итак, что же делать? Что мне было тогда делать? Пробираться сквозь уличные потоки, сквозь кипы нагромождений, сквозь адский грохот стройки не представлялось мне возможным. Что ещё у меня было? Телефон? К нему, этому умерщвлённому с их — внешней — и моей — внутренней — стороны аппарату, я относился как к ненужному излишеству. Однако, теперь мало на что можно было надеяться, поэтому я не стал пренебрегать единицей, отделённой от нуля знаком плюс. Впрочем, как оказалось впоследствии, зря я не стал пренебрегать этой злосчастной единицей, повергшей меня почти в отчаяние. Эта единица оказалась отравленными яствами, вероломно предложенными с улыбкой на лице голодному человеку. Лучше бы я не крутил кругляшки, лучше бы он, этот ничтожный тренькающий аппарат, продолжал

бы валяться там же, где я его отыскал. Впрочем, он-то как раз ни в чём не виноват. Меня убивало то, что я слышал в трубке. Казалось, голоса моих... друзей... кто-то отобрал и властно присвоил себе. Самих друзей не было, были лишь их голоса. Даже слов не осталось, тех самых слов. Я был удручён...

Что же делать? Куда передвинуть фигуру гонимого вражеской кавалерией, слонами и ладьёй короля? Где есть ещё хоть одна клетка, недостижимая для вражеской армии? Я её нашёл. Но чего мне это стоило? Я израсходовал почти всё отведённое для меня время, изнервничался, измотался, но нашёл. Точнее, мне что-то подсказало (иначе я бы не смог найти в таком нервном состоянии то, что искал). Но результат от этого не меняется: клетка была найдена. Впрочем, это была единственно свободная клетка, больше — нет.

Не прошло и минуты, как я уже сидел за своим письменным столом, держал в руках перо, взмакиваемое в чернильнице, на плече у меня — притихший шум, таращащийся глаза на белый лист бумаги, разложенный тут же, грохот смотрел из-за спины, хохот, лягз и визг веселились в сумасшедшей игре, а топот всё потаптывал, да грозил их растоптать, если те не успокоятся. Но я не обращал на них внимания, и выводил извилистые буквы и знаки. Не знаю, как наш род, а я так очень люблю письмо: в буквах, написанных чьей-то рукой можно найти гораздо больше, чем в строгом машинописном тексте: в завитушках — плавных или резких, — в плотности букв, в скорости письма, определяемой косвенно, и в самых разных мелочах можно увидеть не только общее — что (это нам даёт и типография), но и индивидуальное — как. Итак, я сижу и пишу, постепенно начиная не замечать тех, за спиной. Они, конечно, есть, от них никуда не деться, но это уже не мешает мне писать. «Писать», — громко сказано (что в обстановке моей жёлтой комнаты звучит довольно странно), но у меня действительно не получалось письма. Хотелось силы в буквах, но откуда ей взяться? Конечно, силы не было (в этом я убедился при повторном прочтении), но это то, что сейчас читаете вы, — единственное, что у меня осталось. Есть ещё, правда, слабая, еле уловимая надежда на пат, в случае которого королю хоть и некуда идти, но он не проиграл, а, скорее, наоборот.

ВОТ ВЕДЬ КАКАЯ НАСТАЛА ПОРА

* * *

Дожил дурак дураком до седин.
Нынче один — вроде анахорета.
А вместо водочки — валокордин.
А вместо девочек — муть Интернета.

Вот ведь какая настала пора,
Вот ведь какая, скажи, незадача:
Если сумел дотянуть до утра,
Значит тебе улыбнулась удача.

Четко работает почта небес.
Сердце колотится точно в аврале.
Видно, архангелы шлют SMS.
Лучше бы все-таки не присылали.

* * *

А человек точно мошка.
А путь-дорожка коротка.
Ах, коротенька путь-дорожка
От мальчика до старика.

А все же человек огромен,
Велик, огромен человек.
Как, например, Андрей Коровин,
Как мой отец, как Таня Бек.

* * *

Тетка с косою приходит непрошено —
Стол накрывай второпях...
Тихое слово Валеры Прокошина
Нынче звучит в небесах.

Лучшим поэтам немного отмерено
Лет и удачливых дней.
Тихое-тихое слово Валерино
Все почему-то слышней.

* * *

Т. П.

Не льстился на елей — любовью.
Не верил ничьему злословью.
Я был распят — самим собой.
Своим грехом. Своей любовью.
Своею песенкой смешной.
Своим нездешним пульсом адским.
Своей славянской душой.
Своим прищуром азиатским.

* * *

Дробит на части капитал
Мозги и слабенькие страны.
И человечек снова мал.
И вновь зализывает раны.

И — в телевизор погружен —
Стремится жизнь узреть иную.
А телевизор, как шпион,
Ведет работу подрывную.

Но если кто-нибудь решит,
Что мир в руках пройдохи беса —
Над тем заплачу я навзрыд,
Ведь тот не понял ни бельмеса.

НАДЕЖДА

Не грусти, дочь моя, что отец твой небросок.
У отца за спиной пара крепеньких крыл.
Если жизнь — это пачка смешных папиросок —
Может быть, я покудова не докурил?
И сознания груз не убийственно тяжек,
И надежда на вечность, как прежде, дана.
Остается — Бог даст! — еще много затяжек.
На худой же конец — остается одна.

ЭСКАЛАТОР. ПЕЧАЛЬ

Городской народ
По делам спешит:
Кто-то вверх идет,
Кто-то вниз бежит.

Кто-то увидал
Два зрачка родных.
Больше никогда
Не увидит их.

ОН

И кричали: «Брависсимо!»,
И рычали: «Ты псих!»
Только он независимо
От суждений людских,
От суда-пересуда,
Пересуда-суда
Шел
Незнамо откуда,
Шел
Незнамо куда.
Перед ним города
Простирались и страны.
Был в дороге всегда —
Отрешенный и странный.

* * *

Не ведая правды Еккле-
сиаста, я мыкался в бездне
иллюзий — торчал на игле
любвонной — сладчайшей! —
болезни.

Я выжил. Отныне из жил
моих можно делать канаты
для ринга. И все-таки жаль
утраты
иллюзий, иглы... Этот мир
теперь не сияет, как раньше.
Он полон иронии, точно Сапгир,
и скуп, как заморские транши.

* * *

Выдумка, тщеславие, мура.
Призрачная, зряшная победа.
Глупая отвага комара,
Севшего на щеку людоеда.
Боже мой, о чем я, да о ком?
Словеса твердеют в укоризне.

Подступает к горлу влажный ком.
Я не о своей ли, часом, жизни?

* * *

Кто программист?
Сама Природа.
Вот рядом
Ева
И Адам.
Программа сохранения рода —
Сильнейшая из всех программ.

Одни
В малюсенькой квартире.
Вдвоем.
Нага.
И он раздет.
Что есть таинственнее в мире?
Спроси — и я не дам ответ.

* * *

На ринге под-со-знания
Боксеры в стойку встали —

Законы выживания
И правила морали.

Кто победит? Пророчества
Любые стоят мало.

И все ж смотреть не хочется
В себя — душа устала.

ОКРУЖЕНИЕ

Сладкая Лера — отравка.
Хваткий Валера — бандит.
Только деревьям и трава
Я нараспашку открыт.
Страсть промолчит о рассудке.
Дружба сокроет расчет.
В эти холодные сутки
Только печурка спасет.

Татьяна ПАЦАЕВА

«СКОЛЬЗЯ ПО ПАМЯТИ ЗЕРКАЛЬНОЙ...»

* * *

Жизнь сегодня прекрасна вдвойне,
В её взгляде и блеск, и веселье,
И она обернулась ко мне
Изумительной фотомоделью.

Надо правильный ракурс избрать
И под внутренний шум дифирамбов
Попытаться отснять её статью
На бумагу с эмульсией ямбов.

* * *

Кружат кривые чудеса,
скользя по памяти зеркальной,
а я держусь за небеса,
чтоб быть предельно вертикальной.

* * *

Летела весёлая ведьма
Над лесом, любуясь собой,
И косы расплавленной медью
Блестели под полной луной.

Летела к сестрицам и братьям
На шабаш, беспечный и злой,
Лохмотья цветастого платя
Взвивались над жёлтой метлой.

И ведьма визжала от счастья,
А тень её в свете луны
Стремительной кляксой всевластья
Ломалась о кочки и пни.

И пахло крапивою свежей,
Сорняк наливался в саду,
Лягушки хихикали нежно
В оливковом топком пруду.

* * *

Я летала в золотистом и мерцающем тумане
над пространством узких улиц, скверов, крыш
и площадей,
я вытягивала руку, а другую прижимала
плотно к телу — так удобней, чтоб лететь ещё быстрее.
Налетавшись, опустилась на балкон свой очень плавно,
небо сильно потемнело, над балконом — шар луны,
я от радости устала после той прогулки славной,
и хотелось мне отвлечься от красивой тишины.
Я тогда смотреть старалась на балконный хлам
ужасный,
но бутылки так мерцали, как глаза зелёных фей,
старых мужниных ботинок тень ложилась
так прекрасно,
будто замок королевы из давно минувших дней.

* * *

Проследишь ли изгиб геральдической линии
Через призму разрушенных лет,
Если линии судеб чернилами синими
Вдоль судебных запутали след?

Чистой линии призраком звук металлический
Замирает в пустых казематах.
Ты не знаешь, как звали прабабку в девичестве.
Что ты видишь над стёршейся датой?

* * *

Кот наяривал на скрипке
Во главе приват-оркестра,
Управлял оркестром гибкий
И отличный хвост маэстро.

Флокс топорщился бумажно
У козла под барабаном,
Гусь-эстет брэнчал вальяжно
На вспотевшем фортепьяно.

Хрюша так воссоздавала
Стиль «гопак» и «варьете»,

Что контральто разрывало
Третий ярус декольте.

Гости тоже голосили
В упоеньи доброй пьянки
И коту преподносили
Смачный ковшик валерьянки.

Валерьянка повисала
Янтарём на рыжей морде,
И смычок звенящим жалом
Изнывал в мажор-аккорде.

А черёмуха казалась
Ароматной мелеманкой
И азартно состязалась
И с козлом, и с валерьянкой.

Ах, ты, господи! Ромашки
Хохотали, как кокотки.
Поглазеть сползлись букашки
С огородов всей слободки.

Полстолетья с той гулянки
Вспоминал народ с улыбкой,
Как, сдурев от валерьянки,
Кот наяривал на скрипке.

ШАВАСАНА

Сыплется мелкий песок
в колбе песочных часов,

Ветер в положенный срок
поднял вуаль облаков.

Лёжа на ветхом ковре,
вижу под веками тьму.

Небо спустилось ко мне
я поднимаюсь к нему

И в глубине голубой
прану вселенскую пью,

И соглашаюсь с судьбой
на золотую ничью.

Лотос раскроется в срок
в чаше прозрачных лесов.

Сыплется мелкий песок
в колбе песочных часов.

Дмитрий КУРИЛОВ

«В ШАГЕ ОТ ПУСТОТЫ...»

*****

Соблазны тают белоснежками,
Зудят созвездья комарья,
И подрастают сыроежками
Мои продрогшие друзья.

Глотнув холодного и синего
Пространства, догоняя мысль,
И я расту, как подосиновик —
Хоть вкривь да вкось, но всё же ввысь.

В усталый день откуда брошены
Навстречу зыбкой синеве? —
Хорошие, мы все хорошие,
Проросшие и непроросшие,
Запутавшиеся в траве.

Нас время, как грибник, уверенно
Срезает в самую жару,
Оставив лишь стихотворения,
Чернеющие на ветру.

*****

Нас не мочат, не глушат,
Не ведут на расстрел.
Нас, наверно, засушат,
Как траву чистотел.

24 И воспитанный в лести,
Равнодушный к стихам,

Сложит новую песню
Торжествующий хам.

В ней ни ноты, ни звука
Музыки и Тишины,
Лишь морока и мука
Вдрызг оглохшей страны.

*****

Спой мне... невыразительно...
тихо... как дождь поутру...
грустно — но не пронзительно,
иначе я просто я умру...

за полчаса до отчаянья...
в шаге от пустоты...
спой... три минуты молчания
сердцем, как можешь лишь ты...

Не мельтеша, не мурлыкая,
твёрдо — как смерти в глаза,
спой, что другие, курлыкая,
так и не смеют сказать...

милая, добрая, славная,
в шаге от смертной черты
спой мне... про самое главное...
молча, как можешь лишь ты...

Спой... сделай так, чтоб услышал я,
оцепенев на краю...
чтоб обязательно выжил я,
вышептав песню твою...

чтоб падало... сквозь расстояния...
сквозь губы и руки твои...
чёрное солнце отчаянья
в красное море любви...

*****

Бессмертие нам так и не вернули...
Не всё ль равно — в Москве ли, в Барнауле,

в постели, в кресле, на полу, на стуле,
в беспамятстве, в почётном карауле —
метнётся пташка, разобьётся чашка,
затянется последняя рубашка,
качнётся в сизый мрак многоэтажка,
заплачет кошка — и, привет, Кондрашка!
Так, ни о чём, живёшь, пыхтишь, бормочешь,
поёшь, потеешь, хочешь и хохочешь,
пойдёшь поешь, покуришь, опьянеешь,
засветишься и снова потускнеешь.
Так на фига педали и медали,
которые нам черти недодали.
Вокруг сияют звёзды, блещут дали,
И столько воли, боли, пасторали...
Приплыли. Снизлошли. Не повезло.
И в каждой клеточке Добро и Зло.
Хохочет хахаль. Женится жених.
А я стою, как ряженный, меж них.
Невеста в белом. Дьявол в голубом.
И вечный путаник с высоким лбом...
О, обезьяны! Сколько в вас игры!
О, сколько солнца в капельках икры!
Я действую. Я открываю рот.
и пахнет мир, как свежий бутерброд!

Александр ВОРОБЬЕВ, Орел

КРАСНЫЙ ПОВОДОК

Видимо, природе необходимо было создать человека, чтобы кто-то оценил эти вечные превращения. Вот смотри: вчера еще ветер свирепствовал, снег сыпал, а сегодня весь воздух наполнен весной. И дышится по-другому, и чувствуешь себя бодро. Природа старается, — лениво выговаривал, шурясь от теплых лучей солнца, молодой мужчина, сидя на лавочке в сквере.

— Да наплевать ей на нас с тобой. И до человека так все происходило. Случись что с людским родом — ничего не изменится. Любая букашка, травинка природе роднее, чем человек с его атомом, химией, машинами и прочей цивилизацией. Мы как опухоль на теле Земли. Боюсь, что злокачественная, — парировал его друг, сидящий рядом.

— Ну ты, брат, пессимист. Не любишь, видать, живых

существ и очень низкого мнения о человеке, — философствовал первый.

Мимо лавочки к реке пробежала стая собак. Казалось, тут были представители всех известных пород, только какие-то утрированные. Впереди тяжелыми прыжками переваливался огромный лохматый пес. Отмыть бы его, причесать — вылитый сенбернар получится. Три поджарые собаки, несшиеся следом, напоминали гончих. Парой держались две овчарки. Следом катилась сплошная серо-белая масса. Последней семенила, перебирая маленькими лапками и оглядываясь, некогда белая, а сейчас сплошь грязная болонка.

— Слушай! А я заядлый собачник. Не рассказывал тебе? — сменил тему первый. — Да, я ведь болонку держу. Утром и вечером обязательная прогулка. Она у меня, как принцесса, на постели спит. Смешная, но преданная. Никакого звонка в квартире не надо. Как кто к двери подойдет — сразу лает. Укусить не укусит, а шуму наделает. Постой-ка, — перебил сам себя любитель природы, — никак за последней поводок тянется. Ну да, красный.

— Убежала, дура. Вот хозяевам горе, — констатировал его приятель.
— Надо посмотреть, — сказал собаковод, поднимаясь.
— Куда ты? Загрызут! У них сейчас самые «свадьбы» начались, лучше не подходи.
— Нет-нет! Не выведена еще порода собак с красными поводками.

Он осторожно стал приближаться к сбитой в кучу стае. Собаки, вначале не обращавшие внимания на прохожего, заволновались и предупреждающе зарычали.

— Маленькая, иди ко мне, — присев на корточки, стал он подзывать обладательницу красного поводка.

Болонка остановилась и, поднимая кверху то левое, то правое ухо, стала прислушиваться. Сначала неуверенно она сделала один шагок в его сторону, присела, потом еще один, а после как бы нехотя, оглядываясь на стаю, все быстрее засеменила к нему. Остальные собаки, поняв, что им опасность не угрожает, а приблудившаяся собачонка — не велика потеря, продолжили свой путь — А псиной-то несет! Недельку, видать, бродяжничаешь. Весенний блуд от хозяев погнал, — приговаривал мужчина, стараясь расстегнуть шлейку.

Собачонка вдруг запрыгала, радостно повизгивая. Видно было, что процедура надевания и снятия поводка ей хорошо знакома и напоминает дом, тепло, еду, заботу.

Она вставала на задние лапки и старалась заглянуть в лицо незнакомца. Наверное, он знает тех, кто стал для нее самыми любимыми людьми на свете, кого она предала, подчинившись вечным инстинктам, и сбежала, оставив в горе. «Ну отведи меня скорее к ним. Я хорошая, я больше не буду», — молили ее глазки.

— Ну так и есть! Югославское производство! — закричал, вставая с корточек, мужчина, размахивая над головой красным поводком. — Смотри, тут и бирка сохранилась. Знатная вещь! — продолжил он, направляясь к другу.

Собачонка обиженно твякнула, бросилась за удаляющимися ногами, потом легла, положив голову на вытянутые передние лапы, и заскулила.

— Да подожди ты! А как же она? Зачем ты снял поводок? Ведь теперь ее никто никогда не найдет, не сможет отличить от других таких же грязных и бездомных собак.

— Сказано же. Я — собачник. Мне как раз такой поводок нужен. Грязноват, правда, но отмоем.

ПОЛЕТ ЛАСТОЧКИ

Переполненный вагон пригородной электрички. Нагруженные мешками и сумками сельские жители возвращаются домой. Изрядную часть составляют дачники. Они более опрятно одеты, у многих в руках лопаты, тяпки. Теснота жуткая! Не только яблоку негде упасть, а, кажется, выдохни воздух из груди — и вздохнуть уже не сможешь.

Остановка. Но людей не только не уменьшается, а еще новые пассажиры пытаются идти на штурм вагона. И вдруг в открытые двери влетает ласточка. Стремглав проскочив по инерции небольшое пространство и встретив преграду, она ошалело заметалась по небольшому вагону. Хозяйка небесных просторов оказалась пленницей.

— Вот попалась, птичка! Стой, не уйдешь из клетки! — весело зарычал нетрезвый бас с переднего сиденья.

Но сразу же со всех сторон на него зашумели, стали стыдить.

— Беда-то какая! Разобьется!

— А ведь у нее, может, детки малые в гнезде остались. Уведем ее с собой — как потом дорогу отыщет?

— Надо поезд остановить. Где стоп-кран? — слышались сочувственные голоса.

— Птичку жалко, — продолжил было острить все тот же нетрезвый бас, но под дружным взрывом негодующих

голосов быстро замолк.

Ласточка продолжала нарезать круги по вагону. Теперь она уже не билась о стены, а летала на большой скорости по одной и той же траектории. Ей бы взять немного ниже, и тогда на пути окажется пустота открытых дверей. Но сотня повернутых вверх голов, десятки поднятых рук пугали, и птица продолжала кружить под самым потолком.

— Воробей быстро утомляется, а эта сильная, еще держится.

— Окна! Давайте окна откроем!

— А я говорю — стоп-кран надо рвать, пока поезд не тронулся.

Общее действие, единое сострадание сплотили пассажиров. Еще недавно стоящие смотрели с завистью и раздражением на сидящих, а теперь были как родные.

— Давайте часть вагона перегордим! Ей легче будет найти путь на волю, — слышалось предложение.

Там, где минуту назад невозможно было пошевелиться, мужики карабкались друг другу на плечи и снятыми пиджаками загоразживали пространство.

Наконец, как бы догадавшись, что от нее требуется, ласточка резко упала в проем двери и, не задерживаясь в тамбуре, вырвалась в родную стихию. Вдох облегчения пронесся по вагону.

Тронулся поезд, и летящая за окном птица застыла на месте, сопровождая состав.

— Вот это по-людски. Птичку божью спасли, — мелко крестясь, запричитала женщина.

— Однако ж операция прошла успешно. Еще минута — и было бы поздно: поезд пошел бы, — сделал вывод интеллигентный мужчина, сидящий у окна, где пропадала вдали ласточка, ставшая точкой на горизонте.

Общее оживление пассажиров от проявления собственного милосердия продолжалось.

..Стиснутый со всех сторон чемоданами, рюкзаками, спинами стоял в проходе одноногий инвалид. Руки его, держащие костыли, покраснели от напряжения. По лицу тек пот, а может, слезы — рассмотреть было невозможно; электричку качало.

Алексей ГРАВИЦКИЙ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Первый.

Завязший грузовик натужно урчал мотором. Вертящиеся вхолостую колеса почему зря месили грязь.

— Ну, как там? — гаркнул, перекрывая шум двигателя, водитель.

— Дохлый номер, — Андрей отпустил борт грузовика и отошел на пару шагов. Мотор умолк, водитель спрыгнул на землю.

— Да, застряли, — оценил он ситуацию и с тоской в глазах запустил пятерню в карман.

— Застряли, — кивнул Андрей.

— Ты курить будешь? — спросил тот, вынимая руку из кармана.

— Угощаешь?

— Держи.

Курили молча, но не без удовольствия. Андрей курил с особым наслаждением, которое не каждому дано понять.

— Морозов?! — голос прозвучал резко, но в нем сквозило удивление.

Он вздрогнул, услышав свою фамилию, голос... Голос был знакомый. Гришкин голос. Гриша Степаненко, дружок любезный. Господи, как давно это было. Он повернулся.

— Морозов!!! — вопль не заставил себя ждать. На этот раз никакого удивления, никакой неуверенности. Радостно и громко.

Гришка несся к нему большими скачками. Накинулся, прежде чем он что-то успел сообразить. Андрей еле удержался на ногах.

— Морозов!!! Андрюха!!! Щучий хвост!!!

— Гришка! — Андрей обнял старого приятеля, хлопнул по спине, чуть отстранился. — Здравствуй, Гришаня.

— Здравствуй, — улыбнулся Гришка. — Рассказывай. Как ты, что ты... нас-то передислоцировали. А ты здесь как?

— Я из плена, Гришенька.

Степаненко отстранился, посерьезнел резко, будто и не визжал только что, как щенок.

— Понимаю, — ответил как-то сухо. — Тяжело это. И что дальше? Куда намерен?

— На фронт.

— А мы и так на фронте, — Степаненко завертелся, словно ему в зад шило воткнули. — Тут до немцев доплотить можно. Да ты и сам пооди знаешь.

— Знаю, — нахмурился Морозов. — Так я ж не просто так. Я ж воевать хочу.

Гриша нахмурился.

— Ты вот теперь командир, — Андрей покосился на Гришкины погоны. — Возьми меня к себе.

— Нет! — резко выпалил Гриша. Впрочем, тут же взял себя в руки и сказал уже спокойнее, хоть и с небольшой заминкой. — Не могу я. Не решаю я ничего. Здесь как начальство прикажет.

— Да ты без начальства, Гриш, — улыбнулся Морозов. — Ты ж сам командир. По дружбе, а? Гриш?

— Не могу, — постеснявшись отозвался Григорий. — Сам понимаешь... Без приказа на линии фронта никак. И тем более ты оттуда...

— Откуда? — не понял Андрей.

— Со стороны идеологического врага, — казенно отчеканил Степаненко и быстро пошел прочь.

Пару лет назад Андрей, наверное, поднял бы шум, назвал бы Степаненко сволочью и больше никогда бы не стал иметь с ним дела. Сейчас же Морозову было все равно. Он лишь успел подумать, что Гришаня по-своему прав... Наверное... В чем-то. И уж точно его можно понять.

Второй.

Дом был пуст. Это стало ясно сразу. Но все равно приходилось осторожничать. Потому осторожно обошли первый этаж, осторожно заглянули в подвал, а теперь осторожно полезли на второй этаж. Ступали тихо, так что бы никто не заподозрил, что в пустой дом закрался кто-то. Мерзко скрипнула паркетина. Ганс замер, точно зная, что противный звук возник не под его ногой. В десятке шагов застыл Фриц. Некоторое время они так и простояли, словно восковые фигуры из музея. Потом Фриц ослабилась, прошел вперед, поднял с пола стул и расслабленно опустился на сидение.

— Ruhe, Hans! Hier gibt's niemanden!

Ганс и сам прекрасно понял это, но играть с огнем не хотелось.

— Se immer vorsichtig, mein Freund². — отозвался он.

— Keine Angst, — повторил Фриц. — Das ist unser Land!³

— Das ist nicht unser Land, — Ганс устало опустился на пол. Уже ничего не хотелось, только сесть прямо здесь, а лучше лечь. И заснуть.

— Und es war nie unser! Wir konnten es für unser halten, wenn wir angegriffen haben, wenn wir diese Russen in den Schmutz gezogen haben. Und jetzt wir ziehen uns zurück. Und die Russen sind überall: hinten und vorne. Dort sind die russischen Soldaten, und hier ist das erhobene russische Volk. Meinst du, sie haben vergessen wie wir sie in Schmutz gezogen haben?⁴

— Sagt das der Soldat des Führers?⁵ — грустно хмыкнул Фриц.

— Das sagt der Mensch, der die Ansätze der Vernunft im Kopf hat und nicht nur Vorschrift und billige Losungen.⁶ Фриц насупился, но ничего не сказал. Ганс прислонился к стене и сомкнул веки. Сейчас ему было плевать на русских, немцев, фюрера, Сталина. Вообще на все. Хотелось только закрыть глаза и спать.

Первый.

К взводу Степаненко его все же приписали. Андрей принял это как должное. Не обрадовался и не расстроился, просто принял. Гришка тоже принял. Причем вел себя так, словно неприятного разговора между ними и не было.

Командир взвода говорил что-то, рассказывал, комментировал, таская Андрея за собой. А Морозов молча кивал, отстраненно улыбался и думал. Думал о том, что он, наверное, просто повзрослел. Вырос, потому что прошел через все круги ада. А Гришка не прошел, потому и остался мальчишкой. Хотя нет, тот Степаненко, которого он знал, никогда бы не опустился до подобного.

Значит, Гриша тоже изменился, тоже повзрослел, только по-другому. Интересно, почему так произошло? Вроде не тыловик, вроде на передовой, где в цене другие человеческие качества... Или нет? Или некоторые качества ценятся везде? Во всяком случае, с некоторыми качествами везде пролезешь, отметил для себя Морозов.

Комната, в которую Андрея устроили на постой, была на удивление светлой и чистой. В каждой вещи, каждом половичке, том, как они лежали, чувствовалась скрупулезная дотошность. Морозов огляделся, прошел по комнате, остановился возле тахты. Над аккуратно застеленной

кроватью к стене был приколот вырезанный из газеты портрет Гитлера.

— Это что же другой кандидатуры достойной не нашлось?

— Так еще недели не прошло, как здесь немцы стояли, — пожалла плечами хозяйка.

— А что ж не сняла?

— Не знаю, — женщина снова повела плечами. — Внимания не обратила. Привыкла уже.

Второй.

Ему снился мир. Маленький домик, садик. Море цветов и солнца. Он сидел на грядке с большим никелированным секатором и подрезал усики у клубники.

— Ора Hans! Ора Hans!⁷

Он поднял голову. От дома к нему несло что-то маленькое, воздушное, белоснежное.

— Ора, siehst du was für ein Kleid ich an habe!⁸

«Почему дедушка? — пронеслось в голове. — Я ведь даже не женат». И сразу пришло осознание, какое приходит только во сне. Да дедушка, вернее уже прадедушка. Потому что Катрин его правнучка.

— Siehst du⁹, — радостно прошептала девчужка.

— Ah, du mein schönes Mädchen!¹⁰, — он поднял ее на руки и тут же пожалел об этом. Неприятно сдавило грудь, отозвалось болью в спине, а маленький ребенок, та кроха оказался непомерно тяжелым. Когда опустил правнучку на землю, руки ходили ходуном, хуже, чем с похмелья.

— Mein Vater, meine Mutter und ich gehen zu Besuch! Siehst du wie schon ich bin!¹¹.

— Du werdest die beste sein! Im Vertrauen gesagt, hat deine Oma so ein Kleid vor Krieg gehabt! Wie bei der kleinen Prinzessin, — он взял ее за руку и потянул в сторону дома.

— Ich habe ein Foto. Gehen wir, ich zeige es!¹².

— Gehen wir, Ора, — обрадовалась девчужка. Потом вдруг остановилась и серьезно посмотрела на прадеда: — Und was ist Krieg?¹³

Первый.

— Ко всему привыкаешь, — хозяйка говорила тихо. — От мужа давно уж писем нет. И от сына никакой весточки. Но я привыкла. Привыкла ждать...

Андрей молчал. Слушал вполуха, кивал и молчал. А что ему было рассказывать? Не мог же он рассказать женщине, живущей ожиданиями и надеждой. Как они рыли траншеи. Как им дали лопаты и заставили копать. Копали сутра до ночи. На третий день мужик, что работал рядом с Андреем, не выдержал и попросту повалился на землю.

Те, что работали рядом, замерли. Грязные, оборванные с лопатами, смотрели на несчастного без эмоций. К повалившемуся без сил мужику коршуном подлетел немец, гаркнул что-то во всю глотку. И Кацо чуть шелохнулся, а подняться не может. Андрей вдруг подумал, что даже имени настоящего этого грузина не знал. Мужики его Кацо звали... но так, за глаза. А тот не обижался.

Немец оборался, охрип даже. Тут второй подбежал. Этот уже не церемонился, раз-другой ногой поддых саданул. А Кацо лежит, только скорчился чуть, но видно, что и на то у него сил уже нету. Фрицы его попинали, поглядели, что мужик совсем плох. В яму свежевыкопанную скинули, да землей закидали прямо живого.

Андрей вздрогнул. Теперь уже никогда не забыть, как это было. Кацо лежал внизу скрюченный, а сверху падала земля. На тело, на руки, на лицо... а потом... Потом, на следующий день, когда работы уже заканчивались, Андрей упал на землю. Рухнул и лежал, подрагивая в конвульсиях. На него особенно не орали. Почти сразу стали бить. Пинали ногами со всей силы. Орать в пору было, а Морозов лежал молча. Даже не корчился особенно, прям как Кацо. Били его долго, как в яму спихнули, он уже и не чувствовал почти. Потом сверху земля посыпалась. Вот тут ему Кацо во всей красе вспомнился и так жутко стало. Но теперь уже было поздно что-либо менять, и он лежал, ощущая, как земля сверху становится тяжелой, как нечем становится дышать. Как выкопался, Андрей не смог восстановить в памяти. Он помнил только, что рыл и боролся с паникой. А когда ни на панику, ни на борьбу сил уже не осталось, он был далеко...

Морозов тряхнул головой, отгоняя жуткие воспоминания. — Прости, хозяйюшка, — поднялся он из-за стола. — Пойду я спать.

Второй.

Ганс проснулся сидя на полу, привалившись к стене. Вокруг было темно и тихо. Он долго пытался понять, где находится и что происходит. И только тут сообразил, что

садик, грядки и правнучка были всего лишь сном. Однако сон был настолько ярок, что Ганс готов был поклясться в том, что так на самом деле все и будет. Потому что таких снов не бывает, потому что во сне не чувствуешь запах земли и вкус клубники. Потому что во сне не прихватывает сердце и не крючит радикулит. Значит, это был не совсем сон, просто он, Ганс, видел будущее, был в будущем.

Ему вдруг захотелось попасть туда снова и надолго. Чтобы успеть показать правнучке фотографии своей жены. А потом поглядеть на родителей девочки, ведь один из них его внук или внучка. Вот интересно, кто?

Немец закрыл глаза и попытался заснуть, но сон не шел. Когда же он все-таки начал проваливаться в дрему, перед внутренним взором возникла совсем иная, неожиданная картинка. Он увидел белобрысого солдата в советской форме с изможденным лицом. Тот стоял перед ним набычившись и глядел тусклым взглядом умершего душой человека.

— Что с тобой, Андрес? — спросил его Ганс по-русски.
— Я не хочу такого будущего, — названный Андресом протянул ему пистолет и тихо, на грани слуха добавил: — Убей меня.

Первый.

Город был пугающе странный. Андрей шел по улице и не понимал, где находится. Высокие, высоченные дома. Нет, он слышал, что в Москве есть и по пять этажей, но в этих-то громадах не пять и не шесть. Не сосчитать сколько. Отдельные дома были украшены какими-то светящимися надписями и картинками. Не смотря на поздний час, по тротуарам десятками сновали люди, а по дороге рядом проносилось жуткое количество машин. Безумие!

Дорога привела к небольшой площади. Посреди которой стоял памятник изображающий некую батальную сцену. Морозов подошел ближе и пригляделся. Памятник был посвящен защитникам неба, на нем запечатлелись зенитчики и горящий, несущийся вниз самолет. На крыльях самолета клеймом горела свастика. Чуть поодаль пылали бронзой купола храма. А на пьедестале красовался лист бронзы с выгравированными списками. Фамилии шли ровными колонками. А внизу венчая список, уравнивая перечисленных людей, примостилась дата.

Именно дата привела Андрея в изумление. Там через де-фис значилось: «1941-1945».

В тысяча девятьсот сорок первом Германия развязала войну, напав, но так до конца и не сломив Брестскую крепость. А тысяча девятьсот сорок пятый год еще не наступил.

«Я сплю», решил для себя Андрей. И только тут, сопоставив город, дату на памятнике и все прочие странности, понял, что на самом деле спит. Сон объяснял все. Вот только при всей простоте объяснения таких ярких снов с полной гаммой звуков, запахов и ощущений не бывает.

Андрей отступил от памятника, попятился, потом как-то отстраненно поплелся к краю площади. Здесь стояли ларьки, пестрели витринами. Цветочный ларек благоухал дикой смесью розово-лилейных запахов. Впрочем, цветочный дух перебивала мощная волна мясного аромата от палатки со странной надписью «Шаурма». Рядом устроился ничем не пахнувший лоточек с газетами.

Морозов подошел ближе. В глаза бросился заголовок: «Московский Комсомолец». И ниже:

«ГРЯДЕТ 65-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.

К очередной годовщине победы на Поклонной горе открывается парк аттракционов. Мемориал, посвященный Великой Отечественной войне, будет перенесен вглубь парка. Как прокомментировал ситуацию новый мэр: «подобные памятники придают городу вид угнетающий. Место им на свалке, но, уважая историю, будем перемещать их на задворки».

А еще Андрей увидел дату. Увидел и отшатнулся. Сообщить, что его так поразило, он не успел. Шарахнувшись, наступил на ногу стоявшему сзади человеку. Пострадавший зашипел, а Морозов дернулся в другую сторону.

— Простите, товарищ, — вежливо извинился он.

— Какой я тебе товарищ, — огрызнулся мужик. — Нашел тоже коммуниста. Андрей ничего уже не понимал, чувствовал себя сродни рыбе, которой в аквариум залили вместо воды молока.

— Простите, — еще раз извинился он. — А какой сегодня год?

— С утра две тысячи девятый был, — удивленно вылупилась мужик.

— КАКОЙ?? — выкрикнул Андрей.

— Псих, — сделал для себя вывод тот. — Иди, проспись. Вот накурятся всякой дряни, а потом...

30 Морозов уже не слушал. Он бежал к памятнику. Там

было две даты. Если первая — начало войны, то вторая должна быть ее окончанием...

У постамента его ждал новый сюрприз. Двое пацанов подсаживали третьего повыше, а тот, разбрызгивая из баллончика краску, выводил на пьедестале нецензурную надпись готическими буквами. Морозов обмер. Слов не было, он только выдохнул еле-еле:

— Что ж вы делаете, ребята?

— Ты че, мужик, — весело отозвался верхний. — Не видишь? Это ж граффити.

Это «ты че, не видишь?» еще долго звучало у него в голове, отдавалось эхом, переливалось и перекачивалось. Ночь была на удивление светла, как день. И тьма автомобилей несущихся с безумной скоростью.

Андрей шел по улице, натываясь на прохожих. Соображал плохо. Мозг отказывался принимать то, что творилось вокруг.

Прекрасное светлое коммунистическое будущее всегда рисовалось ему иначе. Оно виделось спокойным и уверенным. Люди будущего работали в меру, а в свободное время предавались философским беседам.

Так должно было быть, но вместо этого он видел суматоху, беготню, автомобильный бум и бесполезные светящиеся надписи. Зачем, например, писать на огромном щите, что сигареты «Ява» самые лучшие. Ведь и так понятно, что лучше отечественных сигарет быть не может. Потом мир вокруг закружился в бешеном темпе и осел туманом.

Сквозь туман проявились поваленные стулья и поломанные парты. В стороне у стены рассыпались пожелтевшие и подернутые плесенью рулончики карт. Скрипнула паркетина, Андрей повернулся. Перед ним стоял молодой немец в потрепанной военной форме. Руки он выставил раскрытыми ладонями вперед.

— Sprechen sie Deutsch?¹⁴ — спросил немец.

— А ты по-русски? — небрежно переспросил Андрей.

— Немного, — по-русски немец говорил с сильным акцентом. — Не очень хорошо. Вас зовут Андрес, ведь да? Я знаю, что привело вас сюда...

Второй.

Фриц все-таки ушел. Долго не мог понять, что взбрело в голову приятелю, упирался, отказывался уходить один. Но Ганс был непреклонен и тот все же сдался.

Оставшись в гордом одиночестве, он постоял у окна, провожая взглядом крадущегося по кустам и растворившегося в зелени Фрица. Потом Ганс отошел от окна подалее и, прислонившись спиной к стене, опустился на корточки. Зачем остался и чего ждал Ганс и сам толком не знал. Просто чувствовал, что надо задержаться. Знал, что придет тот парень.

Первый.

— А что, школа здесь есть поблизости? — Андрей и сам не знал, зачем спросил.

— Была в соседнем селе. Вон там за лесом. Километров пять дотуда. За лесочком поле, а за полем дома начинаются. Если от поля направо повернуть, — хозяйка вдруг оборвала себя на полуслове. — Только школу-то закрыли. Зачем вам?

— За партой посидеть хочется.

— Так их, поди, на дрова растащили, — пожалала плечами хозяйка.

— Вот и поглядим, — улыбнулся Морозов и пошел в сторону леса.

Дверь оказалась заколоченной. Андрей посмотрел с тоской на посеревшие доски с ржавыми потеками от шляпок гвоздей, потоптался на месте и пошел вокруг дома. С обратной стороны одно из окон оказалось лишь прикрыто ставней. Морозов схватился за подоконник, подтянулся и оказался внутри.

Спрыгнув на пол, он долго стоял без движенья. Глаза после яркого дневного света с трудом привыкали к темноте. Здесь было сумрачно и сыро. Посреди комнаты стояли несколько парт, валялись поваленные стулья. У доски рассыпались свернутые трубочками географические карты. Бумага потемнела, скукожилась и подернулась плесенью.

Скрипнула половица, Андрей повернулся. Перед ним стоял молодой немец в потрепанной военной форме. Морозов готов был поклясться, что немец тот самый, которого видел сегодня во сне. А тот стоял и смотрел на него, руки он выставил раскрытыми ладонями вперед.

— Sprechen sie Deutsch?¹⁵ — спросил, наконец.

— А ты по-русски? — небрежно переспросил Андрей.

— Немного, — по-русски немец говорил с сильным акцентом. — Не очень хорошо. Вас зовут Андрес, ведь да? Я знаю, что привело вас сюда.

— Интересно было бы узнать, — Морозов шагнул вперед, подумал и сел на край парты. — Я сам не знаю, что меня заставило сюда заявиться.

— А я знаю. Это из-за сна. Ведь так?

— Откуда знаешь? — Андрей дернулся, как от удара.

Немец пожал плечами:

— Я не знаю. Просто видел вас во сне. Мне снилось будущее, моя правнучка... а потом вы.

Андрей расхохотался.

— Видел во сне? Меня? И поэтому решил пообщаться? А если я сейчас достану пистолет и пристрелю тебя без всяких разговоров?

— Нет, — немец прошелся по комнате, поднял стул и сел напротив Андрея. — Не пристрелите. Ведь тогда я не женюсь, у меня не будет детей, внуков, правнучки. А она у меня будет. Я точно знаю, я ее видел.

Логика была непробиваема, и Андрей не стал спорить. Он сидел на парте, хмуро смотрел на немца и качал ногой.

— А откуда ты здесь вообще взялся?

— Нас разбили, — немец пожал плечами. — Ваши разнесли в клочья. Не знаю, остался ли кто-то в живых. Мы с Фрицем спаслись. Пробирались к своим.

При упоминании о Фрице Морозов напрягся и завертел головой. Выглядело это довольно забавно и немец не смог сдержать улыбки:

— Не волнуйтесь, Фрица здесь нет. Он ушел.

— А ты остался?

— Мне казалось, что вы сможете что-то объяснить, — немец нахмурился. — Этот сон... он был странным...

Голос немца стал монотонным, слился в гул. Из этого гула возникла газета с дурацким заголовком, потом памятник, мальчишки с баллончиком краски... Ты че, это ж граффити...

Морозов вздрогнул, произнес глухо, обрывая немца на полуслове:

— Это не сон.

— Что? — непонимающе заморгал тот.

— Это не сон, — глухо повторил Андрей. — Это будущее.

Немец улыбнулся:

— Я тоже так думаю. И это хорошо...

— Чего ж хорошего?! — взорвался Морозов вдруг. — Это же вандалы. Нелюди. Мы оставим память об этой войне для того, чтобы они нарисовали на наших памятниках жирные пиписьки. Они же забудут, забудут все на свете.

Я видел, я знаю.

Перед глазами замелькали картинки из сна, потом из жизни, из войны... Почему-то Андрей не смог вспомнить счастья. Только боль. И об этой боли, об этой крови никто не вспомнит, над этой жертвой надругаются.

— Я знаю, — почти прошептал Морозов. — Они все на свете забудут, они потопчутся по нашей памяти. Обидно, ой как обидно...

Немец смотрел на него со смешанным чувством. Молча смотрел. И Андрей под этим взглядом тоже смолк. Какое-то время сидели молча.

— Откуда в тебе столько злости, Андрес? — нарушил тишину немец.

— Злости? — Андрей тоскливо усмехнулся. — Злости нет. Злость была, когда в военкомат пришел. И когда моего лучшего друга Шурку Хотько из автомата... Вот когда я его на руках держал, а он умирал, вот тогда злость была... И потом, когда в плен попал... Думал, выберусь только... только выживу и доберусь до такого как ты... А теперь вот добрался, а злость вся растерялась. Нету ее. Устал я. А тут еще сны снятся про жизнь. Я понимаю, это всего лишь сон, но как они могли... как?..

Второй.

Ганс смотрел на этого несчастного русского. Тот стоял перед ним набычившись и глядел тусклым взглядом умершего душой человека.

— А что плохого, — попытался он. — Там будет много солнца. Люди будут растить клубнику и нянчить детей... Моя правнучка не будет знать, что такое война. Ты думаешь, это плохо?

Он замолчал, наткнувшись на взгляд русского. Об этот взгляд, наверное, разбилась бы самая твердая скала. А ведь когда-то это был веселый парень, подумалось ему.

— Что с тобой, Андрес?

— Это правда, был не сон? Правда?

— Это было наше будущее, — Ганс почувствовал, что говорит не то. Но как сказать, подобрать верные слова не знал.

— Я не хочу такого будущего, — Андрес протянул ему пистолет и тихо, на грани слуха добавил: — Убей меня...

Русский ушел первым. Ганс смотрел, как тот выбирается в окно, потом стоял у приоткрытой ставни и глядел вслед. Этот парень шел по своей земле, мог идти прямо и

гордо, но вместо этого шаркал и сутулился.

Ему было сейчас не плохо, он умирал. Морально умирал. И немец мог для него сделать только одну вещь. Но Ганс отказался стрелять. Парень махал пистолетом, потом бился в истерику, потом извинился, потом ушел. Ушел, шаркая и сутулясь.

Не так, все не так. Совсем не так Ганс представлял себе эту встречу. На душе стало горько, словно потерял что-то очень близкое, хотя никогда не видел прежде этого русского. Не видел и не знал. Да и не узнал. Загадочен русский характер, не поймешь его.

Немец огляделся и осторожно полез в окно.

Расчет окончен.

Андрей Морозов погиб спустя три месяца. На месте братской могилы, а вернее ямы, в которую покидали трупы, уже после войны поставили обелиск. На нем ровными рядами шли списки, но фамилии Морозов там отчего-то не оказалось. Потерялся Андрей Морозов.

Отец Андрея пропал без вести в сорок втором. Мать умерла в блокадном Ленинграде. И никто никогда больше не вспомнил, что жил такой парень. Некому было вспомнить.

Правда, в 2009 году припомнил одну встречу с русским по имени Андрес старый немец. Ганс нянчил правнучку, память разыгралась, подкидывая образы виденные или не виденные когда-то. Впрочем, вскоре он забыл об этом. Память в девяносто с лишним лет порой играет с людьми злые шутки.

Память порой вообще играет с людьми злые шутки, хроня за общими словами и пафосными речами вещи, которые требуют лишь одного...

Чтобы помнили.

1 — Здесь никого нет (нем.)

2 — Осторожность не повредит, дружище (нем.)

3 — Успокойся, мы на своей земле (нем.)

4 — Это не наша земля. Она никогда нашей не была. Мы могли считать ее своей, когда наступали, втапывая русских в эту их грязь. А теперь мы отступаем. И русские везде: и сзади, и впереди. Там русские солдаты, а тут поднявшийся из грязи русский народ. Думаешь, они забыли, как мы прощали по ним, сровняв с грязью? (нем.)

5 — И это говорит солдат фюрера (нем.)

6 — Это говорит человек, у которого в голове зачатки интеллекта по-

- мимо устава и дешевых лозунгов (нем.)
7 – Дедушка Ганс! Дедушка Ганс! (нем.)
8 – Дедушка, смотри какое у меня платье (нем.)
9 – Смотри (нем.)
10 – Ах, ты моя красавица (нем.)
11 – Мы с папой и мамой идем в гости. Смотри, какая я нарядная (нем.)
12 – Ты будешь самой замечательной. Знаешь, скажу тебе по секрету, у твоей бабушки до войны было такое платье. Как у маленькой принцессы. У меня сохранилась фотокарточка.
13 – Идем. Дедушка, а что такое война? (нем.)
14 – Вы говорите по-немецки? (нем.)
15 – Вы говорите по-немецки? (нем.)

Григорий АРАЛИНСКИЙ

«ЗОЛОТАЯ ВЕРСТА» (книга в альманахе)

* * *

Храм возникает на холме
Господь и в сердце и в уме
Я брел к нему во лжи во тьме
Храм на холме храм на холме

Казалось миг и он взлетит
От суеты от перемен
Остановись замри мой стих
Храм на холме храм на холме.

* * *

И обмякшее солнце, прищурясь,
Холодеющей шарит рукой,
Словно старый грибник, что, сутулясь,
Возвращался с корзинкой домой.

Однозвучно гремит электричка,
Запрокинулись в даль провода,
И какая-то шалая птичка
То туда пролетит, то сюда...

Сколько троп мы с тобой протоптали,
Сколько влито в них солнц и дождей!

Что ни ветра, ни холода сталью
Не достать торжества наших дней,

Зорь блистательных, лун величавых,
По-сентябрьски терпких лесов.
Как бы лето во мне не кричало,
Я уже не откликнусь на зов.

И когда поскупело светило –
Как до боли природа близка!
Это чувство, как песня, застыло
В затаенных глазах старика.

Седовласый, с сутулой спиной,
С легкой палочкой в слабой руке.
Он ступает себе стороною,
Он уже вдалеке, вдалеке.

* * *

Где некогда гулял Онегин,
Теперь и мы с тобой прошли.
Я думаю о первом снеге...
Деревья сбрасывают лист.

Листва кружит в садах и парках,
Вплетается в узоры рельс.
Водитель бойся листопада!
Опасность для движенья есть...

Но наш водитель осторожен
Глядит он козырем вперед!
Охвачена трамвайной дрожью,
Душа по городу плывет...

Плывет по набережной Пряжки,
Где стук копыт давно забыт.
Лишь фонари горят миражно
Из черных тушиков судьбы.

* * *

Может быть повезет
Нам ... таким невезучим...
Осень сети плетет,
Осень плачет беззвучно

Не заучено, в тон,
Цвет зари отмечаю
Осень — желтый фантом.
Приближаюсь ночами,

Словно в «призрачном» сне...
О, простор ястребиный!
Приближается снег...
Блудным сыном...

Все что мучило днем
Отлегло, отболело
Ночь стоит за окном,
Словно женщина в белом.

* * *

Бедный, бедный старик,
Где твой тыл, где твоя половина?
Почему плачешь в церкви,
Словно инок с повинной?
Бедный, бедный старик,
Кто возьмет твою боль, кто теперь
О тебе позаботится?

Строго смотрят со стен
Неземные глаза богородицы.

* * *

Думы ночные — декабрьское небо...
Враз навалились — усталость, усталость.
Или до нельзя сработались нервы,
Или свое просигналила старость?

Или уже и дорога не светит,
Разве надломленный месяц в окне.
Да ошалелые мечутся ветви
У тополей, словно руки в огне.

...Тихий лежу, тише вряд ли бывает.
Я забываю, меня забывают.

34 Лишь неотступный вопрос меня гложет:

Дальше-то что же...
Дальше-то что же...

* * *

Соборности надо соборности.
Гудит Российский народ.
Душе не хватает собранности.
Кто ж ее соберет?

Не нам ли пора покаяться —
Лазаря пой, режим!
Время вчерашних Каинов
Выхватывает ножи.

Добудем ли в мир спасение?
Долго ли будем тлеть?
О, если бы птицей Фениксом
Россия могла взлететь!

* * *

Больше мы друг к другу не вернемся.
Это просто, словно выстрел в грудь.
Посмотри, как бедный тополь гнется.
Нас судьба ведь тоже будет гнуть?..

* * *

Старый тополь с Никитской,
Словно чеховский Фирс,
«Недотепы», — кричит, — «недотепы»!
Мы дошли до чего, до чего мы дотопали,
Есть ли дело кому до какого-то тополя?

* * *

Я хотел бы судьбу положить на ладони,
Переплавить потом в золотые слова,
Я когда-то бывал в этом стареньком доме,
Где окно не квадрат, а, скорее, овал.

А когда голубели дожди за овалом
И металось упругое пламя свечей,
Мне играла хозяйка старинные вальсы...
Незабвенная музыка белых ночей

Окружает меня в этом стареньком доме,
Над которым давно совершен приговор.
Я пытался тогда положить судьбу на ладони...
Одиноко кружусь, словно загнанный вор.

* * *

Знать, пора попроситься,
Время вышло из круга.
Вот и кончилось счастье —
Счастье жить друг для друга.

Ничего не поделать,
Хоть ты плачь, хоть ты вой.
Лишь снежок белый, белый
Над седой головой.

СИНЕЕ

Синяя музыка — муза окраин.
Даль беспощадно синяя.
Ночь не уходит, бесследно стгорая
На синем кресте России.

Слышите... стоны плывут по полям,
По синим полям, глухим...
Хочется вытолкнуть тягостный кляп,
Выдохнуть песню-гимн!

Хочется жить и не в вечности суть,
Ни в памяти зыбкой, не в Боге.
О, неужели и нас не спасут —
Странников синей дороги!

* * *

Ты говоришь... О, лучше б ты молчала!
Качает ветер тополя в окне,
И поезда ночами не случайно
Кричат отчаянно, как лошади в огне.

* * *

Потянуло апрельской прелью
От бульваров и пустырей,

В каждом дереве что-то дремлет
Пробуждающее — не стареть.

В каждом дереве что-то зреет
Созидающее — не устать.
Просыпается в каждом зренье
Золотая своя верста.

Слухом выловлю почек стрельбище —
Словно вальдшнеп спешит на зов.
Я бежал к тебе — губы трескались,
Как ловил я твой горизонт.

И теперь, когда прель апрельская,
Словно стон, растекалась, клубя,
Хочешь, буду петь канарейкою —
Для тебя, для тебя, для тебя...

* * *

И холодом веяло с каждой строки
Каким-то глубоким отчаянным холодом
И звезды опять были так высоки
Как могут быть только над городом

Когда вырастает гордыни стена
И полночь ложится на плечи окраины
Поймешь ли ты как беспощадно снега
Тяжелую синью окрашены

Как в сонме сомнений житья-бытия
Душа измордуется в тягостном споре
Но глянешь на месяц — ничуть не таясь
Горит словно шапка на воре

* * *

Далекое страшное снится
И мнится и видится мне
Как варвары синюю птицу
Сжигают в трехцветном огне

А город — он вовсе не город —
Агония ада и мук

И кто-то хватает за горло
И тянет за огненный круг

Душа поседела от крика
От пепла от черной тоски
Наверно — конец Не скрыться
В испытанные тупики

Закатные темные шрамы
Над бездной исторгнутых рук
Как загнанный в пропасть подранок
Колотится небо вокруг

* * *

Время — крылья заката,
Кто подскажет предел?
Всех дорог моих карты
Разметал этот день.

Разметал, разметался
журавлиной тоской...
Золотым арестантом
месяц плыл над рекой...

На распятых фронтонах
почерневших домов,
Ветер-мученик стонет,
словно просит помочь...

Но глаза угасают
Два костра на ветру...
Но глаза убегают,
словно лисы в нору...

Скоро выпадут сборы,
Грянет выдержки час...
Над Серебряным бором
звезды криком кричат...

* * *

Деревья, охнув, стали падать...
Как на расстрелах в лагерях.
Над ними страшная, как память,
36 Качалась красная заря.

О, как они, еще живые,
Хватали за руки друг друга...
А мне казалось — небо выжгли
И оно

тоже
рухнет.

* * *

Над кладбищем сонным колеса стучат,
Ложатся дорог бесконечные сети.
Откуда исходит начало начал?
Не знаю. Наверно никто не ответит.

Зарницы мгновений — колесными спицами...
Моргнуть не успеешь, уже промелькнут.
Над кладбищем вьются довольные птицы
И новыми песнями славят весну.

А город встает, поднимаясь над миром,
Над грязью дорог и проклятием рук.
И людям опять достается, как милость,
Великое право на боль и на труд.

* * *

На обнаженные раны деревьев
Сыплется снег — синеватая соль...
Словно под саваном,
Стынет деревня,
Жадно прижавшись к щетине лесов...
Кто умиряет их — водка паленая?
Тяжкий ли труд на износ?

Там, за рекой,
Словно конь запаленный,
Тяжко дышал паровоз...

* * *

Деревья, словно кисти,
Что обмакнули в кровь.
О, как закат неистов!
О, Боже! Как багров!

* * *

Повеяло грозами, ливнями,
Ветрами забытых встреч.
Дороги такие длинные,
Годы — быстрей, быстрей.

Долготерпеньем связаны,
Ждем золотого дня.
Трудно постигнуть разумом
Круговорот огня.

Не уберечь... кончается
Лето — скупей, скупей.
Как посвежело ночами —
Верно не от дождей!

Дни, как под горку, катятся.
Ветров нескончаем рев...
Осень крадется Каином —
У осени свой черед.

* * *

Повремени еще, повремени,
Пока слетают сиротливо листья,
Пока студено не запахла ливни
И мы в своем «михайловском» одни.

Пойдем походим вдоль лесной канавки,
Где лось трубил победную зарю,
Где я не громогласно говорю,
Что мы с тобой, ну, чем не аргонавты?

И осени золоторунным дивом
Просветлена пространственная даль.
И золотые, легкие лады —
Плывут деревья. Но зачем? Куда?

А ты куда?.. Побудем здесь, побродим,
На эту роскошь вычувством сердца.
И не беда, что тучи верховодят,
Впитав цвета и стали, и свинца.

Здесь Родина — стихов святая правка
И торжество стихий, и свежесть сил...

И не проси уехать, не проси...
Пойдем, походим вдоль лесной канавки.

ОСЕНЬ

Не пришла она — подкралась
И пошла играть клубком,
Все печали размотала,
Встала, словно горький ком

В горле времени, — нет жизни...
Нет — в сознании ином...
А, бывало, только свистни —
Хоть за золотым руном!

Ильдар НУРИСЛАМОВ

«ШАЛОСТИ БЕСА»

ВИНО

Сладострастно вкушаю вино,
Ощущая его совершенство.
Парадиз, андеграунд, кино —
Чувства гонят меня в декадентство.

Представляется винный завод
Иль харчевня, кабак — все условно,
Где такой же, как я, обормот
Признается в любви многословно.

Видно больше хлебнул он вина,
Иль вино было крепче сухого,
Или выпил бокал он до дна
И не видит он счастья иного.

И для этого нужно вино,
Чтоб в любви признаваться почаще,
Вторить мыслям Хайяма, Гуно,
Видеть жизнь, ну, хоть чуточку слаще.

КОГО ИЗБАЛУЕШЬ

Кого избалуешь, те жизнь не проживут, —
Ты расслабляешь их своим вниманьем.
Пытаясь вырвать из житейских пут,
Ты ранить их боишься порицаньем.

Не ослабляй же им иммунитет
От глупости и алчности людей.
Избаловать — вот ложный раритет,
Добрее мир не будет, только злей.

Чем дальше, тем тернистей будет путь
Среди пустых и пагубных желаний.
Сквозь пальцы просочится, будто ртуть,
Любой поступок их без нареканий.

Вот тут — беда — лань отошла от стада,
Ее увлек ручей или трава,
А львица тут как тут, добыче рада.
И лань не защитят твои слова.

Избаловав, не сможешь оградить
Любимых от напастей и невзгод.
Пусть шишки набивают о гранит, —
Аллах им в помощь, а иным — Господь!

ПЕРЕКРЕСТОК

Перекресток ретивых сравнивает,
Снова выстроит многих на старт,
Пусть последний не очень страдает,
Что не видит доску из-за парт.

Он к десятому классу созреет,
И поймет — что придется испытать.
Пусть пятерок он всех не имеет,
Но зато научился хитрить.

Люди мчат к перекрестку, как могут,
Там и очередь как-то займут,
И, задумавшись вдруг у порога,
Смысл вечности, может, поймут.

38

Так увидев под писк светофора
Двух слепых, — как по жизни бредут,
Остановят авто у забора,
И, догнав, им на жизнь подадут.

Перекрестки нужны при движении,
Чтоб осмыслили люди свой путь,
Замерев в суете на мгновенье,
Вспомнить... все, что хотелось вернуть.

ТЫ ПОЗНАКОМЬ МЕНЯ

Ты познакомь меня с хорошим человеком
Без задней мысли что-нибудь украсть.
Я ведь знаком, по книжкам, с древним греком,
Который поболтать стремился власть.

Не торопясь, подумать бы со смыслом,
И выяснить движение светил,
Понять откуда и зачем все вышло,
И почему вдруг знаменитым стал Ахилл.

Я поделюсь с ним сладким угощеньем,
Не стану размышлять с ним о деньгах,
В беседе буду осенен прозреньем,
Что исподволь поможет мне в делах.

Я буду дорожить благоволеньем,
И ты меня уж тут не одурачь, —
Знакомство это станет исцеленьем,
А добрый человек — он тот же врач.

ДОРОГИ СУДЬБЫ

Спокоен, как правило, первый,
Волнуясь, второй уже ждет,
А третий играет на нервах,
Четвертый их всех обойдет.

Вот так происходит на свете:
Четвертый не станет вторым,
И третий — стремится ответить,
Лишь первый — невозмутим.

Собой представляют сословья
И в очередь встанут опять, —
Из их трескотни, многословья
О каждом ты сможешь узнать.

И сам ты такой же повеса,
Но первым не стал неспроста, —
Повинны в том шалости беса,
Расставившего по местам.

ЛИСТ

И желтый лист упал, взмахнув крылом,
Так многое изменчиво на свете,
Он был когда-то юным молодцом,
И в небеса отчаянно сам метил.
Себя мнил самолетом иль чижом,
Которые летят — чуть видно в небе,
И не хотел прикованным рабом
Сидеть и быть предметом для элегий.
Быть может, любопытный ученик
Лист разместит в гербарий небольшой,
Так лист, слетая, вечность бы постиг,
Тем, пережив собратьев толстый слой.
Сейчас лежит ненужный никому,
Упал так низко, не свершив мечтаний,
Бесплодны все желанья потому,
Что не продолжил веткой путь исканий.

Мария МИРОНОВА

ИЗ ЦИКЛА «СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ»

***

Мы будем прозрачны теперь и пропеты,
И нас не поймаетшь на чувстве вины,
Мы будем носить по утрам эпюлеты,
А вечером станем небрежно нежны.

Мы просто забудем, что светлое свято,
Что зов неотвеченный голоса ждёт.
Мы спрячемся снова в доспехи-халаты,
Пусть жизнь островерхая мимо бредёт.

Дела — наша гордость, и наша расплата,
И наше спасенье, и наше жнивьё.
Все сёстры и братья, мы не виноваты,
Не нами любовь и молитва распяты,
Мы были когда-то светлы и крылаты
И будем когда-то — во Имя Твоё.

***

Колодцем стала Пенелопа,
Приняв навязанную роль —
Всё ждать указанный пароль —
И барду вторить расторопно,
Когда меж двух стальных галопов,
Взметённый стройкой и войной,
Несётся он её страной,
И водопадной, и лесной,
Бросая пустошь за спиной.

Вот и судьба, и состоялась.
Вязать и распускать осталось.

ИНОЙ ОРФЕЙ

Луна тянула из меня
Всю чувственную дань.
Оставь мне вольного огня,
Дыхание не рань.

Но нет. Открылся в ней провал
И требовал себе
И добровольно, и в борьбе
На жизнь мою права.

Есть оправдание одно:
Не ведая творит.
Но слух, но зреньё! — Всё равно
Ведёт меня в Аид.

***

Оприходуй, бухгалтер, выручку,
Душу мою оцени,
Где и когда был вынянчен
Её воскресный родник.

Но счетоводу неважны
Чужие «что» и «зачем»:
Он знает, зачем ему каждый,
И верен своей лишь жажде
И жаждет ея речей.

Задача его непростая,
Его беспокоить нельзя:
Он занят всегда. Он считает,
Сколько дал, сколько взял.

* * *

В один сюжет меня толкали
Все двадцать долго-кратких лет.
Я выбраться могла едва ли,
Когда свой космос мною ткали
И мною плоть вели на свет.

Но чуть душа зашевелилась
Под спудом тусклого свинца,
Ей не дали простую милость
Живого слова и лица.

Что держит здесь мой дух свободный,
Что заставляет вспять идти,
Марионеткою бесплодной
Чужие услаждать пути?

Рванулась волею на волю —
Бегом из безвоздушных дней.
Моя любовь всегда со мною,
Себе мне нужно стать верней
И научить себя собою.

* * *

Судьба ли говорит
Иль просто я молчу?
«Но если отдавать —

то лишь Любви единой,
Не в чёрную дыру, а горнему лучу,
Светящему в душе, в материи срединной».

40 Растить его, хотя б он рвал пелёнки,

Но не кормить собой слепую рать,
Не отвечающую за поломки.
Давай сейчас поднимемся с колен,
Не должники мы ноты оголтелой,
Оркестр ждёт, чтобы нарушить плен
Одной лишь флейты, ставшей неумелой.

* * *

Не дался мне мой путь простой,
Он где-то рядом оказался,
И долгий и густой застой
Мной будто бы распорядился.

Но, видно, путь был только здесь,
Где Бог светил через природу:
Она ломала духа спесь,
Заставив промывать породу.

И от начала до конца,
От высоты почти бесплотной
До неподъёмного венца
Творенья суеты болотной, —

Всё прожила за два мгновенья,
Но чтобы закрепить урок,
Которому не смела верить,
И древний заплатить налог, —

В довесок два десятилетия
На лихорадочной арене
Я получила, словно плети
За внутреннее поведение, —
И вышла к совершеннолетию.

Все Пенелопы и Армиды,
Весь сонм разученных ролей,
Что исказил мою орбиту,
Пусть грезит у своих дверей.

Ведь путь любви — не слушаться, а слушать
И слышать истину, когда она зовёт,
Не дать страстям глухим свой голос лучший,
И суетумудрию не вверить душу —
И встанет солнце, поле оживёт!

Инга ПИДЕВИЧ, Германия

БУФЕТ

Буфет привезли на извозчике в канун Нового, 1910, года; осторожно внесли по парадной лестнице на второй этаж и установили в просторной гостиной. «Ах, какая прелесть! — обрадовалась пожилая, хрупкая дама, хозяйка квартиры. — Резные гроздья винограда, таинственные тропические куши... А какие стёкла! В них будут играть огни люстры, огни ёлки. Да, буфет делал Мастер!»

Буфету было лестно слышать восторженные отзывы о себе, о своём создателе Тимофеиче. «Похоже, я попал в хорошие руки», — думал буфет. Меж тем, прислуга Даша заполняла его выдвижные ящички столовым серебром, накрахмаленными салфетками... Нежные фарфоровые чашечки, хрустальные фужеры, безделушки смотрелись в стёкла буфета. А нижний этаж его хранил ароматный чай, купленный на Мясницкой; кизилковое, клюквенное и персиковое варенье с орешками. В среднем закрытом отделении лежали сыры от Елисеева, печенье от Филиппова... «Не буфет, а целый дом!» — говорила Даша. Постепенно буфет полюбил и пожилую даму, Анну Станиславовну, и её нежную, похожую на статуэтку, дочку Алину, и мужа Алины — морского офицера Виктора, и толстуху Дашу. По вечерам он слушал, как Алина играет Шопена, как читает Блока Виктор. Буфет подсматривал за пасьянсами, которые любила раскладывать пожилая дама, сидя в креслице за ломберным столиком. Высокая белоснежная кафельная печь — голландка испускала мягкое, расслабляющее тепло. Было уютно, спокойно. «Жаль, что я бессловесный и не могу сказать этим милым людям, как мне хорошо среди них», — думал буфет. Потом началась война. Её называли Мировой. Ушёл воевать Виктор. Алиночка стала работать сестрой милосердия в госпитале по соседству. За войной пришла революция. Виктора так никто больше и не увидел. Даша уехала куда-то с заезжим красноармейцем. Из буфета исчезли банки с вареньем. Чай пили теперь только морковный. Не было больше ни печенья от Филиппова, ни сыров от Елисеева, да и сами Филиппов и Елисеев, как говорили, растворились в потоке времени. Постепенно стало исчезать из буфета столовое серебро: его меняли на хлеб и картошку. То, что не успели поменять, конфисковали бравые парни в кожанках. Вскоре явился грозный

управдом: Алиночку и старую даму уплотнили. За стеной, в бывшей спальне, поселился польский пролетарий Сигизмунд с деревенской женой Марусей и двумя детьми. В бывшей комнате Анны Станиславовны разместились ещё одна семья с детьми. Ребятишки носились по коридору, и фарфоровые чашечки в буфете жалобно позвякивали. Но дети были хорошими, и буфет к ним привык, а потом и привязался. В закрытых ящиках буфета теперь хранили картошку и квашеную капусту. Это был, конечно, нонсенс. Но... как говорила Анна Станиславовна: «C'est la vie!». Постепенно жизнь начала налаживаться. Алиночка работала машинисткой в какой-то конторе. В буфете появились продукты из числа почти забытых. Но в конце тридцать первого года Алиночку неожиданно выслали: с запозданием вспомнили, что она была женой белого офицера, который то ли погиб, то ли вредит где-то рабоче-крестьянской власти... Бывшую гостиную перегородили фанерной стенкой, прорубили ещё одну дверь. Анна Станиславовна жила теперь в маленьком отсеке, к счастью, возле голландки. Буфет, с его старорежимными габаритами, в её клетушке не помещался. Он остался в другой части комнаты, отошёл вместе с квадратными метрами к семье бывшего латышского стрелка, а теперь работника наркомата Иосифа Ивановича, его жены — учительницы Розы Моисеевны и их трёхмесячной дочки Октябрины, которую все звали Олечкой.

Истощённая крохотная Олечка плакала ночи напролёт. Буфет не сразу понял: девочка плакала от голода. У Розы Моисеевны пропало молоко, а купить его в торгсине было не на что. Из еле слышных разговоров Иосифа и Розы буфет знал, что с продуктами в стране совсем плохо, а на Украине вообще страшный голод. Но об этом нельзя говорить вслух. Голодающие бегут из деревень, если удаётся. Маме соседки Маруси повезло: она вырвалась и поселилась пятой в бывшей спальне. Между тем, приближалась зима. Родители Олечки поставили печку — буржуйку. Копоть от неё оседала на стенках буфета, но он старался не обращать внимания на такие мелочи. Лишь бы все были живы и здоровы. Буфет уже не стоял у стены, лицевой стороной к окнам. Теперь он отгораживал столовый уголок от спального. Буфет привык видеть свет в окошках. Без этого ему было грустно.

Следующий, 1933, год, как и все последние, начался без ёлки. Украшение ёлок считалось буржуазным пережитком. А старый буфет так любил новогодние ёлки. В одну

из январских ночей во сне тихо скончалась Анна Станиславовна. Она умерла в своём, не видимом буфету закутке. Соседи её похоронили, и Сигизмунд, с присущей его классу решительностью, предложил, не мешкая, снести фанерную перегородку, чтобы семья Олечки получила доступ к голландке. «Ребёнку тепло нужно. Печка одна, значит и комната одна», — заявил он, не обращая внимания на мягкотелье, интеллигентские причитания Розы, боявшейся кар за самоуправство. Буфет давно понял, что пролетарий Сигизмунд, несмотря на отсутствие образования, человек благородный. Ближе к ночи Сигизмунд, второй сосед — Фёдор и отец Олечки за какой-нибудь час снесли стенку. Кары не последовали. Буфет снова поставили лицевой стороной к окнам. Он уже не играл роль ширмы. Ширму, настоящую, хотя и не совсем целую, Роза Моисеевна купила по случаю на Сухаревке. Её привезли на извозчике. Буфет с удовольствием смотрел на ширму: они были из одного далёкого, но милого его сердцу времени...

Постепенно буфет полюбил и Олечку, и её маму, и даже её отца, хотя тот и считал, что вещи связывают человека. Буфет пригляделся к бывшему латышскому стрелку и пришёл к выводу, что Иосиф тоже человек благородный. Со времён Алиночки и Виктора это было для буфета высшей похвалой. Да, Иосиф, как говорила Роза Моисеевна, был немного зашоренным, но он был бессребрянником, никогда не повышал голоса, запоем читал книжки. Ну, а водки в квартире вообще никто не пил. К счастью, думал буфет, вспоминая запои своего создателя — Тимофеича.

Года через четыре в комнате поселился страх. Буфет видел, как родители Олечки вскакивают ночью от шороха шин по булыжной мостовой их тихого переулка, в темноте смотрят в окно. Буфет знал: они ждут ареста. Ему вспоминался арест Алиночки. Неужели опять, думал он... «Стены имеют уши», — шептала Роза Моисеевна, как когда-то Анна Станиславовна. Вскоре мама Олечки уговорила мужа уехать в длительную командировку на север, от греха подальше. Он уехал, и всё обошлось. В их квартире жили порядочные люди. Никто из них не польстился на чужие квадратные метры, не писал доносов...

В тридцать девятом году Иосиф благополучно вернулся домой. Олечке было уже семь лет. Она росла худенькой, болезненной, но умненькой девочкой. Она любила мечтать, глядя на резные кущи буфета, о дальних странах.

42 Когда приходили гости, Олечку ставили на табуретку,

как на эстраду, и она читала стихи Пушкина, Фета... Соседские дети были уже старшеклассниками. Зимой они, два мальчика и две девочки, отправлялись на каток в сад «Эрмитаж» или устраивали танцы на кухне под патефон, лавируя между плитой и тремя тумбочками с примусами и керосинками. Хорошие были времена! Потом началась Отечественная война. Ушли на фронт и Иосиф Иванович, и Сигизмунд, и его сын Рэм, названный в честь революции, электрификации и мира, и Фёдор, и сын Фёдора Алёша. Иосиф Иванович по возрасту мог остаться дома, но ушёл добровольцем. Роза Моисеевна и Олечка — Октябрина уехали в эвакуацию.

Дверь комнаты запломбировали. Всю зиму буфет мёрз. По ночам он слышал разрывы бомб, тряслись гранёные стаканы и тарелки на его полках. В стёклах буфета отражались лучи прожекторов, шарящих по небу. Буфет боялся спореть понапрасну вместе с домом от залётной зажигалки. Но остающиеся в доме соседи, тётя Маруся, её дочка Янина, другие женщины и подростки, дежурили по ночам на крыше; иногда им приходилось тушить зажигательные бомбы песком. Через стенку до буфета доносились разговоры об этом.

Фашистов от Москвы отогнали, но... начали приходить похоронки. Первыми погибли мальчишки, Рэм и Алёша. Потом принесли похоронку на Сигизмунда. Олечка и Роза Моисеевна вернулись в сорок третьем. Роза работала с утра до ночи. Олечка после школы сама топила буржуйку. Картонный репродуктор рассказывал о новостях. В сорок четвёртом вернулся Иосиф Иванович. Буфет сначала его даже не узнал: у Иосифа не было обеих ног, и он катался теперь по комнате на доске с колёсиками. Выйти из дома он не мог. Иосиф страдал от беспомощности и безделья и читал, читал... Ещё через полгода без правой руки вернулся сосед Фёдор. Иногда он пил и пытался склонить к этому Иосифа, но тот держался. В день Победы все побежали смотреть салют. Только Иосиф остался в комнате. Тогда буфет впервые увидел, как он плакал.

Время шло. Олечка стала студенткой. Иосиф умер от инфаркта. А буфет старел, его начали есть жучки. Никто с ними всерьёз не боролся: все были заняты другими, более важными делами. Буфет никого не корил за это. Он радовался успехам хозяек, тому, что на полках снова появились варенье, печенье, хороший чай. Он был альтруистом, как и большинство окружающих его людей.

В пятьдесят шестом случилось удивительное событие: в

САМОЕ ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

квартиру позвонили, и буфет с радостным изумлением увидел Алиночку. Она очень постарела, кожа её была испещрена морщинами, у неё даже спереди не хватало нескольких зубов. Но это была она!

— Я вернулась в Москву, — сказала Алиночка Розе Моисеевне. — Не обессудьте, захотелось взглянуть на квартиру, на буфет.

— Мы в любой момент отдадим его Вам, — заверила Роза.

— Спасибо, но в моей комнатке его не разместить, — вздохнула Алиночка.

Она провела мозолистой, с распухшими суставами рукой по резным кистям винограда.

Вспомнила, должно быть, Анну Станиславовну, Виктора, а, может быть, и ёлку далёкого 1910 года. От чая Алиночка отказалась. Больше буфет не видел её никогда.

А ещё через пару лет Розе Моисеевне и Олечке дали ордер на отдельную квартиру на окраине. Они были так счастливы. И буфет был счастлив за них, хотя для него в их малогабаритной квартирке, конечно, не было места. И брат буфет, даже задаром, никто не хотел: не модный, размеры не те, да и жучки... «Не товар, — сказал дворник Муса, — разве что на дрова сгодится».

Буфет с трудом выволокли во двор, поставили между деревянными сараями и старой помойкой. Муса пошёл за топором и пилой. «Ну что ж, — думал старый буфет, — это не такой уж плохой конец. Я умру, служа людям, давая им тепло, а медную ручку от моего ящика взяла на память Олечка». Вернулся Муса с пилой. Пила вонзилась в стенку буфета, брызнули опилки... Старый буфет умер так же молча, как и жил.

В 1996 году Оля, Октябрина Иосифовна, готовилась к отъезду из страны. Среди вещей, которые надлежало выбросить, раздать или взять с собой, она увидела ручку от старого буфета. Ей припомнились резные кисти винограда, таинственные тропические растения, родители, дом в тихом московском переулке.

Мой абхазский друг увлекается спелеологией. В Абхазии осталось ещё много неисследованных пещер. Они уходят в глубь земли на многие сотни метров, они тянутся на многие километры под горными хребтами. Здесь есть подземные озера и реки, текущие в каменных берегах. В мире вечной темноты, в лабиринте водных каналов живут странные животные — черные сверчки, белые слепые рыбы. Высокие своды, низкие коридоры, леса сталактитов, сталагмитов и сталагнатов — здесь можно путешествовать долгие месяцы. Трудно даже поверить, что еще сорок лет назад никто не знал о Новоафонской пещере. О ней бы долго никто и не узнал, если бы мальчик, лазавший по горе, не провалился в дырку. Выбрался, позвал взрослых — и открылся громадный подземный город. Теперь это одна из главных статей курортных доходов республики.

В прошлом году мой друг нырял с аквалангом в подземное озеро. Техника была новейшая, доставленная прямо из Москвы. Специалисты уверяли, что никаких сюрпризов нет и быть не может — но сильно ошиблись. Мой друг понял это, когда погрузился в ледяную воду; он еще не успел прийти в себя, как что-то разладилось в подводном костюме. Вода под страшным давлением хлынула в уши. Лопнули барабанные перепонки. Среднее ухо наполнилось водой, и моментально отказал вестибулярный аппарат. «Голова страшно закружилась — у меня было такое ощущение, что я попал в водоворот. Мне сразу показало, что вода вокруг забурлила, а сам я завертелся вокруг своей оси. Куда плыть и что вообще делать — я не имел представления. Вокруг только черная бездна. Можно было найти обратную дорогу по тросу, но в тот момент я даже не соображал, как его нащупать».

Он принял единственно верное решение: не стал искать обратную дорогу, а перестал плыть и опустился на дно подземного озера. На подводные камни, куда никогда не ступала нога человека и даже зверя. В толще черной воды ничего не было видно, поврежденные уши не слышали. Он приходил в себя минут десять, пока организм не приспособился к повреждению. Головокружение постепенно прошло, и он нащупал трос. Поднялся к поверхности

и на ощупь выбрался на берег.

Почему произошла авария, так и не выяснили — да, в сущности, это не было важно. Испытание было признано не очень удачным. Барабанные перепонки зажили, и месяца через два слух восстановился. Правда, доктора предупредили: в следующий раз шансов на выздоровление будет меньше. Но в Абхазии последние пятнадцать лет, после начала конфликта с Грузией, рискует каждый, даже когда просто сидит в кофейне на набережной. Так что изучение пещер — занятие сравнительно неопасное. ...У старшего брата моего друга увлечения совсем другие. Он — кадровый военный, преподаватель Академии бронетанковых войск в Москве. Абхазец, он выглядит как настоящий русский полковник. Спокойный, уравновешенный, немногословный. Из тех офицеров, на которых во время социальных потрясений обращаются все надежды. Женщинам он говорит: «пожалуйста», а мужчинам — «отжался».

Он был командующим полка внутренних войск — единственной боеспособной силы в Абхазии накануне грузино-абхазской войны. Сейчас о нем вспоминают мало. Войну выиграли другие. Матерые волки, они начинали партизанскими командирами, заканчивали войну генералами. Это в те годы появилась шутка, что полковник — это младшее офицерское звание в абхазской армии. А он так и остался полковником, который немножко покомандовал абхазским ополчением в самом начале войны. Никаких подвигов, никаких громких побед. Да еще и то самое решение, доверенное ему судьбой, подпортило ему репутацию. Таких не превозносят, таким не дают ответственных постов. Это традиционно для любого государства — от великой державы, нацеливающей ядерными ракетами, до крошечной мандариновой республики, чье население могло бы разместиться на пятидесятой доле Москвы.

* * *

А он дважды руководил битвой с главной армией противника. В первый раз отражал атаку превосходящих сил, во второй раз руководил отступлением. Не самая выгодная роль для командира.

В первый раз — в августе 1992 года, когда грузинская армия с артиллерией и бронетехникой вошла в Абхазию и в первый же день заняла столицу. Соотношение сил — сто тысяч против пяти миллионов. Ноль единиц бронетехники и несколько сотен охотничьих ружей против

десятков танков и сотен артиллерийских стволов у наступающей стороны. Полное господство врага на море, полное господство его же в воздухе. Никаких укреплений, никаких оборонительных рубежей подготовлено не было — да и как их можно подготовить, если до последнего мирного дня в республике вперемешку жили абхазы и грузины? Но на реке Гумиста, что сразу за окраиной Сухума впадает в Черное море, абхазы пытаются создать линию обороны. Шансы есть, надо только дождаться подкреплений. Добровольцы уже двинулись с Северного Кавказа, они идут из казачьих районов — с Кубани, с Дона. Достать оружие тоже можно. Только что рухнул Советский Союз, по всей России пилится, делится и списывается советское имущество — кто уследит в этом хаосе за продажей лишней сотни снарядов, тысячи «калашниковых», пары-тройки единиц бронетехники? Скоро, скоро они будут доставлены, пройдет еще несколько дней, несколько недель, и повстанческая республика уже не будет беззащитной. Но времени нет совсем, противник рядом.

По счастью, кроме охотничьих ружей, нашлось еще немного оружия, современного, грозного — противотанковые мины. Настоящие, хорошие мины: ими можно остановить неуязвимую танковую лавину. Но кто знает, как обращаться с ними? Крестьянские парни и мирные горожане сумеют разобраться, как стрелять из автомата, но никто не учил их управляться с противотанковой техникой. Они еще пока не знают, что мины нужно заводить какими-то ключами, что стоять сзади гранатометчика в момент выстрела так же опасно, как и прямо перед ним, что не каждый выстрел из ПТУРСа для танка смертелен — в него надо стрелять со знанием дела, как из лука в индийского слона.

По счастью, враждебная сторона тоже не имеет большого опыта и не блещет изобретательностью. Танки идут по трассе, солдаты едут на автобусах, как туристическая группа. Они вообще-то пришли не воевать, а занять Абхазию гарнизонами, разобраться с теми, на кого покажут, а потом отдохнуть под августовским солнцем, вволю накупаться в теплом море. Таких можно поймать в ловушку, с такими можно сражаться. Полковник из Академии бронетанковых войск приказывает заминировать дороги там, где должны проехать грузинские танки, двигаясь на запад. Дороги здесь узкие, вьются среди густых зарослей сочной тропической зелени. Что за кустами справа, что слева —

разобрать нельзя. Достаточно грузинским командирам отступить от самого простого плана войны — и их танки сквозь кустарник, ломая молодые деревья, выползут в тыл абхазам и поедут дальше. Но грузины не верят, что война будет серьезной, не хотят думать, что она продлится много месяцев, что придется сражаться в снегу метровой толщины, в бушующих штормовых волнах, в развалинах многоэтажных домов. Танки и бронетранспортеры едут прямо вперед и подрываются один за другим — один, второй, третий, наконец десятый. Огромная армия спешно откатывается назад, грузины роют окопы на берегу реки, которую так и не сумели перейти, отделяя ими чужую территорию от своей. Теперь линия раздела проходит поперек республики, а расположенный прямо в ее центре Сухум — прифронтовой город. Полковник остановил противника, но это еще не победа. Победа — это изгнание вражеской армии, а до этого еще очень далеко.

* * *

Река Гумиста делит Абхазию почти пополам, в нижнем течении она такая же, как и другие абхазские речки — бурная, каменистая, холодная. Поросшие густым лесом округлые горы, словно гигантские мшистые валуны, возвышаются над ней, загромождая небо. Только два моста соединяют два берега — Верхний и Нижний, в километре друг от друга; противники не разрушают их, не взрывают, ведь никто не знает, кому они в конце концов достанутся. Эта река была раньше известна только специалистам — вода в ней была мировым эталоном чистоты: здесь не строили заводов, сюда не сбрасывали отходы. Теперь она упоминается во всех международных новостях как линия фронта. Грузины не смогли прорвать этот фронт, теперь не могут и абхазы. Накопить побольше сил, перейти на другой берег и взять Сухум — задача почти невыполнимая. К абхазам пришли подкрепления — почти все народы Северного Кавказа, волонтеры со всех уголков России. Оружие тоже нашлось, хотя у грузин его больше. Но перейти реку не удается: первый штурм состоялся в ноябре, второй — в январе, и оба были отбиты.

Грузины уже не думают о победе, не рассчитывают перейти реку там, где несколько месяцев назад их остановили почти безоружные ополченцы, но свой берег они укрепили хорошо. Повсюду бетонные доты, окопы, каждый разбитый дом превращен в убежище. На зиму в Абхазии не опадают листья, из любого куста самого хра-

брого бойца легко скосит автоматная очередь. Каждый раз, пытаясь перейти Гумисту, абхазы теряют десятки солдат — пока лишь десятки, масштаб войны еще невелик. Но потери растут с каждым месяцем, а противник силен, уверен в себе.

Абхазы готовят третью операцию, на этот раз воодушевления больше: — мы приобрели опыт, мы научились сражаться, у нас появился флот, а враг устал от долгой суровой зимы. Сибиряк этой зимы и не почувствовал бы, но кавказцы давно не видели таких сугробов и таких морозов. Вот и сейчас еще холодно, но это даже хорошо. Вражеские солдаты насиделись в окопах, они измучены морозами, если первая атака будет удачна, у противника не выдержат нервы. Если удастся перейти реку, грузинская армия побежит.

Наступление назначено на 14 марта — спустя ровно семь месяцев после начала войны, после вероломного нападения на мирную, спящую республику. Накануне боя принимает присягу армянский батальон: армяне и прежде воевали за абхазов поодиночке, теперь они собираются в большой национальный отряд. Они слышат, что на грузинской стороне армян грабят, убивают, отнимают у них дома; армяне надеются, что после победы с абхазами жить будет лучше, чем с грузинами. Армянский батальон пойдет одним из первых; рядом пойдут испытанные в бою группы ополченцев, пойдут и чеченцы под зелеными знаменами, а рядом с ними — казаки с Дона и добровольцы из Турции. Невозможно устоять перед таким ударом. И не смогут языческие боги, которым до сих пор приносят в Абхазии жертвы, остаться равнодушными и не помочь своим детям.

Бой начинается. Первая атака удачна: Верхний мост пройден, грузины разбиты и бегут. Укрепленные блиндажи не взяты, огневые точки не подавлены, но это неважно: вперед, вперед, в Сухум! Скоро будут видны многоэтажные дома западной окраины; каждый абхазец знает эти места, в родном городе будет легче сражаться. Надо зацепиться за городские кварталы и уже не разжимать челюсти: сколько бы ни было танков и гаубиц у грузин, они не смогут остановить наступление. Правда, огонь не стихает, наоборот, грузин как будто становится больше. Но надо идти вперед: скоро Седой Лис вызовет подкрепления, скоро грузинская армия получит снаряды, подтянет войска, отправленные недавно в тыл, против партизан. Надо успеть, прорваться далеко вглубь

Сухума, надо захватить вокзал — ключ ко всему городу. До него уже близко.

Полковник не командует наступлением, а лишь руководит одной из боевых групп. Он выполнил боевую задачу, он вывел свой отряд на заданные рубежи, но чувствует неладное: огневые точки не подавлены, линия грузинских блиндажей отсекала абхазский авангард, зашедший между ними, как когда-то шведы под Полтавой между русскими редутами. Второй эшелон абхазской армии уже не может прорваться на подмогу, а значит — передовые части попали в огненное кольцо. Грузины, засевшие в дотах, будут сражаться до последнего: если их не спасут свои — впереди гибель или плен. А если продержаться до подхода грузинской армии — поражение абхазов неизбежно.

День кончается, наступает темнота, и все абхазские командиры, каждый по-своему, понимают: битву выиграть не удалось. Расчет оказался неверен: у абхазов слишком мало артиллерии, слишком мало техники. Получить подкрепления можно, но грузины уже не бегут, они остановились, они стягивают силы. Можно бросить новые силы в последний бой, как в мясорубку; но можно принять другое решение, о котором пока еще не решаются говорить. Отступить — это значит признать напрасными все потери этого дня и этой ночи; отступить придется по мосту, под ураганным огнем. И все же отступать еще можно — потом придется просто бежать.

Полковник возвращается в тыл, в самый главный штаб. Здесь собралось руководство республики, здесь и командиры, вернувшиеся с линии огня. Каждый поставил на карту свою репутацию, каждый отвечает за исход битвы перед людьми. Абхазия — маленькая страна, от народа не спрячешься за экраном телевизора, не скроешься за дверцами лимузина.

— Что будем делать?

— Отступить.

— Отступить нельзя, в четвертый раз никто не пойдет через Гумисту.

— Проиграем бой.

— Что посоветуешь? — это вопрос полковнику, хотя его мнение уже известно — но никто не хочет согласиться с этим мнением.

— Очень трудно трахнуть бабу посреди площади — слишком много советчиков, — отвечает полковник. — Сейчас вам нужны не советы, а решение.

— Говори, мы примем твоё решение.

— Надо отводить войска.

Решение принято. Абхазская армия начинает отступать. Ее авангард уже окружен, но есть возможность увести главные силы, можно прорваться между грузинскими дотами и уйти на свой берег. Приказ есть, хотя многие бойцы возмущены и просто не желают ему подчиняться. Боец армии непризнанной республики — это не солдафон, слепо выполняющий любую команду: у него всегда есть свое мнение. Зачем отступать, когда большая часть пути уже пройдена? И не просто пройдена — она усыпана трупами. Ведь мы уже вступили в город, а кто знает — удастся ли в следующий раз заставить грузин врасплох? Надо сражаться до конца, удача любит смелых, а новое наступление будет еще труднее: с каждой битвой гибнет все больше солдат, с каждой неудачей все меньше решимости. Оставить позиции, завоеванные с таким трудом — не предательство ли это? И почему бойцы должны подчиниться решению, принятому в тылу, в штабе? Может быть, и это очередная ошибка — что тогда?

Но грузины удерживают позиции, они тоже полны решимости. Семь месяцев назад они ехали сюда, чтобы сорвать абхазский флаг со здания бывшего обкома, а потом пить, веселиться и радоваться. Теперь они знают, что идет самая жестокая война из всех, какие видела Абхазия за последние сто пятьдесят лет, что их главная ставка в этой войне — право их соплеменников жить на Золотом берегу. Они знают, что если абхазы с союзниками войдут в столицу, десятки тысяч грузин будут драться за места в автобусах и на катерах, чтобы бежать из города, бросив дома и все имущество. Они еще не знают, что в октябре, всего через полгода, сотням и тысячам сухумчан придется уходить через ледяное ущелье, продуваемое всеми ветрами, в летней одежде по снегу, без еды и без огня. Но грузинские солдаты понимают, что не должны впустить абхазов в город, который считают своим, и они не бегут. Победить абхазы не смогут — смогут только измотать свои и вражеские силы. Но из Тбилиси придут подкрепления, а абхазы уже исчерпали свои резервы. Еще можно выиграть битву, но есть риск проиграть всю войну.

Через четыре дня после начала первой атаки абхазская армия отходит на западный берег реки. Самое тяжелое поражение и вместе с тем самый тяжкий позор — не удалось выменять пленных, обменивать их не на кого. Потом, полгода спустя, после взятия Сухума, их найдут захороненными в общей могиле. Но пока что их матери

верят, что сыновья в плену, просят сделать все возможное, чтобы освободить их. Абхазские командиры считают свои потери: сотни бойцов легли в землю, а линия фронта не изменилась ни на сантиметр.

Полковнику больше не поручали ни одной боевой операции. О его приказе вспоминали как о роковой неизбежности: вот если бы... А тем временем внутри Грузии разгорается политическая борьба, а потом и гражданская война. Проходит несколько месяцев, и снова абхазская армия идет на штурм. С четвертой попытки удается захватить господствующие высоты, которыми пренебрегали в марте. И только пятая попытка завершается победой. Правова полковника подтвердилась, когда для него это уже не имело значения.

Грузинская армия бежала из Абхазии, рассыпавшись по дороге. Многие годы на самом высоком уровне ведущие политики пытались урегулировать конфликт. Абхазский вопрос решался в Вашингтоне и Брюсселе, в Москве и Нью-Йорке, на встречах лидеров ядерных держав. Никто бы не вспомнил об Абхазии, если бы в августе 1992 года грузинская армия не была остановлена у маленькой реки. Однако человек, слегка подкорректировавший ход истории, не стал героем в своей стране. Он остался жить и работать в России, иногда скромно и незаметно приезжает в родную республику. Там его вспоминают иногда во время какой-нибудь шумной политической кампании. Не называя имен, приводят как пример отсутствия патриотизма некий приказ об отступлении, отданный в разгар победоносного движения на Сухум. Вот если бы... Редко кто возразит. Ведь эта битва была уже давно, в Абхазии и в Грузии выросло целое поколение, не видевшее войны. И как доказать, кто был прав, кто виноват пятнадцать лет назад?

Нередко приказ об отступлении оказывается самым верным решением. Но всегда остается самым трудным.

ПОВЕСТИ И РОМАНЫ

Лара САДОВСКАЯ

МУРАВЬЁП

Записки из дневника, никогда ранее не бывшие опубликованными, прежде всего, по причине отсутствия микрочипов и, уж тем более, типографий. Роман. (Окончание. Начало в альманахе «Словесность 2008»)

По вечерам мы долго пьем чай и болтаем.

— Мне кажется, Севочка, что ты забыл поздравить Машу.

— ?

— Машеньку Никольскую. Она родила мальчика. Сегодня они уже дома.

Машенька Никольская — жена моего институтского товарища. Мы изредка встречаемся. Не представляю, как я мог забыть об этом радостном для моего друга событии, если весьма смутно мог представить себе, что оно вообще должно произойти?

— Но мама!

— Мы, конечно, уже поздравили ее и приготовили подарки. Но хочется, чтобы и ты сам позвонил. Им будет приятно. Кстати, ты не знаешь, бывает ли в продаже вересковый мед? Машенькиной соседке по палате очень хочется его.

Очаровательная женщина — моя мама.

— Ты знаешь, ма, мы сегодня опять весь день обсуждали, кого же назначат заведующим нашим сектором. Хочется, наконец, дожить до времени, когда можно будет действительно работать. Неужели нам все-таки назначат этого ничтожного Белко.

— Не назначат.

— Откуда ты можешь знать?

— Он не ученый.

— Ха! Это мало кого волнует.

— Но кого-то все-таки волнует.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказала: он не будет вашим начальником сектора.

Он действительно не стал им.

Иногда мама бывает мной недовольна.

— Не очень-то ты внимателен ко мне.

— Разве?

— Я вполне серьезно. Ты помнишь, месяца два назад я рассказывала тебе о пищевых муравьях, которые появились в шкафчиках на кухне? От них житья нет. Их ОЧЕНЬ много. У них как будто миграция. Они проложили несколько тропинок и снуют по ним туда и обратно целый день. Это все-таки пищевые муравьи, бытовые насекомые, поэтому я, скрепя сердце, терпеливо уничтожаю тропинки вместе с муравьями. Они так же терпеливо прокладывают новые.

— Ты думаешь, я мог бы чем-нибудь помочь? Например, уничтожить тропинки вместо тебя?

Моя ирония не принята.

— Представляешь, на днях я поговорила с соседями, у них то же самое. Точно так же и в других районах города, я уже выяснила.

— Муравьи тоже есть хотят. Накрывайте для них отдельный стол.

— Мы вызвали санэпидемстанцию. Они расставили блюдечки с какой-то гадостью. На муравьев это никак не повлияло. Нам объяснили, что они набросятся на эту еду, переотравляются таким образом и исчезнут. Ничего подобного не случилось. Несколько нетерпеливых, правда, попробовали — я обнаружила их трупик. Но остальные продолжают бежать с той же скоростью. А к блюдечкам не подходят. СЭС в растерянности.

— Остается только посочувствовать.

— И ты знаешь, что самое интересное? Я понаблюдала. Это какие-то странные пищевые муравьи. Их совсем не интересуют пищевые продукты. Они в них совсем не задевают.

— Тогда я не понимаю тебя. Значит, они не мешают никому.

— Они могут быть переносчиками заболеваний. Им не место на кухне.

— Но чем я-то могу помочь.

— Ты должен знать, что с ними делать.

— Но почему? Странно, что ты никак не можешь запомнить — я микробиолог, и никакого отношения к насекомым не имею.

— Очень хорошо, поэтому-то я к тебе и обращаюсь. Най-

ди какой-нибудь гормон, который их отпугнет.

Хорошенькое дело — найди гормон. Как будто найди очки, я куда-то сюда их положила.

Но с женщиной не спорят.

Когда я по утрам бегу на работу, то на газоне, недалеко от подъезда, неизменно встречаюсь с очаровательным существом в красном пончо и с рыжим хвостом на макушке. Рядом прогуливается собака тоже до удивления рыжая и тоже с пушистым хвостом. Эта деталь моего утра стала столь привычной, что лиши меня ее, и я буду чувствовать себя весь день препогано, как если бы не чмокнул в щечку маму, выбегая из квартиры.

Когда я впервые увидел это создание, у него были невообразимо длинные руки и длинные ноги. Хвост на макушке и собака, впрочем, по-моему, остались без изменения.

Собака тогда залаяла на меня — ведь я бежал. Девчонка закричала на собаку. Я показал девчонке язык. Так собака представила нас друг другу, и мы, как и принято среди культурных людей, каждое утро стали здороваться друг с другом, строя рожи и высовывая языки. В то время я еще учился в институте и мог позволить себе эти несолидные шалости.

Собака, после первой нашей встречи, стала проявлять ко мне полнейшее равнодушие.

Сейчас мы здороваемся, как обычные люди. Я на бегу высвобождаю руку от сумки, бутерброда, перчаток — что там еще может быть в руке? — машу ею и кричу: «Привет! Как дела?» «Привет! Отлично!» — отвечает она. И я скрываюсь за поворотом.

Я получаю от них заряд бодрости на день, а они... тоже, наверное, что-нибудь от меня получают.

То, что мы не перебросились ни одним нормальным словом, объясняется, конечно, только моим напряженным утренним графиком.

У нас в Институте запрещено курить. Трудно сказать, что это — дань моде или общественному мнению, но научные работники считают своим долгом дымить сигаретами и папиросами разных сортов и калибров — им так лучше думается. Поэтому в Институте, кроме туалетов, которые повсеместно являются вынужденным пристанищем заядлых курильщиков, сохранилась традиционная курилка, именуемая у нас Заслонкой.

Заслонка является местной достопримечательностью, остатком роскоши прежних времен и пользуется всеобщим уважением. Кое-кто занимался лингвистическими изысканиями и что-то говорил о топонимике. Другие оказались проще и могли без смущения спросить: «Откуда такое слово?»

Есть несколько версий. Истины не знает никто. Утверждают, что слоны здесь не при чем. Хотя, очень немногочисленная группа товарищей считает, что слоны — это завуалированные мамонты. Те научные мамонты, которые в нашем Институте вымерли. Как и повсюду, впрочем.

Наиболее поддерживаемые следующие две версии. Первая. Когда обдумываешь что-нибудь, трудно бывает усидеть на месте. По крайней мере, большинству. Вот и прогуливались гении науки в преддверии великих открытий в месте, наиболее для этого приспособленном. То есть курили и слонялись по аппендиксу коридора, называемого ныне в честь неутомимого движения в пространстве великих умов — Заслонкой. По ней и сейчас слоняются.

Вторая. Обильный дым этой не только курилки ЗАСЛО-НЯл многочисленных искателей утешения, советов, истины, анекдотов, опыта и капель никотина от ока их бдительных начальников.

Впрочем, мне и эти общепринятые версии кажутся малоубедительными. И на все вопросы я могу смело ответить: как хорошо, что существуют научные тайны. Значит, есть еще, на чем упражнять закругленный отросток в верхней части туловища. Заслонка, между прочим, любима не только за то, что здесь можно курить. Стены ее несут обильные следы давнего, но славного прошлого в виде информационных бюллетеней и стенгазет, подготовленных к когда-то состоявшимся капустникам. Не сходя с места, вы можете обрести советы по любым мыслимым и не мыслимым вопросам, данные уже современными авторами и запечатленные на специально для этого прикрепленных к стене листах. Когда места не хватает — заезжают на стену.

Кое-где можно увидеть лихорадочным почерком написанные формулы и зарисованные схемы. Значит, все-таки кто-то иногда выходит сюда для того, чтобы подумать.

«Вестник Заслонки» — еще одна часть традиции. Когда-то, видимо, это был актуальный боевой листок. Сейчас его пергаментного цвета листы бумаги правильнее считать единицами хранилища из архива древних актов, забытых, по недосмотру персонала, на стенах после показа экспозиции.

В лаборатории совершенно неожиданно зашел спор об эксперименте — в какой степени он нужен, каково его влияние на развитие теории, какова должна быть степень его точности и уровень статистической отчетности... Я сказал «спор», но вынужден пояснить, что это такое, потому что имею мало представления, так ли это происходит в других местах.

Спор вообще — понятие широкое, это, может быть, другая сторона диалектики. Но я сейчас о рядовом человеческом споре. Много эпизодов с его описаниями встречается в литературных произведениях. Спор о незначительном, малом каком-то предмете, но столь страстный, что заканчивается дуэлью. Ожесточенная политическая дискуссия — и один из ее участников в итоге на эшафоте. Спор на Ученом совете Института — и в результате инфаркт. Споры в лабораториях — оторванные пуговицы, побитая посуда, фингал под глазом. Но вот наступило время, когда людей стали учить культуре спора, чтобы стал он продуктивным и без физических последствий для человека.

Каюсь, но мне очень хотелось бы хоть краем глаза глянуть на те споры. Чтобы страсть, чтобы мужество, чтобы энергия... Конечно, я не прав. Не зря же от этого ушли. И вот спор в лаборатории. Человек спокойно и аккуратно излагает свою точку зрения. Потом это делает другой, третий. Во рту возникает вкус пресной, зато без сомнения очень полезной, пищи. Именно ее почему-то есть всегда не хочется.

Я заскучал и, как всегда, бестактно вмешался.

— Вы знаете, кажется, эта проблема заинтересовала людей давным-давно, но даже на заре развития науки они были склонны скептически относиться к сочетанию теории и эксперимента.

— Что именно вы хотите этим сказать?

— Да вот, недавно прочел любопытную страничку в «Разговорах с Гете» Эккермана. Гете говорит, что многие люди упорствуют в своих ошибках, потому что эти ошибки являются основой их материального благополучия. Но как же тогда опыты могут подтверждать их неверную теорию — спрашивает Эккерман. А Гете поясняет, опыты ничего и не подтверждают, более того, они не существенны, так как эти люди стремятся не найти истину, а утвердить свое мнение. Ну как, похоже?

— Похоже? Что, похоже?

— Мысли Гете о современной ему науке на современную

нам?

Обиделись. Интересно, на что больше — на мой глупый намек? На Гете? На Эккермана?

Чувствую, что пора освежиться. Отправляюсь на Заслонку. Успеваю затянуться только раз. Бешеный ветер в унылом коридоре! Блеск молнии! Запах озона! Магнитная буря! Входит Елена в сопровождении. Сопровождение никогда не оставляет ее. Она принимает его услуги, умея как-то не замечать ни этих услуг, ни самого сопровождения. Она очень естественна, но она на Олимпе.

На Заслонке, между прочим, есть мебель. Почитатели этого уголка отдохновения за долгие века существования Института успели натаскать сюда кучу списанного хлама, который вполне подходил и для того, чтобы на нем относительно удобно сидеть, и для того, чтобы, примостившись где-нибудь в уголке, запечатлеть на листе бумаги, внезапно посетившие мысли. Последнее, впрочем, в прошлом. Есть здесь и огромное старое кресло. На него, используя подлокотники, усаживается обычно человека четыре. Когда Она приходит, кресло мгновенно освобождается для нее. Она курит. Боже, какой парадокс. Этих прекрасных губ касается сигарета. Их должны касаться только мои губы.

Когда мы выходим из Заслонки, то несем на себе ее запах в лаборатории, на улицу, в свой дом... Кондиционеры не спасают — все пропитано никотином. А Она — нет. Это еще одна ее тайна. Наши женщины вылезали из кожи вон, чтобы узнать, чем она пользуется, чтобы не продымиться. Что она может им ответить? Она пахнет морем — ведь родилась из морской пены. Она пахнет солнцем — его свет в ее волосах и глазах. Она пахнет буйным ростом трав и цветов.

«Елена! ты с собой ввела
Смерть в наши дома!»

Сопровождение изыскано и вождельно лепечет что-то ей.

— Не верьте им, этих истин просто не существует на свете.

Ко мне обращаются спокойные глаза, уголки губ чуть-чуть раздвигаются.

Я провел очередную информацию о международном положении. Конечно, это всего лишь дань традиции. Международное положение уже давно никого не инте-

ресует. Кроме меня. Я радуюсь, негодую, теоретизирую. Они спят.

— Послушайте, накоплено слишком много вооружений, региональные конфликты могут перерасти...

— При чем здесь мы? Что ты к нам-то пристаешь?

— Для вас это неважно?

— Этим занимаются те, кто наверху.

— Взлетим мы все вместе.

— Они не допустят.

Ко мне подошел наш завсектором.

— Больше вам поручаться такое ответственное дело не будет — вы паникер.

— Я реалист.

— Нет, вы паникер. Нарисовали какую-то дикую фантастическую угрожающую картину.

— Но если вооружений различных типов слишком много...

— Мир постоянно разоружается, и нет оснований...

— Согласен, постоянно подписываются договоры о запрещении какого-нибудь оружия. Но какого?

— Какого?

— Устаревшего. А в это время уже изобретено новое и на подходе новейшее.

— Не думайте, что вы умнее всех.

— Понимаете, оружие может выйти из-под контроля...

— Прекратите, я не допущу подобных разговоров!

Стоявшие рядом с нами, побагровели, так же как и он, и так же понуро ушли. Видно, я чего-то недопонимаю. Может быть, им тоже страшно?

Мне грустно. Оптимист в грусти непригляден, и я не хочу попадаться людям на глаза. Я иду посидеть в укромном уголке, где бывал в студенческие годы. И делаю я это, конечно, зря. Относительность времени может хоть в ком убить веру в жизнь.

Сколько прошло времени с тех пор? Век? Год? Час? Я также сижу, что-то пью и что-то курю. Я другой. Здесь все то же. Мне никак. Я выскочка. Вечно лезу со своими мыслями и опасениями. Я нелеп, потому что меня так нелепо зовут: Се — ва. Таких имен давно уже нет. Значит, меня тоже нет. Я существую только в своей собственной фантазии. Здорово я себя нафантазировал. И Елену тоже. Здорово она у меня получилась.

Тут ко мне поступает сигнал извне. Значит — я реальность. Ко мне наклоняется другая реальность. Она похо-

жа на модильяновскую Лолу.

— Вы меня не узнаете?

Нет, девушка, я вас не узнаю. Я вас даже не вижу. Я вижу какой-то запущенный сад и в нем маленький деревянный домик. За забором зеленое поле, чуть дальше река. В ней тонет солнце. По-настоящему тонет. Захлебывается, рвется, чтобы освободиться. Вода вокруг бурлит, кипит и держит его, держит, тянет назад. Ему не выбраться. Ого всюду надвигается сиреневая темь. В ней тону я. Рядом со мной тонет какая-то женщина. Я ей неприятен. Она смотрит на меня осуждающе. Она в который раз задает мне один и тот же вопрос: «Зачем вы это сделали?». Никак не могу вспомнить, что я натворил. Кажется, ухватил кого-то за крылья — на моих пальцах остались от них чешуйки. Что за суровость! Я же тону. Мне не до чужих крыльев. Вокруг все темнее, темнее. Темь чавкает вокруг меня. Я закидываю вверх голову, чтобы не захлебнуться... а там, вверху светло. Я зацепляюсь взглядом за звезду, подтягиваюсь, и небо всасывает меня в свою светлоту.

Нет, девушка, я вас не узнаю. Но я никогда не видел и не мог видеть такой картинки. Таких пейзажей уже давно нет на Земле. Они остались в XX веке. Сейчас мы предельные прагматики и каждый кусочек земли используем рационально. Природа существует в отдельно отведенных ей местах, все остальное занято разумной деятельностью человека.

Милая девушка... Милый Модильяни...

Сегодня я сижу дома. Сегодня у меня дико болит голова. Поэтому сегодня у меня методический день. Я читаю Аполлинера. Я ищу в нем свои вчерашние видения. Я ищу в нем свою прошлую далекую жизнь. Я нахожу в нем чужие обстоятельства и чужие судьбы.

У мамы опять вереница людей. Они обсуждают сегодняшнюю жизнь. Это значительно, но непонятно. Я уважаю их помыслы и стремления, как уважаю все для меня непостижимое. Моя милая мама находит возможность время от времени заглянуть ко мне. Она понимающе улыбается и оставляет на тумбочке чай с лимоном. Как она узнала, что мне хочется именно его? Наверно, она телепат. Значит, знает и о моей вчерашней жизни. Выведаю все, что только можно.

Кажется, я изменил своему назначению и из активного оптимиста превратился в нудного пессимиста.

«По листьям ходят,

Поезд отходит,

Время уходит,

Жизнь уходит...»

И моя, в том числе. Моя нынешняя. Не знаю, сделал ли я что-нибудь в прошлой, но нынешняя совершенно бесплодна. А ведь мой возраст — возраст свершений. Мне жутко хочется что-нибудь свершить. У меня зуд в голове, и руках. Мыслей — тысяча, задумок — тьма, шансов — не знаю, не считал, результат — нулевой. Почему?

Сейчас сяду и буду работать над диссертацией. Этой своей работой я хоть на крошечный шаг, но продвину науку. Это будет мой реальный вклад и исполнение моего назначения в жизни. Тема узенькая и неблестящая. Но не все то золото, что блестит. Ученый должен быть нетороплив, аккуратен и настойчив. Я уже изучил историографию вопроса. В ней действительно есть одно крохотное белое пятнышко. Его заполню я. И войду в историографию вопроса с честным открытым лицом и гордо поднятой головой. Бонапартизм в стору. Сейчас это невозможно. Эксперименты дорого стоят. Кругозора на все историографии не хватит. Но в них есть маленькие беленькие пятнышки. Так что — большой разбег, огромный замах, а покрываешь все то же крошечное беленькое пятнышко.

К тому же научные руководители очень ограничены... во времени.

Я напряженно думаю над темой уже два часа. К счастью, приходит мама.

— Делаешь вид, что работаешь?

— Я работаю.

— Вижу.

— Я решил оставить заметный след в науке.

— Похвально.

— Благодарные потомки поставят мне памятник.

— Вижу, тебя утомила жизнь.

— Жизнь не утомляет, утомляет существование.

Мы перекидываемся этими серьезными и давно проверенными в душе фразами еще довольно долго без одышки и особого сердцебиения. Потом берем паузу, прервав которую, мама вдруг совершенно невпопад говорит:

— Кстати, о муравьях. Ты знаешь, я дала задание некоторым из своих, они проверяют. Во всех обследованных квартирах этих насекомых обнаружили.

— Было бы странно, если бы этого не было.

— Я считаю: странно, что это есть.

— Дались тебе эти муравьи.

— Понимаешь, настораживает вот что: все остальные насекомые, которые раньше предпочитали жить с человеком, давным-давно изгнаны из наших домов. Попробуй найти в них тараканов, клопов или мух. А муравьи ползают. И кажется, появились они сравнительно недавно. Во всяком случае, раньше я этого что-то не помню.

Кажется, у мамы тоже появился большой вопрос. У меня — международное положение, у мамы — домашние муравьи.

Когда милый разговор двух здоровых людей по двум большим вопросам потихоньку утих, мама дала дельный совет. Мама всегда дает только дельные советы. Поэтому я всегда им следую. И сейчас тоже.

Я выхожу на воздух, чтобы освежить мою бедную переработавшую голову. На улице светлый вечер, легко дышится, потому что можно перестать думать. Решительным и поспешным шагом я устремляюсь к остановке автобуса. По дороге привычно машу рукой и кричу «Как дела» силуэту в красном пончо и грандиозному хвосту рыжей собаки. Я привычно спешу, но куда? Этот вопрос застает меня врасплох. Мне приходится остановиться и морщить лоб, соображая. Собака заинтересовалась приключившимся со мной столбняком и решила подойти поближе. Я не то чтобы ее боюсь, просто мне неприятно, что она такая большая. Из состояния обоюдоневерчивого приветствия нас вывел веселый звонкий голос, уверенно произнесший какую-то белиберду:

— В данную секунду жителей западного полушария постигли ужасные бедствия: одновременные землетрясения разрушили Кордильеры и Анды, пересохла Миссисипи и налетел ужасающий цунами с Атлантического океана.

— Отчего весь этот апокалиптический ужас? — бормочу я, теряя надежду прийти в себя.

— Можно сказать проще: медведь в лесу подох.

— Час от часу не легче.

— Виной всему вы.

— Я???

— Да, вы нарушили связь времен и событий.

— Позвольте, позвольте... Я...

— Вы остановились.

— Вот это да! Вы нашли потрясающе верную точку отсчета.

— Стараемся, — почему-то грустно сказала девушка.

Я заглянул ей в глаза. Меня покоячил запах скошенных трав и дурман позднего цветения. Шорох листов и трав, топот каких-то мельчайших существ повлек меня за собой. Наваждение. Оно уже было со мной. Когда? Ах, да, вчера.

— Послушайте, я...

— Да, вы вчера не узнали меня.

— Простите.

— Не стоит.

— Вы знаете, мне надо прогуляться, но я разучился. Не будете ли вы так добры, подучить меня немножко.

— С удовольствием.

Мы идем, как ни странно, не спеша, дышим воздухом, и яркие фонари мешают нам видеть свет звезд. Она смотрит на меня лукаво и говорит, растягивая губы в милую улыбку:

— Я довольно часто бываю в этом кабачке со своими однокурсниками.

Стараюсь не замечать ее иронии, мне не так уж приятно вспоминать вчерашнее, поэтому пытаюсь сбить ее со следа:

— Надо же, когда я был студентом, мы тоже именно туда всегда ходили.

— В таких значных местечках мне обычно приходит в голову, что люди XX века должно быть думали, что уж мы-то, дети XXI века, наверняка будем лишены их слабостей. Курить, пить — они считали злом и в меру сил боролись с этим. А мы и пьем, и курим. Так же глупы, как они, только более рациональны. Вы не находите?

Я находил. Но мне было интересней узнать что-нибудь о ней, чем обсуждать то, что я вчера напился, как какой-нибудь шалопай XX века.

— Скажите, а по какой специальности вы учитесь?

— Я будущий филолог.

Мне было очень стыдно, но я никак не мог удержаться.

Она удивилась:

— Почему вы смеетесь?

— Простите, просто я не представлял, что в наше время

это может еще кому-нибудь понадобиться.

— Вот видите, какой рационализм. Вы хотите, чтобы я занималась чем-нибудь полезным. А я хочу делать то, что мне интересно.

— Интересно читать Шекспира или русские былины. Но то, что вы напишите о них, прочтут только такие же, как вы, специалисты. Что изменится от этого в мире?

— Так ставить вопрос неправильно. Ведь когда Неизвестный Художник сидит где-то в тишине и одиночестве и рождает свое Произведение, никто об этом не догадывается. Но откуда вы знаете, что оно не перевернет мир?

— Знаю, не перевернет. В наш век перевернуть мир может только наука. А чтобы что-то перевернуть смогло Произведение, его, как минимум, должны узнать и понять. А кто к этому сейчас стремится?

— Да, это так. Но человеку нельзя не мучиться прекрасным.

— Ну, раз нельзя, завтра объявим по телевидению.

Она грустно улыбается.

— Вы знаете, — говорю я совершенно невпопад, — меня зовут Сева. — Она почему-то совсем не удивляется. Смотрит на меня внимательно и ласково:

— Севастьян. Очень милое, немножко крестьянское имя. От него пахнет низким-низким мычанием коровы перед дойкой, цветущим лугом и потом, а еще прохладными досками пола, которые очень приятны босым ногам.

— Я не такой. А этого всего вы не можете знать, — почему-то раздражаюсь я и от ее слов, и оттого, что она не удивилась моему странному имени.

— Конечно, — она внимательно вглядывается в меня. — Я этого не могу знать, этого уже нет. Я так чувствую.

— Ничего вы не чувствуете, вы все это просто где-то прочитали, — ожесточаюсь я.

Как она может это чувствовать? Она не знает ни деревенских домишек с печками, ни цветущих лугов, ни деревенских запахов. Она же нигде не могла этого видеть. И я не мог. Все это осталось в далеком прошлом. Откуда же эти видения? Я ведь тоже вчера... Это раздражает.

Она смотрит на меня понимающе и зачем-то соглашается: «Конечно, прочитала».

На работе дремотно и скучно. Идеи не то, что не носятся в воздухе, они даже нигде не попрятались под корягами полудрежных мыслей. Впрочем, это, кажется, никого не

беспокоит, кроме меня. Что ж, у каждого человека свое счастье. Зато мною опытно руководят и, видимо, все-таки доведут меня... до достойного завершения недостойного этого труда.

Осень. Что поделаешь — осень. Кажется, не у меня одного мерзкое настроение. Недавно иду по коридору и слышу, как двое меня обсуждают: «Ты знаешь, у него всегда есть выражение лица». Дожили. Надо будет посмотреть, что есть на лице у говорившего.

Елена так же прекрасна в дождь, как и при солнце. И нет больше никаких сил выносить это. Надо что-то делать. Но что, если я не могу даже сформулировать для себя, чего я хочу? Чтобы она меня любила? Целовать, страстно корежа ее тело? Наверно — да. Но все это все равно не поможет. Она остается так же недоступна и прекрасна. Хочется спрятаться и забыться.

— Мама, давай поговорим.

— Давай поговорим. Но отчего так нервно? — мама подсаживается ко мне и тихонько берет за руку. Я прекрасно знаю ее хитрости — ей известен тысяча и один способ, как успокоить меня. Но я не хочу успокаиваться. Сегодня я нравлюсь себе таким — взволнованным, резким, импульсивным. Я аккуратно забираю у нее руку.

— Мама, расскажи мне про деревню.

— Ну, я думаю, ты в сто раз больше меня об этом читал.

— Нет, ты расскажи, что ты видела.

— Да ведь я, Сева, деревни-то не видела. Во времена моей молодости их уже не было, — она вглядывается в меня. — Тебе что-то вспоминается?

— Да, запахи, звуки, что-то еще. Разное.

— Это в тебе говорит память прошлых поколений. И наша с папой любовь. Уже на нашей памяти природу загнали в жалкие закутки заповедников, чтобы сохранить ее хоть там. Я была медиком в папиной геологической партии и поэтому попала туда. До сих пор не могу понять, как можно было захотеть лишиться такого счастья.

— Ты думаешь, существовала альтернатива?

— Конечно. Просто, когда спохватились, было слишком поздно. Люди переоценили себя. Не в их силах восстановить мировую гармонию.

— Ты представляешь себе человека, как насильника над природой.

— Приблизительно так. Каждое творение природы —

совершенство, и каждое связано с другим тысячами нитей. К каждому детишу своему она благосклонна и предоставляет равные права с другими. Человек решил все переделать. Он присвоил себе все права, предоставив всему остальному одну лишь обязанность: обслуживать свои прихоти. Он решил силой взять то, что ему и так предлагалось с радостной улыбкой.

— А может, природа жестока, и человек выжил только благодаря тому, что подчинил ее себе?

— Природа не жестока, она естественна. Жестокость появилась с человеческим разумом.

— В чем-то ты права... Только человек может уничтожить не для того, чтобы насытиться.

— Конечно, если жесток тигр, убивающий лань, то жестока лань, поедающая траву, тогда жестока эта трава, вытеснившая другие виды трав. Но это не жестокость, это просто их жизнь.

— Мама, расскажи мне про деревню.

— Разве тебе интересно про деревню? Ты хочешь знать про человека. Все мы так или иначе хотели бы вернуться к тому состоянию наших дальних предков, когда они составляли нераздельное целое с травами, птицами и зверями.

— Если бы в человеке остались природные инстинкты...

— ...то история человечества не была бы такой кровавой.

— А история природы?

— Так ведь у них неразрывные судьбы. Но человек плохо это понял. У него непомерная гордыня, он разделяет, чтобы властвовать: вот — Человек, а вот — Природа.

— Ты думаешь, природа еще не всё сказала?

— Думаю, нет. Когда-нибудь скажет такое, что мы содрогнемся.

— Ну, уж это ты... Я тебя породил, я тебя и убью?

— Считаешь, что звучит анекдотично? И зря, ведь нет анекдота трагичнее, чем жизнь.

— Мама, ты прелесть.

— Приятно слышать.

— Мама, а то, что папа погиб в лаве вулкана — это не жестокость природы?

— Нет, это неправильный расчет человека.

— Что-то у тебя везде неправильные люди и правильная природа? Поразительнее всего, что это говоришь ты, великий человеколюб.

— Не вижу никакого противоречия. Мне нравится помо-

гать людям, но это не значит, что я должна любить пути развития, которые выбрала цивилизация.

— Ты знаешь, я тоже думаю, что без человека на земле было бы спокойнее, — я смеюсь, а мама, пожалуй, могла бы сказать это всерьез. Кажется, мама чувствует точнее, чем я, но неужели она права?

Сегодня с утра у меня какое-то странное состояние. Я проснулся и тут же сказал себе: «Замри». И замер. Что-то во мне готовится выйти наружу. Я сегодня сосредоточен, потому что не могу ответить себе на непростой вопрос: мне что-то ужасно хочется сделать, но что? «Вот в чем вопрос», — напеваю я, рыская со слабым огоньком мысли, в потемках своего существа.

Сосредоточенно опаздываю в Институт. Через репейники людей, через пустыню разговоров, через бесконечность коридоров бросаюсь напролом к своему столу. В диком возбуждении испещряю лист за листом закорючками знаков. Рука не поспевает за мыслью. Мысль не поспевает за рукой. Они борются за первенство. Я не с ними, я сам по себе. Время и пространство отступили. Осталось только движение. Скорость его слишком велика, материя меня перестает существовать.

Потом начинается торможение. Трудно после состояния невесомости ощущать притяжение земли. Все мышцы болят, во всем теле вялость и равнодушие, голова, выплеснувшая мысли, шумит потревоженной пустотой.

С изумлением наблюдаю проступившие пространство и время: лаборатория, час окончания обеда. Пошатываясь, встаю. Мне что-то говорят, протягивают руки. Я их не понимаю. Сейчас я буду долго сидеть на Заслонке и медленно-медленно додумывать оставшиеся мысли.

Дым попадает мне в глаз, я щурюсь и пытаюсь осознать, что же я сейчас делаю. Кажется, что-то очень большое. Оно оказалось гораздо больше меня, и поэтому вылезло наружу. Теперь все это надо по-человечески оформить, чтобы стало понятно другим и влезло к ним внутрь.

Меня настигает знакомый неземной запах. Но я не здесь, меня пока что еще нет. Все это завтра, завтра. Сочувствующие улыбки, знакомые коридоры. Я отправляюсь домой.

Институт гудит, как улей. Они уже прочли, там наверху. Информация просочилась. Меня тормозит, спрашива-

ют, радуются, сочувствуют, злятся. Я смеюсь, спрашивающие не ждут ответа, и я молчу. Появляется чай, шлейф сигаретного дыма расстилается далеко от Заслонки. Сегодня все можно. Они говорят, что пока ничего еще не знают и не понимают, но что такое бывает не каждый день. Я верю им. Почему бы и нет.

По Институту несется весть: «К директору». Я иду спокойный, совсем не думая, что скажут там о моей работе. Я сделал все, что мог.

Директора нет, но кабинет полон. Замы, замы, замы, завлабы... Они суровы и непреклонны. Они начинают допрос.

Фамилия, имя, отчество. Год рождения. Институт, факультет, год окончания — они со мной не знакомы.

В какой лаборатории работаете?

По какой научной теме?

Кто научный руководитель?

Что сделано по научной теме?

Когда защита? — они строги и беспристрастны. Они медленно, со знанием дела продвигаются к интересующей их теме.

Кто научный руководитель по данной научной теме?

Как можно работать по научной теме без научного руководителя?

Почему стал разрабатывать эту тему, а не тему, назначенную Институтом?

Если не разрабатывал, то как мог написать такую работу?

Здесь сидят не школьники, не надо их убеждать, что подобную теоретическую работу можно сделать за четыре часа, — кажется, мой скромный труд они восприняли, как личное оскорбление.

Почему не воспользовался компьютером и писал все от руки? Так работать не рационально.

Почему воспользовался экспериментами другой лаборатории? Полное отсутствие этики ученого.

Понимаю ли ответственность, которую беру на себя таким открытием?

Понимаю ли, что теперь мне нужен серьезный научный руководитель?

Тут они, мало стесняясь моим присутствием, сильно увеличили накал научной дискуссии по актуальному вопросу: кто будет моим научным руководителем. Все это время они медленно подкрадывались именно к этой теме. Хоть они и ученые, не могут же их не интересовать

собственные перспективы. Да и что важнее этого может быть в науке?

Носимая без соответствия ученая степень умерщвляет суть.

Зато у меня была передышка — допрос к этому моменту длился уже часа три. Конечно, никакого отношения к моему открытию он не имел. Ну, ничего, надо потерпеть. Все равно закрыть, то, что я открыл, уже нельзя.

Теперь я понимаю, что вынашивал свою идею долгое время. Она оказалась на стыке двух совершенно разных направлений. Одно из них разрабатывала моя лаборатория, другое — лаборатория моего приятеля, Яна Брена. Я был в курсе их работы. Со временем, очевидно, во мне это совместилось, переработалось и выдало результат. Я не виноват, что так получилось, и чего меня ругают?

Результат исходил из меня действительно около четырех часов, но думался-то все это долгое время. Ян — прекрасный ученый-экспериментатор. Он не обиделся на меня, что я взял вот так, и все обобщил. Он просто дал мне документацию по экспериментам.

Тут распахнулась дверь, и вошел Директор. Мне не сказали, что он должен прийти. Теперь понятно: им надо было уничтожить и поделить меня до его прихода, чтобы при нем только воспользоваться плодами своей победы.

Директор не пошел к своему столу, а прямо с порога направился ко мне — он, оказывается, был со мной знаком. Довольно сильно для такого худого и старого тела потряс мою руку. Глаза его возбужденно блестели. Он сказал: «Я счастлив!» Еще раз потряс мою руку и, рассерженно сопя, пошагал к столу. Но не сел, он произнес маленький спич.

Оказывается, я не только сделал грандиозное открытие, но, вдобавок, открыл еще и новое направление. А главное, я могу теперь работать над чем и как хочу, и научного руководителя ко мне не приставят, и даже, наверное, дадут свою лабораторию.

Директор высказывался редко, кратко и по существу. Поэтому они знали — спорить бесполезно. И тут же переключились на вопросы фондов, оборудования, ассигнования под новую перспективную лабораторию... Хотел бы я уметь так переключаться. Впрочем, глаза присутствовавших все еще были затуманены несбывшимися мечтами. Что ж, и самые недалекие люди порой способны на светлую грусть.

Валентин КУКЛАЕВ

В ПОИСКАХ АНДРОГИНА

Главы из романа

(Продолжение. Начало в альманахе
«Словесность 2008»)

Глава 6.

Книга Повелений. Повелевающий, измерь!

Мы забираемся в отдалённые уголки памяти, где-то на краю ночи, на краю нашей вселенной, и она, как маленький осколок огромного зеркала, отражает одно из наших «я»... Мелькнув, оно больше не повторится.

Оно уникально, как каждый наш вдох и выдох, и мы просто дышим и не осознаём этого, и жаждем великих событий, не понимая, как отзовётся маленькое и незначительное в дальнейшем...

Он вспомнил ночь, когда проснулся от страшного крика матери и отца... Взглянул на дверь и увидел, как отец наотмашь ударил мать, а потом толкнул в бок. На полу вместе с матерью лежал поваленный торшер и оранжевый абажур. Отец стоял как-то отстраненно, тяжело дыша ртом, увидев сонно-испуганное лицо мальчика, посмотрел на него с внутренним сожалением, и вдруг мальчик понял, что отец непременно от них уйдёт этой ночью... И внутренний голос мальчика закричал: «Отец, не уходи... не уходи этой ночью...», но губы его тряслись и ничего не сказали. Мальчик втянулся в темноту своей комнаты и начал быстро одеваться. До него доносились обрывки фраз, и когда всё стихло, он быстро прошмыгнул в коридор, тихонько открыл дверь, поднялся на этаж и стал ждать. Вскоре появилась отец, он быстро спустился вниз по лестнице. Мальчик побежал за ним.

Они стояли перед большущим вспаханным полем, которое не перейти. Впереди ослепительно белели дома, блестящие где-то там, на обочине неба, которое всё в голубых всполохах. Мальчику идти неудобно, на нём длинное пальто до пят...

Мальчик: «Куда мы идём?».

Отец: «Ты устал?».

Мальчик: «Мне холодно, я промок, я больше не могу. Ну, зачем нам туда идти?».

Отец: «Потерпи, дыши глубже...».

Мальчик: «А сколько шагов осталось терпеть? Ну, сколько шагов?».

Отец: «Это город неразрушимых огней и бессмертия, это место, где в храме находится символ повеления. Если мы туда дойдём сегодня ночью, то там продолжатся наши жизни, после того как нас не будет. Мы должны найти вход... вернее, ворота этого города... Терпи и дыши, дыхание это Теос...»

На что запрограммировал отец сына? Зачем показал этот путь? Или, когда-то его отец, в свою очередь, сделал с ним то же самое? И так из поколения в поколение передавали родители направление, но никто не знал, какими потерями обернётся эта дорога для их же собственных детей. Никто из отцов не знает, чем мерить будет жизнь сын, поэтому из поколения в поколение передавалось традицией «терпи и иди, иди...»

Апокалипсис: «И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нём. А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť свяťтый город сорок два месяца».

Эти строки мальчик прочтёт позже и поймёт, что измерение означает близкий конец, что собрать информацию, сохранить размеры требуется, чтобы потом восстановить. Целевая мера, как жезл повеления, имеет два смысла, два символа — гибели и возрождения. Чтобы появилось новое, старое должно отмереть.

Лишь немногие движутся в сторону знания, которое основано на измерении, структурировании. Недаром у Платона на дверях его школы было написано: «Не измеренным не входи!» Измерение означало близкий конец, распад, конец старого, и в нем же содержалось будущее. Так был измерен Иерусалимский Храм перед его падением, чтобы сохранить его для будущего и запомнить его таким, каким он был. «Измерь, сохрани размеры, чтобы потом восстановить», — говорит этот символ Повеления.

Повеление дается поэту — очевидцу и провидцу, чтобы он измерил тростью Храм Божий, как измеряли на Востоке здания, связанные с Символом, употребляемым Пророком Иезекилем (Иез. 40,3) и у Пророка Захария (Зах. 2, 1-2). Из-

мерение означало близкий конец. Бог измеряет для того, чтобы разрушить. Поэтому Символ Повеления имеет два смысла: гибель Храма и его возрождение. Возрождение не только в этой жизни, но и в будущей вечности. Так сохраняется ушедшая любовь, и возможность прикоснуться к этому источнику вновь. Так же пишется эта книга, чтобы потерявшим или упустившим, по каким — то причинам свой шанс, была дана надежда — Эльпида, обрести Храм любви еще раз.

Яркий свет приближающейся машины слепит глаза. Он нарастает белым немигающим куполом и закрывает и поле, и сверкающий вдалеке забытый город Теос, и неразрушимые звёзды, и глаза. В этой ли машине «сидят мужчина за рулём, а рядом женщина...»? Долго в ту ночь сестра Мария сидела у открытого окна своей комнаты и ждала их...

Глава 7.

И тихо капал дождь, и утром приходила Магдалина...

Почему его сестра Мария? Почему к Христу — через Марию? Почему дева Мария сидит на троне, установленном на луне? Почему католики поклоняются Ей как Богу, хотя она просто женщина, дающая любовь? Потому, что Дева Мария воплощается и вочеловечивается в Софии, ведь София всегда в правильных отношениях с Творцом и она мировая душа молитвы.

И почему мужчина до 33 лет не женился? Или был женат, если был, то на ком? На Марии Магдалине? Почему две Марии возле Него, других имен, что ли, нет?

Все эти вопросы задавал себе мальчик, став подростком, и стоило ли ему разбираться: было ли, не было...

...Город, лежащий на западном берегу Тивериадского озера, жалкий. Домишки, сложенные из мелких береговых камней, смешанных с илистой грязью, плотно прижались заборами друг к другу. То город Магдала. На плоских крышах некоторых жилищ сделан верхний этаж в виде шалаша из тростника и хвороста. В таком домике на верхнем этаже живёт с родителями и сестрою девочка Мария, одинокая как тоненькая пыльная пальма во дворе, где больше нет никакой растительности. Кто знал

тогда, что будет она стоять и смотреть, как истязают её возлюбленного, глаз не отводя: что будет с ним в его мучительной гибели? Что по прошествии субботы, на рассвете первого дня недели она, благочестивая жена, под мелкий моросящий дождь, по местным обычаям, поспешит к гробу обработать настоями трав, ароматами, тело своего возлюбленного и не найдёт его там, гроб в горе будет пуст! Кто знал, как оборвётся её сердце? Кто знал? И первой и единственной женщине, перед тем, как предстать перед Всевышним, явится её Воскресший: «Жена, чего ты плачешь? Кого ищешь?». И время свернётся в плотный комок, и бросится она к Нему: «Раввунни!». В ответ услышит: «Мария! Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не взошел к Отцу Моему». Кто знал, что первая она услышит повеление, чтоб не пошла непрошено молва, (а смысл её всегда повёрнут наизнанку), идти и говорить, что ОН воскрес из мёртвых. Кто знал? Кто знал, что много лет потом в холёном и чванливом Риме она будет говорить о НЁМ, искать справедливости, обивать пороги, добьётся приёма и принесёт жалобу императору Тиберию на Пилата и поднесёт ему укором красное яйцо: ОН, вроде, жив, но стыдно обжигает воскресенье — символом страдания и вознесения Господа...

Что не пригрезится подростку, когда захочет он проверить силу и сжать в кулаке куриное яйцо, услышать хруст скорлупы и смотреть на вытекающую между пальцев жижку? Он ищет силы смысла, но трудно пробудить в себе его созвучие.

Одно, второе, пятый раз, доказывал он что-то самому себе или всего лишь думал, что доказывает? Смещение признаков, расставленных предметов, партитуры смысла...

Не равны ли и нам, в сущности, и мерцания снов, и дела наши, и вера, и сомнения...

О'ЧИЛАП (ОЛЕГ ЧИЛАП)

КАК Я ПРИДУМАЛ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

В детстве я не мог понять, откуда берутся праздники, кто их придумывает. И почему все, не сговариваясь, знают, что сегодня будет весело, и не надо идти в школу, а взрослым — на работу... Понятно, что все праздники разные — одни с парадами и демонстрацией, другие — Новый год или 8 Марта. Но как бы что ни называлось, в праздник люди всегда радовались и целыми семьями в гости ходили. Иногда праздник как будто и был, но без выходного, вроде Дня космонавтики. Тоже здорово, но только никакого веселья... Просто с утра вспомнят по Радио Гагарина, к вечеру космонавтов перечислят, или покажут по телевизору залиvisto лающих щенков Белки и Стрелки. И всё. Остальное в такой день — как обычно. Но если праздник считался выходным днём, то все взбудораженные, улыбаются, поздравляют друг друга. На улицах люди весёлые с цветами бумажными, настроение у всех приподнятое. И кругом флаги, лозунги призывные. А едва стемнеет, в городе иллюминация зажигается — очень здорово. Ну, а вспыхнет в небе рассыпанный гроздьями салют, так аж дыхание перехватывает — настолько всё красиво... И тогда, срывая голос, все, как ненормальные, орут — ура-а-а!!! Конечно, я любил такие праздники. Но только всё равно не мог понять, сколько мне ни объясняли: кто так решил, что ещё вчера ничего не было, да и завтра уже не будет, а вот именно сегодня бабахнуло... А если, например, я сам захочу праздник объявить — все, что ли, с этим согласятся, и начнётся ликование Вселенское?

В 1999 году Россия шумно отмечала 200-летний юбилей Пушкина. Торжествам был придан небывалый
р а з м а х .
В Москве, куда ни пойдёшь, всюду тебя встречал графический профиль поэта с его размашистым автографом. Развешанные в центре города транспаранты «Пушкин — это наше всё!» соперничали с призывными растяжками «Казино «Кристалл» предлагает свои миллионы практически даром!» По отмашке столичных властей помпезно открывались новые, приуроченные к юбилею, памятники: самому Пушкину, его бакенбардам и жене Наталье Гончаровой. Появился и такой — Александр Сергеевич как будто идёт с невестой под венец. Этот скульптурный

шедевр получился особенно впечатляющим — бронзовый поэт выглядит обречённым и явно страдающим рахитом. К тому же оказалось, что Натали выше «нашего всего» на полголовы — многих это обескураживало. В книжные магазины поступали многотомные переиздания великого пушкинского наследия. Писатели-поэты и графоманы всей страны пели аллилуйю национальному гению. Радио и телевидение наладили бесперебойные поставки в эфир литературных пушкинских передач. Какие-то из филигранных программ даже хотелось на магнитофон записать — настолько грамотно они были сделаны. Но что такое штучная ручная работа против мощностей штамповочного цеха... Особенно, когда сопровождается всё дикими сентенциями. Золотыми буквами выбита в вечности фраза патетически воскликнувшего радиоведущего: «Если бы не пуля Дантеса, Александру Сергеевичу исполнилось бы сегодня 200 лет!» Повсюду внезапно обнаружили многочисленные потомки Пушкина. Самые древние из них на ломаном русском рассказывали в интервью, как ещё в младенчестве ощущали в себе мятующийся ген великого пращура. Подобно обратному отчёту времени перед стартом межпланетного корабля с космодрома Байконур, с экранов телевизоров строгий дикторский голос ежедневно предупреждал: «До дня рождения Александра Сергеевича Пушкина осталось 114 (78, 59 и т.д.) дней». Люди с неустойчивой психической организацией откровенно нервничали — Пушкин у порога, а мы не готовы! От предпраздничной этой колготни двоилось в мозгах: с одной стороны, вроде бы правильно — Пушкин всё же, не какой-нибудь там временщик однопартийный. Да и юбилей внушительный — 200 лет! — разве ж можно не отметить... Но ощущение кампанейщины и бющий фонтаном елей сбивали с ног. И подзуживала егозливая гипербола... Потому что раньше ведь как было? Раньше Пушкин яростно обличал царизм, разбудил декабристов и практически в одиночку печатал большевистскую газету «Искра», из которой потом повсеместно пламя возгорелось. А зато теперь, в приступе всенародного поклонения Великому Поэту, его, любившего жизнь-через-край, с головой окунули в кондитерскую святость. И многие неожиданно стали путаться — а не Пушкин ли у нас Иисус Христос?!

Хотя случалось, и грехи пушкинские на свет вытаскивали, но как бы шутя... То долги его карточные вспо-

минались, то характер вздорный. То какой-нибудь типа литературовед-пушкинист доставал из кустов скабрёзный рояль, на котором тупым обывательским гвоздём был нацарапан «донжуанский список Пушкина». И уж так смаковался пушкинистом тот список, что всякий не глупый человек даже не задавался вопросом насчёт амурных дел поэта, а просто понимал: у литературоведа этого явно проблемы — женщины его не любят...

Но главное — пока длилось «пушкинское юбилей-шоу», не покидало чувство, что сработала директива кого-то «сверху». Слово народу — дабы отвлечь от ежедневного житейского наждака — подкинули приглашение участвовать в культурно-патриотической пирамиде «Буря мглою...» В «пирамиде» потому, что любому здравомыслящему было ясно: на следующий день после 6-го июня — дня рождения Пушкина — волна уйдёт. И говорить о поэте с такой частотой и пафосом будут ещё лет через двести... За три года до грянувшего юбилея страна переживала очередной, отрывающий голову, полёт на русской «тарзанке» — президентские выборы. В противовес угрозе реставрации «светлого будущего» населению было предложено «голосовать сердцем за продолжение демократических реформ». То есть, за первого, ещё действующего, президента России и его, потерявшую берега, камарилью. По большому счёту, здоровым людям выбирать было не из чего: перспектива «красного реванша» ужасала, а «демократические реформы» насквозь пропитались воровством и криминалом и годами держали страну на голодном пайке во мраке и холоде. Хотя у многих и оставалась неутолённая на демократию надежда начала 90-х... Предвыборный штаб президента страны — «гаранта Конституции» — не жалел ни своих сил, ни здоровья потяжелевшего и к тому времени совсем уже не популярного в народе Ельцина. Ему, не стесняясь, почти стеклодувным методом «делали» рейтинг прямо из воздуха. «Раскручивали» перед выборами так навязчиво, словно из беспомощной, но пышнотелой свиристелки хотели на скорую руку сварганить поп-звезду национального масштаба. А сам «гарант», сильно в то время болевший, публично хорохорился и сыпал многоярусными обещаниями, что, мол, скоро уже жизнь наладится — он лично проследит. После первого тура выборов страну болтало, как самолёт-кукурузник: хотя действующий президент и победил, но с едва заметным перевесом. Многих при этом по-самолётному тошнило. И теперь «быть, или не быть»

демократии в наших краях — пусть даже и с таким очевидным вывихом, — вроде бы решалось во втором туре. И опять вроде бы всё зависело от выбора людей, «голосующих сердцем»... Тем временем политики разного калибра беззастенчиво перебежали из стана в стан и прилюдно торговали своей несгибаемой принципиальностью — на кону оказались должности, гарантии и привилегии. В ход шли любые средства. В смысле — любые материальные средства. Народ, ставший в одночасье электоратом, дивился бессовестности происходящего.

Всеобщую оторопь — и «левых», и демократов, и вовсе далёких от политической толкотни — вызвал нашумевший аттракцион с «коробкой из-под ксерокса». Вышло так, что между двумя турами голосования оборотистые ребята из команды «гаранта» наполнили «под завязку» ту невзрачную коробку полумиллионном дензнаков с портретами «импортных» президентов и под покровом ночи понесли это всё из Дома правительства куда-то мимо электората... Будто бы для оплаты артистов, агитировавших «за продолжение демократических реформ». Но бдительный охранник правительственного здания решительно засомневался в голос — а правильно ли это? Хорошо ли? Чьи это купюры, и куда их понесли? И почему вдруг из Дома, где родное правительство, не смыкая глаз, трудится на благо Отчизны, выносят — без каких-либо разрешительных документов и притом, беспардонно не поделившись! — «неучтёнку» в размере пятисот тысяч американских тугриков?! История та во всей красе была подана в теле- и Радио новостях. Кого-то лишили генеральских погон и с треском уволили навсегда. На кого-то ненадолго — для видимости — завели уголовное дело. А страна в очередном приступе изумления привычно-базедово выпучила глаза...

Наверняка, подобные финансовые фокусы исчислялись в те дни сотнями, если не тысячами, но лишь заветной «коробке из-под ксерокса» была уготовлена историческая роль — выражение это стало символом выборов «новой демократической власти». И что там их плюгавый — тоже мне! — в-замочную-скважину «Уотергейт»?! Здесь «пол-лимона» в одноразовой «коробке из-под ксерокса»! Кстати, впоследствии такие «коробки» регулярно обнаруживались при проведении исключительно «демократических выборов» в некогда братских республиках. Неизменными оставались дензнаки и портреты

«импортных» президентов — варьировались лишь суммы и национальный орнамент: киргизская «коробка из-под ксерокса», грузинская, украинская... В общем, в то сумасшедшее лето был дополнен список российских брендов, ставших международными: самовар, матрёшка, Хохлома, водка и икра, царь, зима и Сибирь, Толстой и Достоевский, Калашников, спутник и Гагарин, Олимпийский Мишка, перестройка и гласность. И вот теперь появилась ещё и сакраментальная «коробка из-под ксерокса»...

В те лихие, но чудесные дни я был главным редактором Радио «РаКурс». Ведущими эфира, авторами программ и звукорежиссёрами трудились на радиостанции разношёрстные музыканты, поэты и художники, историки, писатели и недоделанные актёры, фотографы и скульпторы, философы и филологи, сумасшедшие кельты и внебрачные внуки Мусоргского — другими словами, весёлая шпана в джинсах. Средневолновая, а потому неприхотливая, станция наша дышала в рок-н-рольном ритме, работая во имя не «попсовой» цивилизации. Было нас полсотни очень разных, но счастливых инопланетян. И мы дружно, хотя, наверное, и немного наивно декларировали Свободу и Радость, гуманистические ценности и культурологические приоритеты. Но главное — свою полную неангажированность политическую. Даю голову на отсечение — сегодня такие радиостанции невозможны...

Между двумя турами президентского бодания вызывает меня наш учредитель — в смысле хозяин — Андрей Щербаков, умный, симпатичный мужик лет 35. Помимо «РаКурса» владел он весьма перспективным производственным бизнесом. Но всё же станцию нашу любил, как любят младшего в семье, и гордился своим Радиодетишем всерьёз. При этом Щербаков обладал одной замечательной и по-настоящему редкой для владельца радиостанции чертой — не мешал нам работать. Просто не лез в наши радиийные дела. Ну, во всяком случае, искренне старался не лезть. И тут вызов «на ковер»:

— Мы должны выступить с заявлением перед вторым туром президентских выборов...

Припльбли, думаю... Культурологическая станция...

Вообще-то, Щербаков с политикой не заигрывал, придерживался принципа «делай своё дело». И хотя вроде бы за плечами у него и мерцало какое-то функционально-

комсомольское прошлое, в новой жизни он с головой нырнул в бизнес. А потому, как и многие тогда, из двух зол выбирал меньшее: об объятиях с «левыми» речь не шла, но и «гаранта» с его чудесами и гениальным дирижированием учредитель наш особо не жаловал. В общем, жил себе человек здравым смыслом. И вдруг:

— Мы должны выступить с заявлением перед вторым туром президентских выборов...

Щербаков испытующе на меня посмотрел и ответственно продолжил:

— Надо написать письмо президенту от имени радиостанции — высказать свою позицию. Нельзя стоять в стороне в столь важный для страны момент.

По природе своей я в стороне стоять не умею. Иногда думаю — к сожалению. Вечно лезу вперёд, если не сказать на рожон, за что и получаю регулярно по башке. Так что «стоять в стороне» я на свой счёт не принял. Да и не хуже шефа я понимал, что ситуация с выборами аховая — потому многие и голосовали за Ельцина. Точнее, против возврата коммунистов. Но писать письмо в Кремль...

— Мы — культурологическая станция, — стал отбиваться я. — При чём здесь политика?

— Стинг, между прочим, принимал участие в общественных акциях, и ничего. А ведь в музыке он, можно сказать, эстет, — блеснул осведомлённостью Щербаков, отдававший предпочтение бардам. — Ты пойми, — убеждал он меня, — кроме всего прочего, сейчас весьма подходящий момент для того, чтобы наша станция заявила о себе. Представь: не самое известное в мире Радио «РаКурс» в такое шаткое время — не дожидаясь результатов второго тура! — обращается к президенту России. А?!

— Нет конца у наших усилий, — брякнул я.

Щербаков пропустил мою сомнительную шутку и, без давления, скорее упрасивая, продолжал гнуть своё — напиши, что мы за культуру и искусство. За то, чтобы людям жилось полегче. Что против войны в Чечне.

— Мы же против войны?

— Против, — подтверждаю я без энтузиазма.

— Ну, вот и напиши — мой президент, мы против войны в Чечне! Ты же этим не идёшь поперёк своих убеждений. И добавь, что, мол, поздравляя Вас с победой в первом туре, тыры-пыры, надеемся на победу и во втором. Мы же надеемся?

— Надеемся, — не очень бодро соглашаюсь я.

Что говорить, я и сам не сомневался: отряды рьяно-революционных матросов, ведомые волевыми комиссарами в кожанках, станут громить чахлаю отечественную свободу — и в том числе наш средневолновый рассадник Радости и непокорности — уже на утро после взятия Зимнего. Но с идеей письма в Кремль у меня согласия не получалось.

Мы долго спорили, я кочевряжился и нервничал, а Щербаков называл мальчиковыми мои опасения, что письмо президенту будет выглядеть верноподданнически. Я же упирал на то, что интеллигенция не должна хотеть нравиться никакой власти, пусть даже власть и называет себя демократической. Иначе это уже не интеллигенция.

— Да я сам за этого — мать его! — Ельцина хожу—голосую вынужденно! — распался я. — Но писать на адрес: Кремль, дом 5... Есть в этом что-то от «ещё теснее сплотиться вокруг родной партии»...

— Я тебе не предлагаю хвалить Кремль, — говорит Щербаков. — Да и выборы пока не закончились, и ещё не известно, как оно обернётся. Так что в холуисте нас не обвинишь, ты зря. Но, во-первых, мы всё-таки поддерживаем Ельцина, хотя это, что называется, «на безрыбье». А во-вторых, я хочу, чтобы о нашем «РаКурсе» узнали. Просто узнали, и всё.

Он замолчал на секунду, и как-то по-студенчески сказал: — Да ты напиши в своём ироничном стиле. Но только напиши, не отказывайся.

И, сменив интонацию, добавил:

— И потом, знаешь... Я же никогда не лез в ваши редакционные дела. А уж просил о чём-нибудь ещё реже...

Что тут скажешь? Чертыхаясь, я пошёл писать письмо моему президенту.

(Окончание в следующей книге альманаха.)

Игорь ХАРИЧЕВ

МЕНЯ УБИЛИ... Странный детектив

1.

Я умер. Последняя пуля попала в голову. Ещё мгновение назад я хотел повернуться, увидеть того, кто пытался лишить меня жизни, кто посмел поднять на меня руку, кто выполнял свою или чью-то злую волю; ещё мгновение назад мне было важно знать, кто он, хотя невероятный страх растекался по моему телу, заполнял каждую мою клетку. А теперь всё это стало неважно. Теперь я смотрел на своё тело скорее с недоумением, чем со страхом. Темно-красная кровь, и впрямь похожая на сироп от вишнёвого варенья, не спеша растекалась по асфальту, пропитывала бежевую ткань куртки на спине — здесь пули прошли внутрь.

— Неприятное зрелище, — прозвучал рядом чей-то беззаботный, бархатистый голос. — Советую не смотреть.

Повернувшись, я обнаружил поблизости полного бородатого человека в белых одеждах, весьма старомодных — какой-то артист или полоумный, изображающий древнего римлянина, а может грека. Его реплика задела меня, однако я промолчал, подумав: «Что ещё за тип? Нечего тут глазеть. Это вам не кино.»

— К несчастью, да, — незамедлительно раздалось рядом.

— Это не кино. В кино убивают понарошку.

Такие речи мне ой как не понравились. Что за ирония по поводу моего убийства? Я бросил на кареглазого соседа строгий взгляд.

— Собственно говоря, вы кто?

Его невозмутимость ничуть не убавилась от моей суровости.

— Твой ангел-хранитель, — с явным удовольствием сообщил он.

Признаться, я не ожидал услышать подобное. Но не удивился. В моём нынешнем положении глупо было удивляться чему угодно.

— Если ты — мой ангел-хранитель, как ты допустил такое? — Мой кивок в сторону собственного тела, распротёртого на асфальте, объяснял, что я имею в виду. — Что это, чёрт возьми?

— Тут я был бессилен. — Весьма двусмысленная, то ли грустная, то ли блудливая усмешка украсила его бородатое лицо. — Даже для нас, ангелов-хранителей, существу-

ют пределы возможного. Да и как иначе? В конце концов, это ваша жизнь, тех, кто пребывает на планете, называемой Земля. Это вы должны прожить её. Испытав и радости, и горести. Наделав большее или меньшее количество ошибок. Раскайвшись в своих грехах или не раскайвшись. Получив по окончании то, что заслужили. А мы только помогаем в меру своих возможностей, не более.

— Но... я не хотел, чтобы всё так случилось.

— А кто хочет? — не без озорства поинтересовался он. — Никто не хочет, чтобы так случилось. Но многие делают всё для того, чтобы это произошло до срока и непременно как-то нелепо.

Я недовольно промолчал — мне был неприятен его тон и намеки в мой адрес, а он счёл нужным сообщить:

— Ладно, оставляю тебя. Тебе требуется побыть одному. Что называется, привыкнуть к нынешнему периоду. Он имеет свои особенности. Но... — Ангел-хранитель картинно развел руками. — Это данность. Мы с тобой ещё поговорим о таких вещах. И не единожды. Ещё раз совету — не смотри.

Он исчез. Весьма озадаченный разговором и прозвучавшими пояснениями, я опять взглянул на тело, которое имело ко мне прямое отношение. Вишневого сиропа стало ещё больше. Я лежал в нелепой позе: на левом боку лицом вниз, мои ноги были согнуты, правая рука заброшена за спину, а левая рука — прижата телом. Я вынужден был признать, что так и не решил проблему лишнего веса. Наличие живота бросалось в глаза, и это расстроило меня. Теперь уже ничего не исправить. Я рассчитывал жить долго, а дотянул только до ноября тысяча девятьсот девяносто шестого. Осознание подобного факта удручало неимоверно.

«Кто стрелял?» Вот какой вопрос упал на меня. И тотчас я чудесным образом оказался в другом месте, рядом с мужчиной, который шел быстрым шагом по асфальтированной дорожке. Он был худой, невысокий, спортивного вида. Лицо скуластое, невзрачное, но глаза, черные, стремительные выдавали решительность и волю. Я его не знал. И не видел раньше. Оглянувшись, он перешел на медленный шаг, а вскоре юркнул на заднее сиденье неприметной русской автомашины, «девятки» — так они её любили называть. Машина тотчас тронулась. Человек за рулем не произнес ни слова, он пристально смотрел вперед, стараясь проскользнуть между машинами, но не проявляя при

этом излишней наглости. Лишь когда машина отъехала на несколько кварталов, сдержанно спросил:

— Получилось?

— Да, — прозвучало сзади.

Мне было занятно присутствовать внутри машины, наблюдая за тем, что не мог видеть и слышать никто на всём белом свете. Я будто играл в какую-то игру.

— За тобой никто не бежал?

— Нет.

— Действуем по первому варианту?

— Да.

Сколько серьёзности было в их лицах, а я веселился, незримо пребывая рядом с ними. Они и подумать не могли, что за ними наблюдают, да ещё так нагло.

Проехав по набережной Москва-реки, потом по каким-то улицам, автомашина свернула в тихий переулок. Скучный бетонный забор тянулся по левой стороне. Когда он кончился, мы оказались в глухом месте. Здесь парочка выскочила наружу, из багажника была извлечена канистра. Несколько мгновений, и машина запылала. Мои убийцы кинулись бежать задворками, вскоре миновали жилые здания, выскочили на улицу. Я с лёгкостью следовал за ними.

Их ждала другая машина — чёрный «Мерседес», не из самых дорогих, но вполне достойное средство передвижения. Тот, более худой, который вел предыдущую автомашину, вновь сел за руль. А я — устроился на заднем сиденье. Мое развлечение продолжалось. Я был за спиной у тех, кто менее всего хотел иметь свидетелей. Я видел их эмоции. Звериное желание скрыться, уйти подальше от места преступления владело ими.

И вдруг я подумал о собственном теле, оставленном там, около вокзала. И в то же мгновение оказался подле него. Столь быстрое перемещение удивило меня.

Я лежал на прежнем месте, на асфальте, недалеко от ступеней, которые вели наверх. Как много вытекло крови. Я смотрел на своё тело с ужасом. Семь пуль попало в меня. Шесть — в спину, а одна, последняя — в затылок. Хорошо, что я не видел собственного лица. Невыносимо видеть своё мертвое лицо.

— Не надо смотреть на это, — вновь услышал я. Человечек в белых одеждах, уверявший, что он — мой ангел-хранитель, находился рядом. Какое ударение он делал на слове «это». — Не надо, мой тебе совет. Тем более, что оно с недавних пор не принадлежит тебе.

— Что не принадлежит? — не понял я.

— Тело.

Но я смотрел, я не мог оторвать взора от пугающей картины. Неужели там, на асфальте, около грязной кафельной стенки, в луже крови — я?

Множество людей собралось в переходе и на ступенях. Они стояли поодаль, потому что подойти ближе их не пускал милиционер. Мне было неприятно такое обилие зевак. В конце концов, это убийство, а не какое-то шоу. Я слышал многие голоса:

— За что его?

— Да небось он из этих. Из криминальных. Простого человека так не убьют.

— Вот уж не скажите, — женский голос звучал напористо. — Сейчас кого хочешь убить могут. Сейчас такие времена.

— Да ну. Что-то не поделили, вот и стреляют.

— Стреляли сверху. Он спустился, а оттуда ему в спину. Я видел.

— Видели, кто стрелял?!

— Нет. Того, кто стрелял, не видел. Я из метро шел. А что стреляли оттуда — видел.

Это была правда. Я спустился в подземный переход. И тотчас прозвучали выстрелы. И меня ударило в спину, а потом — в затылок.

Немолодая женщина с хронически усталым, высохшим лицом, одетая в белый халат, подошла ко мне, опустилась на корточки, приложила пальцы к шее. Посмотрев на милиционера, она спокойно покачала головой из стороны в сторону. Это означало — никаких надежд, умер. Тоже мне открытие: то, что меня убили, я и так знал.

Потом прозвучала сирена, и вскоре какие-то люди в штатском и в милицейской форме появились около моего тела. Вспышки фотокамеры, потом они повернули мое тело на спину. Я увидел свое лицо, невероятно бледное, осунувшееся.

— Иностранец, — прозвучал вдруг озадаченный голос того, кто склонился надо мной. Он достал мой паспорт.

— Час от часу не легче, — проговорил стоявший рядом.

— Откуда?

— Гражданин США.

— Как зовут?

— Пол Кейтум.

Это было моё имя.

Я продолжал смотреть на своё тело. Я не мог отвести взора.

— Не смотри на это, — вновь услышал я совет того, кто представился как мой ангел-хранитель. — Займись другим. Где твои убийцы?

Он заставил меня вспомнить про тех, двоих, которые мчались на «Мерседесе». Теперь меня уже не удивило стремительное перемещение. Вновь я оказался в машине. Сумрачное молчание наполняло кабину. За окном деловито мелькали деревья. Машина ехала где-то за городом. Я ощущал пульсирующее желание находившихся рядом людей быстрее спрятаться, уехать как можно дальше от того места, где они совершили преступление. Меня это забавляло — если бы они понимали, сколь их усилия тщетны. Я находился рядом. Я видел всё.

Машина свернула на проселочную дорогу, промчалась полем, а потом лесом, настоящим, но вскоре кончившимся, въехала в поселок и минутой спустя остановилась подле глухого кирпичного забора с воротами, выкрашенными зеленой краской. Тот, который сидел на пассажирском сиденье, выскочил наружу, отпер ворота и распахнул их. «Мерседес» въехал во двор, улица тотчас была отгорожена от пространства двора железными створками ворот, которые сошлись вместе.

Парочка вошла в дом, не слишком большой, но и не маленький. Тот, который стрелял в меня, включив свет, прямоком кинулся к стойке бара, занимающей угол просторного зала. Он налил водки в два стакана.

— Давай выпьем. — Он повернулся ко второму, который взял в руки телефон.

— Сначала надо позвонить, — упрямо проговорил другой.

— Я не могу ждать. Потом нагонишь. — Мой убийца залпом выпил стакан, поморщился, достал пальцами огурец из большой стеклянной банки, сунул в рот, принялся жевать.

Тот, который прежде вёл машину, не обращал на приятеля внимания, куда-то звонил. Один раз он не стал разговаривать, помолчал, опустил трубку, набрал номер повторно.

— Виктор Петрович? Это квартира Семёнова? Нет?.. Значит, ошибся. — Он осторожно положил телефонную трубку. Задумчивое выражение зависло на его лице.

— Все, — выдохнул он. — Теперь только ждать.

Я понял — тот, кому он звонил, посредник. Промежуточное звено. Я захотел быть там. И тотчас оказался. Обычная квартира окружала меня — в таких живут люди

среднего достатка. Я увидел мужчину средних лет, полноватого, лысеющего, вполне благообразного, ничуть не похожего на злодея — скорее на какого-нибудь не слишком успешного ученого. Он держал телефонную трубку рядом с ухом и набирал номер на аппарате. Потом ждал, когда ему ответят.

— Это Виктор Петрович? — блеклым голосом проговорил посредник. — Это квартира Семёнова? Нет? Простите, я ошибся.

Я устремился дальше, туда, где находился человек, разговаривавший с посредником, и очутился в ресторане, оформленном основательно, с хорошим вкусом, подле богато накрытого стола. Тот человек, который прижал к уху мобильный телефон, имел солидный вид и был одет в довольно приличный костюм. Закончив короткий разговор с будто бы ошибшимся человеком, он глянул на сидевшего напротив мужчину, одетого ничуть не хуже, чем он, проговорил с довольным видом:

— Всё нормально. Дело сделали и ушли. — Он поднял рюмку с водкой, чокнулся, выпил.

Я не знал этих людей. Не думаю, что они были настоящими заказчиками покушения на меня. За ними стоял ещё кто-то. Кто? Я хотел знать это. Я ждал, что последует. Но парочка продолжала пить и закусывать. Потом второй с явным удовольствием произнес:

— Филе из говядины, обжаренное с белыми грибами, очень даже неплохое. — Голос у него был несерьёзный, высокий.

— Должен признать, — в тон ему сказал первый, — что мясо ягнёнка на косточке, жаренное с этим... с розмарином и чесноком, тоже не подкачало.

— Может, слетаем в Париж на выходные? Развеемся.

— Неплохая мысль. А что, можно и слетать. — Тот, которой получил информацию по мобильному телефону, взял рюмку, наполненную прозрачной жидкостью, поднял её. — Чтоб мы с тобой были здоровенькими. Не как этот. Которого... Ну, ты понял. — Радостно хмыкнув и чокнувшись с приятелем, он залпом выпил содержимое, чуть поморщился.

Официант тотчас наполнил рюмки из пузатого графинчика. А парочка продолжила трапезу. Я понял — нужная мне информация не прозвучит в ближайшие минуты.

«Кто? — спрашивал я себя. — Джамаилов? Он решил на радикальные меры? Послал тех двоих через этих?»

Джамаилов работал в должности генерального директо-

ра. Я оказался в его кабинете, там, где много раз бывал. Аслан сидел за своим столом, его вытянутое, худое лицо выглядело встревоженным, даже расстроенным.

— Теперь на меня подумают, — в запале говорил он своему приятелю Руслану, вечно торчавшему рядом с ним. — Как я докажу, что не заказывал его? Как, черт возьми?.. Я не понимаю, что мне делать.

— По крайней мере, не дёргаться. — Недовольным голосом дал ему совет приятель. — Веди себя так, будто тебя это совсем не волнует. Ты ни при чём.

— Да, я ни при чём! — всё более возбуждаясь, выкрикнул Аслан. — Ни при чём! Но каждая сука будет говорить, что его заказал Джамаилов!

— Ну и хрен с ними. Пусть говорят. Никаких фактов против тебя нет.

Признаться, я был удивлен. Я видел, что он не врёт. Но если не он, то кто? Кому кроме него понадобилось моё убийство? Этого я не знал.

Тут я вспомнил о собственном теле. И увидел своё лицо, непривычно бледное, осунувшееся, безжизненное. Пугающее меня.

Рядом возлились какие-то люди — что-то мерили, выискивали, фотографировали. Подошел немолодой мужчина в штатской одежде. Судя по тому, какие знаки внимания ему оказывали, он был важной персоной.

— Пол Кейтум? — спросил он, внимательно посмотрев на меня.

— Да, Пол Кейтум, — подтвердил кто-то, стоявший рядом.

Я тоже устремил взор на своё тело. Зрелище вызывало у меня содрогание.

— Сколько же раз тебе повторять: не смотри! — Тот, кто представился моим ангелом-хранителем, не сердился, он укорял меня. — Займись другим.

Сам не знаю, почему, я вспомнил мать и моих сестер. Как давно я их не видел. В долю секунды я перенесся в Америку, в пригород Сакраменто, в родительский дом. Господи, какое это было стремительное перемещение на другой континент. Едва подумал — и уже там. Я увидел мать, которая спала в своей комнате. Моя старшая сестра Доротти тоже спала, а младшая — Дебора, в одной ночной рубашке выходила из туалета. Мои родные никоим образом не догадывались о том, что произошло со мной в России.

Я прошёл по комнатам. Здесь ничего не изменилось

с моего последнего приезда. В тридцатых годах этот надежный дом построил мой дед. Здесь росла моя мать, а двадцать лет спустя — я. Мне пришлось уехать отсюда в десять. Сначала в престижную частную школу, потом — в Стэнфордский университет. Но я приезжал в этот дом на каникулы.

«Я для них всё ещё живой, — вновь подумалось мне. — Когда ещё до них дойдет новость о том, что меня убили... — И тут странная мысль посетила меня. — Я умер? Но что тогда я сейчас? Я продолжаю думать. Я помню всё, что было. Я живу. По-другому, чем раньше. Но... живу.» Этот вывод поражал. В самом деле, я видел, слышал. Думал так же, как раньше. Ничего не изменилось. Кроме того, что я обрел невероятную возможность мгновенно перемещаться из одного места в другое.

— Чему ты изумляешься? — тотчас прозвучал рядом голос ангела-хранителя. — Ты верил в Бога, а значит, верил в существование мира, в который мы переходим после смерти. Какой ты на Земле рисуешь будущую жизнь в потустороннем мире, такой она и будет. Я не готов был думать об этом. Любопытство распирало меня — что происходит в Москве, там, на месте убийства? И я вновь оказался неподалеку от вокзала, и увидел: одетые в белые халаты мужчины перекаладывали мое тело на носилки. Белая простыня скрыла от меня моё бледное лицо. Носилки поднялись, поплыли вверх по лестнице. Открытый зев санитарной машины проглотил их. Дверцы сомкнулись.

Я перенёсся в ресторан. Двое мужчин, которых я оставил некоторое время назад, продолжали трапезу. Они знали толк в еде и выпивке. Я видел то наслаждение, которое испытывали они.

«И долго мне ждать, когда что-нибудь произойдет?» — размышлял я.

Признаться, мне вовсе не хотелось торчать в этом ресторане. Я чувствовал себя здесь не слишком уютно. Я решил сменить место. Но в этот момент мужчины обратили свои взоры в сторону входа. Глянув туда, я увидел Вазу. Теперь мне было ясно, кто организовал моё убийство. Важа демонстративно ленивым шагом приблизился к столу, сел.

— Что? — не без тревоги спросил он.

— Все в порядке, — с кривой ухмылкой ответил тот, который говорил с посредником.

— Ну и хорошо. Надо выпить за это.

(Окончание в следующей книге альманаха.)

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

от 2-х до 5-ти

КАРАНДАШ

Карандаш я не обижу,
Нарисую всё, что вижу.

Здесь живу я — это дом,
Это — Божий мир кругом,

Горы, реки и моря...
А художник — это я!

СНЕЖИНКА

Осторожно на ладошку
Прилетит снежинка-крошка.

Я её не потревожу —
На Звезду она похожа.

Я её тихонько сдую,
В дом вернусь и нарисую...

ЧАСЫ

Время мне узнать несложно —
Стрелки на лучи похожи.

Обозначит стрелка-луч
День встающий из-за туч.

Обозначит стрелка-дочь
Наступающую ночь.

Просто стрелки-близнецы —
Это времени гонцы...

ГОЛУБЬ

Голубь сядет на окошко,
Я ему насыплю крошки

И спою молитву вслух.
Знаю, Голубь — это Дух!

ОСЕНЬ

Листик с дерева слетает,
Это — осень золотая.

Мне четыре, а не пять —
Как про осень написать?

Что же делать, вместо слова —
Нарисую лист кленовый.

КАЧЕЛИ

Чтоб отправиться в полёт,
Мне не нужен самолет —

На качелях я лечу
Вверх по светлому лучу.

КОРАБЛИК

По волнам летит кораблик —
Веселей, волна, играй!

Он, как я, такой же храбрый,
Мы плывем в далекий край...

КОШКА

Занавеска на окошке,
А за нею — Мурка-кошка

Спряталась, комочек рыжий,
66 Думает — её не вижу...

СЕМЬ НОТ

Вот игрушка — клавесин —
До- ре-ми-фа-оль-ля-си...

А потом наоборот
Проиграю я семь нот.

Ведь вся музыка на свете
Состоит из ноток этих.

МОТЫЛЁК

Если кружит мотылёк —
Он летит на огонёк.

Свет я в доме не зажег,
Чтоб он крылья не обжег...

МОЯ АЗБУКА

Буквы знаю я уже:
А, Б, В, Г, Д, Е, Ж.

Буква — это в мир окно:
З, И, К, Л, М, Н, О.

Как кирпичики стиха:
П, Р, С, Т, У, Ф, Ха.

Вот и азбука моя:
Ц, Ч, Ш, Щ, Э, Ю, Я.

Если что-то пропустил,
Мама, ты меня прости...

ЩЕНОК

У меня собачка Тяпа,
У нее четыре лапы

Вместо рук и вместо ног —
Ведь она еще щенок.

Я ее гулять вожу,
Потому что с ней дружу!

СТРЕКОЗА

Вот — прозрачна, как слеза,
Попрыгунья-стрекоза.

Низко над водою кружит,
С каждой травинкой дружит!

МАЛЬЧИК-МЯЧИК

Мы гуляем в парке — тут
Есть большой, большой батут.

Я скачу, скачу, скачу
Так, что кажется лечу...

Я лечу, а это значит —
Я сегодня — мальчик-мячик!

Я РИСУЮ КНИЖКУ

Я рисую маме книжку,
На странице каждой — Мишка.

Говорит мне мама ведь,
Что я — маленький медведь.

МАТЕМАТИК

Ничего я не боюсь.
За компьютер я сажусь.

Раз, два, три, четыре, пять —
Все могу я сосчитать.

Не пойду сегодня в садик,
Я как папа — математик!

Лилия ВОЛОХОНСКАЯ

ШЛА ДЕВОЧКА ЗА ХЛЕБОМ

КОГДА Ася пошла за хлебом, уже стемнело. Скользя рукой по перилам, она на ощупь спускалась с лестницы, насквозь пронизанной холодной сыростью. Наконец снизу, как со дна колодца, мутно замерцал свет одинокой пыльной синей лампочки. В одной руке держа старую клеенчатую кошечку, в другой крепко зажав карточку, Ася направилась по пустынному двору мимо возвышающихся со всех сторон темных домов. Казалось, никто не живет за их мрачными стенами. Но вот тоненькая неровная ниточка света просочилась сквозь плотную глухоту стены — у кого-то, наверное, стала ветхой штора светома-скировки.

Пальцы Аси тревожно щупали карточки. По дороге в магазин она всегда проверяла их, хотя из варежки они не могли куда-то исчезнуть. Сейчас уже конец месяца, блокаду сняли еще прошлой зимой, и с едой стало получше, но потерять карточки все-таки страшно. Очень страшно.

Под ногами чернели лужи. Ася заглянула в одну из них. Черное дерево с некрасиво изогнутыми ветвями отражалось в ней, словно какой-то странный зверь с множественным рогами. На небе не горело ни одной звездочки, будто и там затемнение.

«Ничего, вот скоро кончится война, и сразу станет светло и вообще все будет по-другому», — подумала Ася.

Внезапно она ударилась ногой о что-то твердое и чуть не упала. На дороге валялось невесть откуда взявшееся полено. Среди мерзлой грязи нелегко было его заметить.

Она опять не сумела выбраться за хлебом до темноты. Сегодня со своим звеном Ася выступала в госпитале на концерте самодеятельности; наизусть читала «Бородино» и отрывок из «Мцыри». Когда она горячо продекла-мировала:

Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Из последних рядов кто-то крикнул: «Так точно!», и раненные громко зааплодировали прямо посередине стихотворения.

Потом Ася и ее одноклассницы остались помогать тяжело раненым — поили их чаем, писали письма под диктовку.

А накануне вечером соседи на кухне бурно обсуждали Клавку из шестой квартиры. Она окончательно отказалась принять своего мужа, потерявшего на фронте обе ноги. Пришлось бедолаге прямо из госпиталя ехать с сопровождающим в деревню к матери.

Чуть ли не до самой ночи не расходились соседи по своим комнатам. Кто осуждал Клавку, кто пытался ее оправдывать, кто обвинял во всем Гитлера проклятого, кто тяжело вздыхал, жалея обезноженного Петра:

— Клавка, она и до войны вертялая была!

— Ну, а если разобраться, женщина молодая, из себя видная, и на кой ей всю жизнь с калекой маяться?

— Да и жили-то они без году неделя, детей еще не нажили, гардероб не завели.

— Велосипед купить он успел перед самой войной, а кому он теперь нужен? Если только на жратву обменять...

Велосипед этот Ася помнила. Весной Петька катал ее на раме. «Садись, черноглазая, прокачу!» — как-то предложил он, и помчались они по Чайковского до самого Таврического сада.

Петька работал токарем на заводе, Клавка — официанткой в столовой. До войны Клавка делала шестимесячную завивку, вся голова у нее была в мелких одинаковых колечках, а губы ярко накрашены. Она и теперь, когда блокада кончилась, опять стала завиваться.

Как-то зашла Ася в шестую квартиру к Лене Владимировой, девочке из их класса (им учебник по арифметике один на двоих выдали, поскольку живут рядом). Так вот, вышла Ася на кухню и видит: сидит Клавка на табуретке за столом у зеркала, и горит перед ней большущая свеча. В пламени той свечи держит Клавка страшные щипцы, на длинные плоскогубцы похожие, к волосам их прикладывает и все в зеркало смотрится, смотрится...

А велосипед Петра на стене висит рядом с деревянным корытом.

До войны Ася не знала, что такое ненависть. Потом стала ненавидеть фашистов, а теперь еще и Клавку.

БУЛОЧНАЯ находилась в трехэтажном доме. Ася поднялась по мокрому ступенькам крыльца, открыла дверь и сначала даже зажмурилась от света. После длинной темноты улицы он казался очень ярким. Заняла очередь и стала ждать. Знакомая продавщица, круглолицая, добро-

душная, всю войну одним и тем же серым платком повязанная, привычными движениями отрывала талончики, затем брала гири — то огромную, то поменьше, то одну, то две, широким ножом отрезала от буханки кусок. С каким удовольствием Ася съела бы довески! Но все-таки теперь она уже могла смотреть на хлеб спокойно, хотя от него так хорошо пахло! В блокаду хлеб не имел никакого запаха, но думала Ася о нем все время: утром, днем, вечером... По ночам он ей снился. Ей и сейчас снится еда, только вкусная, довоенная: яйца, коричневые пирожные эклеры, которые папа покупал по выходным...

А продавщица между тем кладет хлеб на одну круглую чашу весов, гири — на другую. Подрожат, подрожат весы, как большие сковородки, на цепях подвешенные, и останавливаются. С одной «сковородки» хлеб опускается в заплапанные сумки, в потертые клеенчатые кошелки, в сетки-авоськи. С другой — гири спрыгивают на прилавок, их тут целая куча. Смотрела на них Ася, и вспоминались ей матрешки. Те тоже одна другой меньше, только матрешки красивые, разноцветные, а гири тяжелые, черные, холодные.

— Ах ты, моя хорошая! Пришла, моя умница! — услышала Ася приветливый голос продавщицы. — Ну давай, отпущу тебе!

Ася увидела огромную серую овчарку с корзинкой в зубах.

— Да чего ж это хозяин посылает ее, когда народ самый! — недовольно проворчал кто-то, потому что собака, разумеется, подошла без очереди.

Пес регулярно появлялся и в соседнем продовольственном магазине. Продавщицы брали из корзинки деньги и карточки и взамен наполняли ее нехитрой едой. Говорили, что хозяин собаки до войны был красавцем, жил вдвоем с матерью. Летом он вернулся с фронта с изуродованным лицом и с тех пор людям на глаза не показывается. Мать будто бы как увидела его, так и не выдержала, умерла с горя. Все удивлялись: где он взял эту овчарку, ведь после блокады в Ленинграде даже дворняжки не встретишь. А Ася смотрела на собаку и думала: «Такой большой, взрослый пес, и когда же он успел привязаться к своему хозяину? Или, может, он очень умный и сразу понял, что человек попал в беду? Вот если б можно было поговорить с ним».

Подошла Асина очередь. Она разжала озябшие пальцы, сняла варежку и протянула продавщице карточки.

— Пришла, моя хорошая! — сказала та ласково, точно так же, как перед тем Трезору, и заулыбалась во все свое лицо. — Да когда ж ты у меня поправляться-то станешь? И в чем только душа держится?! Бабушка-то твоя как? Жива еще? Тьфу, да что-то я? — спохватилась она. — Это ведь я про совсем другую бабушку подумала... Постоишь тут целый день — очумеешь!

Ася взяла полторы буханки и пошла. Сумка сделалась ощутимей, хлеба в ней по четырем карточкам: рабочей, двум детским и иждивенческой.

Шла Ася по черным лужам под мелким колючим дождеком и размышляла: «Про какую же бабушку спрашивала продавщица — жива ли она? Может, про ту, у которой в середине месяца карточки украли? Да нет, у той не было внучки».

Ася хорошо помнила, как две недели назад в булочной, прислонившись к стене, тихонько плакала маленькая старушка, одетая в пальтишко с узким меховым воротничком, рыжим и потрепанным. Около нее столпились люди, и Ася услышала чей-то голос:

— Пропадет теперь, она ведь совсем одинокая.

А какая-то женщина из очереди сказала:

— Не пропадет, у ней соседей много. Я в том году почту в ихнюю квартиру носила, знаю. Одних похоронок сколько перетаскала! В блокаду хоть и померли, да квартирата большая. Много у ней соседей, много.

— Да-а, — хрипло протянул солдат с пустым рукавом, засунутым в карман шинели. — С людьми не пропадешь. Да и сколько там ей надо-то?

Потом Ася думала о том, как надоело уж ей слушать про свою удобу. Самая худющая и во дворе, и во всем классе. «Неужели никогда я не поправлюсь? Ну хоть немножечко! Так, наверное, на всю жизнь и останусь блокадной», — с грустью вздохнула она. Позавчера утром Ася вышла на кухню умываться в одной маечке, а соседка, тетя Нюра, устала на нее, помешала ложкой в своей кастрюле и говорит:

— Нынче-то жизнь не как в сорок первом, люди-то уж после блокады вроде в себя приходят стали, а ты... Глядеть ведь больно!

И с чего ты такая? Может, порчу на тебя кто наслал, а? Темная она, тетя Нюра. Сначала о какой-то порче заговорила, потом совсем на другое перешла да еще громким голосом:

— Вон Надька Смирнова — тебе ровесница, тоже ноги

еле таскала, а нынче погляди на ее, хоть замуж выдавай! Мать у ней подавальщицей в столовой, раскормила девку. И тебе здоровью свою поддержать бы надо питанием. Ты грамотная, семилетку кончишь, иди в столовую подавальщицей или кассиршей. Может, раздобреешь маленько около жратвы-то.

— Не хочу я в столовую, — ответила ей Ася.

— А куда хотишь?

— Не знаю. Я Лермонтова люблю.

— Это кто ж такой? — вытаращила глаза тетя Нюра.

— Великий русский поэт.

— Да это-то ладно! Работает-то он кем?

— Он стихи сочинял:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

— Да кому ж он нужен, парус-то его?

— Мне.

— Чудная ты! — твердо заявила тетя Нюра. — Все у тебя не как у людей.

Ася подошла к дому. Обими руками потянула к себе массивную ручку тяжелой двери подъезда и вошла внутрь, Синяя лампочка, казалось, выбивалась из последних сил, пытаясь просочиться своим тусклым светом сквозь густой слой пыли. Ася поднялась до первой площадки, где не было ни квартир, ни дверей, а весь этаж занимали детские ясли, в которые входили с противоположной стороны дома, с улицы. Прошла площадку, снова поднялась на несколько ступеней, и вдруг выстрелом хлопнула дверь в парадном, и кто-то стремительно налетел на нее сзади. Она вскрикнула.

— Не ори! — услышала грубый мальчишеский голос. — Че там у тебя? — ткнул он кулаком в кошелку.

— Хлеб, — произнесла Ася дрожащими губами и так крепко вцепилась в клеенчатую ручку, что сквозь варежку почувствовала собственные ногти.

— Давай! — дернул он сумку. — Жрать хочу, как собака!

— Сколько?

— Во чудная-то! — прошипел парень. — Все давай, все!

— Все не могу! Никак не могу, честное пионерское!

В этот момент скрипнула входная дверь, и мальчишка стремглав кинулся вниз.

Ася слышала, как громко стучит ее сердце, и еще слы-

шала она, как тот, кто вошел, побряхтывая и вздыхая, обстоятельно вытирает ноги и очищает подошвы о ступеньки. Она узнала Николая Васильевича со второго этажа и сразу почувствовала себя спокойнее, даже сердце теперь стучало тише и не так часто.

Николай Васильевич тяжело поднимался по лестнице.

— Здравствуйте, — сказала ему Ася, когда он проходил мимо нее.

Николай Васильевич ей не ответил, потому что с сорок третьего года ничего не слышал после контузии. Но Ася все равно всегда с ним здоровалась.

На втором этаже зашевелился ключ в замочной скважине, открылась дверь, сверху по стене на мгновение скользнула полоска света, тотчас же исчезла, и снова стало тихо, темно. Даже синяя лампочка еще больше потускнела, наверное, она очень устала от бесконечного своего одиночества, от войны.

И тут Ася вспомнила, как во время блокады вышла на кухню и вдруг увидела хлеб! Маленький кусочек лежал на столе, и никого вокруг!

Сначала потемнело в глазах. Скорей взять его! Взять и съесть!

Ася не могла припомнить, подошла она к столу или нет. Помнила только сердитый голос тети Нюры:

— Тебе чего в комнате не сидится? Ноги едва волочит, а тут, ишь ты! Учужала, сразу выскочила!

А дальше рука в огромной черной варежке оттолкнула ее и схватила хлеб.

«Неужели тогда я могла украсть? Ой, как мне хотелось есть!» — и с этими мыслями Ася начала спускаться по темной лестнице.

Пустынный двор обдал ее промозглым холодом, сыростью, словно очутилась в подземелье.

— Мальчик! — позвала Ася.

Никто не отозвался. Тишина. Черные деревья стояли неподвижно, раскинув свои оцепеневшие ветки, будто прислушиваясь к чему-то. Где-то далеко-далеко на улице тоскливо завыл гудок одинокой машины.

— Мальчик! — крикнула она громче.

— Ну, чё тебе надо? — раздался грубый, хрипловатый голос. Парень появился из-за угла, быстро, боязливо огляделся вокруг и подошел к Асе. Он был выше ее почти на голову, одет в старую телогрейку, рваная шапка-ушанка повернута боком, волосы из-под нее торчали клоچьями.

70 — Ты очень голодный, да?

— Ну? — настороженно поглядел на нее парень.

— Понимаешь, я не могу отдать все, — робко заговорила она. — Тут мамин паек, бабушкин и Сережин, моего брата, ему три года. Я могу дать тебе только свою долю, остальное же не мое, понимаешь? Я недавно поела, так что ничего...

— Да ладно, давай хоть сколько! — хмуро согласился мальчишка.

Ася открыла кошелку с хлебом и протянула ее ему:

— Подержи, пожалуйста!

Затем сняла варежки.

— И их тоже подержи.

Вынула буханку, отломил горбушку и дала ее парню.

— Вот, возьми! Это примерно по детской карточке. Ты бы сразу попросил...

Он схватил хлеб, поспешно сунул ей сумку с варежками, повернулся и быстро зашагал в пустую темень. Слышно было только, как хлопает под ногами грязь. Потом мальчишка вдруг остановился, присвистнул:

— Эй, как тебя там?

— Ася... меня, — ответила она.

— Если когда кто пристанет или отымать чего будет, ты скажи: «Я Саньки рыжего знакомая». Поняла?

— Поняла.

— Ты теперь никого не бойся, меня все здешние пацаны знают. Если что, прям так и говори.

— Ладно.

— Ну, пока, — и он скрылся за углом.

Борис ЯКУБОВИЧ

ВОССИЯВШАЯ НА БРЕГАХ КУРЫ

У ИСТОКОВ

Древняя область, удобно расположившаяся в центре Малой Азии между реками Галис и Евфрат, историкам и исследователям известна, как Каппадокия.

Эти плодородные земли неоднократно становились объектом вожделения могущественных монархий, от владык Лидии и Персии до римских императоров. Всепоглощающее время обладает магическим свойством сохранять сакральную силу того ареала, в котором рождение великих личностей, как бы замедляет его неумолимый, нео-

становимый бег.

Действительно, IV-й век нашей эры открывает новую эпоху, не только благодаря духовидческой прозорливости кесаря Константина, железной волей и государственным гением положившему конец политическим и религиозным распрям, но и появлением в маленькой Каппадокии духовного центра христианского вероучения.

Приблизительно в середине IV-го века, в этой римской провинции начинали свою великую просветительскую деятельность знаменитые учителя, отцы Церкви Григорий Богослов, Василий Великий и Григорий Нисский, а немногим ранее, в 276-м году на этой благословенной земле появилась на свет девочка, на которую впоследствии будет возложена доселе не виданная миссия – привести целый народ с многовековыми культурными традициями в лоно христианства.

Нина родилась в богатой семье римского военачальника, носившего библейское имя Завулон, и красавицы Сусанны, родной сестры иерусалимского патриарха – дальнего восприемника Иакова, брата Господня. Сам Завулон состоял в близком родстве с матерью будущего Святого покровителя Руси Георгия Победоносца, также являвшегося уроженцем Каппадокии! Когда Нине исполнилось 12 лет, ее отец, желая всецело посвятить себя служению Богу, вышел в отставку и перевез семью в Иерусалим. Представляется весьма вероятным, что на сей ответственный шаг главу семейства, оставившего веру Моисея ради нового учения, подвигли также серьезные изменения в римском государстве. К власти в империи пришел иллириец Диоклетиан, правитель хитрый, энергичный и проницательный. Он окончательно и бесповоротно упразднил всякие республиканские иллюзии, требуя к себе, как во времена Калигулы и Нерона, изъявления божественных почестей. Стремясь укрепить древнюю языческую религию, в которой он усматривал главную опору своей власти, император подверг христиан жестоким преследованиям, хотя и не испытывал к гонимым личной ненависти. Достаточно сказать, что его супруга Приска и дочь Валерия исповедовали христианство.

В подобных обстоятельствах, желая избавить семью от преследований, Завулон принял обет монашества и простым схимником ушел в Иорданскую пустыню. Юная Нина воспитывалась при иерусалимском монастыре, в котором совершала служение ее мать Сусанна, к тому времени рукоположенная в диаконисы. В этих монастыр-

ских стенах, с ранних лет проникнувшись осознанием своего высокого предназначения, девочка начала проявлять живейший интерес к судьбе бесценных реликвий, связанных с земной жизнью Спасителя. Одна из них вызвала у нее особый интерес.

НА ПУТИ К СВЯТЫНЕ

«...Воины же, когда распяли Иисуса, взяли Его одежды и разделили на четыре части, каждому воину по части и хитон...»

(Евангелие от Иоанна)

Из всех евангелистов только Автор «Апокалипсиса» сообщает эти поразительные подробности последних часов Сына Божьего.

Четверо римских легионеров, осуществлявших экзекуцию на Голгофе, подобно жалким базарным торговцам расташили верхние одеяния Казнимого, но с хитоном вышла непредвиденная заминка. Его невозможно было разделить на части, так как сей традиционный атрибут нижней одежды был соткан цельно, причем само изготовление хитона церковное предание приписывает заботливым материнским рукам Богородицы.

С глубоким волнением читая евангельский текст, повествующий об этих драматических событиях, Нина впервые задумалась о том, что же в дальнейшем произошло с драгоценной реликвией. От одной из послушниц монастыря ей стало известно предание, согласно которому римский воин, получивший по жребию священный хитон, с течением времени доставил его в иверийский город Мцхету.

После того, как во сне Нина получила благословение Пресвятой Девы на духовный подвиг во имя Христово, ее судьба была предопределена окончательно.

В 293 году 17-летней Нина вместе со своими спутницами, одна из которых, именовавшаяся Рипсимией, обладала воистину неземной красотой, покинула Иерусалим и вскоре достигла пределов Армении. Обращенные в истинную веру юные девы на некоторое время обосновались в окрестностях армянской столицы Вагаршапат, известной нам как Эчмиадзин. К несчастью Рипсимию и ее подруг ожидая страшная участь. Сластолюбивый язычник – царь Тиридат воспылил к красавице безумной страстью, но, будучи презрительно отвергнут ею, предал

деву жестокой казни. Пройдет всего несколько лет и этот суровый тиран, направляемый благодатной рукой великого армянского просветителя Григория, горько раскается в своих преступлениях и сделается примерным последователем апостольской церкви.

Уже в начале VII-го века в армянской столице будут возведены храмы в честь священномученицы Рипсимии и ее несчастных подруг.

О дальнейшей судьбе Нины мы узнаем из армянской хроники V-го века, написанной замечательным историком Мовсесом Хоренаци, а также из пространного памятника грузинской литературы «Житие Нины Каппадокийской». Чудесным образом спасшись от преследования убийц, девушка благополучно достигла берегов Куры, омывающей территорию средней Иверии или Картли, как в те времена именовалась основная часть Грузии.

Согласно «Географии» Страбона, жизнь иверийцев во многом была связана с древней столицей Мцхетой — культурным и религиозным центром страны. Иверийское общество этой эпохи делилось на четыре основные социальные группы: высшее положение занимала семья правителя, далее следовало весьма влиятельное жречество, затем свободные воины и, наконец, мелкие земледельцы и простолюдины. Как свидетельствует автор «Жития Нины Каппадокийской», религия иверийцев была представлена обширным пантеоном богов, главный из которых — Армаз отождествлялся с верховным божеством зороастрийцев Ахура-Маздой. К древнейшим ритуалам Ближнего Востока восходили оргиастические обряды горцев.

Таковой являлась удивительная земля, открывшаяся взору юной подвижницы, приблизительно в 295 году от Рождества Христова.

СВЕТОЧ ВЕРЫ

В период своего короткого пребывания в Армении, завершившегося столь драматическими событиями, Нина сумела хорошо освоить армянский язык, сослуживший ей добрую службу на нелегком пути в Мцхету. Прежде чем явиться в столицу и приступить к осуществлению своей великой миссии, Нина посетила ряд городов и селений Иверии, изучая нравы, обычаи и культуру народа, духовной наставницей которого ей предстояло стать в недалеком будущем. Для большего удобства молодая благовест-

ница останавливалась в домах довольно многочисленной еврейской общины, так как ее соплеменники проживали на этих землях еще с незапамятных времен. Постепенно перед ней стала вырисовываться законченная картина окружающей действительности.

Как свидетельствует автор средневековой хроники «Жизнь картлийских царей», правивший в то время Мириан III-й в своей политике очень зависел от влияния соседнего Ирана, наводнившего Иверию военными гарнизонами. По сути дела, единственной сферой жизни, не контролируемой персами, оставалась традиционная религия, которой царь придавал первостепенное значение. Оказавшись в самый разгар религиозной церемонии среди экзальтированных толп, Нина впервые увидела царя, благоговейно застывшего перед золотым изваянием Армаза. Как повествует предание, истоные молитвы девы привели к разрушению языческих капищ, что вызвало панику среди собравшегося народа. С этого поразительного события и началось великое духовное служение Нины на древней земле Иверии.

Среди чудесных деяний «дщери Христовой» самыми памятными и значительными можно назвать излечение от бесплодия жены царского садовника Анастасии, исцеление умирающего ребенка, снятие недуга беснования с персидского царевича и многие иные духовные подвиги. В этом благом ряду наибольшим триумфом Нины стало возвращение к жизни тяжело больной царицы, являвшейся агрессивной и яростной последовательницей старинных культов и имевшей огромное влияние на доброго, но безвольного царя Мириана. Чудесно исцеленная царица всем сердцем приняла новое учение и сделала Нину своей приближенной.

Уже уверовавший в душе царь весьма опасался гнева персидских вельмож, как известно, исповедовавших огнепоклонство Заратустры, но, в конечном счете, и он, покоренный страстными проповедями Нины, приобщился к светлому роднику Веры.

Вслед за своими правителями начался массовый приход в лоно Церкви и народа Иверии. Принятие страной христианства имело очень важные последствия. Во-первых, всемерно укреплялся союз с Римской империей против персов, т.е. наступило долгожданное сближение с самым могущественным государством поздней античности, в котором христианство уже являлось господствующей религией. Помимо прочего, наличие такой поддержки

развязывало руки самому Мириану в борьбе с все еще сильным языческим жречеством.

Вслед за духовным волеизъявлением иверийского народа, открывшим новую эру в развитии страны, вдохновленная подвижнической деятельностью Нины, благородная царская чета приступила к созданию институтов христианской Церкви. Началось строительство храмов в Мцхете и других городах, а в страну начали прибывать священнослужители, отправлявшие массовые обряды крещения. Сама же великая просветительница, избегая славы, почестей и проявления всенародной любви, удалилась из Мцхеты в верховья Арагвы, дабы нести свет евангельской проповеди горным селениям Кавказа.

Шли годы, до отказа наполненные, поистине, апостольским размахом подвижнических деяний, этой внешне хрупкой, но обладавшей негибимой волей, великой духовидицы.

Оставалось осуществить тот давний, но никогда не забываемый замысел, ради которого и начиналось ее служение Богу.

СУДЬБА РЕЛИКВИИ

Еще во время пребывания в Мцхете Нине довелось услышать удивительную историю, связанную со Святыней Христовой.

Некий благочестивый иудей по имени Елиоз приобрел священный хитон у того самого римского воина, которому, как мы помним, он достался по жребию. Сестра Елиоза Сидония, благоговейно приняв из рук брата крестное облачение Господа, внезапно принялась исступленно целовать его и умерла, намертво вцепившись в материнский дар Богородицы. Скорбящий Елиоз тайно похоронил тело сестры в одной могиле с драгоценной реликвией.

Только три века спустя Нине, обладавшей редким даром вопрошать камни, удалось отыскать это место, однако, как сообщает предание, явившийся Ангел передал высшее повеление: сохранить без изъятия в земле священный хитон, которому предназначено сделаться Охранителем Иверской земли.

На протяжении сотен лет, прошедших с того памятного дня, великая святыня, пребывая в земле, оказывала свое благотворное покровительство грузинскому народу.

В 1235 году татаро-монгольские орды, ведомые преемниками недавно умершего Чингисхана, вторглись на терри-

торию Грузии и разрушили Мцхету. По счастью в последний момент драгоценную реликвию удалось извлечь из земли и спасти от поругания. Начиная с XV-го века хитон Господень хранился в восстановленном Мцхетском храме. В 1625 году, восстановив иранское владычество в Закавказье, шах Аббас I-й забрал древнюю реликвию из Мцхетского храма, повелел уложить в специальный золотой ковчег, украшенный бриллиантами и изумрудами, и направил в дар русскому царю Михаилу Федоровичу и его отцу — фактическому правителю России патриарху Филарету.

Столь хитрым и дальновидным поступком иранский властитель надеялся заручиться поддержкой или хотя бы благожелательным нейтралитетом России в своем многолетнем противостоянии с Турцией.

По представлению патриарха Филарета (в миру Федора Никитича Романова), русская церковь установила день 10 июля Праздником положения ризы, т.е. хитона Господня. И по сей день великая Святыня находится в западном приделе Успенского Собора в Кремле.

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 335 году христианской эры Святая равноапостольная провозвестница новой Веры смиренно отошла в мир иной, что вызвало глубокую печаль в словно осиротевшем народе Иверии.

На месте ее упокоения был заложен храм Георгию Победоносцу — кровному и духовному родственнику благовестницы Нины.

Вся жизнь этой великой подвижницы была наполнена плодотворными деяниями высочайшего духовного масштаба. Замечательный историк Мовсес Хоренаци так сказал о ней:

«Поучая своими непорочными устами, странствуя без роскоши и излишеств, чуждая всему мирскому, упражняя жизнь свою средствами смерти, блаженная Нина увенчала Слово Божье кровавым венком своей готовности, по праву сделавшись равной апостолам...»

Павел МИХНЕНКО

ЛУНА - 2026

Дочке Наташке

1. ГОД

Лунная дорожка разлитым молоком скользнула по подоконнику. Нырнула на пол, пробежала по ворсистому ковру. Просочилась сквозь решётку детской кроватки и коснулась лица спящего ребенка. Наташка нахмурилась во сне и уткнулась носом в игрушечного зайца.

Вадим стоял у окна, смотрел на полную Луну. Мягко ступая по ковру босыми ногами, подошла Маша. Встав на цыпочки, поправила штору. Лунная дорожка обиженно застыла на подоконнике.

— Спит?

— Как суслик, — прошептал он.

— Наигралась за день.

Они вышли из детской, тихо прикрыв за собой дверь. Легкий ветерок неслышно колыхал тонкую штору.

* * *

Кофеварка усердно пыхла, наполняя кухню бодрящим ароматом. Вадим на ходу застегивал галстук — опаздываю!

— Успеешь. Садись завтракать! — повелительно сказала Маша.

— Есть, товарищ командир, — вздохнул он.

Золотистая глазунья с беконной улыбкой ловко соскользнула со сковороды в тарелку.

— Летаешь сегодня?

— А как же? Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца, соответственно, пламенный мотор! — пропел он.

— Не нужен мне никакой мотор, — сказала Маша, присаживаясь рядом. — Уж лучше — настоящее сердце.

— А ты сомневаешься, что оно у меня настоящее? — игриво вскинул он брови.

— Не сомневаюсь. Ешь, не болтай, — улыбнулась она.

Она сидела, по-детски обхватив ладонями щеки, и смотрела, как он ест яичницу, обжигаясь, прихлёбывает горячий кофе.

— Ну, я побежал, — вскочил он из-за стола. Уже в прихожей на ходу поцеловал Машу. — Натульке — привет от папы!

74 — Передам, — грустно улыбнулась она. — И фотографию

покажу...

Он сделал обиженное лицо.

— Шучу. Беги! Будь осторожен, хорошо?

— Обещаю летать пониже, — он приложил руку к фуражке и побежал вниз по лестнице.

«Лифт же есть... Смешной», — проводила она его ласковым взглядом.

Вернулся он поздно. Прошёл на цыпочках в детскую, постоял над кроваткой, с виноватой улыбкой рассматривая спящую дочку. Маленький лев с лохматой гривой, насупясь, сидел за подушкой.

Вадим прошмыгнул на кухню, прикрыл за собой дверь. Как всегда, начал взахлёб рассказывать о полётах. О новой машине. Шестое поколение!.. Маша накладывала в его тарелку жареную картошку с мясом. Слушала, изредка кивая, где нужно — удивленно вскидывала брови: «надо же?!».

— Вадик...

Он вопросительно поднял глаза.

— А Наташа сегодня пошла.

— Куда? — не понял он, вглядываясь в выражение лица жены.

— Никуда. Просто пошла... Впервые!

До него, наконец-то, дошёл смысл слов. Он вскочил со стула, схватил её ладони в свои большие руки:

— Правда? Пошла?

Она радостно закивала.

— Сидела, сидела на ковре, потом встала и пошла. Представляешь? Целых три шага сделала. А потом, вечером, ещё...

— Вот это да! — простонал он, возвращаясь на свой стул.

— А я не видел.

— Увидишь ещё.

— Увижу. Но ведь это же — в первый раз.

2. ЧЕТЫРЕ

— Петька говорит, что у него папа всё время дома сидит и с ним играет.

— Повезло Петьке!

— А мне не повезло... — вздохнула Наташка и, как старушка на лавочке, покачала головой.

Вадим рассмеялся, подхватил дочку, усадил на колени.

— Почему же тебе не повезло?

Наташка старательно откручивала голову китайской

Барби.

— Ну, ты же не сидишь со мной дома, и играешь редко.
— Мне же на работу ходить надо, малыш, — извиняющимся тоном начал Вадим. — Ты с мамой... А помнишь, как мы втроём ездили на озеро? Вот здорово было! Правда?
— Правда, — кивнула Наташка.

Барби, наконец, смирилась со своей судьбой, и светловолосая голова с легким хлопком отделилась от туловища.

— Зачем ты куколку поломала? — спросил Вадим, с сожалением рассматривая обезглавленную красотку.

— Она не слушалась, — объяснила Наташка и тут же принялась прикручивать голову на место. — А какая у тебя работа?

— Я летчик.

— А-а, — протянула Наташка, бросая расчленённую Барби на диван. — А лёгчики дома не могут?..

— Нет, малыш, не могут. Они летают по небу на самолетах.

— Папа, а зачем ты летаешь на самолётах? Нравится?

— Очень нравится, дочь.

— А-а, — понимающе кивнула Наташка. — Ну, тогда летай.

* * *

— ...Маша, ты не поверишь!

Вадим ворвался в квартиру и с порога сгрёб Машу в охапку, обнял так, что у неё перехватило дух. Она, смеясь, вырывалась из его неуклюжих объятий.

— Задушишь!

Наташка вышла на шум. Она впервые видела папу таким возбуждённым и от этого немного побаивалась его. Успокоился он только в комнате.

— Девчонки, случилось то, о чём я мог только мечтать!

Маша молча присела на краешек дивана. Вадим перевёл дух:

— Меня пригласили в отряд космонавтов.

— В какой отряд? — переспросила Маша.

— В отряд космонавтов, — повторил он, сияя. — Не простой отряд — лунный.

— Папа полетит на Луну! — воскликнула Наташка и залилась весёлым смехом. Вадим подхватил её на руки и начал подбрасывать под потолок.

— Умница!

Маша даже не улыбнулась. Заметив её настороженное лицо, Вадим опустил дочку на пол.

— Ты не рада, Машуль?

— Рада. Только это ведь, наверно, очень опасно?

— Я же военный летчик. Нам ли с тобой привыкать?

— Да, но это — другое. И когда ты полетишь?

— До полёта ещё очень далеко. Программа подготовки рассчитана на несколько лет. И, кроме того, пока неизвестно — в основном я составе или в дублирующем. Она облегченно вздохнула.

* * *

— ... мы возвращаемся на Луну! — Вадим, как заведённый, бегал по комнате.

За окном шумел ночной дождь, стучался в стекло, барабанил по карнизу. Маша сидела в постели, до подбородка закутавшись в одеяло. Осень сразу же «взяла быка за рога», принеся с собой холода и нескончаемые дожди. Отопление ещё не включили, в квартире было холодно. Она слушала мужа, честно стараясь вникнуть в смысл его слов. Может быть даже — разделить его радость. Но как она ни старалась, удавалось ей это плохо.

— ...понимаешь?

Она вздрогнула, словно очнувшись от забытья.

— Что?

— Принято решение о начале программы колонизации Луны, — повторил он. — К 2026 году там должна быть построена первая обитаемая база. Здорово, правда?

Она выпугалась из одеяла, погладила его по голове:

— Мальчишка ты у меня. И ты будешь возить туда поселенцев?

— Я сам буду первым поселенцем (Маша вздрогнула). — Одним из них. В первой группе.

3. ШЕСТЬ

— ...будем играть в больницу!

Наташка разложила игрушечные инструменты: градусник, стетоскоп на резиновых трубочках, шприц с толстой иглой. Покопавшись в коробке, нашла тонометр.

— Давайте вашу руку.

Вадим послушно закатал рукав. Наташка деловито воткнула в уши трубочки стетоскопа, изучила «показания» прибора. Озабоченно покачала головой:

— Так, больной, у вас давление высокое — сто километров! — вынесла она свой вердикт. — Придётся зубы вырывать!

Вадим прыснул от смеха. Наташка обиженно посмотрела на него, крепко сжимая в руке игрушечные клещи.

— Прости, моя хорошая, — замотал он головой, давась от смеха. — Ты умница, настоящий доктор!

Наташка вытянула губы и подозрительно посмотрела на отца:

— Будем еще играть?

— Конечно, будем...

В это момент раздался звонок телефона. Вадим поднял трубку.

— Да, понял, — коротко ответил он. — Есть! Выезжаю.

У Наташки покраснел нос, губы сложились в трубочку. И она заплакала. Горько, как от большой обиды или коварного обмана...

***

Ему дали отпуск. Впервые за последние два года. Они выехали к своему озеру. Он жарил на мангале шашлыки, рыбачил. Маша с Наташкой собирали цветы. Вечерами они садились у костра, Маша заваривала ароматный чай, а он рассказывал им о Луне.

— Понимаете, сначала модули для лунных станций будут изготавливаться на Земле, целиком. Они будут небольшими. Поэтому их можно будет доставить на Луну целиком, а потом мы перейдем на сборку домов прямо на Луне. Как конструктор из отдельных блоков.

— Из лунных кирпичиков? — спросила Наташка, сосредоточенно дую на свой чай.

— Умница! — подскочил Вадим. — Ученые утверждают, что мы сможем расплавлять лунную породу и, заливая её в формы, получать строительные блоки — кирпичи.

— А я читала, как три поросенка строили себе домики, — затараторила Наташка, радуясь, что может поддержать тему разговора. — Один поросёнок построил домик из соломы, второй — из веток и тонких прутьев. Они оба были лентяями. А третий поросёнок, Наф-Наф, построил себе домик из кирпича. И волк не смог его сломать.

— Правильно, малыш, — погладил её по голове Вадим. — Тебе мама читала?

— Нет, я же сказала, что я сама читала, — упрямо повторила Наташка.

— Как это сама? — улыбнулся он.

— Просто. Сама...

Вадим бросил удивлённый взгляд на жену.

— Наша дочь умеет читать, Вадим, — почему-то грустно сказала Маша.

— Папа, а ты и правда не знал, что я умею читать? — спросила Наташка.

— Нет, что ты, дочь!

76 Он начал палкой ворошить в костре угли. Искры оран-

жевыми светляками запылали в ночном воздухе. Некоторые из них поднялись высоко-высоко и улетели, не тая, в черное небо.

— Прости, Натуля, я действительно заработался. Я просто думал, что в пять лет дети ещё не умеют хорошо читать...

— Папа, мне уже шесть лет.

— Шесть? Ну, да, конечно шесть.

— Ты забыл?

Он неопределенно покачал головой.

— Ну, ничего, не расстраивайся, — Наташка поставила свою кружку и подползла к нему. Прижалась к груди, поглаживая мягкой ладошкой его шершавую руку. — Я тебе почитаю, и ты всё поймешь. Я же у тебя — умница. По-видимому, в этот момент остывшая искорка от костра попала ему в глаз. Он прикрылся ладонью, потёр глаза.

— Ты у меня самая умная из всех умниц, — тихо сказал он.

4. ДЕСЯТЬ

— ... папа, а тебя будут отпускать домой?

— Нет, дочь, я три месяца буду жить в лунном домике. Точно такой же домик через два года построят на Луне.

— А на выходные?

— Нет, на выходные меня тоже не отпустят.

Тренировки продолжались и днем, и ночью. Впереди были испытания в сурдокамере. Так её называли по привычке. На самом деле это была сложнейшая полунатурная модель. Первым поселенцам предстояло три месяца прожить в замкнутом пространстве испытательного павильона-симулятора.

— А ты будешь скучать по нас с мамой? Вот я, например, буду очень скучать по тебе. И мама тоже. Я сама видела, как она плачет.

Он обнял дочку, прижал крепко-крепко.

— Солнышкин, я тоже буду скучать. Очень! Но ведь это моя работа.

— Я понимаю, — серьезно сказала она. — Я всем в школе про тебя рассказываю, только Ирка из шестого «Б» не верит, она говорит, что на Луне жить нельзя, потому что там нет воздуха. Только я с ней не спорю, ну её!..

— Ты молодец. Не спорь. Я привезу тебе лунный камень. Хочешь?

— Нет, — замотала она головой.

— Почему?
— Мама говорит, что ты будешь жить на Луне полгода. А это очень долго! — она заревела, как первоклашка.
Он погладил её по золотистым кудряшкам.
— Не плачь, малыш. Я попрошу, чтобы меня забрали пораньше.
Она быстро вытерла слезы, заморгала. Приблизила к нему заплаканное лицо и заговорщицки прошептала:
— Точно! Ты скажи, что у тебя болит живот или горло, и тогда они пораньше прилетят за тобой. Ладно?
— Ладно, — серьезно сказал он.
Наташка вскарабкалась ему на колени, обхватила шею. В глазах блеснул загадочный огонёк.
— Папуля, давай договоримся: пока ты будешь на Луне — мы каждый вечер будем махать друг другу!
— Махать?
— Ну, да! — она соскочила на пол, прижала руки к груди.
— Ну как же ты не поймёшь! Мы договоримся и каждый вечер в одно и тоже время будем махать друг другу и желать спокойной ночи. Я буду выходить на балкон, смотреть на Луну и махать тебе рукой. Вот так... — она показала, как будет это делать, забавно помахав ладошкой с растопыренными пальцами. — Я буду говорить «Спокойной ночи, папуля!». А ты будешь смотреть оттуда на Землю и махать мне. «Спокойной ночи, Наташ!» — скажешь ты. И мы услышим друг друга. Правда!
— Обязательно услышим! — согласился он.

* * *

— Я видел, у тебя — скрипка. Учишься играть?
Наташка удивлённо посмотрела на отца. Вздохнула, теребя пуговку на блузке.
— Папуля, я заканчиваю пятый класс музыкальной школы.
— Да, да, конечно, — быстро закивал он, пряча глаза. — Я пошутил.
— Учитель говорит, что у меня — талант. Я заняла первое место в городском конкурсе. Я писала тебе, помнишь?
Он неуверенно кивнул. Она быстро обняла его за шею и прошептала в самое ухо:
— Даже если бы ты и забыл... Ты все равно — самый лучший папа на свете. Я тебя очень люблю.

5. ДВЕНАДЦАТЬ

— ... хочешь мороженого?
Они сидели в парке на берегу пруда и кормили уток.

Июльское солнце пробивалось сквозь плотные кроны старых вязов. По воде скользили легкие лодочки.
Наташка покачала головой, спросила:
— Мама сказала, что ты скоро улетаешь.
— Четырнадцатого августа, в десять утра.
— Папа!..
— Наташ, мы же готовились к этому. Это должно было произойти.
— Четырнадцатого августа..
— Да, это самое удобное для старта время. Луна будет, как раз..
— Папа, ты получал мое письмо? Я писала тебе в тренировочный центр.
— Да, наверное... — смутившись, ответил он.
Длинный конверт, подписанный аккуратным детским почерком, ему вручили ещё вчера. Он собирался прочитать его в самолете. Забыл. Забыл прочитать письмо от дочери. — Наташа, вот оно. Я сейчас...

Он вскрыл конверт. Плотная цветная карточка скользнула в ладонь, прохладный глянец обжёг пальцы.
«Дорогой папа! Меня пригласили участвовать в конкурсе молодых музыкантов Европы. Он состоится четырнадцатого августа в Берлине. Победитель получит маленькую золотую арфу и звание лучшего молодого музыканта Европы.

Папуля, я надеюсь, что твой начальник отпустит тебя на этот конкурс, чтобы ты смог поддержать меня. Ждём тебя дома. До встречи. Целую. Твоя Наташья».

— Четырнадцатого августа... — прошептал он.
— Я заказала два пригласительных билета — тебе и маме.
— Я заказал два пропуска на космодром, — эхом ответил он.
Они замолчали. Просто сидели, держась за руки, и смотрели друг другу в глаза. Тёплый ветерок теребил её золотые кудри.

«Веснушки на носу, — думал он. — Совсем взрослая. Как же я не заметил? Неужели моя мечта стоит этого?»
Она коснулась тёплой ладошкой его колючей щеки, улыбнулась.

— Не волнуйся, папа. Всё будет в порядке. Мы будем махать друг другу. Помнишь?

* * *

Он улетел на космодром в начале августа, строго-настрого запретив Маше прилетать к нему и отпускать Наташку в Берлин одну.

— Вы увидите меня по телевизору, девчонки, — стараясь

казаться беззаботно-весёлым, сказал он. — Я буду лететь на Луну и держать пальцы за свою дочку. Ты обязательно победишь, Наташа.

— Папа... — только и смогла сказать Наташка, размазывая по щекам слёзы.

До старта оставалось два дня. Они жили в двух модулях-близнецах — основная группа и группа дублеров. Счастливики, которым выпала честь стать первыми поселенцами первого лунного городка, и их смена — «вторые», как с грустью называли они себя.

Вечер выдался прохладным, совсем не августовским. Низкие тучи заволокли полнеба. Вадим сидел в комнате отдыха. Огромная, написанная прямо на стене, картина изображала быт лунных поселенцев. Мрачные серые кратеры, желтая пыль, бездонная чернота горизонта... И над всем этим, как символ надежды, огромная, близкая — протяни руку и достанешь — Земля.

Вадим встал и пошел по коридору, свернул направо. Толкнул тяжёлую дверь, показал пропуск охраннику и вошёл в административную зону...

* * *

Табло в зале ожидания аэропорта «Космодром-1» показывало семь тридцать утра. Четырнадцатого августа.

Вадим сидел в неудобном пластмассовом кресле и ждал регистрацию на московский рейс. Пять минут назад диктор объявил о посадке самолета из Москвы. Прилетевшие заполняли центральный холл.

Вадим вздрогнул. Посреди вестибюля стояла Наташка, держа в руках старую школьную сумку. Он бросился к ней.

— Папка!

— Наташа, зачем ты прилетела? Ты же опоздаешь на конкурс!

— Я отозвала заявку. Папа, а почему ты не полетел?

— Я полечу во втором составе. Через полгода.

— Ты поменялся? Зачем?

— Я испугался, что снова не узнаю тебя. И мне снова станет стыдно.

* * *

Они смотрели друг на друга и улыбались.

— Папа, а когда я вырасту, ты возьмешь меня с собой на Луну?

— Хорошая идея!

78 Почему бы и нет?..

Юрий КЛЕЙБЕРГ

ЗЕМНЫЕ ЗВЕЗДОЧКИ

(новелла)

Лицом к морю, касаясь губами набегающей волны, в желтом горячем песке лежит девчонка. Море устало за день, дышит медленно и еле слышно. Волны чуть качают огни кораблей, притаившихся у причала. Тихо. Темнеет небо, земля и море, дремлет южный город.

Аленка любила это вечернее море. Днем оно совсем другое. Прибрежный песок стонет, кричит под телами сотен и тысяч курортников. А милое, загадочное море насмешливо шлепает волной коричневых от загара людей, барахтающихся и визжащих от усталости у самого берега.

Море было ее другом. Всей душой вбирала она в себя таинственную красоту и силу зеленоватых волн.

По вечерам Аленка часто лежала на берегу и думала о своей жизни. И тогда начинался разговор, в котором участвовали трое: темное вечернее небо, забрызганное дрожжащими дождинками звезд, большое вечное море и девчонка, которое пошел семнадцатый год. Она была нежная и ласковая, немного озорная. Сколько вмещала ее душа! Где, кто и когда наполнил этого человека множеством добра? Море? Но ведь она здесь две недели. Небо? Нет. Просто родилась девчонка солнечно-небесно-морская. Такого не бывает? А вот и есть. Есть такие люди! Только нужно суметь увидеть, найти их в жизни.

Аленка ждала маленькую девчушку из детского санатория. Вчера днем она увидела ее возле забора, заплаканную, одинокую. Тонька, так звали девочку, опоздала на ужин. Под вечер мальчишки удрали кататься на катере со знакомым капитаном, взяли и ее. Какой уж там ужин! Они ходили к голубому мысу, капитан подарил ребятам большущую черепаху.

На другой день Тоньку не пустили на море. Поневолу заревешь, если в тридцати метрах синее море, визг и крики купающихся, мокрые тела, горячее солнце, а ты сидишь за забором. Слезы скатывались с черных ресниц, текли по упрямому острому подбородку. Аленка вмиг успокоила

девочку. Вечером она должна была прийти к ней на берег. Теперь Аленка ждет Тоньку, задумчиво водит хворостинкой по песку.

Мысли наполняют голову:

Всем счастливыми быть
обязательно нужно,
Только в мире еще
не затихли бои ...

Я прошу тебя, сердце,
Не будь равнодушным,
Все тревоги людей
Принимай за свои

Нельзя быть равнодушным. Если ты человек, тебя будут волновать не только счастье и горе людей. Ты получишь удовольствие от дрожащего золотым дождем неба, от дождя, мелькающего велосипедными спицами по морю асфальта. Человек должен чувствовать. Пусть будет трудно, потому что настоящее дело никогда не дается без усилий. Пусть! Умей любить, стремиться к доброму — и жизнь твоя будет восторгом.

— Аленка, я иду, — торжественным шепотом провозгласила Тонька.

Море набегало на берег, звало куда-то. Волны разбивались на дрожащие звезды-брызги. На небе тоже дрожали звезды. Это солнце, уходя за темнеющий горизонт, разбивалось на звезды...

Сидят у моря девчонки, глядят в небо. Звезды бывают яркие, но бывают и тусклые, как некоторые люди. Звезды бывают разные. Те, что одни — одиночные, те, что вместе — созвездия. Когда ты счастлив — веселые, когда грустишь — печальные.

Звезды не умирают, как и настоящие люди. Звезды бывают разные. Небесные звезды — синие, земные звезды — красные. А люди тоже звезды.

... Две необыкновенные девчонки, две земные звездочки. В их жизни много будет звезд. Нужно только понять и сделать их близкими. Они сами хотят стать звездами, яркими и теплыми, чтобы, глядя на них, каждый радовался и загорался сам.

ДЕБЮТ

Антонина ЕГОРОВА

Springtime for love

Посвящается Ф. Кравцову

В очках лиловых я по городу
Иду, парящая, в весну.
Ты что ж стоишь, понутив голову?
Я тоже ночью не засну,

В твои глаза смотря беспечные
И губы терпкие твои
Вкушая, я увижу встречные
Порывы сладостной любви.
.....

“O touch me!” — Как поёт нам Моррисон.
Почувствуй, что ты не один.
И скрась своим, мой ангел, голосом
Мою любовь. That's what I mean.

Согрей своим теплом и ласкою.
Я здесь. Твоя. Я здесь. С тобой.
Я здесь! Весна под зимней маскою
Творит любовь. O, Love me boy!
.....

Сожми в объятьях и возьми,
Возьми меня сейчас и всю.
Нещадно. Страстно. Загляни
В мои глаза. Горят — Люблю...

Лишь то хочу тебе сказать
И показать:

Что ты — есть мир...

Поэтическая заметка.
Франция

Прохлада. Дождь. За тенью зонтик.
И слышен плеск прибрежных вод.
Бокал вина. И сыра ломтик —
Вот жизнь без видимых забот.

За камнем плесень и мокрица.
В камине неистлевший мох.
Десерт из мяты и корицы —
Всё это здесь придумал Бог.

Тихонько музыка играет.
За утром следует обед.
И губы вновь слова слагают,
И превращают жизнь в завет.

Серый бродяга

Убитые люди идут по дороге,
Как тени неслышные,
                        тени голодные,
Рядами плетутся, в душе безысходные,
И спят наяву, как во сне.

Меж тем, словно маятник,
                        вьётся прохожий,
Никем не замеченный и непохожий,
Идёт, занывая от сильного холода.
Идет по пути в никуда.

Прощаются с ним и рябины поющие,
Кусты без листвы,
Тополя вездесущие,
А он всё плетётся один...

И нет у прохожего дома родимого,
                        семьи и друзей.
И начальника мнимого;
Он форма забытой и падшей материи

80 Он ноль посреди единиц.

* * *

Когда имеешь ты талант —
Ты должен жить им и питаться.
Не зарывать в могилу дар,
Не хвастать им, и не бояться:
Огласки, прочих глупых слов —
В себе уверенным быть смело,
Кипит в тебе стальная кровь —
И муза нам с тобой запела.

* * *

Мне муза не зря напевала —
Я ей отдавалась сполна.
Любовью своей небывалой — горжусь,
Как гордится она!
Я в мыслях ишу упоенье,
В мечтах обретаю покой,
А музы припев, нетленен, —
Твердит: «Только пой, только пой!».
Агония мучит сознание,
У музы не вижу лица:
«Останься со мной на прощание,
Ведь времени нет конца?!».
Не слышно ни арфы, ни пенья,
Сменяются в миг полюса...
То счастье — длиной в мгновенье...
А вы верите в чудеса?

Время — бездна?

Отчего так сутки коротки —
Почему нельзя им быть длинней?
И зачем, зачем поют сверчки,
С каждым звуком стрекоча сильней.
Промолчали б лучше в тишине —
Так напрасно, глупо, безмятежно,
Вспомнить о дурном, печальном сне,
Позабить себя, лишив надежды,
Скомкать всю судьбу и бросить тлеть,
По глухим углам с недоброй славой...
Только проще им взять да взлететь,
Чем вдруг замолчать шальной оравой.

Мария ПАНФИЛОВА

* * *

Доверяя чутью,
Без дороги, без всякой тропинки
По сухому ручью
перекатывая песчинки,

Там, где мальчик играл
И барашки под дудочку плыли,
Ветер к дому шагал,
Волоча по земле крылья...

* * *

Может, никуда не полечу,
И не уплыву на пароходах.
Может никогда не получу
Бляху «За спасение на водах».

Может, перестану различать
Кипарисов шепот музыкальный...
Ничего не буду предвещать
Законопослушна и лояльна.

* * *

Глядит, почти невидимый с Земли,
Сквозь этот сумрак, кем-то населенный:
Ветла во тьме когтями шевелит,
За облаком ругаются вороны...
И голый лед. И дождь. И ни души...

* * *

Жар из-под синих век.
Глины лоснится шелк.
Молча, последний снег
Шляпу взял, и ушел.

* * *

За электричкой пыльный хвост
Ползет лениво до Каширы...
И снова на железный мост
Карабкаются пассажиры.

На пальце ключики вертя
Небесной сумеречной жести,
Незримый, ходит по путям
Дежурный Ангел Путешествий...

* * *

У полыньи, у края парка,
Ловлю на варежку свою
Зеленогрудую русалку
Ловлю и песенку пою.

Великолепна и уныла,
Переливаясь надо мной,
Луна — белеющий обмылок
Или осколок слюдяной.

* * *

Я — зеркало. Нежно мерцаю,
В пыли золотой на плаву.
Вседневно Тебя созерцаю,
Твоим отраженьем живу.

Встревоженный слой амальгамы
Вмещает, трепещет, влечет...
Ведет одиночествам счет
Старинная патина рамы.

* * *

В лунное чудесное лицо
Вечер преданно глядит арапом.
Джазовой тягучей хрипотцой
И разнежен он, и расцарапан...

Логика холодного луча
И преображается, и тает
В комнатах, где сонная печаль
О любви вполголоса читает.

* * *

Чувство зимы заполняет меня целиком.
Сменила затишье Ве-ли-ка-я Тишь.
Тостер покоцанный цокает языком:
Тост, мол, готов, наливай, чего ты сидишь?

Чайничек — псевдоиероглифы, глянцевый бок,
Делится с нами дружески янтарем.
Так и сидим на кухоньке — я и Бог.
И тишину с пустотою вприкуску пьем.

* * *

Лунный угорь в подводной листве.
Междувстречье. Зияют лакуны.
Гондольеры с Хароном в родстве.
Подозрительны воды лагуны.

Валидол под язык, — что обол.
Ты ученый, усталый и нищий.
За бортом кажет влажный плавнище
Кистеперая рыба Любовь...

* * *

На моем подоконнике корчились листья.
А на автоответчике кончились мысли.
А на автопогрузчике — сбруя и вожжи.
Весь тираж Домостроя застрял на таможене.
Восхитительно пьян ветер в синих погонах.
Он бодал, он гонял десять строк по вагону.
Десять кликов. На коврикe серый мышнонок.
Электрический пёс, по e-mail хорошо нам
Поделить костный мозг и вспороть окончанья,
Упиваясь до боли молчаньем. Молчаньем.

MEMORIA

УТРАТЫ УШЕДШЕГО 2008 ГОДА

Евгений ЛУКЪЯНОВ скончался после тяжелой болезни на 52 году жизни. Член Союза литераторов России, литературный секретарь Ю.В. Мамлеева. Талантливый ученый и литератор, автор нескольких книг, постоянный автор газеты «МОЛ» и альманахов, выпускаемых Союзом литераторов. Получили известность его исследования по супрематизму, в альманахе «Словесность 2007» опубликована блестящая работа «Немчиновка в жизни Малевича». Лауреат литературной премии Юрия Мамлеева 2005 года, учрежденной Союзом литераторов России в 2003 году. Обладал удивительным человеческим обаянием, был бескорыстен и отзывчив, даже внешне воплощал собой единение нашего времени с Серебряным веком российской культуры, мог быть одновременно и здесь, и сейчас, и всегда над болезнью, возрастом и бытовыми мелочами. Большинство в Союзе литераторов называли его просто Женей, а, узнав о его кончине, горюют об уходе святого человека.

Евгений ЛУКЪЯНОВ

ИЗ КНИГИ «ПУША»

...Когда я работал за компьютером, Пуша, входя в кабинет, всегда спрашивала разрешения: «Мяу?». — «Можно, Пуша, прыгай», — отвечал ей обычно, если никуда не торопился. Тогда Пуша прыгала ко мне на колени — хозяйну ведь надо помогать. Но если надо было закончить срочную работу и быстро собраться, я говорил: «Нет, Пуша, некогда» — и Пуша выходила из кабинета. В хорошую погоду поехал к маме на субботу-воскресенье. Пуше, конечно, оставил еды побольше. Беспokoился, как бы она за два дня не проголодалась. Возвратился поздно вечером и первым делом дал ей рыбы, молока — в мисках-то уже было пусто. А Пуша на еду даже не смотрит, ходит вокруг меня. В чём дело, понять не могу. Вроде всё свежее, почему же она не ест? Задумался, сел на кресло в гостиной — и Пуша тут же замурлыкала у меня на коленях, а я стал её гладить. Только после этого, успокоив-

шись, киска пошла на кухню ужинать. Так я понял, что еда для Пуши далеко не главное. Как, впрочем, и для её хозяина. Поэтому, возвращаясь после двух дней отсутствия, всегда сначала брал Пушу на руки и только потом шёл её кормить. Как-то приехал из деревни очень усталый, сел в кресло, и Пуша меня убаюкала. Проснулся от хруста, который доносился с кухни. Подхожу туда и вижу: Пуша грызёт оставшийся в миске и уже совсем высохший зелёный горошек — не будить же хозяина, раз он заснул! Я чуть не заплакал, отнял у Пуши миску и тут же дал ей свежей еды.

Если ночью засиживался за письменным столом, Пуша тоже не ложилась спать — надо ведь сначала хозяина уложить. Просыпалась Пуша рано, вместе со мной. А однажды я утомился и проспал дольше обычного. Вдруг слышу какой-то шорох. Поднимаю голову — Пуша входит в кабинет и с кухни несёт в зубах пакет с лавашем. Уж не случилось ли чего с хозяином, раз он так поздно ещё не завтракал? Она ведь знала, что на завтрак к чаю я отламываю себе кусок лаваша.

ПУША СПАСАЕТ ОТ СМЕРТИ

Приехала зимой мама в гости и решила угостить меня супом из зубатки. Сварила в кастрюле рыбку, которую купила на улице. Суп получился очень вкусный, съел на ужин большую тарелку и лёг спать. Ночью проснулся от того, что Пуша толкала меня носом в ноги, словно хотела сказать: «Вставай скорей!». Совсем, думаю, на неё не похоже — всегда спала тихо, как мышка. Но Пушу послушался, встал с софы и тут осознал, что сильно отравился рыбой. Живот раздулся как шар, голова отяжелела — вот-вот потеряю сознание. Собравшись с духом, вспомнил о марганцовке. Развёл в стакане с тёплой водой, выпил и почувствовал облегчение. Иначе мог бы умереть во сне. По-видимому, жирная зубатка оттаивала во время оттепели, да к тому же не проварилась в большой кастрюле. То-то Пуша суп из неё есть не стала. Отравление было таким сильным, что весь день пришлось отлёживаться. А Пуша лежала рядом на софе, откинув голову назад. Она хорошо понимала, что спасла своего хозяина. Всем своим видом Пуша словно говорила: «Забота о хозяине есть священный долг и почётная обязанность каждой добропорядочной кошки».

* * *

Галина ВОРОПАЕВА трагически погибла летом 2008 года. Выпускница физфака МГУ, автор нескольких поэтических книг, член Союза литераторов России, постоянный автор газеты «МОЛ». Приводим отрывок из её публикации в № 1, 2004:

Галина ВОРОПАЕВА

«То были вёсны над другой Москвой...»

Последние три года моей жизни совершенно неожиданно оказались связанными с интернетом. Неожиданно потому, что до той поры я не была знакома с ним даже как пользователь. А тут судьба сложилась так, что мне... посчастливилось заняться созданием сайта «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...». Задача была поставлена грандиозная: собрать под одной, пусть и виртуальной, крышей всех более или менее заметных поэтов, учившихся либо работавших в Московском университете — и тем самым сделать срез русской поэзии «в плоскости Московского университета» за 250 лет его существования. И вот за эти три года по адресу www.poesis.ru выросла огромная интернет-антология (мне даже говорили, что пора было бы её называть электронной библиотекой), в которой на данный момент представлены 340 авторов, и число это постоянно растёт, и проект этот никогда не кончится — разве лишь насильственным путём. Побочным эффектом этой деятельности стало то, что я столкнулась с полным спектром мнений литературной среды об интернете. Здесь и осторожное любопытство, и демонстративное равнодушие. А я уже не могу представить себе, чтобы этого пространства просто не было: не было места, где можно часами читать стихи, переходя из восемнадцатого века в двадцать первый, возвращаясь в девятнадцатый или двадцатый; устав от поэзии, читать воспоминания об университете или эссе о поэзии или просто расслабиться и посмеяться над курьёзами из жизни поэтов. Ниже — несколько маленьких историй о том, как на нашем сайте появлялись не публиковавшиеся ранее или забытые поэты — все они относятся к серебряному веку или его отголоскам. Дмитрий Сергеевич Усов (1896-1943 или 1944) — поэт, больше известный в качестве переводчика с немецкого и на немецкий. Репрессированный в середине 30-х годов по

так называемому «словарному делу», подорвал здоровье на Беломорканале настолько, что после освобождения не смог вернуться к нормальной жизни и скончался в эвакуации. Первая большая подборка его стихов была опубликована лишь в 1990.

Сергей Сергеевич Заяицкий (1893-1930), более известный как прозаик, выпустил в 1914 году анонимно сборник «Стихотворения». Поиск этого сборника оказался почти детективной историей. Не найдя ни в одной из доступных мне московских библиотек сборники стихов трёх авторов: Д.Д. Благово, С.Н. Игумнова и С.С. Заяицкого, я позвонила Льву Михайловичу Турчинскому. По поводу двух первых он посоветовал обратиться в библиотеку Литературного музея, сотрудником которого является. «А с Заяицким, — сказал он, — печальная история: он [сборник] был в библиотеке Ленина и я держал его в руках, но лет 5 назад он бесследно исчез. Я сам его искал». Я последовала совету. Ни Благово, ни Игумнова в Литмузее не оказалось. Тогда я попросила заодно на всякий случай посмотреть и Заяицкого. Его тоже, конечно, не было. Но тут мне предложили поискать ещё и по названию. Такая книжка, и именно 1914 года, была! Оставалось определить, действительно ли её автор — Заяицкий. Это мог сделать Турчинский — ведь он держал книжку в руках. Тогда мне сказали, что вряд ли это то, что надо, так как Турчинский, раз уж искал эту книжку, облазил тут всё вдоль и поперёк. Я всё же ему позвонила. «Интересно, — сказал Лев Михайлович. — Мне не приходило в голову искать по названию. Надо обязательно посмотреть». После моего звонка через неделю он продолжил: «А знаете, это действительно Заяицкий. Во-первых, я когда-то книжку видел. А во-вторых, на обложке в качестве адреса склада, где хранится тираж, указан домашний адрес Заяицкого!».

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ВОРОПАЕВОЙ

Плыть, иль не плыть... Наверное, она такой вопрос себе не задавала и попыла туда, где тишина пустую колыбель — уже качала

там, где ждало иное бытие,
куда она плыла и где — затихла,
не осознав, что стало для нее

84 то озеро — уже прохладней Стикса,

где стали капли вечною росой —
и, говорят, она еще дышала...
но Та, что бродит около с косою,
ее, как деревце, уже срезала.

Плыть, иль не плыть... предопределено
нам, восходящим в странствие иное
через границы дня, через окно,
разбитое последней тишиною.

Не рассчитала сил?.. — нам не узнать —
но вслед за ней, не думая, посметь бы...
Ведь разве можно точно рассчитать —
когда придет великий час бессмертья...

* * *

Андрея ГОЛОВА знал еще со времен лито «Бригантина», руководителем которого я был в 70-80-е гг. Он был постарше моих воспитанников, но это не мешало нашему поэтическому общению. Мы, в силу болезни поэта, проводили некоторые занятия у него дома, а одна из моих учениц — Светлана Качимова стала женой, а позднее и соавтором Андрея.

Я, будучи старостой Семинара по художественному переводу студии при МГК ВАКСМ и МО СП РСФСР, которым руководили Элизбар Ананиашвили и Яков Козловский, посоветовал Андрею передать его поэтические переводы Элизбару Георгиевичу, который принял Андрея в семинар и даже, по сложившейся традиции, провел ряд занятий у него дома. Оба — и Элизбар Ананиашвили, и Андрей Годов вступили в наш Союз, став одними из первых Государственных стипендиатах в номинации «Выдающиеся деятели культуры и искусства России».

В одном из ранних номеров газеты «МОЛ» стихотворение Андрея «Иосиф Первый», посвященное Иосифу Бродскому, было опубликовано в рубрике «Государственный стипендиат» с фотографией, на которой он сидит в своем кресле, а за спиной, положив, как обереги, руки ему на плечи, стоит Света Голова. Подзаголовок рубрики: «Много званных, но мало избранных» в равной степени я отношу и к Иосифу Первому, и к Андрею Первозванному...

В 2008 году Андрея не стало. Но осталась память о нем многих друзей и почитателей, с которыми поэту посчастливилось встретиться на его нелегком жизненном пути.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

Андрей ГОЛОВ

СТАРЫЕ МАСТЕРА

Старые мастера. Праздничный звон подков,
Пышная чехарда золота и железа.
Робкий просвет весны в строчках патериков:
Не уступи греху, истовая аскеза!
Старец, что задремал в мирной тени оливы,
Властный оскал руин римского монумента;
Лодочка и скала, впаивленная в залив —
Сладкие миражи горького кватроченто.
В щедрых садах дриады вновь виноград поспел,
Чашей в своей руке сменит перо вития.
Тяжесть туник и риз, и бестелесность тел —
Разве не твой завет, строгая Византия?
В окнах палаццо свет перед зарей погас,
Девичий сон хранит ласковый холод постели,
Но у холстов уже ловят рассветный час
Славные мастера Джотто и Боттичелли.
Праотец Авраам, славой встречая дождь,
Овцы своя пасет под балдахинном лета;
Урию смерть зовет, и иудейский вождь
Прямо в ассириян целит из арбалета.
Дряхлый Иероним посохом отстранит
Бесам наперекор сладкие искушенья,
И у резных хребтов пасмурных пирамид
Сына Марии ждет славный удел спасенья.
Ждут его синедрин, крест и Пилатов суд —
И в Гефсиманский сад с учениками вровень
Старые мастера следом за Ним придут
И принесут тебе тела Его и крови,
И отстранят свечой сумерки красоты,
И подадут холсты, словно подносы в храме,
Чтобы вкусил и ты, чтобы испил и ты
Света, что был и есть в мире и над мирами.

П. УЧЕЛЛО. “СВ. ГЕОРГИЙ”

Куда ты мчишься, дерзостный Георгий,
Скорлупками доспехов грохоча?
Ведь этот мир в чаду молитв и оргий
Простерт, как златотканная парча,
А сей дракон, роскошный, как игрушка
И крылья распахнувший на жнивье —
Всего лишь длиннозубая лягушка.
Не пачкай о нее свое копьё.
Ведь он — на привязи и чтит манеры,
И каждым вечером его опять

Из зева этой ракушки-пещеры
Прелестница выводит погулять.
А может — это, предаваясь вою,
И не дракон ярится перед ней,
А рыцарь, зачарованный волшебю,
Или один из ста ее пажей.
Она, в миракль и в бред вступающая шало
И хляби всех страстей минуя вброд,
Не то что там дракона — кардинала
И папу на цепочке проведет,
И тварь земная всякая в восторге
Пред ней свой дух и плоть повергнет ниц —
И что твое копьё, святой Георгий,
Перед одной стрелой ее ресниц?!Ты опоздал, непобедимый рыцарь:
Порок и так у чести на цепи.
Но раз дракон сражен и кровь струится —
Победу эту даме уступи.

ИОСИФ ПЕРВЫЙ

Памяти Иосифа Бродского

Чтобы вписаться фейсом в мистику языка,
Вовсе не обязательно вытирать перо о века
Или расцепляться, как атом.
Можно смахнуть пепел с бывалого пиджака,
Отпустить на Васильевский сизую струйку дымка,
И, обернувшись из далекого далека,
Спеть полуоду государственно-частным датам,
Сдобрить American сокральным русским матом,
Всосанным из совкового молока,
Баратынским в Венеции наслаждаться слегка
И из бытия улыбнуться чуть виноватым
Прищуром почти старика.

И пусть поднимается мандельштамовская строка
Римскою единицей с чистого черновика
И бритвой судьбы и смычка
Водит по голым нервам —
Мудрость вселенной не стоит и пяточка,
Особенно если Новосветные облака
Ссылного нобелиата учат фразным манерам,
Ибо часть речи не уместается в датах,
А римский друг устает в китайских цитатах
И посылает славе энциклику плевка
Вместо аскетического “пока”,
Ибо ово время войнам, ово — маневрам,
Ово — священной вязи на скрижалях клинка,
И только храмы — вне очереди, это помнит наверняка
Осип Второй, ставший Иосифом Первым.

НАСЛЕДИЕ

Владимир ГЛАНЦ

О ТАИНЕ ГОГОЛЯ

Скажу несколько слов о том, как у меня написалась книга с вызывающим названием «Гоголь и апокалипсис», и о чем она, собственно, трактует.

Как-то, читая статью замечательного мыслителя Русского Зарубежья Дмитрия Ивановича Чижевского «Неизвестный Гоголь», я натолкнулся на столь странное и небывалое утверждение, что оно надолго приковало мои мысли. Чижевский писал, что «Ревизор» создавался Гоголем отнюдь не с педагогической целью — исправления нравов — а с мыслью радикально повлиять на судьбы России. То есть — не так и не настолько, насколько этому может служить еще одно создание изящной словесности, а существование иначе — экстренно и эффективно. Чем же была обусловлена такая чрезвычайность? Чижевский задался необычным вопросом. Не ожидался ли на время создания «Ревизора» — где-нибудь в мире, а еще лучше в России, конец света? Чем в гоголевском тексте могла быть навеяна такая странная мысль? Чижевскому, который также как и Гоголь, был выходцем из Малороссии, был, может быть, более других внятны смысл гоголевской тайнописи. Ведь оба принадлежали к одной культурной традиции. И так — конец света. Оказывается — он ожидался и именно в это время. Еще в XVII веке швабский мистик Бенгель на основании своей особой системы вычислил, что конец света произойдет в 1836 году. «Ревизор» был закончен Гоголем 4 декабря 1835 года. Как видим, это самый канун ожидаемого грандиозного события.

Причем гениальная комедия была создана всего за два месяца, одним духом. Это в творчестве Гоголя беспрецедентно! Он сам в письмах к друзьям не раз и не два говорит, что пишет очень медленно: «в обдумывании многих из них (произведений — В.Г.) прошли годы». Бенгель не был современником Гоголя, но оставил «наследника». Уже в XXIX веке его мысль подхватил другой немецкий мистик и духовидец Генрих Юнг-Штиллинг. Штиллинг был хорошо известен в России, благодаря переводам

86 русского масона и популяризатора его творчества —

Лабзина. Лабзин же опубликовал апокалиптический роман Юнга-Штиллинга «Победная повесть». Чижевский предположил, что это закордонное пророчество оказало сильнейшее влияние на Гоголя.

Принципиально новой моей работы в следующем: я утверждаю — начиная еще с юношеских лет и всю последующую жизнь Гоголя магнетически притягивала тайна апокалипсиса — тайна конца человеческой истории и начала «нового неба и новой земли». Некоторые особенности гоголевского времени: атеизм значительной части русского образованного общества, соблазны масонства, настоящая интервенция западной мистической литературы, общая ослабленность Церкви — с одной стороны, и залетающие из Европы, колеблющиеся алтари и престолы ветры революции — с другой, — делали атмосферу времени тревожной, исполненной страхов и пессимистических ожиданий.

В той же статье «Неизвестный Гоголь» Чижевский говорит о мистицизме, свойственном Александровскому царствованию в целом и самому Государю Александру I, в частности. Во время французской кампании, где-то в 1814 году, Российский Император впервые знакомится с Апокалипсисом или, как его еще называют, Откровением Иоанна. Его волнуют загадки этой пророческой книги, он ищет и находит всех искусных ее толкователей. Так в непосредственной близости от Государя появляется баронесса Крюденер. На остром интересе к самой загадочной книге Евангелия они и сошлись. Дополнительный штрих — баронесса устраивает и личное знакомство Александра I с Юнгом-Штиллингом. Не без влияния последнего, — как считал Георгий Флоровский, — появилась на свет «идея «Священного Союза», связанная в сознании Александра I с мыслью о необходимости сплочения христианских сил мира перед его близким концом». Император не просто углубленно изучал Апокалипсис, но, прежде всего, учился в свете Апокалипсиса «читать» смысл современных событий. Само наполеоновское нашествие он трактовал, как сбывающееся на глазах Откровение Иоанна. Еще раньше, уже во времена Тильзитского мира, имя Наполеона со «зверем» Апокалипсиса (т.е. — антихристом) ассоциировала Русская Церковь, и, надо сказать, император Франции давал к тому немалые основания. К слову, в своих посланиях к верующим антихристом именовал его и Папа Римский. «Не верьте сему антихристу», — предостерегал он и даже пытался отлучить Наполеона

от Церкви. Но Александр I, Наполеон и Гоголь, — где же тут связь? Гоголь — отмечает Чижевский — входит в новое время «эпигоном Александровской эпохи». То же подтверждает и Георгий Флоровский: «Гоголь как-то запаздывает в Александровском царствовании». Позднее, в «Мертвых душах» Гоголь посмеется над «модным тогда мистицизмом»...

Однако «Ревизор» — это уже художественная вершина и одновременно завершение интересующей нас темы. Может быть, Чижевскому никогда бы и не пришла в голову эта странная мысль, если бы не подсказка самого Гоголя, причем Гоголя еще юного, еще не застегнутого на все пуговицы. Эту подсказку он обронил в повести «Портрет», в его ранней редакции. А «Арабески» с этой повестью вышли в свет в 1834 году.

Здесь надо хотя бы частично напомнить содержание первой версии «Портрета». Художник создает удивительный и страшный в своей силе портрет ростовщика с «живыми глазами», после чего ростовщик умирает, а в семье художника начинается чертовщина. Покойный ростовщик то и дело является художнику, смущая его кощунственными предложениями. Попытка сжечь бесовское изображение ни к чему не приводит — его и огонь не берет, как ни в чем не бывало, оно снова оказывается на своем месте. Другая попытка — объяснить священником — заканчивается трагически: гибнут сначала жена, а потом и младший сын. Наконец, художник понимает, что, удержав в портрете жизнь ростовщика, он совершил тяжкий грех и удаляется в монастырь на покаяние. Годы проходят в аскетических подвигах. Приехавшему навестить его сыну уже преображенный художник-монах открывает тайну. Вот что он говорит: «Сын мой! — сказал он мне после долгого, почти неподвижного устремления глаз своих к небу, — уже скоро, скоро приблизится то время, когда искуситель рода человеческого, антихрист, народится в мир. Ужасно будет это время: оно будет перед концом мира. Он промчится на коне-гиганте, и великие потерпят муки те, которые останутся верными Христу. Слушай, сын мой: уже давно хочет родиться антихрист, но не может, потому что должен родиться сверхъестественным образом; а в мире нашем все устроено Всемогущим так, что совершается все в естественном порядке»...

«Он уже и теперь нарождается», — продолжает художник (а мы знаем, что — Гоголь), — «но только некоторая часть его порывается показаться в мир. Он именно выби-

рает время, когда величайшие несчастья постигают нас. Горе, сын мой, бедному человечеству!». «Мне представляется», — писал Чижевский, — «единственным возможным объяснением странных слов Гоголя об антихристе в первом издании «Портрета» именно его знакомство с предсказанием Юнга-Штиллинга, в частности, с его апокалиптическим романом «Победная повесть».

Так вот. От этого многозначительного в содержательном плане фрагмента о скором пришествии антихриста в более поздней редакции «Портрета» (1842 года) не останется и намек. Почему? Да потому что роковой 1836-й год миновал, и закончился он без каких-либо заметных происшествий. Если не считать пожара в столице, дотла уничтожившего Зимний дворец. Но ведь это еще не апокалипсис... Разумеется, Гоголь понял, что назначенная дата ошибочна, но он не так легко расставался со своими идеями, считая их внушениями свыше. Само событие этим не отменяется, а последние сроки очевидно переносятся. И, в принципе, его мироощущение, его чуткость к грозным раскатам и дыханию апокалипсиса, оценка самих тенденций новейшей истории, как самоубийственных, — были безошибочны.

Так из разногласия двух редакций «Портрета» сама собой и вытекла гениальная догадка Чижевского. Притом, его мысль оказалась исключительно зоркой, а идея — работающей, как лошадь.

В научной литературе о Гоголе роняются время от времени скудные фразы об «апокалиптических мотивах» того или иного его произведения. Но это так — сквозь зубы. Здесь загадка. Предполагаю, что апокалиптические чаяния Гоголя, хотя по видимости и должны представлять для исследователя настоящее лакомство, однако, сладость его отравлена горечью, т.е. риском для репутации исследователя. И вот, с одной стороны, до дыр затираются ставшие штампами фразы о вечной загадке Гоголя, а, с другой, лежащую буквально под ногами мысль-сироту о Гоголе-апокалиптике, которая в большой степени есть уже и разгадка его вечной тайны, почему-то никто не хочет поднять, полюбить и усыновить. Конечно, для светского литературоведения слишком большое участие в жизни и творчестве классика его религиозных воззрений — нежелательно и досадно. Наша наука во многом еще продолжает по набранной в советское время инерции строго разграничивать науку, как объективное знание, и религию, как знание субъективное и к тому же

идеалистическое. Подразумевается, что последней (т.е. религией) можно пренебречь. Вечный, неразрешимый конфликт науки и религии. Но надо ли переть против рожна, то есть фактов?

Творчество ни одного из русских писателей, в такой же мере, как творчество Гоголя, несводимо к их религиозным взглядам. Меня, например, в школе учили, что «Ревизор» и «Мертвые души» — это всего лишь сатира на николаевскую, помещичье-крепостническую Россию, но ни один учитель никогда не говорил о глубочайшем символизме гоголевских созданий, ни один не говорил о том, что «Ревизор» — не осуждение, обличение, а своеобразное рукописание грехов человечества накануне Страшного Суда, т.е. исповедь. По мнению Гоголя, современное христианство лишилось своей силы и соли, а мир оказался на пороге уничтожения. И тайнопись Гоголя, назначение его подтекста — диалог с Высшими силами. Совместная теургия Бога и художника. Но прежде — провокационное воздействие художника на Бога с целью отмены или смягчения уже готового Божьего определения о земных судьбах. По некоторым указаниям Гоголь предполагал, что главные события финала человеческой истории должны произойти именно здесь, в России. Таким образом, «Ревизор» — не столько сатира, сколько национальная исповедь, приносимое художником Богу покаяние. При этом смех не отменяется, однако высмеиваются не люди и положения, а олицетворенные в персонажах inferнальные силы. Еще Пушкину обещал Гоголь, что его комедия будет «смешнее чёрта».

Начиная с повести «Нос», Гоголь, как опять-таки ни один из писателей-современников, буквально испещряет свои произведения знаковыми словами, сеет реминисценции и аллюзии на Евангелие (это касается прежде всего первых вариантов произведений этого периода). Под узнаваемым, крепко сколоченным бытом всегда у Гоголя — тайнопись. А толкование тайнописи представляет немало соблазнов. Однако и в самых рискованных экзегезах, если позволится такое слово, я пытался сохранять трезвость, в особенно сложных случаях опираясь на писания святых Отцов, приглашая в собеседники мыслителей Серебряного века. Кстати говоря, из этой блестящей когорты ближе других к загадке Гоголя подошел, на мой взгляд, Мережковский. Но что-то и его удержало...

Удивительно это религиозное беспокойство Гоголя. Почему, скажем Свифту, Гофману или Стерну — любому

другому западноевропейскому писателю — не дано было в священном ужасе отшатнуться от своих творений, прозреть в них «чудовищ», как это случилось с поздним Гоголем? Почему Гоголь? Всегда чувствуется особое действие Промысла в его жизни. Щедрой рукой посылаются ему неудачи, провалы, «оплеухи» и болезни. В категориях верующего человека, все это — знаки милости Божией. Значит, так возлюбил Бог человека, что не хочет «смерти грешного, но якоже обратится и живу быти ему»...

Можно только догадываться, каким восторгом, величием и гордостью должна была исполниться душа поэта. В «Ревизоре» он взял на себя смелость выступить от лица всего человечества! Великолепнейшая, счастливейшая и возвышеннейшая мысль! Предупредить последний и окончательный Суд, отвести своею немощною рукою готовую уже обрушиться сокрушительную кару. Да, возвышеннейшая мысль, но вместе с тем — и опаснейшая. Какой надменностью могло исполниться сердце...

Попробуем в порядке эксперимента дать слово самому автору, реконструировать, так сказать, его речь.

«Да после этого меня на руках понесут!».

Но Дюр!..

Впрочем, что ж Дюр? Сам виноват. Как только мне на ум легло отдать свое лучшее создание этому выходцу с того света? Разве это Хлестаков? Стыдно смотреть на сцену! Ломается как последний площадной пацан! Видно, думает, что если только он высморкается погромче — то все попадают со смеху, а на поклонах завалят цветами. Из какого восемнадцатого века, из какого бабушкина сундука они вынули этого безбожника?».

Он низко опустил голову с горящим краской лицом и закрыл глаза.

«Да разве после этого балагана вправе ожидать я Его милости? Нет! Только еще страшней, еще беспощадней разразится над моей головой Его гнев. Никто другой, а сам я — всему виной».

Постепенно замолкали, куда-то уходя, все нестерпимо фальшивые звуки. И вот уже его воображению предносится совсем другая сцена, в которой работают другие, современные, воспитанные им самим артисты.

«Так! Вот же, нашелся он — настоящий Ревизор!»

Какая величавая мысль, какая гармоническая согласность грандиозного замысла и вместе отточенность каждого жеста, благородная верность каждого произнесенного слова! Идеальный ансамбль актеров словно

не выговорил, а пропел «Ревизора», как бы некоторую торжественную кантату. За задником, в неисследимой глубине сцены сначала приглушенно, но постепенно, все более нарастая к Финалу, рокочат тяжелые басы мощного органа...

«И при всем том, знаете, чему я и сам сначала не поверил? Все вместе было уморительно, безумно смешно... Но все же с этаким, знаете ли, сквознячком оттуда»...

Отдельных слов заслуживает гоголевская демонология.

«Не может быть, чтобы все были мерзавцами?» — говорите. — «Ни одного утешительного явления?». Да добавь я только одну положительную черту каждому, помирились бы со всеми ними. Но я не добавил. К чему?

Зло ли отвратительно? Вот у ведьмы — грехи невероятные, неслыханные! Я не собирался принудить читателя полюбить ее, но разве в некоторые моменты своего тления и распада она не прекрасна?! Разве читатель не пожирает глазами Хомы Бруга ее бесовские прелести?

Я всего лишь так поверну словечки, что залобуетесь ею. Зло не иногда лишь бывает обаятельным, обаяние — его неперменная черта.

Черта чёрта.

Да, что ведьма? Возьмем самого законопослушного чиновника с небольшим чинишкой. Беззлобнейшим и безобиднейшим существом вывел его я на петербургскую стужу, и что же вы сделали с ним? Вы! Не говори, человек, что из доброго не получится злое. Вот он уже сдерживает под мостом шинели с генералов.

Я первым вывел на страницы антихриста — глуп ужасно, важничает и думает, что он птица бог знает какого разбора. Пушкин! Сам Пушкин ничего не понял и подумал, что «Нос» — просто забавная вещица, полная настоящей веселости. А почему антихрист не может быть литературным героем, когда он всю воплощается, а может быть уже и воплотился? Я тотчас назову вам два-три таких имени, которые могли бы... Но тс-с! Молчание.

Нос. Нос — это вам не значительное лицо, бери выше. Он завтра, сейчас будет произведен в сенаторы и уж такого перца задаст!.. А вы этого не знали?

Зло могущественно, оно и к чудотворению склонно, его чудеса, никак не меньшие, чем те, что творит Добро. Злой с искусством лицедея прикидывается подчас простым малым. Недалеким, простодушным. Вы веряетесь ему и тут же получаете страшный удар в самое сердце. Зло склонно к искусству, театральности, маскам. Своей непредсказуе-

мостью, неоперившемся взгляду напоминающей творчество, оно завораживает, зачаровывает... С омерзением, но и не без некоторой почтительной робости и уважения к силе будете вспоминать вдруг выбежавший изо рта колдуна клык... По другой шкале, чем прекрасное, но и за этим образом признаете его высокую эстетическую ценность. Как на шкале термометра: прекрасное (доброе, благое) — все, что выше нуля, злое — ниже... Но и для отрицательных и для положительных температур — термометр один и тот же.

Было время, когда Гоголю показалось, что он, подобно Самому Творцу, может творить буквально из ничего, что для изображения России и русского человека ему, гениальному душезнатцу уже не потребны никакие реальные сведения и прототипы, ни к чему педантическое знание жизни; что существующая форма христианства — лишь пустая в своей сути, внешне-обрядовая инерция, что для того, чтобы стать настоящим христианином, надо выйти из традиции и начать все сызнова. С него-то, Гоголя, и начнется, новая эра настоящего христианства, он станет духовным вождем заблудшей нации и оживит мертвые души. Лукавый, маня его поощрением его же страстей и пороков, — самоослеплением и «дымным надмением гордости», раздувая превратное представление о значении смеха в борьбе с дьяволом, вверг несчастного в фантастический, ирреальный мир, где все до чрезвычайности напоминало настоящую жизнь, но было от начала до конца притворством, мистификацией и ложью.

Путая сотворенное на дьявольском замесе — с реальностью, высосанную из пальца Россию — с той, которой он вовсе не знал, — он поражался удивительной мертвенности этой России, мертвенности христианства и христиан. Но мертвенны были только его собственная, бумажная Россия и бесконечный холод его души.

Нет на земле другой больницы, кроме Церкви, и другого врача, кроме хорошего пастыря, которые бы умели возвращать на землю так высоко занесшихся людей, освобождать, от может быть, и драгоценных для них, но в сущности, тяжко губительных иллюзий. Таким исцелителем стал для Гоголя отец Матфей. С его помощью, лишь слегка почесав с собственных боков и глаз приросшее к ним былье, жмурясь и протирая глаза на сияющий мир Божий, он был сражен своим страшным, чудовищным грехом клеветы на Творение... Оказалось, что все эти ослепительные годы, исполненные головокружительных взлетов

ПОЭТ – СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИН

и непомерных трудов, соработничал он вовсе не Богу. Что не он, а над ним посмеялись... «...я верю в Божью милость, что не допустит Он, чтобы из книги моей почерпнули вред». Этой его вере не было дано осуществиться. Сколь многие были сбиты с толку его творениями, как часто ими пользовались недоброжелатели России!..

Мы не фарисеи и понимаем, что некоторое количество национальной самокритики никакому народу не может быть вредно. Но для того, чтобы изречь этот суд, надо иметь благожелательное, любящее, сострадающее своему народу сердце.

Если в «Мертвых душах» Гоголь никак не задел нашего чувства, не дал никакого трогательного для нас содержания (не решил никакой положительной задачи), то что-то он все-таки сделал существенное в лирических отступлениях поэмы. Помню их воздействие на мою детскую душу. Они, не найду другого слова, воспламеняли во мне мой дух, о котором я прежде и не знал, что он у меня есть. Ни одному аналитику, вооруженному скальпелем и лупой, не удалось путем расчленения гоголевской фразы обнаружить что оно такое, это воспламеняющее вещество? Состоящие из обычных, всем известных слов, лирические отступления Гоголя действуют на нас иначе, чем сумма этих слов. Так действовать может лишь одна музыка. Словно задолго до экспериментов Велемира Хлебникова Гоголь напал-таки на тайну заумного, параллельного языка. Я, помню, переживал Птицу-тройку как что-то до такой степени величественное, внушающее такую сильную любовь к Родине и гордость за нее, что у меня, ребенка, слезы наворачивались... А весь яд гоголевских сарказмов проливался втуне, я их просто не замечал. Может быть, одна детская душа силой неомраченного ясновидения только и способна читать настоящего Гоголя. Гоголя поэтических восторгов и всегда прекрасных намерений...

В своем творчестве Гоголь сделал так много небывало нового, а, захотев «стать лучшим», понес такие страдания, столько воли и мужества употребил на то, чтобы жизнь, творчество и вера не разноречили, что уже современникам его жизнь могла представляться каким-то ископаемым, редкостным донкихотством. Его стремление сделать внятными миру доносящиеся звуки иного Царствия, его одиночество и скорбное стояние на меже, «где кончил тварей Ты телесных, где начал Ты духов небесных», — и прежде, при жизни, и ныне — трагически

90 абсолютны.

Для эпохи романтизма (а именно таковой была пушкинская эпоха) эти понятия представляются несовместимыми. Поэт был возведен на пьедестал; он стоял выше мелких нужд повседневности. Но жизнь предъявляла свои права, и волей-неволей приходилось отвечать на ее требования. Попробуем на примере двух крупнейших поэтов того времени показать как разрешалась эта дилемма.

Любил ли Пушкин русскую деревню? Вопрос представляется праздным; ведь сам великий поэт не один раз дал на него утвердительный ответ. Однако, жизненные обстоятельства Пушкина невольно наводят на мысль, что налицо лишь поэтическая декларация или, точнее сказать, своего рода гораианство. Если Пушкин и бывал в деревне, то только вынужденно; в Михайловское он был сослан, в Болдино приезжал всего трижды, и то по делам. Даже летом он предпочитал снимать дачи вблизи Петербурга, а не отправляться в деревню, как другие дворяне, крепче привязанные к земле. Это тем более бросается в глаза, что его родные (отец, мать, семейство сестры) постоянно приезжали на лето в Михайловское. Пушкин же, проводивший в «наследственной берлоге» безвыездно два года хорошо знал, что такое «деревенское одичание». В «Романе в письмах» Пушкин писал: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депешши... Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застаёт в нужде и хлопотах»¹. Но следовал ли он собственной декларации? Стремился ли он сам исполнить свой долг помещика?

Пушкин был вынужден пробыть безвыездно почти два года в псковском имении своей матери Михайловском. Это было маленькое село, где обитало всего 80 ревизских душ мужского пола. По приезде Пушкин застал в Михайловском все семейство. На первых порах царили мир и покой, но вскоре разразился шумный скандал. Понятно,

что опальный Пушкин ощущал себя загнанным в угол; он постоянно был взвинчен. Его легкомысленный отец сдурю дал обещание опочечкуму предводителю дворянства А.Н. Пешурову (ему было вменено в обязанность следить за Пушкиным) вскрывать корреспонденцию сына-поэта. Последовала ссора, слух о которой распространился по всему уезду. Пушкин даже боялся, что за угрозы в адрес отца (вообще-то неизвестно, что они в сердцах наговорили друг другу) его сошлют либо в Сибирь, либо на Соловки. Но результатом стало лишь то, что все родные уехали из Михайловского, оставив Пушкина в одиночестве.

Таким образом, Пушкин оказался полноправным помещиком. Ему надлежало управлять имением своей матери. Но делал он это, судя по всему, из рук вон плохо. Из близких родственников он поддерживал отношения только с младшим братом Львом. Фактически, Михайловское было в руках управляющего Михаила Калашникова. Дом вели няня Арина Родионовна и вольнонаемная экономка Роза Григорьевна. В письмах Пушкина лишь один раз упоминаются хозяйственные проблемы, когда он вынужден был применить барскую волю и попытаться погасить домашнюю свару. В конце февраля 1825 г. он пишет А.С. Пушкину: «У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен был я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе подать мне счеты. Она показала мне, что за два года (1823 и 4) ей ничего не платили (?). И считает по 200 руб. на год, итого 400 рублей. — По моему счету ей следует 100 р. Наличных денег у ней 300 р. Из оных 100 выдам ей, а 200 перешла в Петербург. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благодетельности и заплачено ли что-нибудь в эти два года < ... >. Велел перемерить весь хлеб и открыл некоторые злоупотребления, т.е. несколько утаенных четвертей. Впрочем, она мерзавка и воровка. Покамест я принял бразды правления»². Неизвестно, сколько долго Пушкин удерживал бразды правления. Скорее всего, он поспешил передать их Калашникову и няне.

Больше в письмах Пушкина нет ничего о хозяйстве. Он целиком погружен в свое творчество. На первых порах он сетовал В.Ф. Вяземской, что не в силах взяться за перо: «Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах, но скука — холодная муза, и поэма моя не двигается вперед»³. Но постепенно Пушкин расписался. Лейтмотив его писем брату: пришли книги, как можно

больше книг. Иногда его одолевали мысли о побеге, но, по-видимому, они быстро проходили, ибо он смирился со своим положением. Правительственный агент Бошняк, имевший задание собирать сведения о Пушкине, сообщал со слов богатого крестьянина Столарева из монастырской слободы при Святогорском монастыре: «Пушкин — отлично добрый господин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто и никого не обижает; ни с кем не знается и ведет жизнь весьма уединенную. Слышно о нем только от людей его, которые не могут нахвалиться своим баринством»⁴. Итак, Пушкин в жизнь и быт михайловских крестьян не вмешивался, что и встретило их единодушное одобрение. Они сквозь пальцы смотрели на «барский грех» Пушкина, у которого завязался «крепостной роман» с дочерью уже упомянутого Калашникова Ольгой. Она родила от поэта ребенка; но судьба его осталась неизвестной. С семьей Калашниковых Пушкин будет связан всю жизнь.

Основные вотчины Пушкиных — прежде всего, Болдино — находились в Нижегородской губернии. Они были пожалованы предкам поэта за патриотические подвиги в эпоху Смутного времени. Однако, некогда обширные имения дробились. При поэте Болдино было разделено и принадлежало двум братьям Сергею и Василию Пушкиным. В противоположность Михайловскому это было большое село с более 1000 ревизских душ мужского пола. Кроме того, отцу поэта принадлежало поблизости небольшое село Кистенево. В связи с женитьбой сына он передал ему — коллежскому асессору Александру Сергеевичу Пушкину — части недвижимого имущества в этом селе, а именно 200 ревизских душ мужского пола «с принадлежащею на число оных двухсот душ в упомянутом сельце пашенною и не пашенною землею, с лесы, с сенокосами с их крестьянскими строениями и заведениями с хлебом наличными и в земле посеянных, со скотом, птицей и прочими угодами, и принадлежностями, что оным душам следует и во владении им состояло»⁵. Таков был канцелярский слог дарственной. В данных обстоятельствах Пушкин вовсе не был заинтересован в приобретении доходного имения; оно было ему нужно только для того, чтобы немедленно заложить и сразу же получить крупную сумму денег на свадьбу и приданое невесте. Уже 5 февраля 1831 г. Кистенево было заложено на 37 лет за 40000 рублей.

Первый приезд Пушкина в Болдино был связан со всту-

плением во владение. Он отправился с неохотою. 31 августа 1830 г. он писал П.А. Плетневу: «Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню, Бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского»⁶. Но не было счастья, да несчастье помогло. Во-первых, вся процедура оказалась не столь уж простой. Отправляясь в Болдино, Пушкин неясно понимал, чем его одаривает отец. Он полагал, что ему будет принадлежать отдельное имение, а оказалось просто часть деревни, которую еще предстояло размежевать. Во-вторых, из-за нахлынувшей на Русь холеры Пушкин оказался запертым в Болдине до конца ноября. Результатом стал богатейший творческий урожай «болдинской осени».

По приезде в Болдино настроение Пушкина быстро поднялось. Уже 9 сентября он писал все тому же Плетневу: «...Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Ты не можешь вообразить, как весело ударить от невесты, да и засесть стихи писать. Что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь, да степь; соседей ни души; ездить верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов»⁷. О хозяйстве, как всегда, ни слова.

Но это не значит, что Пушкин был слеп к окружающему. Управляющим в Болдине с начала 1825 г. был уже упомянутый Калашников. Сколь успешной была его деятельность, свидетельствуют сухие цифры: в 1825 г. оброка было собрано 13 106 р. 17 к.; в 1826 — 10 578 р. 65 к.; в 1827 — 7 862 р. 04 к.; в 1828 — 5 518 р. 77 к.; в 1829 — 1 639 р. 46 к. (данные на 1 апреля). «История села Горюхина» завершается описанием «правления приказчика**» (конечно, Калашникова), действующему согласно собственной «политической системы»: «Главным основанием оной была следующая аксиома: Чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смиреннее. Вследствие сего** старался о смирности вотчины, как о главной крестьянской добродетели. Он потребовал опись крестьянам, разделил их на богачей и бедняков. 1) Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможною строгостию. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их ока-

зывался недостаточным, то он отдавал их в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю; ибо от одного по очереди откупались все богатые мужики, пока наконец выбор не падал на негодяя или разоренного. Мирские сходки были уничтожены. Оброк собирал он понемногу и круглый год сряду. Сверх того, завел он нечаянные сборы. Мужики, кажется, платили и не слишком более противу прежнего, но никак не могли ни наработать, ни накопить достаточно денег. В три года Горюхино совершенно обнищало».

В этой мрачной картине не трудно увидеть то, что Пушкин нашел в «родовой вотчине». Но сам он ничего не сделал для того, чтобы поправить положение.

Пушкин неоднократно сетовал на дробление помещичьих вотчин, благодаря чему самый образованный класс в России лишался необходимой материальной базы. Но когда после смерти дяди Василия Львовича ему представилась возможность воссоединить Болдино, он после недолгого колебания отказался. Желая все проверить на месте, он второй раз приезжал туда в октябре-ноябре 1833 г. Он сделал крюк во время объезда пугачевских мест. Пушкин писал жене 6 ноября 1833 г.: «Здесь я было вздумал взять наследство Василия Львовича. Но опека так ограбила его, что нельзя и подумать»⁸. Но этим словам не очень-то верится, поскольку, судя по всему, делами по имени Пушкин не занимался. В предыдущем письме от 30 октября он рассказывает о своем житье: «Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; ус да борода — молодцу похвала; выду на улице, дядюшкой зовут. Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трех часов. Недавно расписался, и уже написал пропась. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов — читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо»⁹. Не удивительно, что, в конце концов, часть Василия Львовича была продана с аукциона.

В следующем 1834 г. Пушкин по настоянию отца взял на себя управление нижегородскими имениями. Он и сам сознавал, что все идет прахом. Ежегодный бюджет семьи поэта составлял 80 тысяч рублей, а из деревни он получал всего лишь две тысячи. Такой незначительный доход был совсем незаметен. Взятыми перед родными обязательства-

ми объясняется последний визит Пушкина в Болдино в сентябре 1834 г. На этот раз поэт попытался более глубоко вникнуть в хозяйство, но вскоре понял свое бессилие. Он пишет жене 15-17 сентября: «Сейчас у меня были мужики с челобитьем; и с ними принужден я был хитрить, но эти наверно меня перехитрят...»¹⁰. В дневнике он позднее подвел итог своему деловому вояжу: «... съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил и, кажется, неудачно» (запись от 28 ноября).

После смерти матери поэта 29 марта 1836 г. встал вопрос о судьбе Михайловского. Между родственниками начались бесконечные расчеты; они надеялись благодаря наследству поправить свое шаткое финансовое положение. Пушкин до последнего дня надеялся сохранить Михайловское за своей семьей, но собирался уплатить за него не более 40 тысяч. Он писал мужу сестры Н.И. Павлищеву: «Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, вам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собою»¹¹. К счастью, это село не ушло от детей поэта. После его гибели Михайловское было выкуплено опекой, установленной правительством над детьми поэта, и стало их недвижимой собственностью.

Итак, Пушкин своего долга помещика не исполнил. Он даже не представлял себе, с какого конца взяться за дело. Крестьяне его Кистенева бедствовали. Подворная опись свидетельствует, что в этом селе «лучших» дворов всего 6, хороших 2, средственных — 21, бедных — 35, весьма бедных — 3, не имеющих ничего — 1¹². В бедные и весьма бедные дворы зачислялись те, где не было ни только лошади и коровы, но, подчас, и курицы. Конечно, не последнюю роль сыграло и управление Калашникова. Недаром при продаже с аукциона части Болдина (принадлежавшей ранее В.Д. Пушкину) Павлищев сделал предположение, что, если Калашников и не купит его, то в состоянии купить. Некоторые предприимчивые крепостные оказывались богаче своих безалаберных господ. Однако, вновь встает вопрос: можно ли поставить Пушкину в вину нищету его крестьян? Думается, что нет. Объективные обстоятельства оказались сильнее его доброй воли. Крепостническое хозяйство России находилось в глубоком кризисе, и выправить положение могли только кардинальные реформы. Теперь обратимся к другому примеру. Среди поэтов «пушкинской плеяды» Баратынский — самая яркая звезда. За ним традиционно закрепилась репутация певца

«мировой скорби». Но как бы в противовес своему лирическому герою в жизни Баратынский был сугубо земным человеком — умным отцом многочисленного семейства и трезвым, расчетливым помещиком. Он сетовал в стихах, что на дворе «железный век», но сам был порождением этого века и стремился жить по его законам.

Разность натур Пушкина и Баратынского бросается в глаза. Кажется, по-человечески у них ничего общего не было; единственно, их сближала лишь поэзия, а личные взаимоотношения со временем становились прохладными. Налицо было взаимное непонимание. Для Пушкина Баратынский по-прежнему оставался автором лучших русских элегий, но, как он писал И.В. Киреевскому, эти элегии — всего лишь «ряд прелестных миниатюр»¹³. Баратынский шел гораздо дальше. В письме тому же Киреевскому он резко замечает, что в «Евгении Онегине» «нет ничего такого, что бы решительно характеризовало наш русский быт»¹⁴.

Сама запальчивость этих слов свидетельствует — Баратынский ценил в русском жизненном укладе отнюдь не то, что Пушкин. Ему была дорога старопомещичья патриархальность; он искренне хотел быть землевладельцем и благодетелем своих крестьян. Пушкину же все это было чуждо. Оба поэта внешне оставались добрыми друзьями, но слухи об их духовном разладе расходились все шире, подчас принимая невероятные размеры. Поговаривали даже, что в своей знаменитой «маленькой трагедии» Пушкин, создавая образ завистника Сальери, имел в виду Баратынского. Как ни удивительно, но отзвуки подобных слухов время от времени повторяются в так называемой «поп-пушкинистике», занятой поисками не истины, а сенсаций.

С именем Баратынского, прежде всего, традиционно связывается подмосковное Мураново. Действительно, это была единственная усадьба, где поэт был полновластным хозяином. Но здесь он обосновался только в последнее десятилетие жизни (после смерти тестя Л.Н. Энгельгардта в 1836 г.). Наследственным имением Баратынских была обширная Вяжля (Кирсановский уезд Тамбовской губернии). Оно состояло из нескольких деревень. Центром земель была усадьба Мара на высоком берегу реки Вяжли (ее именем и названы владения). По имущественному разделу после смерти отца, произведенному между четверьмя братьями Баратынскими, поэту достались 194 души мужского пола. Но, как самый старший и самый деловитый и практичный, он имел решающий голос во всех хозяйственных проблемах. Кроме того, в начале 1830-х гг. Баратынский

подолгу жил в другом имении Энгельгардтов Каймары (20 верст от Казани). Следует отметить, что в сентябре 1833 г. он специально приезжал из Каймар в Казань для встречи с Пушкиным, путешествовавшим по пугачевским местам. Надо сказать, что Н.Н. Пушкина выделяла Баратынского среди друзей своего мужа. Она возлагала большие надежды на то, что спокойный характер Баратынского и размеренный образ его жизни окажут благотворное влияние на Пушкина. Именно поэтому последний в письмах жене не забывает упомянуть о встречах с Баратынским, что в ее глазах было лучшим свидетельством того, что он наложил узду на свой африканский темперамент.

Встреча Пушкина и Баратынского в Казани породила толки в литературных кругах. Д.В. Давыдов даже предположил, что они специально съехались для совместной работы над романом о Пугачеве. На самом деле свидание поэтов было мимолетным, поскольку Баратынский спешил в Мару, где разразился голод. Для прокорма крестьян он закупил 2000 четвертей ржи на сумму 40000 рублей. Ради сравнения напомним, что такие деньги (но не больше) Пушкин собирался потратить на выкуп для своей семьи Михайловского, где он «провел два года незаметных». Баратынскому пришлось проявить большую твердость, чтобы заставить родственников пойти на столь крупные расходы. Но он понимал, что не оказать крестьянам помощи будет не только бесчеловечно, но и опасно; воспоминания о пугачевщине были еще живы.

Знаменитая элегия «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня...») принадлежит к шедеврам Баратынского. Пушкин считал ее совершенством. Впервые прочитав «Признание», он в сердцах писал Вяземскому, что больше никогда не будет печатать собственных элегий. Но ему наверняка не было известно, что на черновике переработки этого стихотворения Баратынский набросал подробный план хозяйственных работ в Каймарах. Вот он: «1-е. Нужно выбрать хорошего старосту, знающего поля и порядочного. 2-е. Распланировать место для дома и амбара хлебного и начать работать амбар. 3-е. Гумно по выбранному месту по сходе снега окапывать. Скотный двор строить на низменном месте, для маленьких телят две избы нужно построить. 4-е. Овины плетеные строить. 5-е. Ригу необходимо к осени выстроить»¹⁵. Ничего подобного Пушкин не думал предпринимать ни в Михайловском, ни в Болдине. В жизни Баратынского просто не могло быть «болдинской

осени». Он неоднократно повторял, что в деревне забывает о стихах; хозяйственные нужды поглощали его целиком.

Но тихих радостей деревенской жизни Баратынский отнюдь не чуждался. Усадебный быт у него был на первом месте и даже на время оттеснял творчество. Он исповедывался И. Киреевскому из Муранова (конец мая — начало июня 1831 г.): «Мы пьем чай, обедаем, ужинаем часом раньше, чем в Москве. Вот тебе рама нашего существования. Вставь в нее прогулки, верховую езду, разговоры; вставь в нее то, чему нет имени: это общее чувство, этот итог всех наших впечатлений, который заставляет проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейного счастья, и ты получишь довольно верное понятие о моем бытѣ»¹⁶. Трудно представить себе более идиллическую картину.

Обосновавшись в Муранове, Баратынский всерьез занялся подъемом благосостояния своей семьи. Вообще, Мураново находилось в совместном владении жены поэта и ее сестры, вышедшей замуж за товарища Баратынского по военной службе Н.В. Путятю. Но последние жили в Петербурге и полностью доверили управление Мурановым поэту, который ставил своего друга в известность обо всех предпринимаемых шагах. Его письма полны деловыми расчетами. Трудно поверить, что они вылились из-под пера мрачного элегика. Занимаясь хозяйством, Баратынский ощущал себя в собственной стихии. Именно поэтому его деловые письма представляют собой увлекательное чтение, несмотря на прозаичность их тематики. Он пишет Н.В. Путяте в сентябре — ноябре 1841 г.: «Долго думал я о сбыте нашего мурановского леса, о причинах, по которым он и за среднюю цену не продается, и нашел главные две: 1-е, что купцы так часто у беспорядочных дворян имеют случай покупать лесные дачи почти задаром, что им весьма мало льстит покупка, представляющая только 20 обыкновенных процентов; 2-е, боязнь ошибиться самим в настоящей ценности леса неровного, неправильно рубленного и проч. Из этого я на первый случай заключил, что должно хотя несколько десятин свести самому хозяину и постараться сбыть бревнами и дровами. Наконец вспомнил, что в Финляндии видел пильную мельницу. Когда же я вычислил баснословную выгоду, которую нам может принести устройство подобной мельницы, я ухватился за мысль и тотчас принялся за дело. — Вот вкратце расчет. Я вымерил самую среднюю десятину и счел на ней 400 пней. — 400 пней дают 800 бревен (и с лишком, потому что лучшие деревья дают 3 бревна). — Каждое бревно дает 4 доски, ито-

го 3200 досок. — В Москве доски самого последнего сорта стоят 200 сотня. — Если положить доску только по одному рублю, то десятинна даст 3200. — Сверх того остаются: третье тонкое бревно, которое пилится на тес, и осиновый и березовый лес, равно и горбыли, которые пилятся в дрова, макушки, которые пойдут на домашнее отопление и на кирпичный завод, который я хочу устроить в то же время. Кругом десятинна, при самом среднем счастье, должна дать до 5000+. Наша мельница будет приведена в движение 8-ю лошадьми. Мельница будет давать до 500 досок в сутки; в год можно свести до 25 десятин. Ты видишь, какой ничтожный капитал нужен для самых блестящих результатов! Главный ежегодный расход состоит в корме лошадей, но часть вознаградится лучшим удобрением полей. Я надеюсь, что все ежегодные издержки покроются одним доходом с кирпичного завода. Главное: трудно сбыть товар, которого цена неопределенна как лес на корню. Когда он обратится в доски, в дрова, продашь дешево, но продашь как хлеб; а лес после хлеба первая необходимость. — Не удивляйся огромной выгоде, на которую я надеюсь. Купцу распиливать 400 пней в доски обыкновенным способом стоит до 3000. Сверх того он платит за свалку и пилку в бревна, что у меня будут делать свои. Кирпичный завод пойдет наймом. Берут 7+ с тысячами... На обжиг пойдет оборышь лесу, который без того пропал бы даром»¹⁷. Однако, как и следовало ожидать, первоначальные расчеты потребовали корректив, но они вовсе не охладили пыла Баратынского. В феврале следующего года он вновь пишет длинное письмо Путяте: «В первой смете моей, как ты, вероятно, ожидал, я значительно ошибся, не так, однако ж, чтобы раскаяться в предпринятом. Лес наш до такой степени изведен, что нет десятины похожей одна на другую. Каждая дает новый результат. К тому же, как это открылось на деле, ели наши имеют весьма невыгодное свойство на половине необыкновенно суживаться, так что, судя по толщине пня, там, где я, как другие, думал из дерева иметь два бревна на пилку, выходит одно, где три, где два и т.д. Из этого следует, что дровяного леса больше, а способного к пилке меньше, чем я думал. — У меня сведено теперь 11 десятин. Одна на одну они дают, считая и сучья, по ценам, существующим на месте, только 740+ со всеми издержками. Машину неделю назад пробовали начерно, т.е. на один готовый постав и без пил, чтобы испытать тяжесть. На 8-ми лошадях, новая, не обтертая, она пошла хорошо и даже слишком. Лошади привели ее в первое движение с

большим напряжением, но вдруг, почувствовав облегчение от действия махового колеса, понесли, все затрепало, и мужики наши разбежались в страхе. Из Англии я получил 100 пил, каждая обошлась по 12р.50к. Если машина чуть-чуть искусно сделана, нам некуда девать и 50-ти. 50 можно будет продать по 25. Пилы эти обыкновенные продольные, служащие и для ручной пилки, только вдвое лучше тульских, которые продаются за цену, поставленную мною выше. — Теперь мы толкуем о важном деле, о том, чтобы заменить лошадей волами. Вместо 20 лошадей нужно только 10 волов. Для машины они лучше, потому что идут ровнее. Цена с лошадьми одна. Я колеблюсь, потому что, по крайней мере, в Тамбовской губернии, на них часто бывает падеж; но тамбовский климат особенно злокачествен. Собираю сведения, и если они будут благоприятны, то это совершенно обезопасит нашу операцию. Ты знаешь, что волы летом не требуют никакого содержания и довольствуются подножным кормом»¹⁸.

Затея с пильной мельницей не оправдала себя; машина часто ломалась и приносила одни убытки. Их покрывал доход от кирпичного завода. Но торговля лесом шла бойко, поскольку в округе одновременно строилось около десяти усадеб. В Муранове Баратынский также построил новый дом по собственным чертежам. За образец он взял усадьбу Любичи, находящуюся неподалеку от Мары. Ее владелец Н.И. Кривцов сыл провинциальным оригиналом. Он был умным хозяином, утонченным англоманом, но одновременно соседи считали его «взбалмошным до неистовства». Его дом был образцом «английского комфорта». Именно это и привлекло Баратынского. Он мечтал превратить Мураново в «маленькие Любичи». Мурановский дом — шедевр уюта и функциональности, где каждый архитектурный элемент необходим. Известный искусствовед М.И. Ильин пишет: «Если мы проследим замысел, лежащий в основе планировки дома, то мы поразимся продуманности каждой части, каждой детали. Так окна средней комнаты верхнего этажа, служившие классной для детей Баратынского, помещены под крышей купола с целью не отвлекать их во время уроков. Под домом идет подземный ход, по которому в зимнее время слуги проносили в дом дрова, минуя жилые комнаты»¹⁹. Уже прошла пора парадных построек с обязательными портиками. Их сменили скромные небольшие усадьбы, предназначенные для тихой семейной жизни. Дом Баратынского был именно таким. Сам поэт не раз говорил, что движущей силой его энергичной деятель-

ности была потребность в покое и тишине. Впрочем, так ли уж далеки подобные труды по хозяйству от высокой поэзии? Сам Баратынский опровергает такое привычное для эпохи романтизма мнение. Одной из вершин его поздней поэзии является стихотворение «На посев леса». Работающий на своей земле поэт сажает деревья для того, чтобы возобновить то, что пошло на продажу; и этот в своей основе сугубо коммерческий процесс становится поводом для глубоких философских раздумий о преемственности и неистребимости жизни:

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я жизнь извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.
Ответа нет! Отвернул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.
И пусть! Простяся с лирою моею,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

Умный помещик Баратынский знал подход к крестьянам, понимая, что, если он не найдет с ними взаимопонимания, все его усилия пойдут прахом. Результатами своих трудов он был доволен. Накануне Пасхи в апреле 1843 г. Баратынский писал матери в Мару: «Вот и наступил великий праздник. Весна принесет мне развлечения, состоящие из новых трудов. Надо закончить несколько построек и произвести много земляных работ. Затем последуют работы полевые, в которых я тоже участвую, ибо как только я выхожу из дома, сразу вижу трудящихся крестьян: наше маленькое поместье можно окинуть одним взглядом. Я забавляюсь тем, что отдаю приказания с ошибками, чем доставляю старосте удовольствие указать мне на них. Знаете ли, что это единственный способ добиться у этих людей того, что им известно? Наш общий доход здесь так невелик, что даже если ошибешься — теряешь немного. Что же до торговли лесом, то рубка в этом году дала результаты еще более благоприятные, чем в прошлом. Теперь я почти уверен в успехе. Опасаться мне стоит лишь понижения цен, что вряд ли возможно»²⁰. Но все-таки Баратынский вынужден признать: как ни беися, получаемый доход оказывается не

96 столь уж значительным.

Вообще, деятельность Баратынского вписывается в правительственную программу реанимации сельского хозяйства, основанного на крепостном праве. Отказавшись от плана освобождения крестьянства, правительство Николая I попыталось внести в отживающую феодальную систему элементы капиталистической рациональности. Но это оказалось утопией. Энергичная деятельность Баратынского принесла его семье лишь скромный достаток. Не желавший и не умевший быть помещиком Пушкин и деловитый, расчетливый, умевший ладить с крестьянами Баратынский фактически были людьми равного материального уровня.

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 6. Л., 1978, с.49.

² Пушкин А.С. ... Т.10. Л., 1979, с.100.

³ То же, с.600.

⁴ Цит. по: Щёголев П.А. Помещик Пушкин. М., 2006, с.196.

⁵ То же, с.209.

⁶ Пушкин А.С. ... Т.10, с.238.

⁷ То же, с.240.

⁸ Пушкин А.С. Письма жене. М., 2004, с.182.

⁹ То же, с.180.

¹⁰ То же, с.232.

¹¹ Пушкин А.С. ... Т.10, с.482.

¹² См.: Щёголев П.А. Помещик Пушкин. М., 2006, с.219.

¹³ Переписка А.С.Пушкина. Т.2. М., 1982. С. 409.

¹⁴ Летопись жизни и творчества Е.А.Баратынского. М., 1998. с. 291.

¹⁵ То же, с. 302.

¹⁶ То же, с.258.

¹⁷ То же, с.374-5.

¹⁸ То же, с.380-2.

¹⁹ Ильин М.А. Подмосковье. М., 1966. С. 22-23.

²⁰ Летопись..., с.396.

Анатолий ГОМОРЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ А. БЛОКА

В настоящее время известно свыше 450 дарственных надписей А.Блока на книгах, оттисках и фотографиях. Авторы «Списка невыявленных дарственных надписей Блока» (Литнаследство, т. 92, кн. 3) считают, что остаются невыявленными свыше 1000 авторских надписей. Сегодня мне

хотелось бы сделать доступными читателю еще четыре блоковских автографа.

Первый автограф — записка А. Блока Алексею Николаевичу Толстому: «Дорогой Алексей Николаевич. Вот Вам «Нечаянная Радость». Не отвечаю сейчас на Ваш милый визит к нам, потому что чувствую себя очень усталым и угнетенным. Жму Вашу руку. Ал. Блок».

Перед нами записка без даты, сопровождавшая даримую А.Н. Толстому книгу, отправленную с посылным или по почте. Скорее всего, на книге «Нечаянная Радость» Блоком сделана дарственная надпись, учитывая, что в личной библиотеке Блока сохранилось четыре книги А.Н. Толстого с автографами Блоку, т.е. они обменивались автографами. Но эта книга остается нам неизвестной. Как и все другие блоковские книги, скорее всего, регулярно даримые Толстому, кроме «Ночных часов» (Литнаследство, т. 92, кн.3, стр. 134).

Поскольку дата отправки «Нечаянной Радости» отсутствует, возникает вопрос, когда написана эта сопроводительная записка и о каком издании книги идет речь: первом отдельном 1907 г. или втором томе Собрания стихотворений 1912 г.? У нас нет прямых указаний о времени знакомства А. Блока с А. Толстым, но по ряду косвенных свидетельств это произошло осенью 1909 года спустя два года после выхода первого издания «Нечаянной Радости», а по смыслу блоковской надписи он посылает новинку.

Дневник Блока подтверждает это предположение. В записи 29 декабря 1911 года мы читаем: «Вчера же получил «Нечаянную Радость» (89 экземпляров) — с вокзала доставил посылный. Избегаю людей, приходил Толстой, Таня не приняла его. — Тяжелый вечер». (Таня, по-видимому, прислуга Блоков, имевшая наказ никого не принимать в этот вечер).

Как видим, речь идет о втором томе «Собрания стихотворений» (издательство «Мусагет») помеченном 1912 годом, а на самом деле вышедшим из печати в декабре 1911 года. Первые четыре экземпляра второго тома Блоку передал А.А. Кожебаткин еще 18 декабря 1911 года (см. «Дневник» Блока). Последние 2 дня декабря 1911 года — первые дни января 1912 года — этим отрезком времени мы и можем датировать приведенную выше сопроводительную записку А. Блока Толстому.

Сам факт неприятия визита Толстого 29 декабря, как и передача «Нечаянной Радости» заочно, говорит о том, что Блок не искал общества Толстого и даже тяготился общением с ним в это время, хотя и отдавал должное его талантливости.

Об этом же говорит и запись в дневнике от 17 февраля 1913 года: «На этих днях мы с мамой (отдельно) прочли новую комедию А. Толстого «Насильники». Хороший замысел, хороший язык, традиции — все испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры... Много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта. Но пока он будет думать, что жизнь и творчество состоит из «трюков»... будет он бесплодной смоковницей».

И все же была у А.Блока и А.Толстого более теплая встреча, когда они обрадовались друг другу и даже расцеловались. Это произошло 16 января по старому стилю 1917 года в Полесье, недалеко от станции Лунинец во время I-ой мировой войны, когда Блок служил в строительной дружине.

Из письма А. Блока матери от 17 января 1917 года. «Вчера приезжал генерал, остался доволен, благодарил нас (при нем состояли приятели мои Д. Кузьмин-Караваев и А. Толстой, с которыми мы целовались и пр.» (Письма к родным, т. 2, стр. 328). Позднее в ответ на известие о смерти Блока, Толстой напишет Полувоспоминание — полуэссе о Блоке «Падший ангел». Вот отрывок оттуда:

«Меня провели в жарко натопленный домик, где стучали дактилографисты и побежали за заведующим. Через несколько минут, запыхавшись, вошел заведующий, худой, красивый человек, с румяным от мороза лицом, с заиндеветыми ресницами. Все, что угодно, но я никак не мог ожидать, что этот заведующий окопными работами — Александр Блок. Он весело поздоровался и сейчас же раскрыл конторские книги. Когда сведения были отосланы генералу, мы пошли гулять. Блок рассказывал мне о том, как здесь славно жить...»

Когда я спросил — пишет ли он что-нибудь, он ответил равнодушно: «Нет, ничего не делаю».

Еще при жизни А. Блока А. Толстой во Франции напишет и опубликует в русских эмигрантских журналах «Грядущая Россия» и «Современные записки» роман «Сестры», ставший позднее первым романом трилогии «Хождение по мукам». В образе петербургского поэта Алексея Алексеевича Бессонова мы узнаем по многим приметам А. Блока. Бессонов по мысли А. Толстого — это воплощение всего отрицательного в художественно-интеллектуальной среде Петербурга.

А. Варламов, автор книги в серии ЖЗЛ «Алексей Толстой», считает, что, изображая Бессонова в столь отталкивающем виде, Толстой, таким образом, мстил Блоку, за то что, так и не сумев очаровать Блока и приблизиться к нему в предвоенные годы.

ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ

Ирина БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ «ЕГИПЕТСКОЙ МАРКИ» МАНДЕЛЬШТАМА

Так ли это или Толстой сводил счеты со всей петербургской художественно-интеллектуальной средой и всею довоенной жизнью, но только мы не видим в Бессонове ни одной положительной черты.

Неудивительно, что сам Толстой позднее поняв, что у него получилось скорее карикатура на Блока, а не подлинный его образ, стал утверждать, что он изобразил в Бессонове не Блока, а одного из его эпигонов.

Еще один автограф А. Блока на книге стихов для детей «Круглый год» (изд. Сытина, 1912) посвящен отчиму поэта Францу Феликсовичу Кублицкому-Пиоттух: «Францу — 24 дек. 1912. Александр Блок».

Фигура Франца Феликсовича достаточно подробно освещена теткой поэта Марией Андреевной Бекетовой в ее биографических книгах «Александр Блок» и «А. Блок и его мать».

И если у Блока не могло быть особой духовной близости с отчимом по разности натур, то с годами Блок научился ценить его исключительную порядочность, доброту и преданность своему долгу. Недаром прототипом Бертрана-Рыцаря-Несчастье в драме «Роза и крест» Блок взял именно Франца Феликсовича.

Два следующих автографа, хотя и увеличивают число людей, соприкасавшихся с поэтом, но остаются пока загадками. Автограф:

«Вере Григорьевне Соловьевой на память. Александр Блок». Сделан на известной фотооткрытке Д.С. Сдобнова с портретом А. Блока 1907 г. Внизу под автографом слабо прописаны инициалы и дата: «А.Б. 11/12 1913».

К фотооткрытке с портретом А. Блока был приложен портрет женщины в форме медсестры военного времени. По словам владельца автографа, это портрет В.Г. Соловьевой. Никаких сведений в блоковедении о В.Г. Соловьевой нами не найдено.

И, наконец, еще один неизвестный автограф А. Блока на книге «Седое утро» В.Г. Шмиттофу: «Владимиру Георгиевичу Шмиттофу на память от автора. А. Блок. 03. 1921». И хотя о Шмиттофе тоже нет никаких сведений в имеющихся у меня источниках, опубликовать автограф А. Блока все равно необходимо. Ведь не исключено, что существуют потомки Шмиттофа и они помогут, пролить свет на загадку этого автографа.

В заключение приношу благодарность петербургскому литературоведу Алексею Леонидовичу Дмитренко, любезности которого я обязан получением копий большинства

98 публикуемых автографов.

Петербургская повесть «Египетская марка» не похожа ни на остальную прозу Мандельштама, ни на что другое в русской литературе. В Шкловский считал «Египетскую марку» «книгой, будто нарочно разбитой и склеенной»¹. Сам Мандельштам говорил о «методе опущенных звеньев» и рассчитывал на внимательного читателя, который попытается разобраться, зачем написаны приключения то ли денди, то ли маленького человека Парнока, у которого весной 1917 года, в Петрограде похищает визитку ротмистр Кржижановский.

В самой середине повести (гл. V) встречается интригующая фраза, никак не связанная с фабулой: «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока!».

Автор дистанцируется от героя. Но почему так энергично? И на кого автору хотелось бы быть похожим?

«Египетская марка» строится по онегинскому принципу. Автор комментирует поступки героя. Парнок, как петербуржец Акакий Акакиевич, лишился своей шинели-визитки. Фабула пародийна и узнаваема. Но в авторской «болтовне», лирических отступлениях, содержится главное — хроника русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Реквием по ушедшей петербургской культуре соседствует с описанием послереволюционного опыта Петербурга, который замарал себя казнями, самосудом, страхом, «был так мерзок, словно ел похлебку из раздавленных мух». Между тем Парнок пытался приостановить самосуд толпы, «звонил в милицию, звонил правительству — исчезнувшему, уснувшему, как окунь, государству. С таким же успехом он мог звонить к Прозерпине или к Персефоне, куда телефон еще не проведен» (Гл. IV). И, несмотря на это, автор обращается к Господу: «Не сделай меня похожим на Парнока», хотя оба они — люди искусства, прототип героя — Валентин Парнах писал стихи, был основателем джаза в России, теоретиком танца, короче — был человеком серебряного века и Каменноостровского проспекта, (где одно время

жил сам Мандельштам).

Попробуем прочитать эту фразу и ответить, исходя из сюжетного контекста. Несколько раньше, во II главе в повести есть еще одно загадочное лирическое отступление со странной пунктуацией.

Шапиро звали «Николай Давыдыч». Откуда взялся «Николай», неизвестно, но сочетание его с «Давыдом» нас пленило». Имя собственное заключено в кавычки. Дальше в кавычках будет еще одна фамилия, повторенная дважды — Каплан. «От Шапиро через артельщиков шли нити «в банк» и «к Каплану».

В «Египетской марке» большое количество имен — жителей Петербурга. Но либо это фамилии без имен, либо имена и фамилии вместе с профессией персонажа: «дровяник Абраша Копелянский», «женщина-врач Страшунер». Мандельштам в «Египетской марке» использует гоголевский прием игры с фамилиями, взятый из «Шинели». Гофман — не известный писатель, а сапожник Гофман. Кстати, в «Египетской марке» тоже есть свой Гофман, только Артур Яковлевич, сотрудник Министерства Иностранных дел, а не Эрнст Теодор Амадей.

К маю 1928 года, когда была опубликована «Египетская марка», с помощью этой игры Мандельштам описывал ушедшую культуру.

Если сравнить, например, советский альманах «Весь Петроград» 1923 года с последним альманахом царских времен, становится видно полное преобразование города: те же адреса и здания, но из тех, кто указан в альманахе 1917 года, осталось на прежних местах через шесть лет всего 10%. Город очистили от буржуазии и наполнили солдатами, рабочими, крестьянами. Перемена в России очень хорошо понятна по двум строкам Николая Гумилева: «Только змеи сбрасывают кожу, / Мы меняем души, не тела»². В статье «О природе слова» (1920-1922) Мандельштам сравнивает стихотворение с египетской ладьей мертвых. «Отшумит век, уснет культура, переродится народ, отдав свои лучшие силы новому общественному классу, и весь этот поток увлечет за собой хрупкую ладью человеческого слова в открытое море грядущего, где нет сочувственного понимания, где унылый комментарий заменяет свежий ветер вражды и сочувствия современников. Как можно снарядить эту ладью в дальний путь, не снабдив ее всем необходимым для столь чужого и столь дорогого читателя? Еще раз я уподоблю стихот-

ворение египетской ладье мертвых. Все для жизни припасено, ничего не забыто в этой ладье».

Вернемся к Шапиро. Про него автор сообщает не много: «О Шапиро говорилось, что он честен и «маленький человек». «Я твердо знал, что Шапиро честен, и, радуясь этому, втайне желал, чтобы никто не смел быть честным, кроме него». «Я любил Шапиро за то, что ему был нужен мой отец». После этого появляется размышление-картинка, как из детского сна: «я не знал, что делать с Шапиро: подарить ли ему верблюда и коробку фиников, чтобы он не погиб на Песках, или же повести его вместе с мученицей — мадам Шапиро — в Казанский собор, где продырявленный воздух черен и сладок». И, наконец, заключительная фраза этого лирического отступления, несомненно, возвышенная: «Есть темная, с детства идущая, геральдика нравственных понятий: шварк раздираемого полотна может означать честность и холод мадеполама — святость».

С третьего абзаца имя Николай исчезает. Остаются сведения, то, что он жил на Песках, которые были Сахарой и что «от него пахло портным и уютном». Обыгрываются «дом на песке», пустыня Сахара и место еврейского проживания в Петербурге (и местонахождения комитета антисемитов). В местожительстве находим три плана: Петербургские Пески, маленький человек, у которого все не надежно, и пески как пустыня.

Думается, что пустыня дана не случайно. Она нужна для ключевого слова — верблюд (в некоторых публикациях «верблюдец»).

В мемуарах «Шум времени» в главе «Книжный шкаф» Мандельштам пишет о древнееврейской азбуке, «которой я так и не обучился». Все-таки стоит вспомнить третью букву алфавита, «гимел», консонантный корень ГМЛ. «Гимел» — «верблюд», анаграмматически получается на иврите фамилия того, к кому применимы и опасность гибели, и понятия честности, и даже святости — Гумилев. В фамилии Гумилев ясно слышится эта буква, становится понятно, откуда взялся гимел, верблюд, что таким образом речь идет о Гумилеве, расстрелянном друге, учителе. «Кровать с ослабнувшей сеткой», после чего появляется верблюд, наводит ассоциации с камерой.

Бросив несколько отрывочных фраз о Николае Давыдыче, автор колеблется и хочет выбрать между честностью — насильственной смертью, которую символизирует «шварк раздираемого полотна» и святостью — каким-то

иным путем, «несением креста»: «повести его вместе с мученицей мадам Шапиро в Казанский собор», в результате чего будет приятие своего пути — погребальные пелены — Казанский собор. Все это заставляет задуматься, как связать эти детали и авторский комментарий между собой.

Мы предлагаем читать этот фрагмент так: автор (если попытаться заполнить опущенные звенья) просит «не сделать его похожим на Парнока»⁴, а сделать похожим на Гумилева. В 1930 году в одном из стихотворений армянского цикла поэт будет сожалеть: «Я бестолковую жизнь, как мулла свой Коран замусолил, / Время свое заморозил и крови горячей не пролил». Поскольку Мандельштам является, по образному выражению Аверинцева, «гением противочувствия», тема двойничества в «Египетской марке», сравнение себя с героем сосуществует с темой «честности» и «святости», верности памяти Гумилева.

В этом фрагменте Мандельштам рисует не только Гумилева мученика и героя, но и поэта. Характеризуя Николая Давыдыча, автор сообщает, что «от него пахло портным и уютном». В символике «Египетской марки» профессия портного — аллегория художника. Процесс творчества — шить, создавать, Мандельштам не раз связывает с портновским искусством. В статье «Литературная Москва», говоря о женской поэзии, он употребляет выражение «пророчество как домашнее р у к о д е л и е». А в разговоре о Данте: «Сила дантовского сравнения — как это ни странно — прямо пропорциональна возможности без него обойтись... Скажите, пожалуйста, какая была необходимость приравнивать близящуюся к окончанию поэму к части туалета — “гоппа” (по-теперешнему — «юбка», а по староитальянскому — в лучшем случае «плащ» или вообще «платье»), а себя уподоблять п о р т н о м у, у которого — извините за выражение — вышел весь материал?» (Гл. III). После Данте не зазорно и себя, и других поэтов сравнивать с портными.

Жена Шапиро — белошвейка, т. е. также человек творчества, что более чем соответствует образу Анны Ахматовой. Сахара — пустыня, окружающая белошвейную мастерскую его жены. Если мы вспомним, что женой Гумилева была Ахматова, окруженная ореолом жены врага народа после расстрела Гумилева, то символический и исторический планы не будут противоречить друг другу. Имена Николая и Анны несколько раз повторяются в «Египетской марке».

Система прототипов проступает в повести постоянно. Единственная мастерица «белошвейной мастерской», О. Глебова-Судейкина, увековечена впоследствии Анной Ахматовой в «Поэме без героя». Она не только актриса, «белокурое чудо», знаковая фигура серебряного века, но мастерица делать переводы (Верлена, Бодлера). А потом — делать кукол. Артур Лурье говорил, что у нее «золотые пальцы». В VII главе «Египетской марки» Мандельштам соединит образы Анны Ахматовой и ее подруги. Говоря об отсутствующей родословной Парнока, он напишет: «А при ней горничная Аннушка — Психея». В спектакле «Псиша» Судейкина сыграла одну из своих лучших ролей.

Шапиро назван «Большеголовым Николай Давыдычем». Это можно прочесть и как то, что Шапиро был умным, но и крупноголовым. Гумилев выглядит таким на многих портретах и фотографиях⁵.

Николай Давыдыч лирического отступления II главы не единственный портной «Египетской марки». Здесь представлены разные «портные», поскольку русская литература составляет такой же важный сюжетный пласт, как и русская история. Здесь есть портной Мервис, который становится пособником власти и помогает грабить Парнока, в связи с чем характеризующие его эпитеты приобретают похоронную символику. Есть намеки на Анненского и Достоевского.

Образы Мандельштама — не аллегии. Они пластичны и не поддаются, за редкими исключениями, однозначному толкованию. О Мервисе сказано также «изящнейший фарфоровый портной», который мечется как каторжанин... как базарный вор». «В моем восприятии Мервиса просвечивают образы: греческого сатира, несчастного певца-кифареда, временами маска еврипидовского актера, временами голая грудь и покрытое испариной тело растерзанного каторжанина, русского ночлежника и эпилептика» (Гл. VII)

«От Шапиро через артельщиков нити шли «в банк» и «к Каплану». Становится ясно, что кавычки нужны для того, чтоб сообщить читателю необходимость «держаться иносказательно». Все литературные имена, упоминаемые в «Египетской марке»: Анна Каренина, Травиата, Розина, Церлина — написаны без кавычек. В кавычках будет только имя «Николай», «Давыдыч» и фамилия «Каплан», повторенная дважды, второй раз автор явно обращает наше внимание. «Банк», взятый в кавычки, дан как при-

крытие, поскольку фамилия доверенного банковского дома «Маврикий Нелькен» Первой петербургской ломбардской управы (основана в 1838, Фонтанка 126) была Абрам Иосифович Каплан. Но не он был нужен автору в первую очередь.

Имя эсерки Фанни Каплан, стрелявшей в Ленина, вводится в текст ассоциативно-иносказательно. Не мог же Мандельштам, при всей своей сумасшедшей смелости — «Египетская марка» печаталась в советском журнале «Звезда» (1928, № 5), не в бесцензурной печати, более открыто говорить о своем отношении к режиму и его жертвам. Но он последовательно позаботился о том, чтоб его шифр был понят, прочитан. Поэтому в связи с Шапиро дважды упоминаются «артельщики», первый раз в кавычках, второй — нет. То, какое иносказание означают эти кавычки, становится ясно в следующей, третьей главе. Мандельштам называет полное имя одного из «артельщиков», т.е. участников «Цеха поэтов» — Николая Александровича Бруни. Это он, приняв сан, отпевал А. Блока, а до того был летчиком, пианистом, художником-любителем, игроком футбольной команды и поэтом, также репрессированным в дальнейшем. Для тех, кто был в курсе предреволюционной петербургской художественной жизни, имя это бросает свет на предыдущую главу и образ Гумилева — руководителя «Цеха поэтов».

То, что «просвечивает» в образе Николая Шапиро, имеет еще и такую отсылку к Гумилеву. Обстоятельства биографии Гумилева усиливаются и предложением «От Шапиро через артельщиков шли нити «в банк» и «к Каплану». Таганцевский заговор, в котором участвовал Н.С. Гумилев, был связан с банковским делом. В.П. Таганцев, прикрываясь созданием Опытной сапронелевой станции, вместе с директором торгово-промышленного банка кн. Д.Н. Шаховским создал подпольные банковские кассы в Петербурге и Москве, чтобы добыть деньги для борьбы с режимом.

Мандельштам чрезвычайно осторожно и в художественном, и в политическом отношении вводит все эти темы. Перед тем, как написать о верблюде, он помещает предложение с придуманным словом, что для него совершенно не характерно. «Ночью, засыпая в кровати с ослабнувшей сеткой, при свете голубой ф и н о л и н к и, я не знал, что делать с Шапиро». Следом за ней идет слово «финики». Может быть, «финолинку» можно прочитывать как иероглиф, состоящий из слов «финансы» —

«фин» и «ноль», означающий крах финансовой деятельности и гибели Шапиро?

После 6 абзацев «фрагмента Шапиро» автор без перехода возвращается к Парноку, которому парикмахер моет голову. Образ парикмахера для Мандельштама связан с гильотиной («Власть отвратительна, как руки брадобрея», Ариост). И дальше повторяющийся звук «Ф» — «фиоль с пиксафоном».

В пользу расшифровки фрагмента II-й главы, как связанного с Гумилевым, говорит также и появление темы отца. В отличие от «Шума времени», в «Египетской марке» Мандельштам искусно переплетает бытовой план с символическим. И хотя мы встречаем здесь уже знакомое кресло «стиль рюсс» и копировальную машину, отец, в данном случае, читается не в биографическом плане, а в поэтическом. В стихотворении «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» встречаем словосочетание «Как вода в новгородских колодцах должна быть ч е р н а и с л а д и м а». В этом же стихотворении в начале второй строфы встречаем образ отца: «И за это о т е ц мой, мой друг и помощник мой грубый, / Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье...».

Как считает М.Л. Гаспаров, стихотворение обращено к русскому языку⁶, «отец» — это язык. Фрагмент текста, посвященный Шапиро, кончается размышлением: что с ним делать, «чтобы он не погиб на Песках, или же повесть его» (героя — И.Б.-М.) «вместе с мученицей — мадам Шапиро — в Казанский собор, где продырявленный воздух черен и сладок». Текстологическая близость стихотворения и «Египетской марки» очевидны. «Шапиро зависел от моего отца». Если исходить из того, что «отец» — это русский язык, становится понятным, почему Шапиро от него зависим.

Композиция «Египетской марки» прихотлива: воспоминания автора о себе и Петербурге, о гибели Российской империи весной 1917 года, о классической петербургской литературе, акмеизме, современниках. А на этом фоне линии вымышленных героев — Парнока, портного Мервиса, ротмистра Кржижановского, эпизодических персонажей — жителей Петербурга, историческая повесть в повести — история похорон итальянской певицы Анджиолины Бозио и многое другое. Но в построении «Египетской Марки» нет хаоса. Она «как будто нарочно» сложно выстроена, без этого

нельзя будет сказать о времени и месте, о революции, конце Петербурга и его культуре. Причем задача здесь, как художественная, так и политическая. Без иносказания многие вещи в 1928 году, когда была напечатана повесть, нельзя было написать впрямую.

Но не только мысль о цензуре определяла стиль петербургской повести. Желание достойно ответить, как можно более емко сказать о гибнущей после революции петербургской цивилизации, заставила обратиться к особой манере письма.

Уже само заглавие повести «Египетская марка» символично, содержит скрытый смысл. На египетских марках выпуска 1902-1906 года при отпаривании исчезало изображение (указал О. Ронен). Пирамиды — символ вечности, пальма и верблюд — таяли, уходили в небытие. Начиная с февраля 1917 года в огне революции таял Петербург — столица и сердце Российской империи, были перепутаны и сломлены судьбы его жителей. Этот момент, момент перехода, и запечатлен Мандельштамом в последней повести классического петербургского периода русской культуры — «Египетской марке», которая также несет ассоциации с казнями египетскими, исходом и т. д.

Первая строка: «Прислуга-полька ушла в костел Гваренги — посплетничать и помолиться Матке Божьей». Костелом обычно в Петербурге называли костел Св. Екатерины на Невском (где было захоронено сердце Понятовского). Но он построен Валлен-Деламотом, а не Кваренги. Мандельштам был знатоком Петербурга, и, вероятно, хорошо знал, что «костела Гваренги» не существует в природе⁷... Но «костел Гваренги», как нельзя, соответствует замыслу «Египетской марки» об исчезновении государства Российского, смерти Петербурга — «неудавшемся домашнем бессмертии». Это одна из петербургских мнимостей, как нельзя более точно раскрывающих суть событий, переходный момент истории.

После революции в здании работы Кваренги на углу Адмиралтейской площади и Гороховой д. 6/2 стала располагаться ВЧК. Таким образом подцензурный эвфемизм «ушла посплетничать в костел Гваренги» нужно понимать как прислуга пошла донести на хозяина. После чего главный герой Парнок весной 1917 года и начинает метаться по Петербургу, пытаясь вернуть визитку, похищенную у него ротмистром Кржижановским с помощью портного Мервиса и т. д.

Второе предложение начинается с абзаца: «Ночью снился китаец, обвешанный дамскими сумочками, как ожерельем из рябчиков, и американская дуэль-кукушка, состоящая в том, что противники бьют из пистолетов в горки с посудой, в чернильницы и в фамильные холсты». А. Морозов в комментариях пишет: «то есть китаец — продавец мелочей дамского туалета где-нибудь в Гонконге. Обрывки детских сновидений, состоящие из виденных журнальных картинок в отделе «Смесь» (о них рассказывалось в «Шуме времени»), отчасти пародируют характер многозначительных снов у Гоголя и Достоевского»⁸. Думается, что наряду с этим прочтением, в предложении заложены еще, как минимум, два смысла — историософский и литературный. «Я китаец, никто меня не понимает», пишет О. М. в «Четвертой прозе» (Гл. 7). В конце же «Египетской марки» автор говорит о развитии русской прозы: «Железная дорога изменила все построение, весь такт нашей прозы. Она отдала ее во власть бессмысленному лопотанью французского мужичка из «Анны Карениной». Железнодорожная проза, как дамская сумочка этого предсмертного мужичка, полна инструментов сщещника, бредовыми частичками, скобяными предложениями, которым место на суде судебных улик, развязана от всякой заботы о красоте и округленности» (Гл. VIII).

Думается, что семантический ореол второго предложения, вводящего тему прозы, складывается из слов «дамская сумочка», «китаец», «дуэль-кукушка» и «американская». Русские — крещенные китайцы (роман А. Белого появился в 1925 году). «Ни у одного из русских писателей предреволюционная тревога и сильнейшее смятение не сказались так сильно, как у Белого. И если он обратил свое мышление, свою тревогу, свой человеческий и литературный стиль в нелепый и безвкусный танец, тем хуже для него»⁹. Мандельштам писал, что никому из русских писателей не удалось избежать влияния романа «Петербург» Андрея Белого. «Дамские сумочки» — мелочность послетолстовской русской литературы, «развязанной от всякой заботы о красоте и округленности». Американская дуэль-кукушка — символ бесчестия. Здесь ключевое слово «расстреляная», расстреливающая прошлую культуру, основанную на понятии чести, фамильной чести.

В главе V, размышляя о литературе второй половины XIX века, Мандельштам пишет о феномене скандала.

«Скандал живет по засаленному просроченному паспорту, выданному литературой. Он — исчадь ее, любимое детище. Пропала крупиночка: гомеопатическое драже, крошечная доза холодного белого вещества...» И дальше повторяется фраза о дуэли-кукушке. «В те отдаленные времена, когда применялась дуэль-кукушка...» — на этот раз она лишена эпитета «американская» — «...эта дробиночка именовалась честью». Упоминания Китая и Америки направляют мысль читателя к двум государствам — восточной империи, прекратившей свое существование в 1911 году, и демократической республике.

Отмена иерархии приводит к хаосу. Мандельштам пристально следит за причинами и следствиями, рисует новые отношения, новый город в момент умирания старой культуры. Отмена чести — это отмена укорененности личности в культуру, порядок, быт. Результатом отмены сословной монархии становится весь тот хаос, который выплескивается с революцией — вещи не на своих местах, отсутствует гарантия самого существования человека...

«То было страшное время: портные отбирали визитки, а прачки глумились над молодыми людьми, потерявшими записку», — пишет автор. Но по-настоящему страшное событие происходит позже, Парнок становится свидетелем революционного бесчинства — самосуда толпы, ведущей топить за украденные часы безымянного вора. И он не способен этому помешать. Государства нет. Петербург, как столица империи, умирает. Ротмистр Кржижановский, представитель новой власти, уходит от ответственности, а в конце уезжает с похищенной визиткой (революционный лозунг «грабь награбленное») в Москву. Здесь его будущая деятельность будет связана с ГПУ, что дано намеком, впрочем, достаточно ясно читаемым.

Россия оказывается между Китаем и Америкой, восточным деспотизмом и буржуазными ценностями. Мандельштам воспринимает Америку, как пустыню, (отсутствие культуры). Для него вне европейской, иудеохристианской, средиземноморской культуры не существует ничего. Ни евразийские идеи, ни представление о русских, как о «крещеных китайцах» (название романа А. Белого) ему не близки.

Что же касается «дамской сумочки» китайца из сновидения — она также оказывается не случайной. Во сне автор не хочет переходить к новой манере письма, не хочет от-

казываться от «заботы о красоте и округленности» русской классической литературы. Но, при этом, создавая энциклопедию Петербурга, Мандельштам обращается и к традициям литературы барокко (именно это направление особенно любило стиль энциклопедий). Он находит и создает петербургские эмблемы XX-го века сквозь которые просвечивает второй смысл (египетская марка, костел Гваренги, Шапиро, смерть Бозио, дамская сумочка предсмертного мужичка из «Анны Карениной»).

И дальше в повести будет прихотливо сопрягаться рассказ о бытовых вещах, наделенных символическим смыслом, документально точных и принадлежащих вечности, и об истории России на фоне революции. Мандельштам использует не метод сложения — эпизод на тему X + эпизод на тему Y. В языке, в характере описаний предметов уже содержится многозначный смысл. Он составляет мелодии своей прозы не из отдельных нот, а пишет аккордами, эмблемами, «пучками смысла», о которых Мандельштам говорит в «Разговоре о Данте», излагая свою концепцию слова.

Т р е т ь е п р е д л о ж е н и е, новый абзац, новая строфа: «Семья моя, я предлагаю тебе герб: стакан с кипяченой водой. В резиновом привкусе петербургской отварной воды я пью неудавшееся домашнее бессмертие». Мандельштам создает последнюю в русской классической литературе петербургскую повесть об агонии империи, гибели Петербурга и его блистательной культуры, неудавшемся бессмертии. Он не только дает отсылки к ключевым текстам Некрасова, Гоголя, Достоевского, Пушкина, Толстого, ассоциативно упоминая крупнейших русских поэтов и писателей. В «Египетской марке» продолжают традиции тайной свободы русской литературы. Мандельштам иносказательно, но достаточно прозрачно дает изображение Сталина в одном из героев — колченогом ротмистре Кржижановском¹⁰, имевшем связи с охранкой и переезжающем в конце повести в Москву, на Лубянку. Дуэль с вождем поэт начинает с публикации «Египетской марки». До гибели поэта, до стихотворения о «кремлевском горце», до начала большого террора остается десять лет.

¹ В. Шкловский. Путь к сетке. «Литературный критик», 1933, № 5.

² Дональд Рейфилд. Сталин и его подручные. М. Новое Литера- 103

ОТ ЛЕНИНГРАДА ДО ВЕНЕЦИИ:
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ИОСИФА БРОДСКОГО

Иосиф Бродский навсегда останется в истории русской и мировой литературы. Но за всемирным признанием нобелеата скрывается история существования поэта в тисках безумной и разбившей его жизнь любви, во многом «питавшей» его творчество в течение почти трех десятилетий. В этом судьба гения напоминает судьбу Данте Алигьери, «пожизненно влюбленного» в свою Беатриче...

* * *

4 июня 1972 года Иосифа Бродского выдворили из СССР. Самолет приземлился в Вене, а местом постоянного пребывания поэта стала Америка.

Подробности жизни на родине и за рубежом описаны во множестве книг и статей. Уникальное творчество до сих пор изучается исследователями. Путь от судимого в Ленинграде «тунеядца», сосланного «на исправление» в глухое село Норенское под Архангельском, до лауреата Нобелевской премии по литературе изложен в бесчисленных публикациях, детально описан в воспоминаниях друзей — Е. Рейна, А. Наймана, Я. Гордина, В. Уфлянда и многих других. Как правило, во всех источниках говорится о творчестве Бродского, об особенностях его поэзии, о литературных встречах и пристрастиях, приводится множество бесед с ним и т.п. И почти нигде не упоминается о том, что, по существу, составляло трагедию всей жизни поэта (принято считать, что этой трагедией была сама судьба изгнанника). Лишь недавно вышла книга живущей в Бостоне Людмилы Штерн «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph», в которой несколько страниц посвящено его личной драме (и то с оговоркой: «Время еще не пришло оглашать все подробности и перипетии...»). А ведь именно воспетая им «Беатриче» определила всю глубину одиночества и пессимизма большинства его стихотворений. И говорить об этом стали совсем недавно. Так, в газете «АиФ Суперзвёзды» от 2 февраля 2004 года опубликована статья Владимира Фараджева с весьма симптоматичным названием: «Иосиф Бродский. Боль вместо счастья»...

Вехи жизненного пути поэта хорошо известны. Неординарность личности видна буквально во всем. В 15 лет бросил школу — ушел из 8-го класса. Работал фрезеровщиком

турное Обозрение 2008, с. 151.

³ О. Манделъштам. О природе слова. Собрание сочинений в четырех томах. М. Арт-бизнес-центр, 1993, т. 1, с. 230.

⁴ С.С. Аверинцев считает, что в восклицании «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока! Дай мне силы отличить себя от него!» главный смысл во втором предложении. «Это значит: отличить себя от себя. Оторвать себя от себя. Как было сказано в одном стихотворении 1924 года: «О как противен мне какой-то соименник, / То был не я, то был другой». Цит. по Осип Манделъштам. Сочинения в двух томах, М. Художественная литература. 1990, т. 1, с. 50.

⁵ См. фото Николай Гумилев М.С. Наппельбаума в кн. Анна Ахматова. Фото биография. М, изд. МПИ, 1989, с. 21

⁶ Осип Манделъштам. Стихотворения. Проза. М. Рипол классик. М.А. Гаспаров, предисловие, комментарии, 2001, с. 780.

⁷ Единственный католический храм, построенный Дж. Кваренги — парный — костел и православная церковь — Мальтийская Капелла. Но она всегда называлась «капеллой», а не «костелом Кваренги».

⁸ Осип Манделъштам. Шум времени. М, Вагриус, 2002, с. 266.

⁹ О. Манделъштам. Андрей Белый. Записки чудака. (1923), т. 2, с. 322. Отношение к прозе Андрея Белого у М. неоднозначно. В статье «Литературная Москва. Рождение фавулы» (1922) он писал: «Русская проза тронется вперед, когда появится первый прозаик, независимый от Андрея Белого. Андрей Белый — вершина русской психологической прозы, — он воспярил с изумительной силой, но только довершил крылатыми и разнообразными приемами топорную работу своих предшественников, так называемых беллетристов». Там же, с. 262. Наряду с этим, в статье «О природе слова» (1920-22) читаем: «Андрей Белый, например, — болезненное и отрицательное явление в жизни русского языка только потому, что он нещадно и бесцеремонно гоняет слово, сообразуясь исключительно с темпераментами своего спекулятивного мышления. Захлебываясь в изощренном многословии, он не может пожертвовать ни одним оттенком, ни одним изломом своей капризной мысли и взрывает мосты, по которым ему лень перейти. В результате, после мгновенного фейерверка, — куча сребра, унылая картина разрушения, вместо полноты жизни, органической целостности и деятельного равновесия. Основной грех писателей вроде Андрея Белого — неуважение к эллинистической природе слова, беспощадная эксплуатация его для своих интуитивных целей.», т. 1, с. 221.

¹⁰ Подробнее см. И.Л.Багратион-Мухранели. О некоторых источниках исторической концепции «Египетской марки». «Отдай меня, Воронеж...». Третьи международные Манделъштамовские чтения: Сборник статей. — Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1995, с. 84-102.

на заводе, помощником прозектора в морге, кочегаром, санитаром, несколько лет ездил в геологические экспедиции. А все свободное время отдавал самообразованию. Стихи начал писать с 16 лет. В 1961 году — знакомство с Анной Ахматовой. Напряженная поэтическая, а затем и переводческая работа. Далее — сфабрикованный судебный процесс*, ссылка в Норенское, возвращение, высылка из страны, жизнь в Америке, растущая известность, путешествия по миру, слава, операции на сердце, Нобелевская премия, профессура, лекции, звание Поэта-лауреата Библиотеки Конгресса США, женитьба на итальянке русского происхождения, отказ от приглашения А. Собчака приехать в Ленинград, смерть в Нью-Йорке, похороны в Венеции.

За каждым пунктом этого краткого резюме — череда событий. Но с самого начала поражают три вещи. Первая: поэт, окончивший всего семь классов школы, стал одним из образованнейших людей мира. Диапазон знаний в области литературы и поэзии — от античности до современности — просто невероятен. Вторая: степень одаренности, позволившая создать уникальный, присущий только ему одному мир словесности. И третья: доведенное до абсолюта чувство внутренней свободы. Поневоле подумаешь: как хорошо, что Бродский оказался на Западе, ибо в условиях советской тоталитарной системы многое могло бы не состояться...

Не буду излагать жизнь Бродского в стиле мини-ЖЗЛ. Остановлюсь лишь на некоторых обстоятельствах, связанных с драмой жизни поэта, которая во многом определила и характер поэзии Бродского. Но прежде чем говорить об этом, расскажу об истории моего «одноразового» письменного общения с Бродским.

Я не был знаком с ним лично, но хорошо знал некоторых его московских знакомых, через которых и «получил доступ» к его стихам (разумеется, в «самиздатском» исполнении). Это было в 1971 году. Через год он уехал, но стихи, издаваемые за границей, продолжали поступать на родину неведомыми путями, и мы читали ксерокопии сборников «Остановка в пустыне», «Часть речи» и др. — «самиздат» сменился «тамиздатом». А в горбачевские времена, начиная, примерно, с 1989 — 1990 годов, произведениям Бродского был дан зеленый свет** и в нашей стране, и стали вполне официально выходить под разными названиями сборники его стихотворений. И вот, где-то в начале 1991 года, я решил написать статью

о его творчестве. Статья называлась «Читая Бродского». Это была едва ли не первая в нашей стране статья о его поэзии, во всяком случае, одна из первых. Но прежде чем отдать ее для публикации в какой-нибудь журнал, я, набравшись смелости, послал рукопись Бродскому в Америку с просьбой высказать свое мнение. И получил от него ответ — очень теплое письмо с одобрительным отзывом. После этого начались мытарства с публикацией. Несмотря на отзыв Бродского, ее отвергли несколько «толстых» литературных журналов, и в конце концов она «нашла приют» в журнале «Русская словесность» (№ 5, 1994). Это довольно специальный и потому малоизвестный научно-теоретический и методический журнал, и статья, по сути дела, оказалась практически недоступной широкому читателю. Я приведу здесь лишь основные ее положения в сокращенном варианте. В ней помещено и факсимиле фрагмента из письма Бродского. Конечно, когда писалась статья, я еще ничего не знал о личной драме поэта... Итак, вот что было написано мной весной 1991 года под заголовком

ЧИТАЯ БРОДСКОГО

СУДЬЯ. А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

БРОДСКИЙ. Никто. (Без вызова.) А кто причислил меня к роду человеческого?

СУДЬЯ. А вы учились этому?

БРОДСКИЙ. Чему?

СУДЬЯ. Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

БРОДСКИЙ. Я не думал, что это дается образованием.

СУДЬЯ. А чем же?

БРОДСКИЙ. Я думаю, это (растерянно)... от Бога...

(Из записи Ф. ВИГДОРОВОЙ от 18.02.64. на заседании Дзержинского районного суда г. Ленинграда).

Поэтов, подобных Бродскому, у нас не было. Его поэтическое искусство поражает. Философское видение мира, пронизывающее ткань его поэзии, плюс врожденное чувство языка, приведенное к только ему свойственной манере и технике письма, — вот главные, на наш взгляд, изначальные компоненты, сформировавшие феномен поэзии Бродского. Наиболее фундамен-

тальным его достижением считается то обстоятельство, что он сумел интегрировать русскую поэзию в мировую литературу, придав ей черты, позволяющие выйти за рамки национальной поэтики. Но сюда надо добавить составляющие, остающиеся как бы за кадром.

Исключительная лингвистическая одаренность Бродского в сочетании с необычностью чисто художественного таланта создает тот совершенно особый вкус его стихотворений, который так покоряет приверженцев его поэзии. Поток его поэтической речи искрится неожиданными и яркими — действительно необычными — образами, сравнениями и метафорами. Например: «Тело сыплет шаги на землю из мятых брюк...» («Темза в Челси»). Или: «То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом...» («Конец прекрасной эпохи»). Или:

Город Лондон прекрасен, особенно в дождь. Ни жезль
для него не преграда, ни кепки и ни корона.
Лишь у тех, кто зонты производит, есть
в этом климате шансы захвата трона.
(«Темза в Челси»)

Но дело, конечно, не только в таких находках, коих великое множество. Чаще всего трудно определенно объяснить, в чем заключается гипноз его стихотворений.

Опуская веки, я вижу край
ткани и локоть в момент изгиба.
Место, где я нахожусь, есть рай,
ибо рай — это место бессилья. Ибо
это одна из таких планет,
где перспективы нет.
(«Колыбельная Трескового Мыса»)

Совершенство подобных строф Бродского зиждется, по видимому, не только на художественно сильном образе. Что-то здесь присутствует еще, что-то почти неуловимое... Что же? Ведь, скажем, рифмы в приведенной строфе предельно просты, почти банальны: край — рай, изгиба — ибо, планет — нет... (Хотя в других местах есть и сложные рифмы, очень часто — составные.) Размер? Да, конечно, он играет важную роль, но... Можно привести массу примеров, где размерные каноны нарушаются, размеры варьируются и синтезируются, более того, именно эти нарушения и создают новое структурное качество. Это

средства формообразования, и используются они мастерски, но — как-то это все не дает нужного ответа... И тут — ага, вот! — неясное сначала ощущение постепенно откристаллизовывается*** в прозрение: вот оно — то главное, что как бы исподволь создается техникой письма Бродского и присутствует почти неосознаваемым, но важнейшим фактором. Это то, что в музыке называется метроритмом.

В результате возникает пульс стихотворения, удивительно соответствующий его поэтическому содержанию. Этот пульс (не размер!) создает живое дыхание стиха, его нервную систему, рождает характерную для Бродского внутреннюю моторику, которая может быть разной — напряженной, драматичной или, наоборот, спокойно-созерцательной, мягко-замедленной и — что характерно — очень часто переменной. Интересно отметить, что, допуская большую свободу варьирования ритма от строфы к строфе, поэт тщательно следит за тем, чтобы все стихотворение было жестко сцементировано единой системой рифмообразования; если стихотворение состоит из нескольких выделяемых нумерацией частей, то для каждой части может использоваться своя система рифмовки. Например, большое стихотворение «Колыбельная Трескового Мыса» состоит из 12 пяти-строфных главок и написано в двух различных размерно-ритмических структурах: все четные главы имеют жесткую рифмовку типа АВАВСС, а все нечетные — ААВССВ. При этом в обеих структурах — переменная ритмика, то качающаяся от строфы к строфе, то неизменная на протяжении нескольких строф или даже всех пяти строф главы. Приведенная выше цитата из этого стихотворения («Опуская веки, я вижу край...») — пример фиксированного пульса для всей главы X. Совершенно другой метроритм у нечетных глав; для иллюстрации можно привести хотя бы начало стихотворения:

Восточный конец Империи погружается в ночь. Цикады
умолкают в траве газонов. Классические цитаты
на фронтонах неразличимы. Шпиль с крестом безучастно
чернеет, словно бутылка, забытая на столе.
Из патрульной машины, лоснящейся на пустыре,
звякают клавиши Рэя Чарлза.

Уже со следующей строфы начинается качание заданного первой строфой пульса, технически осуществляемое ва-

рированием числа слогов в каждой строке и различным чередованием ударных и безударных слогов — разумеется, в определенных пределах, чтобы не выйти за рамки заданной метроритмической динамики, не сломать этот гибкий пульс, и, скажем, последняя (пятая) строфа такова:

Духота. Сильный шорох набрякших листьев, от
какового еще сильнее выступает пот.

То, что кажется точкой во тьме, может быть
лишь одним — звездой.

Птица, утратившая гнездо, яйцо
на пустой баскетбольной площадке кладет в кольцо.
Пахнет мятой и резедой.

Сравните первую и последнюю строфы — и вы почувствуете, о чем идет речь.

Разумеется, приведенный анализ не претендует на универсальность, но имеет целью показать, что форма — используем это общее слово — в стихах Бродского несет особую художественную нагрузку, она в высшей степени функциональна, и когда она наполняется продуктом необычного художественного мышления Бродского, то в результате и возникает внутренняя гармония и реально осязаемая (местами — мороз по коже!) мощь его поэзии.

Мастерство Бродского питается довольно редко встречающимся интуитивным чувством формы — производной функцией от более общей категории — врожденного (дарованного от Бога) чувства языка. Это качество нельзя в себе выработать, скажем, упорным трудом и упражнениями: или оно есть, или его нет (другое дело, что если оно есть, то его можно развивать). Это как абсолютный слух у музыканта. Следствием этого фундаментального качества является автоматическое владение любой пунктуационной техникой.

Чувство языка ставит его носителя в некое особое положение по отношению к языку: язык подчиняется своему господину, легко управляется им, но в то же время оказывает на него сильное и часто непредсказуемое воздействие. Иосиф Бродский выразил эту мысль в заключительной фразе своей нобелевской лекции: «Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом»****.

Бесспорной доминантой творчества Бродского является философское осмысление темы судьбы и одиночества.

После вынужденного отъезда за границу в 1972 году тема одиночества приобретает настолько драматическое звучание, что некоторые вещи воспринимаются с пронзительным ощущением физически осязаемой боли:

Ниоткуда с любовью, надцатого марта,
дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях;
я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
и поэтому дальше теперь от тебя, чем от них обоих...
(«Часть речи»)

И это просачивается сквозь решетку других текстов, наложенную на обнаженные нервы защитным слоем иронии:

Слушай, дружина, враги и братие!
Все, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.
За какое раченье-жречество
(сказано ж доктору: сам пусть лечится)
чаши лишившись в пиру Отечества,
нынче стою в незнакомой местности.
(«1972 год»)

Сказано, как всегда у Бродского, в блестящей, удивительно найденной форме, мягкость и легкая ироничность которой лишь подчеркивают серьезность и глубину сути дела.

Состояния одиночества, страдания, печали анатомируются Бродским всегда с крайней степенью обнаженности, но каждый раз по-своему, открывая все новые и новые грани, часто суммируются, интегрируются поэтом в ударных концовках его стихов, и при этом передается ощущение — как бы сказать — не обреченности, но некой примирившейся с жизнью усталости. Показательна в этом отношении концовка стихотворения «Я входил вместо дикою зверя в клетку...», написанного в день сорокалетия:

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.

Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

По своему психологическому складу Бродский — ярко выраженный интроверт. Внутреннее созерцание и про-никновение в глубинные слои собственного мироощущения развиты у Бродского до такой степени, что превращают некоторые его сочинения, особенно позднего периода, в некий своеобразный катехизис, в котором, однако, вопросы и ответы слиты в единую структуру. Сложность восприятия таких его произведений неоспорима — это не просто стихи, но в определенном смысле серьезные трактаты, изложенные в стихотворной форме. Мышление Бродского в высшей степени ассоциативно и управляется лишь поэтической интуицией, но именно отсюда возникает гармонизация, часто весьма усложненная, основной темы или идеи и колористика звукового ряда. Так возникают вышеупомянутые структуры, поэзия нового, более высокого измерения. Примером могут служить такие произведения, как «Новая жизнь» или «Кентавры (I, II, III)».

К такой поэзии Бродский эволюционировал довольно быстро и абсолютно естественным образом, ибо необходимая база была органически заложена в его творчестве с самого начала. Мне представляется, что в качестве наиболее близкого аналога эволюции образной, звуковой и структурной организации стиха Бродского можно назвать эволюцию музыки Скрябина — композитора, пришедшего к созданию своего необычного звукового мира поздних произведений с их философским содержанием, мира «Поэмы экстаза», «Прометей» и последних сонат в результате естественного развития скрытой, «непроявленной» сущности, заложенной в его сочинениях раннего периода.

Поэзию Бродского, как и музыку Скрябина, ни в коей мере нельзя считать искусством авангарда. При всей необычности языка и образного строя, архитектоники и техники письма здесь скорее можно говорить о классике, чем об авангардизме, но о классике нового типа, со своей, пусть непривычной, но вполне закономерной гармонией.

По-видимому, можно полагать, что главное отличие постмодернизма от неоклассики состоит в совершенно различном выборе системы координат, в которой существуют все элементы поэтического мышления. В то

время как в неоклассике эта система координат хоть и является трансформированной по отношению к классической системе, но все же остается жестко фиксированной, постмодернистская поэзия «делается» в чисто условной системе скользящих координат. В этих двух случаях используется различная степень упорядоченности элементов поэтического множества, т. е. различна их энтропия. Любая авангардная система преобразует случайное поле исходных данных (отдельные образы, слова, метонимические элементы, тропы) в другое случайное поле, лишь ориентированное определенным образом в выбранной условной системе координат, т. е. энтропия в этом случае высока (упорядоченность низка), тогда как в поэзии неоклассического направления, представляемой в данном случае творчеством Бродского, то же случайное поле исходных данных подвергается упорядочению введением в рамки жесткой координатной системы — энтропия падает, поле становится детерминированным.

Бродский, с его неповторимой и сразу узнаваемой лексикой и архитектурой стиха, с присущей ему словесной инструментальной, полностью выкристаллизовывается к концу 60-х годов. Этот поэтический строй созвучен необычности и художественно-философской направленности его дарования. Действительно, вряд ли можно назвать кого-либо еще из русских поэтов, которому удалось бы в такой степени отразить в поэзии духовные и гносеологические аспекты диалога человека с окружающим его миром.

Далее в статье идет анализ религиозных аспектов в творчестве Бродского и разбор его богатейшей языковой стилистики на примере стихотворения «Представление». Опуская этот материал, приведу заключительный фрагмент статьи: Переселение Бродского на Запад, давшее ему возможность побывать во многих странах и увидеть то, что иначе было бы ему недоступно, безусловно, оказало громадное влияние на его внутреннее мироощущение, но не дало оснований для его переориентации в сторону оптимизма. <..>

В воспоминаниях Ольги Андреевой-Карлайл о Солженицыне (журнал «Столица», № 27, 1991) есть строки о великом пианисте Владимире Горовице — выходе из России: «Россия взрастила этого музыканта; Соединенные Штаты дали ему возможность выжить и сделаться одним из величайших артистов нашего времени». Если в этой фразе заменить слова музыкант и артист словом поэт, то точнее и лаконичнее об Иосифе Бродском, ду-

мается, не скажешь.

Вот такая статья. Как, безусловно, заметил читатель, в ней, кроме восхищения поэзией Бродского, звучит лейтмотив о минорной доминанте его поэтического самовыражения. Одиночество, тоска, печаль... Констатируя все это, вопрос «почему?» статья оставляет за кадром. В то время о личной драме Бродского знали только его близкие друзья, которые хранили молчание в течение всей жизни Иосифа и только после его смерти сочли возможным снять «табу» с этой темы. Долгое время для массового читателя оставалось тайной, кому посвятил поэт десятки своих стихотворений, обозначив это посвящение инициалами М.Б. Сейчас эта тайна раскрыта, и за ней встает поразительная картина личной жизни поэта, в которой — любовь и отчаяние, надежда и страдание, нежность и грусть. И будоражащие душу воспоминания, не оставявшие поэта почти всю жизнь...

М.Б. — это Марина Басманова. У Бродского было много встреч с разными женщинами, но Марина — главная и, казалось, единственная его любовь. «Мучительный роман и разрыв Иосифа Бродского с Мариной Басмановой был самой трагической страницей его жизни. ...Иосиф никогда и никого так не любил, как Марину. Долгие годы он мучительно и безутешно тосковал по ней. Она стала его наваждением и источником вдохновения» (Людмила Штерн).

...Это началось в начале шестидесятых годов. Марина была художницей, книжным иллюстратором. Высокая стройная красавица с подстриженными «под шлем» черными волосами до плеч, мягким овалом лица и бездонными зелеными глазами. Иосиф был буквально заворожен ею, восторженно отзывался о ее талантах и музыкальности. Их отношения, поначалу чисто дружеские, быстро переросли в страстный роман. Но... Даже в разгаре этого романа идиллия чередовалась с напряженностью. Иосиф безумно любил Марину, а она, видимо, давала ему поводы усомниться в ее столь же сильной любви. Они неоднократно ссорились и мирились. Родители обоих были против их отношений. Кем был Бродский в глазах Марининых родителей? Рыжий, нескладный, из бедной семьи, да еще еврей... Иосиф часто жаловался, что в доме Марины его на порог не пускают.

Она не хотела надолго связывать с кем-либо свою жизнь. Что мог дать ей Иосиф, живущий в коммуналке, практически не печатаемый? Поэтому она периодически

«ускользала». Возможно, и удерживала его тем, что никогда не принадлежала ему полностью, заставляя страдать и мучиться. Свою власть над ним она чувствовала очень хорошо...

Далее калейдоскоп событий разворачивается стремительным и неожиданным образом. И именно Марина Басманова становится невольной причиной ареста Бродского в 1964 году.

...Против Бродского уже готовится судебный процесс. Власти решают на его примере воплотить в жизнь новую статью УК — о тунеядстве. В газете «Вечерний Ленинград» публикуется гнусный пасквиль с хлестким названием «Окололитературный трутень».

Читателям сообщается, что молодой бездельник Иосиф Бродский, считающий себя поэтом, на самом деле — изменник Родины, а его стихи — тарабарщина недоучки. Он нигде не работает, живет за счет родителей. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде.

После публикации стало ясно, что арест неминуем.

...2 января 1964 года. В московскую квартиру Рейнов приходит в гости Людмила Штерн и застаёт там Иосифа. Сели обедать. Зашла речь о том, кто, где и как встретил Новый год. И тут Иосиф узнаёт, что Марина провела новогоднюю ночь на даче, в такой-то компании, среди которой был друг Иосифа Дмитрий Бобышев (окончивший химический факультет, но ставший поэтом). Услышав, что Марина и Бобышев встречали Новый год вместе, Иосиф помрачнел, сослался на какие-то дела и ушел. На следующий день он уехал в Ленинград.

«Что ты делаешь? — говорил ему Рейн перед отъездом. — Тебя же там разыскивают и сразу арестуют!». «Мне на это наплевать. Мне надо узнать, что там с Мариной». Интуиция не обманула Иосифа. Ибо в ту новогоднюю ночь...

В 2003 году, в издательстве «Вагриус» вышла книга Дмитрия Бобышева, живущего сейчас в Америке и преподающего в одном из провинциальных университетов. В этой книге с довольно претенциозным названием «Я здесь (Человекотекст)» он рассказывает о своем давнем романе с Мариной. Послушаем, как он излагает события на даче.

«Марина захотела встретиться двенадцать ударов со мной, а когда я легко сказал: “Ну конечно”, — переспросила уже со значением, и я опять согласился». И — уже на даче: «Мы вдвоем взяли по зажженной свече и вышли в тем-

ноту. <...> Мы остановились, я поцеловал ее, почувствовал снежный запах волос. Вкус вошел в меня глубоко да там и остался.

— Послушай, прежде чем сказать ритуальные слова, я хочу задать вопрос, очень важный...

— Какой?

— Как же Иосиф? Мы с ним были друзья, теперь уже, правда, нет. Но ведь он, кажется, считал тебя своей невестой, считает, возможно, и сейчас, да и другие так думают. Что ты скажешь?

— Я себя так не считаю, а что он думает — это его дело...

“Я себя так не считаю” — значит, она свободна, и этого достаточно. Я произнес те слова, что удержал на минуту, услышал их в ответ, и мы стали заодно».

Таким образом, как следует из приведенного текста, инициатива исходила от Марины, и, скорее всего, так и было. А через три дня примчавшийся в Ленинград Иосиф, мучимый тревожными предчувствиями, тщетно разыскивал Марину Басманову. Он еще не знал о ее предательстве. Впрочем, вправе ли мы употреблять это слово? Да, она знала, как безумно ее любит Иосиф. Но что делать, если ей больше нравился Дима Бобышев?..

...После сближения с Мариной Бобышев все-таки чувствует себя неуютно. В отличие от подружки, он сознаёт, какой удар нанесен Бродскому. И это в то время, когда над Иосифом нависла реальная угроза ареста. Но отступить Дмитрий не собирается. Он мчит к Бродскому и сообщает ему, что Марина теперь с ним, с Бобышевым. Иосиф огорашен. Марина, его любимая Марина... и его близкий друг... Невероятно. Он не верит, требует подробностей. Но Бобышев не расположен посвящать его в детали. «Оставь ее и не преследуй», говорит он и уходит. Уходит, чувствуя себя победителем и человеком, исполнившим свой долг. Вот так, с души сброшен тяжелый груз, и теперь все определено. Они с Мариной поженятся.

Так думает Бобышев. Но Марина думает иначе. Женитьба? Он наталкивается на ее решительное «нет». Она не хочет даже обсуждать этот вопрос. Ей, оказывается, уже надоели подобные предложения со стороны Иосифа. Ах, вот как... Положение осложнилось.

Бродский не простил бывшего друга. И вычеркнул его из своей жизни — навсегда. А Марину... Он ее ждал. Страстно хотел увидеть. И никуда не уезжал из Питера.

13 февраля Иосиф Бродский был арестован прямо на

110 улице.

Его помещают в камеру предварительного заключения. Но он почти не обращает на это внимания. Много лет спустя Бродский в разговоре с Рейном вспоминал:

«Ты помнишь, на те времена пришелся «бенц» с Мариной, и о Марине я больше думал, чем о том, где я нахожусь и что со мной происходит. Два лучших момента моей жизни, той жизни, это когда один раз она появилась в том отделении милиции, где я сидел неделю или дней десять. Там был такой внутренний дворик, и я вдруг услышал мяуканье — она во дворик проникла и стала мяукать за решеткой. А второй раз, когда я сидел в сумасшедшем доме и меня вели колоть чем-то через двор в малахае с завязанными рукавами — я увидел только, что она стоит во дворе... И это для меня тогда было важнее и интересней, чем все остальное».

Эти мимолетные появления любимой окрылили Иосифа. Значит, еще не все потеряно. Значит, еще есть надежда...

И действительно — в один прекрасный день к нему, отбывавшему ссылку в Норенском, приезжает — прямо как жена декабриста — Марина Басманова.

Впоследствии Бродский будет неоднократно говорить, что Норенское было счастливейшей порой его жизни. С приездом Марины исчезли тоска и боль, появляются сочинения с радостными названиями: «Песни счастливой зимы», «Ломтик медового месяца» и др. Но...

Счастливые дни вдруг сменяются штормом взаимных упреков и обвинений. Опять, как на заре их любви, мучительные выяснения отношений. Затем все успокаивается, снова счастье безоблачных дней... Но опять ненадолго.

И поэт не покидает ощущение неизбывной разлуки. «Чем тесней единенье, // тем крошечней разрыв...»

И через пару недель то торжественно-ликующая, то скорбно-печальная музыка норенской симфонии завершается трагическим ударом колокола. В Норенское приезжает Дмитрий Бобышев, разыскивавший вдруг исчезнувшую (сказавшую, что ей надо побыть хоть недельку одной, разобраться...) подружку. Конечно, он догадался, где она может быть. Он приезжает как раз тогда, когда Марина собирается уезжать. Так он пишет в своей книге.

В бревенчатой избе происходит мелодраматическая сцена. В результате Марина уезжает вместе с Бобышевым.

...Потрясенный Иосиф не может прийти в себя. Сбылись его тревожные предчувствия. Свет померк, опять наступила тьма одиночества и неизбывной тоски. Невероятным усилием воли он заставляет себя держаться. И пи-

шет, пишет стихи. Перо и бумага — только они способны отвлечь его от мрачных мыслей.

...На сложные отношения любовного треугольника накладывается еще одно обстоятельство, доводящее эту сложность до высшей точки. Счастливые дни любви в Норенском оставили не только воспоминания: Марина

Басманова родила Иосифу сына.
Придет зима, безжалостно крутя
осоку нашей кровли деревянной.
И если мы произведем дитя,
то назовем Андреем или Анной.

(«Пророчество»)

Пророчество сбылось: сына назвали Андреем. Но даже после его рождения Марина не вернулась к Иосифу. Был бы какой-то время он изображал приемного отца, но в конце концов из этого ничего не вышло, и они разошлись навсегда. А Бродского по-прежнему не пускают в дом Марины, он видит ребенка только на пути в молочную кухню...

...Иосиф в отчаянии. Мало того, что его не пускают к собственному сыну. Марина наносит ему еще один удар: записывает ребенку фамилию Басманов, а отчество — Осипович. Андрей Иосифович Бродский становится Андреем Осиповичем Басмановым. «Ну уж отчество-то мое она могла сохранить?» негодует поэт. И в его душе что-то переворачивается. На любовь и обожание накладывается чувство обиды, унижения и злости, доходящей порой до ненависти. И осознания непоправимости ситуации. И он начинает мстить Марине и судьбе непрерывными романами.

Но мало помогают ему эти романы. От себя не уйдешь. В 1968 году он посвящает М.Б. очередное стихотворение. Всего три строфы. Спокойно-повествовательное письмо первых двух строф взрывается пронзительным криком души в последней строфе:

Зачем лгала ты? И зачем мой слух
уже не отличает лжи от правды,
а требует каких-то новых слов,
неведомых тебе — глухих, чужих,
но быть произнесенными могущих,
как прежде, только голосом твоим.

(Элегия»)

Как справедливо отмечает А. Гамалов, «отношения с Мариной из главного сюжета его жизни превратились в главный сюжет его лирики». Расхожее выражение «время лучший лекарь» как будто к нему не относится. И все же время сработало, только его потребовалось невероятно много...

В 1989 году, через 17 лет после своего отъезда и 27 лет знакомства с Мариной, Иосиф Бродский обращается к предмету своей любви со стихотворением («Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...»), в котором выстраданно-трезвой эпиграфией звучат неожиданные для посвященных М.Б. стихов слова:

Четверть века назад ты питала пристрастие к люля
и финикам,
рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
развлекалась со мной; но потом сошлась
с инженером-химиком
и, судя по письмам, чудовишно поглупела.

.....

Не пойми меня дурно. С твоим голосом, телом, именем
ничего уже больше не связано; никто их не уничтожил,
но забыть одну жизнь человеку нужна, как минимум,
еще одна жизнь. И я эту долю прожил.

Это одно из сильнейших стихотворений Бродского. Оно и подводит итог его многолетним терзаниям, и демонстрирует наступившее, наконец, прозрение. Некоторые, в том числе Л. Штерн, осуждают поэта за «жестокие» слова двух последних строчек в первой из приведенных строф («развлекалась со мной...и т.д.»), считая их недостойными его любви. С такой позицией трудно согласиться. Ведь если называть вещи своими именами, всю эту историю можно выразить краткой формулой: Марина Басманова разбила жизнь Иосифу Бродскому. Именно она оказалась недостойной его любви.

...В 1990 году Бродский, читая лекцию в Сорбонне, увидел среди студентов Марию Соззани****. Юная красавица-итальянка русского происхождения, словно сошедшая с полотна великих мастеров Возрождения, заполнила пустоту в сердце поэта и как-то естественно вошла в его одинокую жизнь. Сначала была переписка, затем несколько совместных поездок в Венецию, которую Бродский обожал. Этот город чем-то напоминал ему родной Ленинград, а Мария, будучи моложе его на тридцать лет, — молодую

Марину Басманову. Но при внешней похожести (что было очень радостно для поэта) Мария разительно отличалась от Марины искренней теплотой и милосердием: перед Бродским как бы предстала новая Марина — та, образ которой он создал и лелеял в своих мечтах. И поэтому отношения Бродского и Марии складывались идеально. Они поженились, и у них родилась дочь Анна (вспомним его стихотворение «Пророчество») — Анна Александра Мария. Для Бродского наступил период ничем не омрачаемого счастья. По свидетельству близких друзей, пять лет с Марией были для него счастливее, чем предыдущие пятьдесят.

...Исчезли в стихах посвящения М.Б. Стихотворение «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...», как и следовало из его содержания, было последним, перед которым поэт поставил эти инициалы. Со времени его написания прошло четыре года. И вдруг...

Из-под пера поэта вновь появляется стихотворение с тем же посвящением — М.Б. И симптоматично, что оно написано в день Рождества — 25 декабря 1993 года. А содержание его оставляет загадочное впечатление. Вот его начало:

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
щепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок.

И чудо свершится...

Как это понимать? В. Фараджев выдвигает оригинальную версию, основанную на том, что любовная история Иосифа и Марины очень напоминает сюжет книги стихов Данте Алигьери, посвященных его возлюбленной Беатриче. Любовь доставляет Данте не счастье, а боль и страдания. Но Беатриче умирает, и поэт переосмысливает отношение к любви, трактуя ее как обожествление Возлюбленной, а философский смысл любви — как стремление к духовному обновлению. «То же духовное обновление, — пишет автор, — видимо, пережил и Бродский». Остается добавить: встретив Марию.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

Некоторые комментарии к эссе Анатолия Голубева «От Ленинграда до Венеции: триумф и трагедия Иосифа Бродского»

Анатолий Голубев интересен тем, что состоял, как он сам пишет, в «одноразовой» переписке с Иосифом Бродским. Я, в качестве руководителя делегации Союза литераторов России, 1 августа 1991 года «привез» Иосифу Бродскому в Лондон на Конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Осипа Манделштама, шесть докладчиков, которых не «пропускал» в Лондон тогда еще всемогущий Союз писателей, ибо они не были членами этого Союза. Без них, а среди них был и знаменитый Гаспаров, наш — не американский, конференция была бы неполной. Помню, уже после конференции, через Е. Рейна, посетившего любимого друга в Соединенных Штатах, И. Бродский, в качестве одного из организаторов (вторым был Лондонский университет) поблагодарил меня за «гражданский подвиг» и «неминуемые затраты» (дело было в начале августа 1991 года, как раз накануне ГКЧП и связанной с ним девальвацией рубля). Все это Евгений передал мне на словах, а в переписке с одним из немногих российских лауреатов Нобелевской премии по литературе я не состоял. Такая переписка многого стоит. Не говоря уже о том, что предметом вышеупомянутой переписки была статья А. Голубева о поэзии И. Бродского. В своем ответе Иосиф даже «приревновал» Анатолия к тому, что он «разобрался» с метрикой мэтра: «...Все, что касается метрики — абсолютно справедливо. Даже обидно, что кто-то еще это понимает...».

Опираясь на факт моего личного знакомства с Иосифом Бродским (в Лондоне я впервые увидел поэта), я позволил себе прокомментировать избранные фрагменты из эссе А. Голубева:

* — На момент ареста у Иосифа, как рассказывал мне Е. Рейн, был на руках договор на переводы из польской поэзии с издательством «Художественная литература». И даже, если предположить, что договор у него был изъят, второй «первый» экземпляр легко могли запросить у директора издательства и при его наличии в судебном заседании о каком тунеядстве могла бы идти речь?.. В моем эссе с говорящим названием «Так было бы длиннее...»,

опубликованном сначала в «Королевском журнале», потом в альманахе Союза литераторов «Вектор творчества — жизнь как контрапункт», а в конце прошлого года в избранном «Непрерывный фотомонтаж», вот как неожиданно, минуя все подробности, парирует Бродский мой вопрос о договоре: «Да, мог бы не сидеть, но так было бы длиннее...». До сих пор я продолжаю получать запросы по электронной почте: что, собственно было бы длиннее?.. «Дима, Вам так не повезет, как мне — Вас не посадят...», — завершил тот лондонский разговор Иосиф. Так мог сказать только тот, кто знал истинную цену славы.

** — Фраза «был дан зеленый свет» не совсем точно передает историю первой публикации Иосифа Бродского в России (в журнале «Новый мир», при Залыгине). Помню, через мою сестру Римму Вечерину, учившуюся в литинститутской группе главного редактора самого популярного тогда в СССР журнала, Залыгин попросил вручить его из крайне затруднительной ситуации. Дело в том, что он уже напечатал 800 тысяч тиража очередного номера «Нового мира» со стихами Бродского, когда получил уведомление от Иосифа о том, что он (к этому времени уже хорошо ориентировавшийся в авторском праве) не дает разрешения на публикацию. По моей просьбе Евгений Рейн взялся «разрулить» эту ситуацию. Два часа длилась беседа по телефону «ученика» с «учителем» (так «в шутку» старые друзья договорились называть друг друга), который все это время находился в кабинете Залыгина, и в знак благодарности ко всему, что было хорошего в былые времена между ними, «ученик» дал «добро» на свою первую публикацию в России. Ну, а потом подобных коллизий, очевидно, уже не возникало. Так что без участия самого Бродского зеленый свет не зажегся бы.

*** — Удивительно точный глагол: «откристаллизовывается»!.. В 1970-ом, обучаясь на физфаке МГУ, я написал курсовую работу «Симметрия (гармония) в поэзии». Я предложил рассматривать стих, как кристалл, «ритмометрическая» структура которого описывается двумерной матрицей с чередованием ударных и безударных слогов. В идеальных матрицах не бывает «полуударений». В «живом» стихе они с необходимостью присутствуют: «...И свет-л'а ад-ми-рал-т'ей-ска-я иг-л'а. Обозначив ударные слоги знаком восклицания, а безударные дефисом, полу-

чим ритмометрическую схему стиха: -- ! --- ! --- ! ^, где знак ^ — означает паузу в конце строки. Имеем классический шестистопный хорей с «полуударными» слогами в третьей и пятой стопах. Так писал Пушкин, и мы, благодаря его гениальности, можем даже увидеть длину адмиралтейского шпиля. В пушкинских стихах не найдете строки без «полуударений» — за счет них он «дышит», но «пульс» его «регулярен», т.е. соответствует исходному размеру, разве что чуть приглушается на «полуударных» слогах. Такой стих можно скандировать, и тогда проступит первооснова — шестистопный хорей. Стих Бродского не проскандировать — «обломаетесь». Поэт почти для каждого стихотворения находит свой ритмометр, не переходящий, однако, в зарифмованный верлибр, в этом отличительная черта его таланта. Моя курсовая работа косвенно подтверждает правомерность применения А. Голубевым музыковедческого понятия «метроритм» к стихам И. Бродского. Во всяком случае, такой подход не противоречит теории групп, описывающей различные кристаллографические (читай, поэтические) сингонии. Верлибр, правда, ближе к кораллу, но неоклассический стих Бродского все же принадлежит миру «поэтических кристаллов» — энтропия (беспорядок) в нем не нарастает, а сглаживается, но при этом Иосиф всегда «отклоняется» от некой «неоклассической» схемы, не сводимой ни к одному из пяти основных размеров.

**** — «Так слово повернул, что сам его боюсь», — сказал, перефразируя нобелеата, известный в ту пору и переписываемый от руки поэт, знаменитый тем, что шитьем брюк зарабатывал себе на жизнь, Эдуард Лимонов. Бродский же, оглашая перед Королем и собравшимися Нобелевскую лекцию, которую мы, его почитатели, прирав к радиоприемникам, конспектировали сквозь визг «глушилок», в чуть ранее приведенной А. Голубевым цитат не смог обойтись без мата... Но о парочке «слово-поэт» оба поэта высказались с полным знанием дела. Жаль, что по «цензурным» соображениям А. Голубев не предоставил редакции ту часть своей работы о поэтике И. Бродского, где речь идет о поэме «Представление», написанной с использованием «всего богатства» родного языка, заканчивающейся знаменитым: «...Это время тихой сапой // убивает маму с папой». И я, вслед за автором эссе, могу засвидетельствовать, что Иосиф отказался от предложения Анатолия Собчака посетить Ленинград прежде всего в силу того, что в свое

время власть не впустила его в страну похоронить родителей. Охранная грамота любви, понуждающая до срока не покидать Землю, для Бродского подобна двум последним строкам шекспировского 66-го сонета и включает в себя Любовь, как философскую категорию, — любовь к родителям, Родине, к людям и языку: «...Всею изболев, не прожил бы и дня // И лишь любовь одна хранит меня.» (перевод мой). Под последней строкой сонета И. Бродский мог бы подписаться всей своей судьбой творца и человека.

***** — Я увидел Машу 2 августа 1991 года. Она прилетела из Италии к Иосифу на второй день «Конференции «по Манделштаму». Кто-то, кажется, Гордин, попросив меня загородить его, навел на Машу объектив и нажал на спуск. Иосиф тут же обернулся: кто посмел? Но фотограф уже сидел, как ни в чем не бывало... Мария была великолепна. С абсолютно русской наружностью канувших в лету «уездных тургеневских барышень» (именно благодаря им мы во все времена можем считать себя Великой Державой). Одежда Маши подчеркивала природную грацию, но особенно меня поразили брезентовые тапочки такие, какие носят у нас в глубинке, в тон наимоднейшему брезентовому пиджаку нобелеата с огромными боковыми карманами, куда тот складывал презентуемые книжки. Увидев их вместе, я тут же написал стихи на английском, втором языке конференции: «She took an airrace // and came from Italy // in little brezent shoes.». Иосиф не только оберегал, что видно из эпизода с «папарацци», но обожал и боготворил свою Марию, при этом не забывая и о нас — «паломниках из далекой России» (выражение Тамары Грум-Гржимайло), и в перерывах «подкармливал» нас бутербродами с красной рыбой и прочими разносолами. А Маша, как правило, была с нами, участвуя в филологических (и не только) беседах, разделяя с нами радость долгожданного свидания с человеком, который, несмотря на провозглашенный им еще в Нобелевской лекции приоритет частной жизни, с огромным удовольствием предавался общественной. А что касается концовки знаменитого 66-го сонета в переводе Пастернака или Маршака — прочтите в оригинале и убедитесь, что не возлюбленная и не друг (sweetheart, lover), а сама любовь (love) и в эпоху Шекспира была единственным вечным двигателем искусства и самой жизни, что вовсе не противоречит существованию «Беатриче», Марины или Марии, как, впрочем, и других незабвенных женских имен.

114

«ПОМОЛИТЕСЬ, АНГЕЛЫ, ЗА МЕНЯ...»

С Галиной ЕРОФЕЕВОЙ,

выдающимся деятелем культуры и искусства России, невесткой и одной из правонаследниц Венедикта Ерофеева,

беседует Нина ДАВЫДОВА

«...Когда я ишу Кремль, я неизменно
попадаю на Курский вокзал».
(Венедикт Ерофеев, «Москва — Петушки»)

Конец 2008 года был отмечен юбилейной датой: 70-летием всемирно известного писателя Венедикта Ерофеева. В городе Петушки открылась экспозиция, посвященная жизни и творчеству автора знаменитой поэмы «Москва — Петушки».

Кто знал об этом небольшом городе с задорным названием на границе Московской и Владимирской областей до того, как его не просто, а всемирно прославил В. Ерофеев?! Более 10 лет говорили о необходимости создания музея, и вот свершилось: не музей, но всё-таки появилось некое литературное пристанище в городской галерее искусств для гения, 70-летие которого отметили почитатели российской словесности. Интересно, как сам Ерофеев отнёсся бы к увековечиванию его литературного таланта в Петушках? А может быть, ответ есть в самой поэме:

«И, весь в синих молниях, Господь мне ответил:
А для чего нужны стигматы святой Терезе? Они ведь ей
тоже не нужны. Но они ей желанны.
— Вот-вот! — отвечал я в восторге. — Вот и мне, и мне
тоже — желанно мне это, но ничуть не нужно!»
(Венедикт Ерофеев, поэма «Москва — Петушки»)

Более двух часов идёт электричка от Курского вокзала до Петушков, сиди у окошка, листай поэму, смотри на железнодорожные станции, тщательно перечисленные Венечкой, удивляйся, что написанному уже 38 лет. «Москва — Петушки» переведена на английский и корейский, иврит и эстонский, французский и японский — более чем на 35 языков мира, можно сказать, почти по одному иностранному языку в год. А ведь ещё 20 лет назад, до первой, сокращённой публикации в журнале

«Трезвость и культура» в 1988-1989 гг., прочитать поэму можно было только в списках, тайком, и для читающего это было совсем небезопасно.

Н.Д.: Расскажите о первой публикации поэмы «Москва — Петушки», я слышала, что это была история почти детективная?

Г.Е.: Поэма «Москва — Петушки» была перепечатана женой однокурсника по МГУ Риммой Владимировной Кобяковой. Именно с этой первой перепечатки была растиражирована поэма в России, со всеми ошибками.

Летом 1973 года известный правозащитник, эксперт Борис Исаакович Цукерман привёз в Иерусалим историческую фотоплёнку, с которой были распечатаны и переданы Владимиру Фромеру и Михаилу Левину фотографии на глянцевой бумаге для студенческого журнала «Ами», который в то время они от начала и до конца делали вдвоём. В третьем и последнем номере была опубликована поэма «Москва — Петушки», тираж журнала составлял всего 150 экземпляров, да и он в продажу не поступил, частью был раздарен, а частью разослан в различные библиотеки и русскоязычные издательства. Фромер и Левин даже не знали, существует ли в действительности Венедикт Ерофеев или это псевдоним, за которым скрывается реальная личность. Крупное французское издательство Albin Michel, по-своему понимая авторское право, «не растерялось» и объявило себя правообладателем. Они прекрасно знали, что автор из СССР никогда до них не доберётся.

Самое парадоксальное, что во всех перипетиях, связанных с выходом в свет поэмы, сам Венедикт Васильевич Ерофеев не участвовал — он ни разу не перешагнул порога ни одного издательства, не показал ни одному издателю рукопись своего произведения, не сдал её на редактирование. Он не искал славы, читателей и почитателей, они нашли его сами.

Н.Д.: Сейчас при вашем участии и при участии вашего мужа Венедикта Венедиктовича Ерофеева выходят в свет «Записные книжки» В. Ерофеева. Как вы считаете, чем они интересны для читателей, литературоведов, историков, прозаиков?

Г.Е.: Подготавливая к изданию «Записные книжки», я видела, насколько В. Ерофеев был разносторонним, широко об-

разованным человеком. Его записи отражают целую эпоху, годы хрущёвской «оттепели», застоя, начало перестройки. Когда Горбачёв стал первым президентом СССР, В. Ерофеев, описывая радость в доме, делает пометку: «Я очень боюсь за нашего лидера...» Но интересны не только документальные факты тех лет. Видно, как непрерывно шла напряжённая работа со словом: он сочинял и выбирал из языковой и житейской реальности анекдоты, каламбуры, аллюзии, парафразы — словом, все приёмы и разновидности литературной игры, — и зачастую воспринимал окружающее только как повод для неё. Читая, делал выписки, переписывал понравившиеся стихи, записывал свои мысли. Его интересовало всё. Дневниковые записи вёл всегда, даже будучи тяжелобольным. Однажды Владимир Сергеевич Муравьёв сказал мне, что «в записных книжках — диссертация, и не одна, и даже докторская».

«Записные книжки» считаются мини-шедеврами ерофеевской прозы. Это дело всей его жизни.

В книге «Москва — Петушки» Ерофеев пишет, что «как бы там ни было — меня выперли. Меня, вдумчивого принца-аналитика, любовно перебирающего души своих людей... Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить». И действительно, за свою жизнь он сменил не одну работу и не одно высшее учебное заведение, во многих областях и весях могли бы быть или музеи, или экспозиции, рассказывающие о его жизни и творчестве.

Попытки получить высшее образование были. У меня есть копии документов из четырёх вузов. В МГУ поступил после собеседования, так как школу окончил с золотой медалью, окончил и первый курс. В личном деле сохранилось заявление на имя декана, написанное, правда, не рукой Ерофеева, но от его имени, с просьбой о пересдаче экзамена по устному народному творчеству. На заявлении — резолюция: ОТКАЗАТЬ. Примерно то же самое повторилось в Орехово-Зуевском пединституте. Затем было скандальное изгнание из Владимирского педагогического университета. В Коломенском пединституте он вообще не задержался: только два приказа — о зачислении и отчислении. Но, несмотря ни на что, образован был прекрасно: знал историю, географию, литературу, музыку. Собрал обширную фонотеку классической музыки.

А если говорить о музеях, то в городе Кировске, на родине Венедикта Васильевича, музей есть. Небольшая комнатка при Центральной библиотеке имени Горько-

го. Музей небольшой, но это уголок памяти. Есть такой уголок памяти и в Караваевской сельской библиотеке. В селе Елшанка Николаевского района Ульяновской области жили предки Ерофеева. Потомки ерофеевского рода живут там и сейчас. В краеведческом музее районного центра планируют оформить стенд.

А вот в Москве музея нет. Литературный музей Ерофеевым не интересуется. К 60-летнему юбилею были организованы вечер и небольшая выставка. В Москве есть сквер с памятником, на площади Борьбы. Жуткое зрелище.

У нас в семье произошёл такой случай. Однажды дети захотели посмотреть памятник дедушке, когда приехали, мой сын смотрел, смотрел и спросил:

— А можно его потрогать?

Ну потрогай.

— Какой-то дедушка страшный. Чёрный-чёрный и холодный-холодный...

Появился ещё проект парка культуры и отдыха в непосредственной близости от «горячительного» завода. Главный парковый фонтан, по замыслу архитекторов, будет увенчан скульптурой Ерофеева. Вместо всего этого в Москве вполне могла бы появиться библиотека имени Венедикта Ерофеева. Да и одну из московских школ можно назвать его именем.

Н.Д.: А кто реально помогал В. Ерофееву, расскажите о его ближайшем окружении, кто-то из известных людей его поддерживал?

Г.Е.: Всё отражено в его записных книжках: «Вот посетившие меня...» — и далее идёт список людей и их занятия. Гостей всегда было очень много, и встреч всевозможных тоже, но: «и снова я один, и музыка, и книг шелестенье». В Питере поддерживала поэтесса Елена Игнатова, с ней познакомил Ерофеева Слава Лен. Поэт Константин Кузминский, легендарный ККК, устроил шумный приём по случаю его приезда, и сотрудники КГБ дежурили возле дома круглые сутки, в какой-то момент Елене удалось вывезти оттуда Ерофеева и скрывать у себя дома, а затем отправить в Москву. Борис Николаевич Делоне предоставил ему для работы свою дачу в Абрамцеве: ведь у Ерофеева не было на тот момент ни паспорта, ни военного билета, ни прописки, ни средств к существованию. Только благодаря усилиям

Галины, его второй жены, удалось получить необходимые документы.

Помогали, когда болезнь уже прогрессировала, Борис Александрович Сорокин, дружба с ним началась во Владимире в студенческие годы; Валентина Николаевна Еселева, знакомая по Орехово-Зуевскому пединституту, она и приютила, и помогала материально, как и Светлана Александровна Мельникова и её сын Николай и невестка Лера, тоже опекали, поселили в домике в Царицыне. Вадим Тихонов и его жена Лидия Любчикова, Валера Котов, Маша Шавырина оберегали, как могли.

В доме друзей со студенческих лет Владимира Сергеевича Муравьёва и Льва Андреевича Кобыкова мог появляться в любое время суток.

В 1986 году Белла Ахмадулина и Борис Мессерер помогли смертельно больному Ерофееву попасть в Онкоцентр к врачам. Помогали Ерофееву, как могли, до конца его жизни. Их забота была особенно приятна Венедикту Васильевичу.

Последние три года жизни стала для него последним солнечным лучиком глубоко преданная ему Наталья Александровна Шмелькова, литератор, автор знаменитой книги «Во чреве мачехи, или Жизнь — как диктатура красного», в которой она поведала о трёх самых близких для неё людях: писателе Венедикте Ерофееве, художнике Анатолии Звереве и поэте Леониде Губанове.

Н.Д.: А как обстояло дело с читателями и почитателями творчества Венедикта Ерофеева в советские годы?

Г.Е.: Почитатели и читатели были всегда.

Сначала это был узкий круг. Переписывали, перепечатавали не только «Москву — Петушки», но и другие произведения. Издания своих произведений он боялся, рукописи не всякому давали почитать и даже по телефону названия не произносили. За это можно было очутиться в психбольнице, могли и выдворить из страны... Когда за рубежом появились первые издания и узнали кто их автор, Ерофеев долгое время укрывался на даче у академика Б.Н. Делоне.

В советские годы в Москве устраивались закрытые международные книжные ярмарки. Допускались туда только проверенные советские писатели, издаваемые за рубежом и, естественно, издатели. По свидетельству сотрудницы одного западного издательства, на одной из таких

выставок на стенды выставили французское, немецкое и итальянское издания поэмы «Москва — Петушки». Все решили, что автор Виктор Ерофеев. Венедикта Ерофеева в Союзе писателей не знали. Ерофеев не стал звёздным писателем, а стал писателем поистине народным.

Н.Д.: И, наконец, о Петушках. Сохранились ли дома, в которых жива память о Венедикте Ерофееве? Как жители Петушков относятся к творчеству писателя, прославившего их город на 35 языках мира.

«Что тебе осталось? утром — стон, вечером — плач, ночью — скрежет зубовный... И кому, кому в мире есть дело до твоего сердца? Кому?.. Вот, войди в любой петушинский дом, у любого порога спроси: «Какое вам дело до моего сердца?» Боже мой... Я повернул за угол и постучался в первую же дверь».

Г.Е.: Дом в Петушках найдётся, и не один, куда заходил, да и сейчас куда мог бы зайти Венедикт Васильевич. Живут в Петушках люди, которые его помнят. К сожалению, основная часть населения не читала поэму «Москва — Петушки», не знакома с его творчеством. Есть и такие, кто считает, что Ерофеев их опозорил. На самом деле он был влюблён в Петушки. Последний раз проездом в мае 1984 года, провожая сына в армию, в записной книжке написал: «Петушки. Цветение всех трав и деревьев».

Н.Д.: В заключение нашего разговора мне хотелось бы поздравить всех ценителей творчества Венедикта Ерофеева с открытием экспозиции в городе Петушки и закончить нашу беседу с Галиной Ерофеевой словами из поэмы:

«Помолитесь, ангелы, за меня.
Да будет светел мой путь,
да не преткнушь о камень, да увижу город,
по которому столько томился».

(Венедикт Ерофеев, поэма «Москва — Петушки»)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Татьяна ЛОБАШКОВА,

кандидат исторических наук.

Публикация, предисловие, комментарии.

«К.Р.»

Из дневника великого князя Константина
Константиновича Романова.
Август — сентябрь 1885 года.

Среди материалов великого князя Константина Константиновича, хранящихся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации, особое место и по информационной насыщенности, и по той роли, которую отводил сам великий князь подобным записям, занимал его дневник. Сын К.Р. — Гавриил Константинович — вспоминал: «Всю свою жизнь он вел дневник, который писал в тетрадах в желтых кожаных переплетах, и завещал напечатать его через девяносто лет после своей смерти»¹. Действительно, в отдельном пункте завещания великого князя были оговорены условия хранения и публикации дневниковых записей: «... 7) все собрание тетрадей моего дневника, которому быть хранимым неприкосновенно в библиотеке или в архиве Академии. Ни ближайшим моим родным, ни посторонним не предоставляю права читать мой дневник в течение девяноста (90) лет по моей кончине. По прошествии этого срока, по усмотрению Академии, но не иначе, как с благосовизволения царствующего Государя Императора и с согласия старейшего из прямых моих потомков, дневник мой, частями или полностью, может быть напечатан»². Великий князь скончался в 1915 году и большая часть его материалов, в том числе дневник, были переданы его супругой Академии наук. Понимая ценность дневника великого князя как исторического источника, члены Академии наук в то же время стремились выполнить волю покойного — сохранить тетради в неприкосновенности и не обнародовать их до 2005 г. Однако в конце 20-х годов ситуация изменилась, и с 1930 г. началась публикация выдержек из дневников великого князя в журнале «Красный архив»³. На последней странице дневника великий князь записал: «Вот и последняя страница этой тетради. Мог ли я думать, начиная ее в Красном, что жизнь моя настолько изменится к лучшему и в такой короткий срок»⁴. В этот

период К.Р. продолжал нести военную службу, совмещая ее с насыщенной творческой жизнью. Для него эти два занятия не противопоставлялись, а скорее дополняли друг друга, происшествия на службе не редко настраивали Константина Константиновича на поэтический лад. Вместе с младшим братом Дмитрием он находил большое удовлетворение в маневрах, обучении новобранцев, в службе летом в Красном Селе.

Старшая дочь Константина Константиновича Татьяна писала в эмиграции: «В Женеве мне рассказывал бывший измайловец Н. Беляков то, чего никто в семье не знал. «Я скажу Вам одному», — сказал Белякову мой отец, когда они были сослуживцы. — «Я сейчас был у Государя Александра III и просил его разрешения поступить в монастырь». Ответ был: «Костя, если все мы уйдем в монастырь, кто будет служить России»⁵. Глубокая религиозность Константина Константиновича была известна многим, его мысли о христианском долге человека отразились и в поэтических произведениях, но намерение оставить мирскую жизнь было открытием для близких поэта.

Измайловский полк был дорог великому князю еще и тем, что именно здесь великий князь организовал литературные вечера и спектакли, где впервые прозвучали многие его стихотворения и пьесы. Речь идет об «Измайловских досугах» — литературных полковых собраниях и любительских спектаклях. Первый «Измайловский досуг» состоялся 2 ноября 1884 г. Мысль о проведении в полку подобных вечеров принадлежала его офицеру В.Ю. фон Дрентельну. Название «Досуг» дал им измайловец, флигель-адъютант Н.А. Косач. Как командир полка, Константин Константинович не только одобрил идею «Измайловского Досуга», но и провел ее в жизнь, став председателем особого комитета «Досуга», решавшего все вопросы по организации вечеров и приглашению на них тех или иных лиц. На этих собраниях офицеры состязались в поэтическом искусстве, сочиняя стихи на избранные заранее темы. К.Р. написал целый ряд стихотворений, которые были специально предназначены для выступления на «Досугах». Одно из них так и называлось «Измайловский Досуг», где великий князь обрисовал свое понимание значения этих литературных вечеров в полковой жизни. Судя по дневнику «Досуги» стимулировали творческий процесс великого князя; без этих вечеров в настоящее время читатели не познакомились бы со многими произведениями К.Р.

118 Среди родных главным судьей творчества Константина

Константиновича, к мнению которого он всегда прислушивался, была любимая сестра великого князя — Ольга, королева Эллинов, как тогда титуловали греческую королевскую чету. Лишь один человек откровенно высказал негативное отношение к литературному творчеству Константина Константиновича, которое великий князь долгое время не мог изменить. Это суждение «дорогого Папа» — великого князя Константина Николаевича. Дело было не в разных взглядах на поэтические произведения К.Р. Первоначально Константин Николаевич прибывал в убеждении, что подобные занятия не совместимы с великокняжеским титулом и положением члена императорской фамилии. В результате сын не сообщал о своих публикациях и не спешил поделиться с отцом новыми сочинениями. В 1885 году Константин Николаевич наконец изменил свое отношение к этой стороне жизни Константина Константиновича. Немаловажную роль в этом сыграло признание таланта Константина Константиновича императорской семьей — благосклонное внимание Александра III к музе августейшего поэта.

Но кроме службы и поэтической деятельности, великий князь в этот период переживал из-за отсутствия детей в его молодой семье, и даже какое-то время сомневался, сможет ли он испытать счастье иметь собственного ребенка. В 1885 г. стало известно, что летом следующего года мечта Константина Константиновича исполнится. Отныне любая беседа с близкими, молитвы, записи в дневнике сопровождалась главной темой — будущим рождением первенца.

Осень 1885 г. запомнилась великому князю большим количеством событий, всколыхнувших в нем самые разнообразные чувства, благодаря которым он считал это время на удивление счастливым: надежды претворялись в жизнь, а страх за близких и друзей оказывался необоснованным.

1 августа. Четверг. Красное Село. В 8 ч. полк выступил на военное поле. В 11 ч. был назначен Высочайший смотр войскам. Я спал всего 2 часа после несчастной тревоги; мне было очень трудно вставать. Ноги разбалчивались все хуже при каждом неловком шаге. Я вышел сонный и недовольный, но потом сонливость прошла, и я пришел в обыкновенное веселое состояние духа. На военном поле, не дойдя до места, три раза проходили мимо генерала церемониальным маршем. Нам дали отдохнуть. Титов, заведующий столом нашего собрания, не прислал с нами закуски, что возбудило наше общее негодование. Мы с Дрентельном⁶ тут же перед парадом сочинили на него стихи; пародию на «У врат обители святой». Вот они:

У полигона, в летний зной
Стоял просящий подаянья.
Бессильный, бледный и худой
От глада, жажды и страданья.

Он рюмки водки лишь просил
И взор являл живую муку.
Титов Василий отмочил
Увы! Ужаснейшую штуку.

Так я молил у той свиньи
Хоть колбасу отгрызть, хоть ухо,
Так чувства худшие твои
Клянет обманутое брюхо.

Я люблю быть в строю на смотру. Сколько торжественности, мурашки бегают по спине, и страшно как-то, и весело, и чувствуешь, что на тебя смотрят, что ты стоишь молодцом, что ты одна из этих бесчисленных единиц огромного целого. — Мы прошли, говорят, отлично; Государь⁷ три раза выражал Маклакову⁸ свое удовольствие видеть наш полк в таком славном виде.

Уж как же я благодарил своих молодцов. <..>

4 августа. Красное Село. Вернувшись в барак я сел за письменный стол и послал за писарем Янцеловским, сменившим еще весной милого Белова. Этот писарь хороший, старательный человек. Надо было подписать и просмотреть последние книги и бумаги за прошлый месяц. Писаря — почти единственные из солдат, которые ко мне привыкают и, освоившись со мною, перестают меня дичиться. Остальные люди всегда относятся ко мне если и доверчиво, то все-таки с некоторой опаской и боязнью; это мое несчастье. <..>

10 сентября. Вторник. Мне пришло в голову составить свою задуманную драматическую поэму «Что есть истина»⁹ из двух частей. В первой выведу Прокулу, Пилатову жену. С ней будет служанка, положим — Саломея, иудейка. Она будет петь еврейскую песню — переложение псалма пророчества о пришествии Мессии. Завяжется разговор о Мессии. Прокула могла встретить Иисуса на улицах Иерусалима; он может показаться ей личностью подходящей под образ обещанного Мессии. Затем появится Пилат — он выскажет положение дел, предшествующее крестной смерти. <..>

14 сентября. Суббота. Встал довольно поздно. Успел только записать за три дня дневник, а в 11 ч. пошел к

обедне. Стоял рассеянно. Мечты о стремлении к истинному воспитанию роты, к сближению с нею, не давали мне молиться. Кроме того, меня смущало то, что я вчера узнал от Минкельдея¹⁰; он сообщил мне по секрету, что Цицович¹¹ как-то переменялся. Он вдруг перестал вникать в ротные дела, в которых всегда принимал горячее участие, отстранился ото всего и решил, что ни во что не будет вмешиваться. Я догадался, от чего это произошло: еще на охране мы с ним несколько раз сильно поспорили; мы не сходимся в мнениях относительно солдата. Он относится, положим, строго, но с некоторою подозрительностью, видя во всяком малейшем проступке или неисправности какое-то злоумышление. Я менее его строг и, напрот[ив], не только не склонен замечать провинности, но часто стараюсь все объяснить с самой благоприятной стороны. Мы часто спорили. Теперь Циц, находясь в мрачном настроении из-за разных других обстоятельств, решил ни во что не входить, а все предоставлять мне. С одной стороны, как ни стыдно признаться, я этому рад; я часто ревновал роту к Цицу, желая быть более самостоятельным. Но, с другой стороны, мне и досадно, что Циц так поступает теперь: в этом проглядывает некоторая обиженность, без которой он мог бы обойтись. Все эти размышления меня волновали и мешали молиться.

15 сентября. Воскресенье. Поутру я добросовестно записал дневник, пил кофе с женой¹² и написал письмо Тете Оле, королеве Вюртембергской¹³, с книжкой перевода. Она с большим участием и очень снисходительно относилась три года тому назад к моим первым опытам на поприще русской словесности. <..>

16 сентября. Читал вплоть до вечера французскую книгу: делал пометки карандашом на местах, которые понадобятся мне для поэмы. Я думаю выставить Пилата эпикурейцем. <..>

22 сентября. Начал читать Hausrachs, Neutestamentliche Zeitgeschichte, die Zeit Jesu¹⁴. Это книга Безобразова; я брал ее с собою в Венецию; потом она все лето пролежала у меня в бараче в Красном, но я не находил времени читать ее. Это тоже надо усвоить, ранее чем приступить к новой поэме. Я перечитал сегодня главу, которую урывками пробегал в Красном. Должно быть, многое уже запечатлелось в памяти, потому что теперь отношения между Римом и Иерусалимом показались мне хорошо знакомыми, ясными и понятными. Читал с увлечением.

Образы задуманных действующих лиц выступают все выпуклее, обрисовываются все точнее. Многое еще надо будет прочитывать. <..>

23 сентября. Встал рано и был очень доволен. Терпеть не могу, когда случается проспять по утрам — пропадают самые дорогие часы. Много успел написать и прочитывать. <..>

27 сентября. Пятница. Павловск. Отправил Анастасье¹⁵ в Шверин «Мессинскую невесту» с письмом. Записал дневник. Читал в Гаусрате¹⁶ про Антония, Клеопатру, Антипатра и его сыновей и про междоусобные войны в Палестине. Ничего не извлек из этого для поэмы. Прочесть надо так много! А иногда целая книга со своим содержанием должна уместиться в немногих стихах. Про римлян есть что найти, вывести их гораздо легче; зато верно передать иудиянина гораздо труднее; они гораздо своеобразнее.

Потом дочитал главу в книге Boissiere¹⁷ и пошел через двор к Палиголику¹⁸. Говорили о разных предметах, между прочим о давно всем известном вопросе — возможности войны с немцами. Он думает, что если она вспыхнет, то это будет война страшная, не на жизнь, а на смерть. Как это ни безобразно, а я бы страстно желал увидеть эту войну и участвовать в ней еще будучи ротным командиром. <..>

29 сентября. Воскресенье. Красное Село. Мы с Митей¹⁹ наслаждались при виде хорошо знакомых мест, которые напоминали нам на каждом шагу славное лагерное время. Мы с ним одинаково любим Красное и летнюю службу, что довольно редко среди офицерства.

¹ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 10.

² ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 339. Л. 32 об.

³ Из дневника Константина Романова / Красный архив. М.; Л., 1930. Т. 43 (6). С. 92-115; 1931. Т. 44 (1). С. 126-151; Т. 45(2). С. 112-129.

⁴ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 27. Л. 167 об.

⁵ Тамара, игуменья. К столетию рождения поэта К.Р. Только в отрывочных картинках, каким я помню отца / Сборник памяти великого князя Константина Константиновича поэта К.Р. Париж, 1962. С. 56.

⁶ Дрентельн В.Ю., фон, офицер лейб-гвардии Измайловского полка, которому принадлежала мысль об органи-

зации «Досугов», т.е. чтений и сообщений по изящной словесности. Первый «Измайловский Досуг» состоялся 2 ноября 1884 г. Председателем Комитета «Досуга» был великий князь Константин Константинович, претворившего в жизнь идею проведения литературных и музыкальных вечеров в полку.

⁷ Александр III (1845-1894), второй сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Объявлен наследником престола и цесаревичем 12 апреля 1865 г. после смерти брата великого князя Николая Александровича. Император Российской империи с 1 марта 1881 г. 28 октября 1866 г. женился на датской принцессе, принявшей имя и титул великой княгини Марии Федоровны; у них дети, великие князья и великие княжны: Николай (1868-1918); Александр (1869-1870); Георгий (1871-1899); Ксения (1875-1960); Михаил (1878-1918); Ольга (1882-1960).

⁸ Маклаков Георгий Константинович, генерал-лейтенант, причислен к свите императора, командир Измайловского полка, свитским генералом.

⁹ Впоследствии этот творческий замысел воплотился в пьесе «Царь Иудейский».

¹⁰ Минкельде Роберт Юльевич, офицер лейб-гвардии Измайловского полка, с 1907 г. — зав. шталмейстерской частью двора великого князя Константина Константиновича, затем зав. двором великого князя Константина Константиновича.

¹¹ Цицикович — офицер лейб-гвардии Измайловского полка, имел прозвище Цыц или Циц.

¹² Елизавета Маврикиевна (1865-1927), великая княгиня, урожденная принцесса Саксен — Альтенбургская, герцогиня Саксонская, с 15 апреля 1884 г. супруга великого князя Константина Константиновича (1858-1915); в России получила имя Елизаветы Маврикиевны, в православии не перешла. От этого брака дети, князья и княжны императорской крови: Иоанн (1886-1918); Гавриил (1887-1955); Татьяна (1890-1979); Константин (1890-1918); Олег (1892-1914); Игорь (1894-1918); Георгий (1903-1938); Наталья (10.03.1905-10.05.1905); Вера (1906-2001). В 1918 г. эмигрировала вместе с дочерью Верой, сыном Георгием и внуками — детьми сына, князя Иоанна Константиновича.

¹³ Ольга Николаевна, вел. княгиня (1822-1892), дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны; 1 июля 1846 г. вступила в брак с наследным принцем

Вюртембергским Карлом-Фридрихом-Александром (1823-1891); с 25 июня 1864 г. королева Вюртембергская.

- ¹⁴ Гаусрат (Hausrath) «История новозаветного времени, время Иисуса» (нем.).
- ¹⁵ Анастасия Михайловна, вел. княгиня, (1860-1922), дочь великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны; с 12 января 1879 г. супруга Фридриха-Франца III, великого герцога Мекленбург-Шверинского (1851-1897).
- ¹⁶ Гаусрат (Hausrath) Адольф (1837-1909), нем. протестантский историк церкви. В своих книгах «Апостол Павел» («Der Apostel Paulus», Heidelberg, 1865), «История новозаветного времени» («Neutestamentliche Zeitgeschichte», Bd.1-2, Heidelberg, 1868-74) и «Иисус и новозаветные писатели» («Jesus und die neutestamentlichen Schriftsteller», Bd.1-2, B., 1908-09) развивал идеи Баура о столкновении и примирении фракций внутри ранней Церкви. Приобрел популярность ярко написанными биографиями и историческими романами.
- ¹⁷ Буассье (Boissier) Гастон (1823-1908), французский историк античности, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1894). Работы по истории римского общества, языческой религии, христианству.
- ¹⁸ Имеется в виду Павел Егорович Кешпен, которого в семье Константиновичей звали Павкой или Палиголиком; он состоял управляющим двором Александры Иосифовны, матери великого князя Константина Константиновича. В посвящении своей драмы «Царь Иудейский» К.Р. написал: «Благодарно посвящается вечно дорогой памяти незабвенного Павла Егоровича Кешпена».
- ¹⁹ Дмитрий Константинович (1860-1919), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, с 1897 по 1905 г. главноуправляющий государственным коннозаводством, командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, почетный член Императорского Географического общества. Расстрелян в Петропавловской крепости как заложник.

(Продолжение . Начало в альманахе «Словесность 2007»)

МАСТЕРСКАЯ

Юрий ПРОСКУРЯКОВ

ГРУППА-ШКОЛА-ТЕЧЕНИЕ и ОБЪЕДИНЕНИЕ

Прежде чем определиться с характерными чертами литературной группы, рассмотрим специфику литературного объединения. Согласно традиции, объединение видит причину своего возникновения в улучшении материально-бытовых условий своих членов. Одним из формальных признаков объединения служит наличие у неопита опубликованного тем или иным способом текста (или кодекса текстов). В некоторых случаях оказывается достаточным простого желания человека присоединиться к когорте писателей и уплата членских взносов. Вступление в литературное объединение обычно оформляется занесением в список и выдачей членского билета. С общественной стороны объединение, как правило, манифестируется организационной структурой, через которую и осуществляется взаимодействие с другими общественными образованиями и органами власти. Характер этого взаимодействия в достаточной мере напоминает профсоюзную деятельность, но описание этого аспекта выходит за границы намеченной темы и достаточно тривиально. Творческие интересы и проявления имеют внутри литературных объединений самую незначительную ценность. Пробразом литературного объединения является литературный кружок и литературная студия, которые, помимо упомянутых уже черт литературного объединения, преследуют просветительские цели.

Литературные группы, школы и течения напротив, именно творческими проявлениями своих участников как раз и озабочены. Возможно поэтому «жизненные блага» нередко обходят их стороной. Недостаток или полное отсутствие таких «благ» и организационных возможностей время от времени приводит творческие формирования к творческой деформации и превращению в объединения. В качестве исторического примера можно привести группу имажинистов, которая настолько бюрократизировалась, что была даже зарегистрирована в Московском Совете. Современные литературные объединения, как и их предшественники начала XX столетия, активно борются за овладение недвижимостью, издательскими мощностями, различного рода предпочтениями, пытаются изолировать

читателей от других литературных общественных же объединений. Хорошим примером этого когда-то выступал ЛЕФ. «Лефовцы выдвинули теорию «социального заказа», идею «производственного» искусства. Эта группа афишировала себя как «гегемона» революционной литературы и нетерпимо относилась к другим группам. Они пришли к отрицанию художественной условности, а из литературных жанров признавали только очерк, репортаж, лозунг; отрицали вымысел в литературе, противопоставляя ему литературу факта. Отвергая принцип литературного обобщения, лефовцы тем самым умаляли эстетическую, воспитательную роль искусства». То же можно сказать и о футуристах: «В трудном 1918 г. футуристы получали бумагу и типографские услуги, почти бесплатно открывали кафе с эстрадой. Они «пытались требовать, чтобы власть издала декрет о признании футуризма господствующей литературной школой». Число аналогичных примеров можно умножить.

Для полноты представления назову некоторые, пользующиеся исторической известностью, литературные объединения: Всероссийский Союз поэтов (функционировал в Москве в 1918-1929 гг. и связан с именами В. Каменского, В. Брюсова, Г. Шенгели; в Петрограде в 1920-1922 гг. и 1924-1929 гг. при участии А. Блока, Н. Гумилева, И. Садофьева, Н. Тихонова); Всероссийский Союз писателей (возник в 1918 г. и также имел Московское и Петроградское отделения); Петроградский Дом искусств (1919-1923), где работали литературные студии Замятина, Гумилева, Чуковского. Петроградский Дом литераторов, Петроградский Дом ученых, Союз деятелей художественной литературы, Общество любителей русской словесности (1811-1930) и др.

ЛЕФ, футуристы, имажинисты занимают промежуточное положение между группой и «объединением». Но то, что вначале делало их группой, не претендовало ни на какие властные полномочия и преференции, или какой-либо исключительный доступ к ресурсам, так как главным в формировании групп является отношение к характеру творческого акта, эстетическому намерению авторов и форме получаемого в результате словесного артефакта (произведения).

Во времена активных преобразований общественной жизни возникновение творческих групп особенно усиливается. «После революции 1917 года по всей стране появилось множество различных литературных групп. Только в одной Москве в 1920 г. существовало более 30 литературных групп и объединений». Но, как уже было упомянуто, группы не обладают необходимым произ-

водственным и организационным ресурсом для доведения до общественности результатов своей деятельности. Именно поэтому группы обращаются к традиционным способам общения с любителями литературы.

Так в «годы революции и гражданской войны активизировались «устные» формы литературной жизни. В историю литературы вошли кафе «Стойло Пегаса», «Кафе поэтов», «Привал комедиантов», «Красный петух», «Десятая муза» и др». Во многом именно этот процесс мы и наблюдаем в настоящее время. Отличие же заключается в том, что «устные» формы литературной жизни создаются с помощью «административного ресурса» сверху, и тон в этом процессе задают так называемые «кураторы», которые действуют подобно руководителям «объединений», подспудно внедряя приемлемую для администраторов идеологию. Примерами таких современных «устных» форм литературной жизни являются литературные клубы, среди множества которых можно назвать «Вавилон», «Классики XXI века», канувший в Лету «Георгиевский клуб», «Салон всех муз» и др. Салоны и клубы часто располагают небольшими издательскими комплексами для малотиражной литературы, печатая авторов за их же средства. Обозреватель постперестроечной клубной деятельности отмечает: «...потребности сложившегося нового литературного сообщества во многом совпали с интересами муниципальных культурных центров и государственных библиотек, оказавшихся не у дел в ходе «перестройки» и начавших предоставлять литераторам свои площадки для выступлений». Не правда ли, что-то до боли знакомое слышится в этой фразе, что-то напоминающее футуризм и ЛЕФ. Что касается крупных издательств, то они обслуживают крупные «объединения» в той или иной мере сформировавшиеся еще в советское время или являющиеся прямыми наследниками этих советских «объединений».

Подобно кружкам и студиям для литературных объединений, литературные группы являются основой возникновения литературных школ и литературных течений, развивающихся, по меньшей мере, эстетическую и воспитательную составляющие национальной культуры. Но, если литературные объединения имеют потребительскую эгоцентрическую направленность, то литературные группы, напротив, демонстрируют центробежную тенденцию культурного альтруизма. Еще Троицкий заметил, что «автоматически кружковым, семинарским путем (искусство) не вырабатывается, а создается сложными взаимоотношениями, в первую голову — с различными группировками попутчиков».

Ко многим культурным ориентирам 20-х годов, выработанных в недрах литературных групп, мы продолжаем обращаться и по сей день. Несмотря на то, что советский критик Н.А. Грознова (среди прочего, автор книги «Счастье борца»: О романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь») умудрилась даже назвать групповщину «болезнью литературы». Несмотря на эту инкриминирующую квалификацию, она же совершенно справедливо замечает: «Многочисленные литературные группировки и литературные манифесты тех лет — при всей разнохарактерности их эстетических устремлений — в целом отражали атмосферу творческого воодушевления и свидетельствовали о начале новаторских исканий литературы». Большинство современных критиков (а ранее и зарубежных) считают наличие множества литературных организаций естественным выражением на литературном уровне самых различных общественных представлений, взглядов, идей, видят в них эстетическую полифонию, плюрализм творческих методов.

Назову лишь некоторые исторически известные внутригрупповые творческие интересы, имеющие отношение к культуре. Символисты не только интересовались символикой, но и активно исследовали идеи урбанизма, космизма, антропософии; скифов объединяла не только близость к левым эсерам, но и эстетические идеи французского сюрреализма; акмеистов привлекала «эстетизацией земного»; футуристы увлекались эстетическими экспериментами со словом; АЕФовцы пытались осмыслить свою литературную технику в понятиях и представлениях, которыми пользовалось производство, активно осваивали принцип монтажа; имажинисты провозглашали «победу образа над смыслом» и вслед за зарубежными имажинистами объявляли несущественность тематики, чистую образность, ассоциативность мышления, и точность изображения лирического переживания; конструктивисты утверждали универсальность поэтической техники, её интегрированность; Серрапионовы братья считали, что искусство «без цели и без смысла существует потому, что не может не существовать»; группа «Перевал» подчеркивала свои связи с лучшими традициями русской и мировой литературы, отстаивала принципы реализма и познавательную роль искусства, не признавали дидактику и иллюстративность; теоретики Пролеткульта трактовали художественное творчество как «организацию» коллективного опыта людей в виде «живых образов». В их выступлениях преобладали догматические идеи об ущербе-

ности всего личного, о превосходстве практической деятельности над духовной. В настоящее время возрождается интерес не только к дореволюционным утопическим романам идеолога и теоретика Пролеткульта Богданова «Красная звезда», «Инженер Менни», но и к философским взглядам («эмпириокритицизму»), к созданному в 1913-1917 гг. двухтомному труду «Всеобщая организационная наука», предвосхитившему идеи кибернетики. Рапповцы призывали к учебе у классиков, особенно у Л. Толстого, в этом проявилась ориентация группы на реалистическую традицию; Всероссийский Союз крестьянских писателей связывал себя с именем И. Сурикова, ставил задачу всестороннего художественного отражения всех «бытовых, социальных, экономических особенностей» жизни крестьянской массы; ОБЭРИУ питались традиционной для русской классики значимостью слова, для их поэзии характерны алогизм, гротеск, «столкновение смыслов», понимаемые не только как художественные приемы, но и как выражение конфликтности мироуклада, как путь «расширения» реальности, неподвластной законам разума. По мнению швейцарского исследователя Ж.-Ф. Жаккара ОБЭРИУ выступает как связующее звено между авангардом и современным постмодернизмом.

Не отрицая возможности существования в настоящее время множества литературных групп, что мы можем сказать об их эстетических и творческих установках? Только то, что они пока что существуют виртуально, как бы в виде не проявленных фотоснимков.

Не касаясь вопроса о деятельности зарубежных групп того времени, перейду к предложению, которое я предлагаю выставить для обсуждения в Союзе Литераторов России:

— Учитывая значение литературных групп для развития национальной культуры с целью способствовать эстетическому и творческому оформлению литературных групп в РФ, предлагаю выделять (резервировать) в газете «МОЛ» место для манифестов и деклараций литературных групп, о чем делать специальное объявление в каждом выпуске газеты. То же самое сделать на сайте Союза литераторов.

— Учредить ежегодную конкурсную награду МОЛ для членов инициативных литературных групп, опубликовавших свои манифесты и представивших их на конкурс вместе с образцами творчества.

— Создать читательское жюри из представителей культурной общественности РФ (не литераторов) для оценки значимости выдвигаемых группами культурных и эстетических идей.

Людмила ВАГУРИНА

ВЫСОКОЕ РЕМЕСЛО

Есть ли сегодня такая школа перевода, которую посчастливилось пройти мне? Школа — концепция, школа — премственность, школа, где ремеслу обучают выдающиеся мастера художественного перевода. Я пришла впервые на семинар Вильгельма Левика, затем училась у Аркадия Штейнберга и Элизбара Ананиашвили, а после смерти Штейнберга — у Владимира Микушевича, которому был передан семинар Аркадия Акимовича.

В конце 70-х по инициативе МГК ВАКСМ при Московской писательской организации Союза писателей в Центральном Доме литераторов начали работать семинары по художественному переводу. Надо отметить, что при весьма скудном жаловании, которое получали руководители семинаров, иметь свой переводческий семинар считалось довольно престижным. Наши руководители несмотря на различие характеров и литературных вкусов, несомненно, имели и нечто общее — энциклопедическую образованность, великолепное знание иностранных языков, отточенную воспитанность, восприимчивость к слову и поэзии (причем к поэзии во всем ее разнообразии, восприимчивость, свободную от собственных пристрастий), богатейший личный жизненный опыт и даже то, что каждый из них, в свой время восхищенный поэзией иноязычного автора и неудовлетворенный существующими переводами его на русский язык, пришел в перевод, чтобы отдать впоследствии этому делу всю свою жизнь. Так случилось, например, у Левика с Гейне и у Штейнберга с Мильтоном. Все это вместе взятое оказывало на нас огромное влияние и выстраивало какую-то иную реальность. В самом деле, Цветаева, с которой дружил Элизбар Георгиевич, Пастернак, который симпатизировал Элизбару, обрели живую плоть. Аркадий Акимович, пронесший через все военные года в своей фронтовой сумке стихи Карла Сэндберга в переводах его друга Элизбара Ананиашвили, дважды репрессированный и дважды реабилитированный, но не сломленный лагерем Акимыч, читающий в стенах ЦДЛ стихи из опального ахматовского «Реквиема» в то время, когда из Москвы в Ленинград увозят тело Анны Андреевны (за что

Штейнберг был лишен должности председателя секции художественного перевода). Владимир Борисович с его особым парадоксальным мышлением и огромными познаниями в теологии, прочитавший, например, целую лекцию о мистическом опыте русских писателей, подробно разобравший с нами каждый день творения... Мы действительно оказывались в некоем другом пространстве, в пространстве высокой, вечной поэзии, где уже нельзя было считать стихотворчество любимым занятием, а — «полной гибелью всерьез». Им удалось изменить наше существование и самоощущение в литературе.

Занятия в семинаре, обычно, строились по очень простой схеме. Один из участников семинара предлагал обсудить на очередном занятии сделанные им переводы. Назначались два оппонента, у которых появлялась возможность тщательно ознакомиться дома с предложенными к обсуждению работами. В обсуждении же участвовали все семинаристы. Надо признать, что критика зачастую была очень жесткой. О мере таланта, по молчаливому уговору, речь вовсе не велась. Обсуждались только все неизбежные потери при переводе текста из одной языковой среды в другую. Существовали две концепции перевода. Сторонники первой утверждали, что главной и единственной сверхзадачей является передача самого поэтического мифа, скрытого в оригинале. По другой, классической концепции столь же существенным считалась передача особенностей поэтического голоса автора оригинала, услышавшего этот миф. И в том и другом случае обязательным условием состоятельности перевода считалось создание полноценного поэтического произведения на русском языке. Споры при этом велись самые ярые. Обсуждаемый, как правило, с не меньшей энергией отстаивал свой вариант. Тем не менее, полагалось, что все семинаристы даже в самых нелепых своих выступлениях «работают» на представившего свои переводы, и если после обсуждения переводчику удавалось справиться со своими обидами и вычленил рациональное зерно из всего потока критики, переводы после переделки существенно улучшались (в чем я неоднократно имела возможность убедиться). Сами руководители на наших обсуждениях выступали в роли третейских судей. Ни разу я не видела, чтобы при этом кто-то из них вышел из себя или просто повысил голос. Чаще всего, накал страстей охлаждало жало спокойное: «Давайте-ка по-

смотрим, как это написано в оригинале...». Восхищаясь поэзией Эмили Дикинсон и не принимая ее переложение на русский язык, я впервые пришла на семинар Левика на обсуждение переводов именно великой американки (сейчас уже не помню, чьи именно переводы обсуждались, этого переводчика я позже, кажется, не встречала). Пришла я не с пустыми руками, принесла несколько своих переводов Дикинсон и прочитала их на семинаре. В перерыве я, как и многие другие семинаристы, спустилась в писательский буфет. И вот там, к моему удивлению, ко мне подошел Вильгельм Вениаминович и предложил заниматься у него в семинаре. Я и далее видела эту удивительную способность у Левика и других наших руководителей, готовность первым протянуть руку начинающим переводчикам. А писательский буфет — это особая песня, кладезь любопытных сценок. Мое воображение покорили даже буфетчицы — мне доставляло большое удовольствие наблюдать за их работой. Они умудрялись как-то очень быстро произвести какие-то сложные психологические выкладки перед тем, как рассчитать клиента. На мой взгляд, они пытались, в определенной мере, воплотить в жизнь принцип социального перераспределения. Сумма за один и тот же заказ могла существенно отличаться. Состоятельному клиенту она, естественно, завывшалась, зато для молодого голодранца она, кажется, падала даже ниже сумм, указанных на ценнике. Занятия в ЦДЛ у нас проходили в «зеленой гостиной» или «комнате за сценой» (куда можно было пройти только через ресторан, который всегда был полон, полупьян и весел). Иногда занятия проводились в помещении на Писемского (в 1994 году улице возвращено ее исконное название — Борисоглебский переулок), бывало, что мы приходили домой к Ананиашвили или приезжали на дачу к Микушевичу.

Помимо обычных занятий, периодически проводились «круглые столы». Практически каждый из семинаристов писал свои оригинальные стихи, «круглый стол» и предназначался для оригинальной поэзии, когда друг за другом, по кругу мы могли почитать свои стихи. «Круглый стол» проводился иногда сразу для нескольких семинаров. К нам, например, часто приходили ребята из семинара Александра Ревича. Со своими стихами мы выступали и на других площадках — в Малом зале того же ЦДЛ, в Литературном музее, музее Маяковского. Иногда в самых неожиданных

местах. Мне запомнился один курьезный случай, когда нас предупредили, что выступать мы будем в общежитии швейного техникума и попросили подобрать для девушек что-нибудь романтическое. Однако по приезду женское общежитие оказалось мужской общагой, а швейный техникум — строительным. Публика, пришедшая послушать стихи, вовсе не была расположена к романтике. Было шумно, читать первым выступавшим было совсем тяжело. Остальным повезло больше — успели осмыслить все происходящее, отказаться от приготовленного дома и выступить с другими стихами. Они слушали! Просто они готовы были слушать не тихие, романтические стихи, а напротив — яростные и непокорные, страстные и требующие.

Кроме семинаров в ЦДЛ один раз в году в одном из писательских Домов творчества — в подмосковной Малеевке, абхазской Пицунде или латышских Дубултах — проводилось двухнедельное Всероссийское совещание молодых переводчиков, где можно было познакомиться с работами ребят из других городов. Надо признать, что московская и питерская школа переводов по своей подготовке существенно отличалась от других, наверное, прежде всего, тем, что и в Питере с переводчиками занимались мэтры художественного перевода такие, как, например, Эльга Львовна Линецкая, о которой мне много рассказывали приезжавшие на совещание переводчицы.

Так как народа было много, то для того, чтобы успеть послушать и обсудить всех, надо было работать с утра до позднего вечера, но и позже мы не могли распрощаться — вновь собирались у кого-нибудь в номере — читать, говорить, спорить — и засиживались до глубокой ночи. Все время очень хотелось слушать, очень хотелось спать, а утром следовало быть на семинаре вполне вменяемым и готовым воспринимать своего руководителя, потому как многое можно и нужно было воспринять. В один из заездов я, например, решила пойти не на поэтический, а на прозаический семинар к Татьяне Алексеевне Кудрявцевой, которой я до сих пор чрезвычайно благодарна за все полученные знания, понимание реалий, интонации и ритма прозаических текстов.

Надеюсь, что та наша школа перевода все-таки жива — хотя бы по тому, что Владимир Борисович Микушевич, хотя и не в стенах ЦДЛ, по-прежнему, является руководителем переводческого семинара в Институте журналистики и свободного литературного творчества.

Светлана МАКУРЕНКОВА

МИСТЕРИЯ – МИФ – МЕТАФОРА

Данное исследование посвящено слову как базовому объекту. Слово понимается как художественно организованная речь в силу самостоятельной семантики самого слова. Последовательная реконструкция классической ситуации в филологии объединяет литературоведческие и лингвистические подходы: онтологическая горизонталь рассматривается в парадигме «мистерия» – «миф» – «метафора».

Язык как начальная интуиция актуализируется в риторической парадигме определенного типа культуры. Это придает риторическому слову статус окончательной ценности, что обусловлено универсальным характером языковой практики. Семантический подход к слову как к речи позволяет уточнить границы филологии и выявить ее бытийственное основание.

Современная наука единодушна в том, что «изучение культуры, ее становления и ее духовного генезиса не может быть оторвано от изучения языка, на котором выражается духовная сущность этой культуры. Язык и культура – два неразделимых и равноправных феномена, тесно взаимосвязанных друг с другом. По отношению к культуре язык играет не только второстепенную роль производного явления или посредника, но как знаковая система, организованная по определенным правилам, является творцом культурных параметров, «штампующим устройством культуры, первостепенной моделирующей системой» (Ю. Лотман, Б. Успенский), обуславливающей наше опытное осваивание мира и задающей наши идеи. По отношению к языку культура становится второстепенной знаковой системой, построенной на определенном природном языке и воспроизводящей в себе структурную схему языка. Влияние языка на культуру обосновывается ментальной концепцией языка, которая полагает, что формулировка идей тесно связана с имманентной структурой определенного языка. Неразделимость мысли и языка впервые была сформулирована В. фон Гумбольдтом, который доказывал тождественность языка и духа, а также субъективность языка: «слово образуется из субъективного восприятия и есть отпечаток не самого предмета, а его отражения в душе»; слово выражает, по отношению к познаваемому, внешнему миру,

субъективное начало, и это делает его подобным поэтическому творчеству: оба – и слово и творчество – берут свое начало в глубине индивидуальности, т. е. в душе»¹. Античная риторика создала европейскую литературу как систему, имеющую собственное теоретическое значение. С эпохи возникновения античной риторики литература перестала осознаваться как ответ на запрос независимо от того, лежит ли в его основании социальная, идеологическая или пропедевтическая интенция, но стала восприниматься как художественное постижение онтологических вопросов. В силу этого художественность понимается как непосредственное теоретическое отношение к вещам.

Основу базового подхода к слову как риторической парадигме смыслов составляет «Поэтика» Аристотеля, где греческий философ предпринял попытку развернуть онтологию мысли в риторику слова через категорию жанра. Опыт жанрового постижения бытийственных оснований слова лег в основу европейского рационализма, доказав свою продуктивность как метафоры. Жанровое мышление и сегодня главенствует в подходе к историческому слову *sui generis*.

В этой работе предпринята попытка реконструкции внежанровой – с точки зрения традиционного подхода – природы риторического слова. Как язык культуры, в трактате Аристотеля оно получило понятийное оформление как сложившееся явление. Исследованию дожанровых в гносеологическом смысле истоков европейского риторического дискурса и посвящена данная работа.

В этом исследовании впервые предлагается рассматривать «Поэтику» Аристотеля не в виде раннего трактата по эстетике, но как сакральный текст: Аристотель исследует не трагедию, но возможности слова как такового. В свете этого катарсис теряет свой смысл как проблема очищения и предстает проблемой перехода жизни в смерть и смерти в жизнь. До некоторой степени можно допустить, что катарсис есть проблема последнего очищения.

Поскольку «Поэтика» Аристотеля служит первым текстом европейской парадигмы культурного слова (как художественного слова), подобный подход предполагает, что греческий текст является последним текстом предшествующей – дориторической, в классическом смысле этого слова – традиции. Следует отметить, что «при изучении сакральной лексикой сфера исследования

должна расширится до такого вида этимологического анализа — названного В.Н. Топоровым «мифопоэтическим» или «онтологическим», в противовес «научному» анализу сравнительно-исторического языкознания, который должен рассматривать не только семантические и грамматические связи между производными от одного корня, но и звуковые связи между словами разных корней, указывающими на одинаковый культурный контекст»². Таким образом, можно предположить, что в тексте «Поэтики» произошло «снятие» основных парадигм некоей несохранившейся дискурсивности. Построение новой онтологии в опыте разрыва языка, понимаемого как самоопределение человека, и онтологического чувства жизни дает основания пересмотреть некие исходные постулаты европейской риторической системы. Обоснованием подобного подхода служит определенная тождественность пограничных ситуаций смены исторических парадигм слова. Современное состояние языка свидетельствует о том, что опыт «Поэтики» Аристотеля, как текста, репрезентирующего предельную (в аристотелевском смысле) ситуацию, может быть актуализован современной культурой.

Проекция должной быть речи, как ее сформулировала античная риторика, оформила к концу XX века представление о слове как универсуме культурных смыслов. На смену представлению о речевом воздействии цивилизации как о насилии пришло понимание риторического слова как открытой перспективы. Преодолевая отрыв чувства от предметности, нормативное мышление с его отстранением слова от вещи перестало быть предписательным.

Дискуссия о слове риторической системы на исходе XVIII века привела к признанию того, что слово было, есть и будет риторично³. Истоки радикального пересмотра оснований породили новую риторику как форму модернистской рефлексии. Восстановление семантического потенциала исходной парадигмы способствовало «снятию» социального (нормирующего) концепта языка и переходу к представлению о языке как совокупности смыслов. Развитие этой онтологической перспективы сделало возможным данное исследование, которое представляет собой попытку соположить первые и последние основания европейской риторики.

Типологически риторическое слово в постмодернистском дискурсе рассматривается как освобожденное от

жанровой принадлежности. Восстановление полноты как целокупности выступает единственным способом обретения им своих оснований. Это явление рассматривается в работе как онтологическая парадигма слова, которая может быть до определенной степени условно представлена триадой: МИСТЕРИЯ — МИФ — МЕТАФОРА.

В отличие от традиционного представления, мистерия в этом контексте рассматривается не просто как способ посвящения в сокровенное знание, но как способ формирования человека как такового, как способ раскрытия образа человека в человеке. В виде древнейшей формы мифоритуала, мистерия в своей обрядовости несет память о двух магических моментах онтогенеза — смерти и рождении. В парадигме риторического сознания европейской культуры они оказались поименованы мимесисом и катарсисом.

Наследуя достижениям европейской мифологической школы XX века, миф, в свою очередь, представлен в работе не просто как организация мышления, но как особая функция речи. Миф понимается как универсальное средство вместить целое как плерому, будучи наикратчайшим расстоянием между так называемой субъективной и объективной реальностью. Мистерия как таинство вечного обновления разворачивается в мир мифом, который является единственным способом вместить полноту возможного, что делает миф телом мистерии — иными словами, овеществляет ее. Мистерия оказывается трансцендентна мифу в той же мере, насколько она имманентна ему.

На плане рефлексии миф выступает первичным основанием культуры, определяя парадигму ее проявленных форм. Соотнесенный с пространством как ее первичным символом, миф трансцендируется в вечности, понимаемой в виде таинства мистерии. Совмещенные по подобию с пространством и временем, миф и мистерия перестают восприниматься как историческое прошлое и обретают непреходящую актуальность настоящего.

Выступая как функция речи, миф в познавательном аспекте становится метафорой. Природа метафоры уклончива и неуловима. Любые попытки свести ее к неким началам традиционно заканчиваются эмпирическим перечислением наиболее выразительных примеров. В этой работе метафора не рассматривается в традиционном ключе как средство выразительности речи, но исследуется как

эвристическое средство познания.

Вопрос о природе метафоры традиционно связан с трансформацией так называемого буквального смысла и восходит к природе образного языка как такового. Понимание процесса наречения именем как мифотворчества снимает вопрос о так называемом буквальном смысле и приводит к сознанию того, что мышление как таковое метафорично. Природа метафоры возводится в работе к основаниям мифа и растворяется в глубинах мистерии, что объясняет исходную невозможность дать ее исчерпывающее определение. Метафора понимается как способ преодоления «отдельности» и возвращения к первичной полноте целостности. Это составляет ее интенциональную природу и служит онтологическим основанием, по которому она соотносится с миром и входит в зыбкую триаду МИСТЕРИЯ – МИФ – МЕТАФОРА.

Таким образом, бытийственно соотношенное с мистерией, существование разворачивается в мир мифом, механизм актуализации которого воплощает метафора. Триада МИСТЕРИЯ – МИФ – МЕТАФОРА описывает единство мыслительного дискурса, которое оказывается зыбким и универсальным.

Соотношение риторики как ремесла мысли с поэтикой как искусством мысли способствовало переложению трех первых оснований речевого дискурса на язык вдохновения: таким образом были обозначены начала художественного слова. Риторическая триада МИСТЕРИЯ – МИФ – МЕТАФОРА обрела коррелят в поэтике слова в виде триады ЦЕЛИТЕЛЬ – ПРОРОК – ПОЭТ. Врачевание занимает главное место, удерживая равновесие прощеского и поэтического начал и сообщая целительную мощь преференциальному воздействию на читателя. В пределе оно определяет полноту творческого акта, обеспечивая цельность художественного произведения.

Потеря «целительства» как живительного основания речевого дискурса составляет основу онтологической «болезни» современного слова. Его сакральная природа восходит к парадигмам мифоритуальной обрядовости. Рождаясь из жреческого культа, античная риторика несла в памяти слова этимологии исходных смыслов. Именно это предпринял попытку запечатлеть в трактате «Поэтика» Аристотель. Он соотнес сакральные основания слова как дискурса с их актуальной формой и выдвинул понятия мимесиса и катарсиса.

128 Начальная герменевтика, являющаяся основой исчис-

ления европейского знания, одновременно являлась итогом, «снятием» иного знания, которое понимало мимесис (подражание) в виде реконструкции как бы нового, заново увиденного предмета и построения нового субъекта подражания. Мимесис, как показано в работе, являлся категорией мифоритуала, что делало невозможности на недостижимый «идеал». Основу мимесиса как элемента ритуала составляло максимально полное осуществление природной закономерности в отдельном явлении. В свою очередь, в риторической парадигме мимесис стал пониматься как способ выявления истины в виде максимальной наглядности проявления закона природы в ее единичном создании. В художественной практике полноту актуализации миметического принципа традиционно воплощает эстетический идеал как предельная органичность жизни в формах непосредственной живой целостности, схваченная в индивидуальном образе. Идеал как совершенный образ и явление-образец, в котором, согласно закону мимесиса, проступает природная закономерность, соотносится по принципу подобосущего, когда многообразие внешних форм определяется бытийственной онтологией единого. Это придает внутреннюю органичность как художественной, так и теоретической практике освоения действительности в формах ее миметического воспроизведения, когда поиск идеального эстетического совершенства соотносится с безупречной фиксацией реального. Речь идет не о подражании природе в формах уподобления художественного произведения внешним линиям ее контуров, но о воспроизведении самого природного принципа как принципа жизни. Таким образом, мимесис есть воспроизведение творящей способности природы в доступной человеку сфере, что служит основанием и залогом вечной обновляемости подлинно художественных творений.

¹ Даньино А. Миф и слово. // В лабиринтах культуры. / Л. Морева – СПб., 1997. – С. 275.

² Даньино А. Миф и слово... – С. 280.

³ Макуренкова С.А. Ив Бонфуа. // Французская литература 1945—1990. – М., 1995. – Сс. 494—502.

(Продолжение в следующем альманахе «Словесность»)

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

МОНОСТИХ

Начну от стиха как такового. В своей лекции «Ритм как диалектика или симметрия в поэзии»* я подытожил: степень общности поэтических «формул мира» (стихов) выше любых математических моделей вселенной, хотя бы потому, что они выражены словами, а слово имеет прямое воздействие на человеческий разум.

Уравнение Гайзенберга, утверждает, что мы, зная скорость элементарной частицы, никогда не узнаем, где она находится и наоборот: точно зная, где находится элементарная частица, мы никогда не узнаем с какой скоростью она летит.

Моностих Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь» заставляет нас каждый раз «мучиться» над «переводом» неизреченного: если «перевод» невозможен, тогда зачем живем?.. — Но человечество в целом не перестает мыслить-переводить. Хотя многие и не выдерживают обжигающей правды тютчевской «речёвки».

Уравнение Гайзенберга, по-своему подобное моностиху Тютчева, вряд ли понудит покинуть этот мир. Ну, не знаю я, где эта частица, зато точно знаю, с какой скоростью она летит! Отчаяньем и не пахнет. В этом основное отличие стихов от «не стихов». В «не стихах» нет человеческой боли. Незнание скорости полета элементарной частицы абсолютно не сопоставимо с «необходимостью промолчать всю жизнь!».

Оставляя в стороне содержательную часть стиха, я ввожу, взамен привычных метрических схем, приведенных, скажем, в словаре А. Квятковского, ритмическую и звуковую матрицы стихотворения P_{ij} , Z_{ij} , где i является номером строки, а j номером столбца, соответственно в ритмической РМС и звуковой ЗМС матрицах стиха.

Моностих является частным случаем стихотворения с ритмической и звуковой схемам и P_{ij} и, соответственно, Z_{ij} .

Но такой дефиниции еще не достаточно.

Исследователи не могут договориться: моностих — это стихотворение или проза?

В ритмической схеме P_{ij} у моностиха может не быть трансляционной симметрии двудольников: ямба и хоря, или трехдольников, но это не означает, что моностих м.б. эквивалентен прозе, ведь помимо ритма стих

держится еще на *звуче и смысле*, а они-то могут быть ой-как хороши!

Отсюда: афоризмы, пословицы (поговорки), слоганы (речевки), *даже лишенные ритма, могут считаться моностихами.*

Владимир Бурич, рассмотрев моностих как «не стихотворный и не прозаический», назвал его «удетероном» (от греческого «ни тот, ни другой»).

С теми или иными оговорками позицию Бурича поддерживали такие крупные теоретики литературы, как Михаил Гаспаров и Юрий Орлицкий. Добавив, что В. Бурич почитался у нас за отца русского верлибра, с уверенностью отнесу *верлибр к одной из форм моностиха. Моностих м.б. верлибром, одностиишем, двустиишем, трехстиишем* (но коротким), *не длиннее, скажем, хокку*, хотя, кто там будет считать количество слогов, если стихотворение удалось.

В идеале любое «длинное» стихотворение должно состоять из пристыкованных один к другому моностихов, но это в идеале...

В предложенном подходе к моностиху остается одна малость — замена цифры 1 в матрице P_{ij} обратно на i , где i может колебаться в пределах разумного от 1 до 4. Начиная с японской танка, *договоримся*, моностих перестает существовать.

Как правило, моностих не записывается в одну строку. Следует оговорить предельное значение строк тремя в редких случаях четырьмя строчками, по аналогии с японскими трехстишиями или записанными (для выразительности) в четыре строки двустиишиями. Моностих, как правило, не записывается в пять строк, хотя и такая запись возможна! Да, еще — не всякое двустиишие — моностих! Но это уже другая история.

В дополнение к своим доводам приведу примеры моностихов, написанных мной в разные годы:

все овцы похожи на Пушкина

душа людей боится / и оттого двойтся

Тоненький / словно мальчик в маечке / месяц

Высунул язык, / лизнул небо, / марку приклеил. / Куда бы послать

Твои формы / как реформы / доведут меня / до нормы 129

не болтай на холоде и ветру / я тебя укутаю и утру
как солдат идет на штык / так и я к тебе привык
Ты в поля отошла без возврата, / потому что фигура нон-грата.
Вот так умрем и сгинем в неизвестности / из-за своей
наивности и честности
С утра был сведущ трезв / и бодр / покойный газосвар-
щик / Федор.
вели телку / по теньку / за пеньку вели / к телку
(скороговорка)
если бы не батареи / были б кошки пободрее
У правительства коронка / как и прежде / оборонка
другого пола ягодка
логово головы
одна голова — одна мысль
Бездонное лето без конца и края / а я в своих маленьких
мыслях сижу
Ё-моё! Ё — моё? / Есть ли что-нибудь своё?
распределение ролей / согласно паевых долей
гарантия и индульгенция / вот ипостаси две твои интел-
лигенция
заглаженность литературы
как фарфор храню обиды / с гравировкою имен
как смерть близка / внимательно близка / глядит и не
мигает из леска
пахнет дерево мимоза / все сильней / смертельна доза

ЮРОДИВОМУ С ПОДУШКОЙ
НА КЛАДБИЩЕ СОФИ-ХОМИД:

сладко тебе лежать / на чужих могилах?
все одиноки / далеки / и опасны
светло и вольно в доме / как на аэродроме
Посули и нам, / Господь, / Яблок / легкой смерти

* — «МАСТЕР-КЛАСС». Приложение к альманаху
«Словесность 2007», М., 2007.

Евгений СТЕПАНОВ

ПАЛИНДРОМ КАК ПОЭЗИЯ

ПАЛИНДРОМ, палиндромон (по-гречески — движущийся назад, возвращающийся), — перевертень, слово, стих или фраза, одинаково читаемые по буквам слева направо и справа налево. Форма П., как игрового словесного искусства, известна была в глубокой древности. В византийском храме Софии в Константинополе на мраморной купели было вырезано следующее палиндромное изречение: «πισροпано mimata mi monanopsis», означающее: «Омывайте не только лицо, но и ваши грехи». Составление подобных П., содержащих в себе серьезную мысль, является чрезвычайно трудным делом. Чаще встречаются игривые или шуточные П. В России в XVII—XVIII вв. П. назывались «рачьими стихами». (Поэтический словарь А. Квятковского). Русский язык будто бы специально создан для любителей палиндромного творчества — он буквально изобилует словами, читающимися одинаково слева направо и справа налево. Причем, словами ключевыми, несущими глубокую и поливариативную семантическую нагрузку. Казак, поп, иереи, довод, радар, око, дед, лакал, кабак, за-каз, шиш, потоп, мадам, лапал, шабаш, шалаш, комок, топот, воров, наган, летел, радар, пуп, тот, оно, тут, цыц, зараз, тащат, еле-еле, ого-го, охо-хо и т.д.¹ В других языках, в частности, французском, немецком, английском, испанском, татарском, удмуртском, ки-

тайском весьма схожая картина. Более того, палиндромы — неотъемлемая часть устного народного творчества. Широко известны такие русские фольклорные перевертны — На в лоб, болван!; Анна лежала желанна; Нагло Бог оболган... Поэтому удивляться большому количеству производимой на протяжении веков палиндромической продукции не приходится. Действительно, и стар и млад писал и пишет перевертны, или как говорили в XVII-XVIII веках, рачьи стихи.

В этой небольшой статье мы попытаемся разобраться — а все ли удачные (в семантическом плане) палиндромы можно назвать поэзией? И вообще, что такое палиндромная поэзия? В чем ее отличие от палиндрома как такового?

Попробуем дать дефиницию. Палиндромная поэзия — версификационная и образно-эстетическая дискурсивная система.

Для того чтобы перевертень можно было бы назвать поэзией, необходимо иметь определенные основания. Палиндромное стихотворение, помимо того что одинаково читается слева направо и справа налево, обладает (должно обладать) всеми атрибутами поэзии — размером и ритмом, тропами и даже (в отдельных случаях) рифмами².

Это поэзия без всяких скидок на сложную и в некоторой степени непривычную форму.

Зачастую поэты, пишущие палиндромы, об этом забывают. В настоящее время, время активного торжества комбинаторного сочинительства, опубликованы в различных сборниках, антологиях и в Интернете сотни и тысячи палиндромов. И, безусловно, многие из них интересны с точки зрения возможностей языка, дискурсивной нетрадиционной практики. Как правило, это юмористические сочинения, или сочинения — в лучшем случае! — имеющие упрощенную семантическую нагрузку.

Можно сформулировать следующие модели палиндромного дискурса — перевертень как шутка; перевертень как сентенция; перевертень как эвфоническая (звучарно-заумная) поэзия и т.д.

Перевертень как собственно поэзия — явление достаточно редкое. И говорить о «ренессансе» палиндромной поэзии в настоящее время преждевременно.

...Современных авторов, тяготеющих к палиндромному творчеству, достаточно много. Назовем наиболее известных и талантливых. Это Рита Бальмина, Павел Байков,

Сергей Бирюков, Александр Бубнов, Борис Гольдштейн, Борис Горобец, Борис Гринберг, Елена Кацюба, Константин Кедров, Евгения Панкратова, Света Литвак, Герман Лукомников, Арсен Мирзаев, Наталия Наволокина, Евгений Реутов, Аркадий Сарлык, Сергей Сигей, Ирина Синягина, Вадим Степанов, Евгений В. Харитоновъ, Александр Федулов, Илья Фоянков, Павел Нагорских, Сергей Федин, Валентин Храмов, Павел Чудасов и некоторые другие.

Возможна ли высокая поэзия в рамках палиндромии? Возможна. Это доказали такие классики жанра, как Гаврила Державин, Афанасий Фет, Велимир Хлебников, Валерий Брюсов, Георгий Шенгели, Илья Сельвинский, Арсений Тарковский, Александр Туфанов, Семен Кирсанов, Николай Ладыгин, Александр Кондратов, Владимир Гершуни, Владимир Пальчиков (Элистинский), Михаил Крепс, Владимир Рыбинский, Дмитрий Минский, Дмитрий Авалиани... Однако даже у перечисленных выдающихся мастеров слова пишущий эти строки смог бы отметить только отдельные удачи, а отнюдь не все палиндромическое творчество. Говоря о палиндромии, трудно назвать хотя бы одного автора, который бы нагора выдавал только шедевры. Речь можно вести только об отдельных удачах.

Наиболее ярко в настоящее время развивается палиндромный однострох. Известны такие шедевры: «Дорого небо, да надобен огород» (Дмитрий Авалиани); «Я еду. Иудея» (Борис Горобец); «я вижу бабу — жив я!» (Александр Бубнов).

Как правило же, о чем говорилось выше, однострохный палиндром приобретает иронические черты: «а так ли мала дырка, как рыдала милка та?»³ (Наталия Наволокина); «Ищи пенис и не пиши!»⁶ (Аркадий Сарлык); «Лидер Боря яро бредил»; «Икру и Ленин ед, и урки» (Дмитрий Авалиани); «Я на Тане женат, Аня» (Аверин С. Н.); «Нов?.. Иди вон, бубнов, иди вон!» (Александр Бубнов); «Я немыта, а ты меня...» (Зубова Людмила Владимировна); «Унежь, дубинка, как-нибудь жену» (Рябинин В.).

Имеют ли эти талантливо сконструированные юмористические фразы отношение к поэзии? На мой взгляд, весьма относительное. Палиндром и палиндромная поэзия — категории разные.

В перечисленных — незаурядных! — монострохных произведениях мы не находим основных атрибутов поэзии — образно-метафорического ряда (тропов), инди-

видуальности лирического героя, лирико-философского осмысления жизни и т.д. Ирония (как одна из фигур поэтического дискурса) в данном случае ситуацию не спасает. Чуда поэзии не возникает.

...Некоторые исследователи (например, Б. С. Горобец) считают основоположником русской палиндромной поэзии Велимира Хлебникова. Это отчасти справедливо, но только отчасти. Образцы Гаврилы Державина («я иду с мечем судия»); Афанасия Фета («а роза упала на лапу Азора»); Георгия Шенгели («И лег, не шумя, в яму Шенгели») остаются по-прежнему вершинами отечественной палиндромии. Интересно другое. Велимир Хлебников в своей знаменитой палиндромической поэме «Разин» проявил черты свойственные его «традиционной» поэзии — а именно способность к прорицанию (как в личном плане, так и в глобальном). Фактически в строках поэмы Хлебников живописал словесную картину своего ухода из жизни⁵.

Горддох, ходдрог. / И лежу. Ужели?⁶

Точно так же Хлебников предсказал в своих сочинениях революцию, появление Интернета и многое другое⁷. Поэт в палиндромической форме сумел остаться верным своей поэтической стратегии, что делает его перевертню естественными и особенно значимыми. Палиндромы поэта (разумеется, не все) стали органической частью его творчества.

В настоящее время в достаточно редких случаях палиндром воспринимается как органичная материя для стилистики автора, придерживающегося конкретной манеры письма. В этом смысле показательны перевертню Германа Лукомникова⁸. Приведем несколько примеров.

***

О, вон оно как! О, как оно ново...

***

Мать-то хоть там / Как?

***

Оно / еще / тут / или / как?

Как видим, эти незамысловатые, на первый взгляд, перевертню органичны и близки «обычным» силлаботоническим и «конкретным» сочинениям Лукомникова.

...Удачные расширенные поэтические палиндромы встречаются реже, чем однострочные.

132 Борис Гольдштейн⁹ и Ирина Синягина¹⁰ например,

развивают возможности перевертню как эвфонической (звучарно-заумной) поэзии.

***

Я алая

я ало-голая,

я, ага, нагая,

я свежа даже вся,

уже лежу,

я и належала желанья! (Борис Гольдштейн)

***

Атака заката.

А город уснул... AVE RA! Заката раж... А низ неба — кумача мука, бензина жар, атака зарева, лун судорога.

(Ирина Синягина, Атака заката)

Конструкции в палиндромическом дискурсе основаны, как правило, на одних корнях (А. В. Бубнов называет их Пусками¹¹). Используя одни те же Пуски, разные поэты создают не похожие друг на друга поэтические миры — в зависимости от собственной версификационной практики.

Палиндромное творчество оказалось той лакмусовой бумажкой, которая легко отличает подлинное искусство от умелого (или неумелого) версификаторства. Владения палиндромной техникой недостаточно для того, чтобы создать поэтический шедевр. Для этого надо все-таки быть поэтом.

¹ Подробнее об этом см. в исследованиях Т. Бонч-Осмоловской. «Курс лекций по комбинаторной литературе», http://www.ashtray.ru/main/texts/bonch_course/14AA.htm и книге «Новая антология палиндрома» / Авт.-сост. Б. С. Горобец, С. Н. Федин. — М: Издательство ЛКИ, 2008. с. 7-8..

² См. об этом: Т. П. Буслакова. Как анализировать лирическое произведение: Учеб. Пособие. — М: Высш. шк., 2005, с. 15.

³ «Футурум АРТ», № 3 (16), 2007, с. 24.

⁴ Эти и следующие стихи из книги «Новая антология палиндрома» / Авт.-сост. Б. С. Горобец, С. Н. Федин. — М: Издательство ЛКИ, 2008.

⁵ Впервые на эти пророческие строки Велимира Хлебникова обратил внимание Сергей Бирюков в книге «Року укор», с. 164.

⁶ Там же, с. 174

⁷ См. об этом: Евгений Степанов, «Поэты-пророки», «Футурум АРТ», № 1, 2001, с. 24 — 27.

⁸ Лукомников Герман Геннадиевич (Бонифаций до 1994), «Но-

вая антология палиндрома», / Авт.-сост. Б. С. Горобец, С. Н. Федин/. — М: Издательство ЛКИ, 2008, с. 133 — 134. Борис Наумович Гольдштейн, Новая антология палиндрома

⁹ Авт.-сост. Б. С. Горобец, С. Н. Федин. — М: Издательство ЛКИ, 2008, с. 89.

¹⁰ Ирина Синягина, Футурум АРТ, № 3 (16), 2007, с. 124.

¹¹ А. В. Бубнов. «Типология палиндрома: Исследование палиндромных и околопалиндромных форм: Опыт учебного пособия-словаря». Курск, 1995. с. 25. Автор термина А. В. Бубнов считает, что «ПУСК — палиндромный устойчивый словесный комплекс, палиндромный трюизм».

Надежда АГЕЕВА

ПОНЯТНЫМ СЕРДЦУ ЯЗЫКОМ

Литературы нет — есть только писатели,
которых никто не читает.

Борис Эйхенбаум

В наши дни все меньше и меньше людей интересуется критикой. Увы, большинство творцов этой стези не выдержали вторжения в свою сферу идола наживы, и теперь ушли пиарить проекты новомодных глянцевого журналов или же вообще махнули рукой на свою работу. Гонорары за критическую статью упали, журналы урезают количество полос, отведенные этому разделу, а читатели порой даже не глядят в сторону этих разделов.

Представьте, еще несколько десятков лет назад рецензировались почти все произведения, выходящие на свет. Людям было дело до всего, что творится вокруг них. Причем, заметьте, кроме коротких рецензий, в номер помещалась как минимум одна, а то и две большие аналитические статьи. Первые полосы газет пестрели фельетонами. А теперь разговор о литературе заходит на двадцатых страницах периодических изданий. Мы не говорим в данном случае о специализированных изданиях, которые покупает узкий круг заинтересованных.

Есть ли у современной критики качество, полнота и точность? Ответу сама: к сожалению, нет! Большинство журналов давно уже не печатает качественную критику, которую делают профессионалы. И главные редакторы волевым усилием не распределяют «критические» на-

грузки на штат сотрудников издательства. Вместо этого редакции собирают критику, словно милостыню — кто что даст. Стоит только надеяться, что рецензент окажется добропорядочным и остроумным человеком.

Очень часто в гламурных глянцевых журналах мы можем увидеть опубликованную рецензию на только что вышедшую книжку, где обложка превышает по размеру саму рецензию.

С чем же связано столь плачевное состояние литературной критики?

«Литературы нет — есть только писатели, которых никто не читает», — выносит приговор Борис Эйхенбаум*, и в другом месте развивает ту же тему: «...русская литература не только потеряла своего прежнего читателя, но и лишилась всего прежнего почетного места»; критика в этой сложной ситуации «должна обращаться сейчас не столько к читателю, на которого подействовать трудно, сколько к читателю, который нуждается в серьезной оценке, доверии, помощи».

Мальдельштам мечтал видеть критику в качестве «информатора общественного мнения» и «говорить понятным сердцу языком», а вместо этого еще в 90-х годах критики стали говорить о крахе идей, о гомосексуализме и глобальных катастрофах. Многие критики просто ударились в пессимизм относительно своего положения, многие ушли в бизнес. Критическая школа была просто разрушена.

Безусловно, нельзя говорить, что все критики попадают под одну гребенку. Не будем забывать Бугрова**, Халымбаджу*** и многих других, которые творили несмотря ни на что. Но кто видел их произведения? Москва, со своими пестрыми рекламными плакатами, просто не замечала их деятельность.

Большинство людей настолько заняты своими мелкими страстями, что их не интересует ничего дальше собственного субъективного мира. Разве таким людям интересны рецензии и аналитические статьи на недавно вышедшие книги?

Стоит ли удивляться, что читатель просто забыл, как выглядит настоящая критика? Стоит ли удивляться, что литераторы просто забыли, как писать настоящую критику?

Надеюсь, что это статья все-таки сможет открыть некоторые секреты мастерства настоящего критика.

Рецензия

Самым распространенным и популярным жанром критики остается рецензия. Что же это такое и почему она так популярна? Рецензия — это критическая статья, содержащая краткий анализ и оценку научного или художественного произведения, спектакля, концерта. Вообще, это слово появилось в конце (VIII — начале XIX) веков и произошло от латинского «recensio», что в переводе на русский язык означает «осмотр», «обследование». Представьте, что произведение — ваш пациент, а вы врач, проводящий ему диспансеризацию. Именно такой поверхностный осмотр выявляет, больно ли литературное творение или нет.

Рецензия должна включать в себя:

1. Предмет анализа (тема, жанр рецензируемой работы), актуальность идеи литературного произведения.
3. Сравнительный анализ с другими аналогичными произведениями.
4. Общая оценка работы рецензентом.
5. Недостатки, недочеты работы.
6. Выводы рецензента.

Популярность рецензии обусловлена краткостью ее формы. Читатель может получить какое-то впечатление о книге, не наиграно-восторженное, какое дает ему аннотация издателя, а отстраненно-субъективное.

Отзыв

Отзыв дает только общую характеристику работы без подробного анализа, но содержит практические рекомендации. Отзыв — самый распространенный вид критики, который можно найти на просторах сети Интернет. Самое главное в отзыве — выделить основную идею текста и написать, чем эта идея отличается от всех остальных. Так сказать, выделить практическую значимость идеи в современных реалиях.

Отзыв должен включать в себя:

1. Предмет анализа.
2. Актуальность темы. Помните, что актуальность темы не требует доказательств, не вызывает сомнений и должна быть вполне очевидна.
3. Формулировка основного тезиса. Необходимо указать на центральный вопрос произведения, самую заметную

134 идею творчества.

4. Краткое содержание работы. В данном пункте не надо пересказывать сюжетную линию. Надо дать общую оценку произведения. Рассказать, в чем именно автор проявил умение и мастерство. В чем заслуга автора. Какие новшества он ввел своей работой. Как расширил представление читателя о центральной проблеме (см. основной тезис).

5. Недостатки, недочеты. Следует отметить, в чем именно у вас возникли сомнения. Что бы вы могли отнести к недостаткам текста. Снижают ли уровень литературного произведения эти ошибки. Нужно ли эти недочеты выделять пожеланиями к дальнейшему развитию творчества автора. Или же они настолько критичны, что автору лучше выпить яду.

6. Выводы. Здесь можно указать на оригинальность или вторичность идеи. Сделать выводы о новых этапах творчества автора.

Эссе

Если где-то увидите вдруг название критической статьи «Попытка написания эссе» или «Проба в жанре эссе», знайте, это абсолютно неправильный подход к данному направлению критики. Ведь французское слово «essai» в переводе на русский как раз и означает «попытка», «проба», «examen» — существительное, обозначает взвешивание. Эссе бывает как прозаическим, так и поэтическим критическим произведением небольшого объема, составленным в свободной композиции. Оно описывает частную тему и передает именно индивидуальные впечатления и соображения, связанные с тем или иным тезисом.

Как же понять основную приметку эссе: свободную композицию? Все просто. Изложение текста подчинено только внутренней логике авторских размышлений, мотивов. Все связки между текстами носят ассоциативный характер. Психологи давно изучают проблему ассоциаций и выяснили, что ассоциативный ряд у каждого человека индивидуален и отражает субъективную логику. Отсюда вытекает особый синтаксис произведения. Авторы обычно используют неполные предложения, вопросительные и восклицательные конструкции. Пунктуация состоит из многоточий, которые приглашают читателя эссе к совместному размышлению с автором статьи.

Следует отметить, что эссе, в отличие от отзыва и рецен-

зии, могут быть не только литературно-критическими, посвящаться не только осмыслению и анализу авторского произведения будь то кинофильм, литературное произведение или спектакль. Очень часто можно встретить эссе публицистическое, философское, историко-биографическое или даже беллетристическое.

Такое произведение отличается подчеркнутой субъективностью, образностью, афористичностью автора. В таком тексте можно часто заметить, как автор беседует сам с собой. Использование разговорной лексики, индивидуальная импровизация — это главная особенность написания эссе.

Литературный портрет

Литературный портрет — один из самых сложных жанров критической литературы. Чтобы написать такую статью, необходимо сделать художественно-образное описание, которое бы смогло отразить настроение, мгновенные впечатления от творчества художника, литератора или же режиссера, непосредственно воспринимаемое критиком. Это все равно, что написать картину только литературным языком. Сиюминутный образ, который должен вызвать у читателя настроение, сходное с тем, что возникло у критика, в момент восприятия произведения автора, будь-то игра актеров или чтение романа. Белинский писал о таком произведении: «...Нам должно возбудить в душах их (читателей) все те потрясения, вместе и мучительные, и сладостные, неуловимые и действительные, которыми восторгал и мучил нас по своей воле великий артист».

Литературный портрет пишется:

1. Как биографический очерк (портрет-биография, портрет-некролог, юбилейный портрет);
2. Как критико-биографический очерк;
3. Как очерк творчества;
4. Как собственно портрет, передающий общее впечатление от творчества того или иного творца.

В литературном портрете можно рассказывать о социально-исторической действительности, будь то политическая или духовная жизнь автора, социальная и классовая характеристика мировоззрения литератора или художника, хронология и биографические материалы жизни создателя произведения, индивидуальные нравственно-психологические устои творца. Конечно,

нужно не забыть указать значение творчества автора для современников и для последующих поколений.

Аннотация

Чаще всего к такому жанру критической литературы приходится обращаться работникам издательств. Аннотация — это второе, что читатель видит, взяв книгу в руки в книжном магазине. Первое, конечно, — обложка. Обычно аннотацию печатают на обороте титульного листа, на клапане суперобложки или же на задней стороне обложки. Аннотация — это краткое, обобщенное описание книги или статьи, раскрывающее ее содержание и назначение. Чаще всего аннотация состоит из двух частей. В первой части формулируется основная тема книги или статьи, а во второй части перечисляются основные положения.

Синописис

Синописис необходим любому автору при подаче своей рукописи редактору. В целом он служит для упрощения его работы. «По одежке встречают, по уму провожают» — гласит народная мудрость. Тоже относится и к синописису. В любом издательстве ваше литературное произведение, будь то сценарий или роман, встретят именно по синописису.

Вообще, синописис слово греческое, означающее сокращение или перечень. Это краткое изложение концепции произведения, его содержания, сути сюжетного повествования.

Стандартный синописис это 10 000 символов с пробелами. Это примерно 2–3 страницы машинописного текста. Но при составлении синописиса всегда лучше лишний раз обратиться к редактору и уточнить, что именно он хочет видеть. Иногда бывает, что издатель хочет видеть описание первых трех глав. Такое краткое содержание обычно называется заявка и пишется чаще всего к незаконченному произведению. Очень редко бывает, что издатель хочет развернутое краткое содержание вашего романа на 20 страниц.

Итак, перейдем к главному. Как же надо писать синописис?

1. Синописис всегда пишется в настоящем времени. Недопустимо писать, что герой книги в третьей главе добрался до города Бобруйска и порубил десять негрятят.

Правильнее написать: «герой, преодолевая мыслимые и немыслимые препятствия, движется в сторону города Бобруйска, чтобы безжалостно уничтожить банду из десяти негритят».

2. Не надо включать нюансы, описывать второстепенных героев и их дополнительные сюжетные линии. Необходим только основной сюжет. Чем проще и линейнее вы его напишите, тем лучше.

3. Не стоит рассказывать, как вы назвали тетю двоюродной сестры главного героя. Минимум имен, чтобы не загружать текст дополнительной, ненужной информацией. Желательно употребить максимум четыре имени, ну пять, если вам очень этого захочется.

4. Обязательно, как ни обидно, нужно написать финал произведения. Редактор, также как и врач, в загадках не нуждается. И отгадывать ребусы не будет.

5. Не забудьте указать, в каком именно жанре написано ваше произведение. Если редактору раздела фантастики попадет любовный роман, ему это не понравится. Лучше беречь и его, и свои нервы. А если такое случится по ошибке и вы указали жанр произведения, то, скорее всего, ваш синопсис и контактные координаты передадут в другой отдел. Но не выдумывайте свои собственные жанры, типа мистико-фэнтезийный детектив. В издательском бизнесе все уже придумано до нас.

6. Не поленитесь и укажите несколько книг, или же серий, которые совсем недавно были выпущены в этом же издательстве, относящихся к тому же жанру, что и ваше произведение.

Краткое изложение концепции произведения, его содержания и сути сюжетного конфликта необходимо уметь делать таким образом, чтобы продать свою рукопись издательству.

Диатриба

Диатриба произошла от греческого слова «diatribe», что в переводе на русский означает беседа, но утратила первоначальный, дословный свой смысл. Начало этому критическому жанру положил Биона Борисфенита, который также считается основоположником мениппеи. Сейчас Диатрибой называют язвительную, желчную критику, которая основана на личности критикуемого автора.

Это особый, внутренний диалогизованный риторический жанр, который строится чаще всего в форме беседы

с отсутствующим собеседником. Безусловно, это приводит к диалогизации самого процесса мышления автора такой статьи.

Очень часто ораторы, выступающие со сцены и критикующие своих оппонентов, зачитывают в зрительский зал именно диатрибы.

Мениппея

Наверное, один из самых интересных и самых древних жанров критической литературы. Свое название этот жанр получил от имени философа III века до н.э. Мениппа из Гадары, придавшего ему классическую форму. Причем сам термин, как обозначение определенного жанра, был впервые введен римским ученым I века до н.э. Варроном, который назвал свои сатиры «satirae menippeae». Но самый жанр возник гораздо раньше: первым представителем его был, может быть, еще Антисфен, ученик Сократа и один из авторов «сократических диалогов». Этот жанр мы можем проследить и в древнехристианских и византийских источниках.

Мениппея — это своего рода фантастическое произведение, где автор не просто высказывает свое мнение о той или другой идее, а докапывается до истины вместе с читателем. Это своего рода авантюра, в которую вы бросаетесь с головой. Тяжелый, но в тоже время интересный, захватывающий жанр. Оскар Уайльд был великолепным мастером именно этого жанра.

Как написать мениппею?

1. В отличие от других жанров в мениппее увеличивается удельный вес смехового элемента.

2. Если вы решили писать мениппею, то освободите текст от занудных мемуарно-исторических ограничений. Этот жанр полностью свободен от требований внешнего жизненного правдоподобия. Вы можете придумывать как сюжет, так и философию произведения самостоятельно.

3. Необходимым элементом для мениппеи является создание провокационных ситуаций для поиска и испытания правды. Не бойтесь выпустить все свои фантазии и воплотить в таком авантюрном произведении. Наоборот, мотивируйте их, оправдывайте, воплощайте в образе мудреца или искателя истины. Испытания вашего мудреца — это поиск вашей правды.

4. В таком произведении важно грамотно суметь сложить несовместимое: свободную фантазию, символику,

даже мистико-религиозные элементы с крайним и грубым натурализмом. Ваш мудрец может зайти в бордель или же в воровской притон. Выдержат ли идеи мудреца такое испытание?

5. Мениппея — это жанр «последних вопросов». Вы должны испытать последние, крайние философские позиции. Вы должны дать читателю последние, решающие слова. Не бойтесь использовать сенкризу — сопоставление крайних, противоречащих философских мыслей.

6. Не забудьте наблюдать за действиями ваших героев с необычного ракурса. Подглядывать за подглядывающим.

7. Изображение ненормальных морально-психических образов, состояний ваших персонажей является неотъемлемым приемом жанра.

8. В мениппею очень часто включают сюжеты социальной утопии, которые, чтобы соригинальничать, можно вводить в виде сновидений.

9. Если вы решили написать мениппей, то можете не бояться использовать практически любой жанр. Конечно, вставляя его в текст, а не используя его от начала до конца. Например, ораторские речи или же письма. Это усиливает многостильность и многоголосность мениппеи.

Жанр мениппеи один из самых гибких и пластичных. Он обладает способностью вбирать в себя родственные малые жанры и проникать, в качестве составного элемента, в другие большие жанры.

Очерк

Очерк — один из самых простых и линейных жанров критической литературы. Все фанты в очерке преломляются в свете личности автора. Важен не факт сам по себе, а его восприятие героем или автором. Факт выступает под личиной образа, он конкретен, линеен и построен исключительно на фактическом материале. Цель очерка — дать однозначное определение персонажей произведения, как бы раскрыть существо идеи.

Очерк — это небольшой рассказ о действительном событии, человеке или явлении. Журналистский очерк отличается от литературного достоверностью и адресностью фактов. В журналистике очерк — самый объемный жанр, тогда как в литературе — самый небольшой.

Очерки делятся на:

I. Описательные:

1. Путевые;

2. Событийные.

Описательные очерки отличаются линейностью повествования, четкой хронологией событий.

II. Сюжетные:

1. Портретные;

2. Проблемные.

В сюжетных очерках на центральный план выходит проблема произведения, т.е. его главная идея или персонаж. Повествование в очерке может вестись от первого, третьего или множественного лица. Автор очерка может быть сам непосредственным участником события, героем; он может находиться «за кадром»; его повествование может быть просто «фоном», на котором развиваются события; автор может быть наблюдателем — главным «оценщиком».

Фельетон

Если вы хотите кого-то осмеять, то этот жанр для вас. Фельетон — это произведение, пронизанное духом острой злободневной критики. Конечно, тут не обойтись без особых приемов изложения. Произведение обязательно должно быть живым, легким, отличаться образностью и наглядностью, юмор, ирония и насмешка — неотъемлемая часть этого жанра.

Французское слово фельетон в переводе на русский язык означает «листок». В 1800 году 27 января в журнал «Де Пари» был вложен листок с театральными афишками, с мелкими объявлениями. Жанр фельетона и получил свое название от этого листка, так как позднее на таких листках и печатались сатирические произведения, осмеивающие смешные и нелепые явления жизни, препятствующие ее нормальному развитию.

В фельетоне главное — осмеять кого-то, заметьте, не вызвать смех, а именно осмеять, иногда вызвать презрение или гнев на ту или иную личность или произведение.

Существует огромное количество видов фельетонов: фельетон-статья, фельетон-корреспонденция, фельетон-очерк, фельетон-зарисовка; фельетон в стиле деловых бумаг (фельетон-жалоба, фельетон-заявление); драматические фельетоны (фельетон-пьеса, фельетон-скетч) и т.д.

Увы, в настоящее время фельетоны почти исчезли со страниц печати. Но будем надеяться, что это лишь временно, и ситуация исправится.

Хроника

Хроника — факт без подробностей. Отличается краткостью и лаконичностью высказываемых автором мыслей. Отвечает на вопрос: Что? Где? Когда? Самый официальный и сухой вид статей. Имеет минимальный объем: от двух до двадцати предложений в целом.

На этом остановимся, пожалуй. Хотя стоит заметить, что это далеко не полный обзор. Существует еще масса литературных критических жанров совсем забытых нашими современными публицистами или же, наоборот, требующих более полного и досконального обзора. Но написать о каждом из них, хотя бы несколько предложений, не представляется возможным в рамках одной статьи.

Надеюсь, что эта статья привлечет внимание молодых авторов к такому практически похороненному пласту литературы, как литературная критика. Возможно, для кого-то она станет учебным подспорьем, поможет разобраться в тонкостях мастерства написания грамотных критических статей, подвигнет на создание работ критического жанра для различных периодических изданий. Хотелось бы верить в это, как хочется верить в и то, что литературная критическая мысль не канула в Лету. Не умерла, оставив в память о себе лишь жалкие скелетики Белинского и Добролюбова, вбитые нам в головы в школьные годы. Как хочется верить, что наступит время и интересные критические работы станут не частностью, а закономерностью. А критику писать будут профессионалы, а не люди со стороны, выплескивающие на читателя свое веское, но ничем не обоснованное мнение. Мнение, которое чаще всего сводится к субъективной оценке типа: «Книжка Джоаннны Роулинг — говно, я лучше могу написать» или «Валентинов — наше все. Гениально пишет, а кто не согласен, тот дурак».

---

* Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — сценарист, литературовед, доктор филологических наук. Автор исследований творчества Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого, главный редактор ряда изданий русских классиков.

** Бугров Виталий Иванович (1935–1994) — критик, библиограф, историк фантастической литературы, редактор, журналист.

*** Халымбаджа Игорь Георгиевич (1933–1999) — библиограф, историк литературы, прозаик.

РЕЦЕНЗИИ

Олег ПОСТНОВ,

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Сектора литературоведения
Института филологии СО РАН

ПАРАДОКСЫ СЫСОНОВА

О книге Вячеслава Сысонова
«Потешки — не глум, возьми себе на ум»

В истории культур, как и в жизни народов, временами наступают периоды, когда особо насыщенным становится осознание самих себя, когда необходимой делается своего рода рефлексия, направленная на то, чтобы найти и понять собственное место в массиве культуры всеобщей, свои индивидуальные черты, отличающие именно этот народ в кругу всего человечества. Как раз такая эпоха наступила — или, вернее, исподволь наступает теперь — в нынешней России. Правда, для народов Европы и отчасти Америки, а также и для русского народа, подобное событие не является новостью. Глобальная переоценка ценностей произошла в конце XVIII — начале XIX столетий и захватила те народы и культуры, которые выдвинулись на мировую историческую арену и заявили о себе как о самостоятельной и самобытной силе. Именно тогда космополитический в своей основе Ренессанс уступил место национальным культурам, тогда же и возникла необходимость в самоосознании у сложившихся и готовых к историческим действиям наций. Тогда, на рубеже веков, эту задачу взялся разрешить в рамках каждой отдельной культуры нарождавшийся романтизм, изначально отказывавшийся от «общего» и подчеркивавший «свое», «особое». На этой волне, буквально в последние годы XVIII века в Германии впервые было осознано существование глубинной народной культуры, которая была «поставлена на вид» культуре высших слоев общества и получила название — фольклор.

Это открытие не прошло бесследно ни для одной державы, претендовавшей на серьезную роль в мировой истории, но, кажется, не было страны, для которой проблема сосуществования «низовой» и обычной культуры приобрела такую остроту, как для России. Под знаком народности прошли XIX и XX века, и, однако, пропасть между верхними слоя-

ми общества и собственно народом как была, так и осталась не преодоленной. Исполдинская страна-деревня, где к XVIII веку насчитывалось лишь 3% городского населения, а в наше время, как свидетельствует «Паспорт культурной жизни регионов России», подготовленный Российской государственной библиотекой в 2001-2002 гг., трудно найти субъектов федерации, в которых доля городского населения превышала бы 30%, эта невероятная «мегадеревня» (как назвал ее знаменитый французский историк Фернан Вродель), жила и продолжает жить своей внутренней, закрытой для чужих глаз жизнью, продолжает составлять загадку для сторонних исследователей и продолжает молчать — как молчала долгие столетия. Только осознавая в полной мере, до какой степени мы, русские, не знаем самих себя, можно по достоинству оценить творчество Вячеслава Сысоева, одного из немногих, кому удалось приподнять завесу этой тайны.

Нельзя сказать, чтобы его книги остались незамеченными; однако и оценены по достоинству они, как кажется, не были. То, что говорилось и писалось о них, касалось частностей, но не задевало самой их сути. Да, конечно, уже по самой своей природе творчество Сысоева обогащает современный русский язык, противостоит тенденции его выхолащивания, хотя миф о миллиардах долларов, которые неведомо кто платит неведомо кому с подрывной целью лишить Россию своего языка, надо полагать, никогда не перейдет из разряда «завиральщины» в разряд «бывальщины». К разговору о языке еще предстоит вернуться, но, разумеется, следует осознавать, что «чистыми», «самобытными» бывают лишь языки маленьких народов, стоящих в стороне от глобальных исторических свершений. Мировые же языки — а русский язык является мировым, — всегда открыты всем ветрам, и процессы, протекающие с его помощью, столь велики, что не поддаются ни чьему-либо учету, ни, тем более, контролю. Что же касается сути творчества Вячеслава Сысоева, то, как кажется, главным является то, что со страниц его книг наконец-то зазвучал настоящий голос народа, и зазвучал понятно, общедоступно, так, будто сам народ решил, наконец, прервать свое вековое молчание. Оговоримся.

Фольклор как явление был осознан в России практически сразу же вслед за Германией, и русская фольклористика была и остается одной из сильнейших в мире. Довольно вспомнить такие имена, как Даль или Киреевский. Однако пропасть между образованным классом и народом была всегда настолько глубока, что фольклорные изыскания велись словно бы в чуждой среде, так, как если бы

исследователи изучали не своих соотечественников, а таинственных аборигенов чужой земли. В свою очередь и для «аборигенов» эти исследователи были непонятны, а частенько и подозрительны. Уже к середине XIX века среди фольклористов наметилось два направления (как сказали бы сегодня стратеги): одни записывали и затем публиковали образцы русского народного творчества, сопровождая их более или менее серьезными научными комментариями, другие старались сродниться с народом, перенять у него язык, обычаи, чуть ли не само мышление. В результате же российская публика получала либо тексты, понятные и интересные, главным образом, специалистам, либо произведения-стилизации. В XX веке ситуация не улучшилась, а напротив, значительно ухудшилась. Теперь стилизации стали строго идеологизированными, а фольклористика совершенно оторвалась от читательской среды и спряталась за институтские и университетские стены. Наконец, в последние десятилетия, в ситуации фактического отсутствия цензуры кое-что стало прорываться в печать (появились, к примеру, переиздания старых собраний русских народных сказок, началось научное издание Полного собрания русских былин), однако порабощение книгоиздательской деятельности коммерческими интересами отодвинуло литературу этого рода на задний план. Не удивительно, что в такой ситуации книги Вячеслава Сысоева не оказались пока в центре внимания читающей публики. Вероятнее всего, они были приняты за еще одну стилизацию «под народ», между тем как автор этих книг не является стилизатором: он именно мыслит и пишет так, как мыслит и говорит русский народ, и вот это-то совершенно уникальное явление остаётся до сих пор словно бы незамеченным. Между тем, обратимся к текстам его произведений.

Тут, прежде всего, нужно отметить, что сам жанр миниатюр, составляющих книгу «Потешки — не глум, возьми себе на ум» поддастся определению с большим трудом. Фраза Сысоева тяготеет к присказке-афоризму, а такие присказки очень чаемо оказываются рифмованными (это касается далее и заглавия книги). Получается так, что обычные прозаические фрагменты переходят в ритмизированную прозу, та — в прозу рифмованную, а в итоге поэтическое и прозаическое начала переплетаются и живут в некоем гармоническом единстве, которое можно определить лишь очень обобщающей формулой «фольклорный

сказ». Сысоев при этом совершенно одинаково использует как всем известные присказки (напр., «ни рыба, ни мясо»), так и известные да-леко не всем («ни кафтан, ни ряса»). Очевидно, что его мало заботит оригинальность каждой фразы. И это крайне важно, поскольку даёт ключ к основе поэтики Сысоева. Дело в том, что смысловой единицей его текста является не слово, как в обычной прозе или поэзии, а фраза-формула, устойчивое выражение, фразеологизм, в рамках которых, как известно, отдельные слова теряют свое прямое значение и наделяются другим, понятным лишь в контексте. Сысоев не выдумал этот прием, он для него совершенно органичен, он так мыслит — и в этом-то и заключается первый, базовый парадокс: Сысоев мыслит готовыми формулами, и они очень просты. Но он мыслит так же, как народ, как те самые «острословы, балагуры-озорники», между которыми прошло детство автора: а эти «веселые мудрецы» были (и остаются) только внешне просты, глубина их высказываний прячется за внешней простотой готовых фраз. Потому-то истории, рассказываемые Сысоевым не только не просты, а по-настоящему сложны и даже порой непонятны, словно библейские или буддийские притчи.

Достаточно сравнить заглавия миниатюр с тем, что в них рассказывается, чтобы почувствовать, насколько оригинален и глубок их действительный смысл. Вот, например, история-беседа на тему о том, хорош ли наш народ. В первой фразе — ответ: «Наш народ хороший...». Следующая фраза развивает эту мысль, но в то же время незаметно уходит в сторону: «С удовольствием живет, песни поет, шутит, в реке воду не замутит». Далее мысль возвращается к прежней теме, но ответ теперь насмешливый парадокс: «Каждый друг друга храбрее и добрее». Ее легко проскочить, не заметив хитрости, тем более, что следующие фразы — гладкие, как бы подхватывающие внимание и увлекающие его в сторону, к обсуждению того, что не все хороши, бывают и исключения. Из этих исключений выстраивается целая галерея народных физиономий, одна другой хуже, а под конец заявляется опять: «Народ наш хороший». Но — уточнение «Плохие не в счет. Сколько их? Сам черт не разберет». Оказавшись у такого финала, начинаешь понимать, что над тобой пошутили, и пошутили едко, поймали на удочку рифмованных фраз. Однако всё-таки: где же вывод? Как решается эта незагаданная загадка? Смотрим название:

140 «Без горького нет сладкого». Вот теперь сам и решай эта-

кий русский коан!

Таких историй в книге много, и чем далее ее читаешь, тем большей загадкой предстаёт русская душа. Вот Лукич, который «был хорошим человеком, но никому не говорил об этом». Удивительна судьба Лукича. Ничего не имел, ничего

не делал, но верил, что обязательно что-нибудь из этого получится. Оно и получилось, пришла удача, да Лукич не привык к ней и упустил шанс. И вот замыкается невеселое кольцо:

— Лукич! — спрашиваю его. — Что в тот раз случилось?
— В тот раз мне сызнава не повезло».

Это уже настоящая головоломка: неудачник,ждавший удачи, да удачу упустивший. Спрашивается, была ли вообще удача? Ответ опять в заглавии, и снова не ответ, а загадка: «Что-то будет, но когда?».

Хотя, вслед за работой М.М. Бахтина о Ф. Рабле, появился ряд исследований, посвященных смеховому миру в русской традиционной культуре, те парадоксы, которые выстраивает Вячеслав Сысоев, так просто не разгадываются и в заранее известные схемы не ложатся. Мир той деревни, где, по словам автора, «жил, живет и всегда будет жить наш язык в устах его творца — народа», мир сложный, многоплановый и многоуровневый, подлежащий настоящему исследованию и постижению, поскольку иного пути к древней мудрости, которой пронизана вся книга Сысоева, не существует.

Это не мистическая Троянова Тропа, но и не проезжая дорога, а путь тесный, требующий внимания и любви. Хочется верить, что Россия сумеет пройти по этому пути. Ведь, в конце концов, не случайно именно теперь появились книги Сысоева! Много лет он намеревался написать их вынашивал в душе и готовил для нас, его читателей. Подобное намерение, если осуществлено, не бывает напрасным: оно всегда несет в себе силу, необходимую для духовных свершений.

Таким образом, творчество Вячеслава Сысоева, хотя и основывается на сказовой фольклорной традиции, вырастает из нее и в какой-то мере продолжает и развивает фольклорный сказ, направлено при том целиком и полностью в будущее, которое мыслится автором как гармоническое взаимоотношение нового сложного мира и прежних этических устоев и эстетических достижений русского народа, веками вынашивавшего и отбирившего то, чем крепка жизнь.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

«Трёхмерности привычная волна...»

Опыт анализа стихотворения Татьяны Кайсаровой
«Четвертое измерение»
или движение, пространство и время
в поэтической вселенной поэта

ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

На стенах отсвет розового детства
И тени яблонь наискось легли,
Как прописи вселенского наследства
И таинства родительской любви.
Пью чай и вижу каждое движение:
И всплеск воды, и поворот цветка...
Здесь запахов июльских наважденье
Витают где-то в недрах потолка.
Магическими гранями стакана
Полёт секунд берусь остановить,
Легко сместив понятия поздно, рано,
Всё было, будет и могло не быть...
Чуть обернусь и блюдечко с вареньем
Подвину взглядам, чтоб была видна
Трёхмерности привычная волна
Уже в моём, четвёртом измеренье.

Первая же строка отсылает нас к поэтическому строю Серебряного века, а конкретно — к «розовым детям» Иннокентия Анненского. Но «отсвет розового детства» лишь перекликается с его «детьми» — у Кайсаровой отсвет ложится на стены, «Как прописи вселенского наследства / И таинства родительской любви».

Вселенная — по-английски Universe — универсальное стихотворение — одно на всех «вселенцев», где каждый посвоему вселяется в Неё. Степень общности Четвёртого измерения достаточно высока. Четвёртое измерение — для всех, как прописи, но не каждому дано, хотя и завещано каждому. Например, словечко «наискось» у Кайсаровой, разве это не другой, увы, ушедший поэт — наш современник Величанский с его: «...и берега сырой наискосок». И опять можно сказать то же: в традиции русского неоклассического стиха, но свои — глубоко прочувствованные стихи, где даже простые садовые яблони становятся библейскими деревьями, а

плоды их — плодами познания.

«Пью чай» — куда уж проще и обиходней, но поэт не дает присоседиться: «и вижу каждое движение: / И всплеск воды, и поворот цветка...». Такое виденье — практически на уровне молекулярных колебаний — возможно разве что у даоса во время чайной церемонии. Обыватель привык, что всплеск всегда только слышен, а поворачиваются, да и то вслед за солнцем, только подсолнухи. Ан, нет — все находится в движении (и даже «неподвижные горы» медленно, но верно разрушаются), а «...запахов июльских наважденье / витать где-то в недрах потолка». Именно — в недрах, из коих поэт и добывает свой завораживающий образ. «Магическими гранями стакана / Полёт секунд берусь остановить», — резюмирует он сложившуюся ситуацию и, не останавливаясь на достигнутом, извлекает на Божий свет продолжающее предтечу двустороние:

Легко сместив понятия поздно, рано,
Всё было, будет и могло не быть.

Относительно банальное «все было, будет» завершается невероятным «и могло не быть».

Т.е. могло не быть тебя самого — крайний, несусветный субъективный идеализм, от которого, казалось, отrekliсь всем миром еще за школьной партией, — а как хорошо!

Недаром в стихотворении, открывающем только что вышедшую книгу Татьяны Кайсаровой «Пространство отражений», автор опирается на схожий посыл: «Всё может быть, а может и не быть»...

Но, возвращаясь в наше «ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ», встречаемся с неожиданным сеансом телекинеза: «Чуть обернусь и блюдечко с вареньем / Подвину взглядам... Ай, да Кайсарова, ай, да молодец! Я, например, в юности разбил чашку: «я занялся телекинезом / с моим-то весом: / и чашка на пол съехала / разбилась / скажи на милость...». Но она-то, сложившийся поэт, зачем этим занялась? — А вот зачем: «чтоб была видна / Трёхмерности привычная волна / уже в моем, четвертом измеренье». Оказывается, волна окружающей нас привычной трехмерности может разбить чашку и осторожно подвинуть блюдце, но только в том случае, если поэт является частью Вселенной (Единоштия), крохотной песчинкой (но и точным подобием), живущей по Её законам, которой могло и не быть.

А четвертое измерение есть у каждого. Правда, мало кто ведет об этом. Разве что ведуны да ведуньи — поэты.

ПУБЛИЦИСТИКА

Артём КАВЕРИН,
художественный руководитель
«Живого ТВ»,
Санкт-Петербург

ЖИВОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Все знают, что, согласно поговорке, человек может наблюдать бесконечно за тремя вещами: как течёт вода, как горит огонь и как другой человек работает...

Созданный в феврале 2006 года молодой продюсерской командой, которой интересна творческая жизнь Москвы во всей её полноте от Кремля до самых до подвалов, Интернет-телевизионный проект делает доступными широкому пользователю, посредством живых трансляций, уникальные события музыкальной, художественной, театральной жизни Москвы. Основной принцип нашего канала — «все передачи только в прямом эфире», делает зрителя сопричастным ко всей той жизни, которая бурлит в Москве.

Мы сотрудничаем с Фондом Спивакова, транслируя мастер-классы, уроки гениальных детей, а так же их концерты, в том числе и с оркестром Спивакова. Нам интересен эстрадный конкурс «Старт Ап» открывающий молодые эстрадные таланты. Дружим с театром МГУ (театр МОСТ), откуда транслируем актёрские тренинги, уроки мастерства, занятия по танцу и сценречи, и, конечно же, репетиции спектаклей вместе с самими спектаклями. Мы весьма уважаем Институт Мировой культуры, во главе с Вяч. Всев. Ивановым и считаем за честь транслировать их заседания. Нам интересно, как создаются театральные спектакли, и наши зрители получили возможность в течение двух месяцев наблюдать за процессом постановки в Театре Луны музыкального спектакля Мэри Поппинс от начала постановки до премьеры. Все знают, что, согласно поговорке, человек может наблюдать бесконечно за тремя вещами: как течёт вода, как горит огонь и как другой человек работает. А если это работает художник или скульптор? Тогда в два раза интересней. И Российская Академия

142 Художеств очень нас понимает. Прямые трансляции из

мастерских художников, когда они рисуют, и картина рождается прямо на глазах, по-настоящему затягивают. За мастер-классом Зураба Церетели зрители в течение четырёх с половиной часов смотрели не отрываясь. А когда скульптор Рукавишников лепит из глины — это тоже завораживающее зрелище. Однажды нам показалось любопытно сделать оригинальный детский литературно-художественный портал, а что получилось, теперь можно посмотреть.

У нас укрепляются связи с Союзом литераторов России, нам интересна эта независимая творческая организация, духовный наследник и продолжатель традиций Союза поэтов А.Блока и Н.Гумилева, фильмы-зарисовки авторских чтений на Всемирных днях поэзии, презентациях можно увидеть, зайдя в папку «Архив».

Глобальная сеть Интернет стирает границы, и наши соотечественники в Европе присутствуют на наших трансляциях точно так же, как и москвичи. К сожалению, в остальных странах у них есть трудности с просмотром наших передач, так как скорость Интернета в Америку, Канаду, Китай или Австралию настолько плоха, что смотреть в реальном времени (да и в записи) практически невозможно. Хотя есть иные пути обеспечения им возможности доступа к нашим трансляциям, но это требует достаточно больших ресурсов.

Наш проект некоммерческий, и всё что мы делаем — это бесплатно. Плюс у нас нет (и, надеюсь, не будет) никакой рекламы. Это позволяет нам делать то, что интересно, не оглядываясь на рекламодателей, которых интересуют только продажи их товара.

Но, когда встают такие вопросы, как расширение ре-трансляции, которые требуют вложения серьёзных ресурсов, мы бессильны. И тогда нам нужна помощь. Помощь тех, кому интересно, чтобы творческая жизнь Москвы стала доступна на всех континентах, чтобы в ней участвовали наши соотечественники, раскиданные по всему миру. И, если у нас появятся ещё люди, техника и помещения, то мы сможем ещё полнее представить жизнь, учёбу, творчество и отдых в Москве, доведя объём наших трансляций до круглосуточного (что очень важно, учитывая расположение большинства наших соотечественников за рубежом в других часовых поясах). А того, что происходит в Московской жизни интересного с лихвой хватит на несколько круглосуточных каналов.

Сергей АЛИМАРИН

КРИЗИС

Кризис — это состояние системы, в которой не сработали обычные подсистемы, обеспечивающие ее устойчивость. В этом случае ее параметры выходят за допустимые пределы. Поскольку бесконечно они расти не могут, понятно, что срываются другие процессы, которые ограничивают рост таких параметров.

Простейший пример — холодильник. Если в нем перестанет работать стабилизатор температуры, холодильный агрегат будет работать постоянно, но температура, конечно же, не будет опускаться до абсолютного нуля. Она станет постоянной, когда поток тепла через стенки и дверь сравняется с энергией отбираемой холодильным агрегатом, т.е. включится иной ограничитель температуры. Быстрое падение температуры после поломки регулятора и есть в данном случае кризис.

Колебания — неизбежное явление в любой саморегулирующейся системе, но они обычно относительно невелики. Экономическую систему люди не создают так, как они строят дом или машину. Они не знают ее устройства с самого начала, а познают ее в процессе ее функционирования, а для человека это означает процесс познания в течение всей его жизни.

Первые кризисы рыночной экономики были не очень велики, но когда они усилились, люди научились до некоторой степени бороться с ними. Но те кризисы были связаны с реальным производством и потреблением. Довольно быстро поняли, что нельзя производство бесконечно наращивать, если не увеличивается покупательная способность населения.

Поняли это только после того, как были исчерпаны возможности просто различными способами увеличивать количество покупателей. Появился миф о том, что народ будет постоянно богатеть, а производство постоянно расти.

Экономическая система не изолирована, она взаимодействует с другими системами общества. Даже в самой этой системе есть помимо «реального» сектора и иная подсистема — финансовая, без которой невозможно производство. В этой системе продаются

и покупаются уже не физические продукты, а права собственности, и даже права на покупку таких прав и т.д.

Эти рынки виртуальных продуктов, конечно, подчиняются строгим правилам, но люди в целом недавно изобрели все эти фокусы, вообще-то необходимые рыночной экономике, но работа которых еще не слишком хорошо изучена. Иногда такие системы очень напоминают уже знакомые нам финансовые пирамиды.

Это происходит тогда, когда финансовая система слишком сильно отрывается от реального сектора экономики, когда она становится слишком самостоятельной. Реальный сектор экономики связан с виртуальным, в частности, через кредит.

Здесь-то и кроется возможность возникновения финансовой пирамиды. Кредит должен быть достаточно жестко привязан к реальному сектору. Но стоимость реальных компаний, производящих товары, определяется ценой их акций на бирже.

В идеале это и есть рыночная цена компании. Хотя цена сама есть некий социальный (виртуальный) объект. Она определяется только самим процессом купли-продажи. А финансовый рынок так устроен, что на нем покупают акции и другие ценные бумаги не только для того, чтобы владеть предприятием и получать дивиденды.

Значительная часть торговли имеет своей целью просто спекуляцию и страхование (хеджирование). Спекулянты на бирже нужны, они своими действиями выравнивают цены на бумаги и, таким образом, цена становится реальным показателем относительной стоимости активов. Как и в любой системе, эта функция полезна, если она не выходит за какие-то рамки.

Слишком большой объем спекуляции приводит к тому, что цены уже перестают служить показателем реальности. В таком случае залог под кредит повисает в воздухе и стоит возникнуть неуверенности у немногих, как вся система обваливается, поскольку она неустойчива.

И здесь никакое вмешательство государства ничем не поможет. Государство может только на небольшое время задержать процесс, но не изменить его направление. Вот простой пример.

В солнечной системе наши корабли могут двигаться как в поле на земле: по прямой от одной точки к другой.

Но так никогда не делается. Для этого необходимо, чтобы постоянно работали двигатели, и, соответственно, совершенно нереалистичный запас топлива. Поэтому рассчитывается орбита, по которой корабль будет двигаться естественным для этой системы образом и ему придаётся необходимая для этого начальная величина и направление скорости, заметим, совсем не в ту сторону, где находится целевая точка. Потом, возможно, его движение необходимо будет чуть-чуть подправить.

Также и в экономике: силовыми методами ничего не удержать. Для этого никаких стабилизационных фондов не хватит. Для исправления положения, для того, чтобы кризисы такого рода больше не повторялись, необходимо что-то изменить в структуре системы, но прежде необходимо ее изучить реально, и не позволять себя увлечь пропагандистскими объяснениями.

Мы в России получаем все неприятности таких кризисов, но еще больше мы страдаем оттого, что наша экономика едва отошла от феодально-рабовладельческой формы и пока не столько рыночная, сколько госкапиталистическая с элементами рынка. Т.е. мы страдаем от капитализма, но еще больше от недостаточного его развития, как сказал классик.

Кризис — это болезненное явление, но в экономической системе, способной к реальным, а не провозглашаемым на словах изменениям, он приводит к коррекции системы и созданию предпосылок дальнейшего продуктивного развития. Ведь качество общественной системы определяется не ее размерами, не количеством, а эффективностью использования имеющихся ресурсов. А эффективно использовать ресурсы может только тот, кто платит из своего кармана, даже если он очень большой.

А вот государство может себе позволить платить ни за что. Можно, например, заставить людей копать канаву и снова ее засыпать, производить никому не нужные товары и платить за это. А можно и вообще эти деньги переложить в свой карман.

Нас обманывают, когда говорят, что существуют какие-то естественные монополии. Нет таких. Есть только неумение (а чаще нежелание) создать в этой сфере рыночную среду. Иногда это действительно не легко, но совершенного ничего не бывает, а если ничего не делать, то ничего, даже и несовершенного, не

144 будет.

Юлий КВАРТИН,
адвокат МОКА

ТЕСТИРОВАНИЕ И СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОННОСТИ

Обращения граждан из России в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге значительно превысили количество обращений граждан из других стран, выйдя далеко за рамки разумных и допустимых...

В нашей стране фактически не применяется признанная и проверенная на практике во всем мире система психологического профессионального тестирования при допуске специалиста к непосредственной деятельности в юриспруденции. Так, от работников правоохранительной системы всех уровней квалифицированный подход к достижению истинно правового результата мы можем ожидать далеко не всегда. Я убежден в необходимости внедрения тестирования.

Что такое психологический тест? В сущности, он представляет собой объективное и стандартизированное измерение тщательно отобранных образцов поведения индивидуума. В этом отношении психолог идет почти тем же путем, что и биохимик, делающий свои заключения о составе крови пациента или качестве питьевой воды в микрорайоне на основе анализа одной или нескольких взятых им проб.

Повседневная жизнь обязывает точно формулировать и выполнять минимальные квалификационные требования к человеческой деятельности в самых различных областях, а уж тем более в юриспруденции. Особое значение имеет акцент на развитие текущего самоконтроля и самокритики, как условий эффективной повседневной деятельности. Объективная оценка профессионалом своего уровня деятельности и осознание того, что ему понятно и что непонятно, представляет собой первый шаг к улучшению своих результатов. Важно охарактеризовать внутренний мир человека, его стремление к достижению цели, его настойчивость, способности, мотивы, чувства, характер, систему ценностей, стереотипность мышления, конформизм, жажду самоутверждения, лидерства и власти, непереносимость свободы, агрессивность, реакционность. Немаловажно обнаружить и такие негативные качества, как ненависть к интеллигенции и людям из других этнических групп, умение освободиться от

затруднений эмоционального порядка и комплекса неполноценности, могущего проявляться в неадекватных реакциях. Причем в наибольшей степени эти параметры касаются именно работников правоохранительной системы.

Тест — англоязычное слово, означающее «испытание», «проба», «проверка». В настоящее время насчитывается более 3 тыс. разнообразных психологических тестов. Тестирование сходно обычному обследованию и может варьироваться в зависимости от его целей.

Тесты были внедрены в практику в качестве средства, выявляющего и компенсирующего ненадежность, субъективность, возможную тенденциозность и ошибочность персонификации. Причем они активно начали применяться в начале прошлого века и в нашей стране, но к середине прошлого века от их использования стали у нас отказываться из-за некомпетентности чиновников. Вместе с тем, рассматривать тесты как панацею от всех бед или, наоборот, как козла отпущения, могущего стать виноватым во всех проблемах общества, естественно, было бы заблуждением.

Однако, когда тесты используются надлежащим образом, они выполняют важную функцию, максимально предотвращая последующую неадекватную реакцию будущего или настоящего должностного лица в конкретных ситуациях, корректируя кадровую политику во время процедур отбора специалистов, гарантируя при этом оптимальность.

В последнее время произошло много трагических событий, заставивших нашего Президента обратить внимание на кадровую политику силовых структур и правоохранительной системы. В своих выступлениях Глава государства неоднократно критиковал несовершенство подбора кадров.

Поэтому я полагаю, что с целью тщательного комплектования штатов силовых структур и правоохранительной системы применение специального профессионального тестирования помогло бы диагностировать «одномерное мышление и поведение» определенного типа людей, значительно повысить качество и улучшить деятельность слуг Закона.

Некоторые работники правоохранительной системы подчас неадекватно проявляют себя в профессиональной деятельности. Наиболее ярко это усматривается в судебных органах, где предоставляется особая законная

льгота судебной власти в решении судеб граждан. А ведь Суд — высший орган государственной власти! Сложная деятельность судьи требует не только юридической, но и психологической подготовки. Для эффективности правового регулирования судья обязан быть эмоционально устойчив, толерантен, жизненно умудрен, терпим, способен к конструктивной деятельности.

Однако в судах, вероятно, фактически из-за бесконтрольности и безнаказанности, чаще исходят не из нормы права и презумпции невиновности, а из обвинительного уклона, неприязни и ненависти к попавшему в суд. Опираются на «внутреннее убеждение», не предусмотренное Конституцией понятие и не имеющее ничего общего с буквой Закона.

Отсюда нередко появляются недостоверные протоколы судебных заседаний и сомнительные, с точки зрения объективности, доказательства, порой добытые с явными нарушениями при расследовании и рассмотрении дел. На столь заведомо спорной основе выносятся вердикты. При этом насаждается понятие: есть закон, но есть практика его применения. Нет-нет, да и шутят: два юриста — три мнения.

Или, например, ГПК РФ содержит нормы права, позволяющие проводить слушание дела в отсутствие ответчика. Так, «прикрываясь» соблюдением процессуальных сроков, допускается грубейшее отступление от основного международно-признанного принципа судопроизводства: равенство и состязательность сторон в процессе.

Не случайно обращения граждан из России в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге значительно превысили количество обращений граждан из других стран, и вышли далеко за рамки разумных и допустимых, с точки зрения норм права.

В 90-е годы теперь уже прошлого века законодатель обращал внимание на вопросы тестирования, но дальше обсуждения дело не пошло. Полагаю, что в целях решения политических, экономических, иных социальных, в том числе социально-правовых, вопросов и обеспечения во всех сферах нашей жизни незыблемости верховенства Закона, настало время вернуться к обсуждению, более детальному рассмотрению, разработки и законодательному закреплению специального профессионального тестирования.

НЕШУТОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ

Борис ШАПИРО

ИЗ ЕВРЕЙСКИХ ФАЦЕТИЙ

ПОПУГАЙ

У одного врача была собака, которая вредно и помногу лаяла и иногда даже кусала гостей и прислугу. Приходит он усталый и нервный с работы, а собака ему не радуется, хвостом не виляет, а лает и лает, пока на неё не прикрикнут или не запрут.

И вот купил себе врач попугая и выучил его говорить: «Добрый доктор, хороший доктор, добро пожаловать домой!»

А ещё через неделю приходит он с работы, а попугай его встречает вредным залиvistым лаем. Ну, как тут быть?!

СЛУЧАЙ

Один тут боролся со смертью и совсем уж было поборол. И поборол бы, если б не умер в самый неподходящий момент.

СЕМЕЙНЫЕ СТРАСТИ

Жену Ивана Петровича Любова звали Екатерина Степановна, а любовницу Екатерина Павловна. Сначала Любков поразился: если оговоришься в приятных обстоятельствах помутнённого сознания и ослабленного контроля, то наружу ничего не выйдет из-за совпадения имён. Говорит Иван жене ласково Катенька, а она ревнует, что он оговаривается и любовницу вспоминает. Говорит любовнице Катенька, а она подозревает, небось жену имеет в виду; а то бы развёлся. Совсем замучился парень.

ЗЯТЯ

1

Рав Клотц рассказывал о пользе молитвы и привёл в пример Мойше Рабиновича.

146 Однажды Мойше Рабинович заплакал в синагоге. Рав

Клотц спросил, почему он плачет, и Мойше рассказал, что плачет от страха за судьбу своих дочерей.

Все три дочери замужем, но у зятьёв страшные недостатки. Один не умеет пить, другой не умеет играть в карты, а третий не умеет обходиться с женским полом.

Рав Клотц удивился, что же в этом страшного? Мойше Рабинович объяснил: Зять, который не умеет пить, уметь не умеет, а пьёт. Другой не умеет играть, но играет и проигрывает. А третий запутался в трёх бабах, как в трёх соснах.

«Да», — сказал Рав Клотц — «это опасно, но не безнадежно. Молись, и Бог, может быть, поможет». «А долго ли молиться?» — спросил Мойше. «Молиться нужно всю жизнь», — ответил Рав Клотц — «но о судьбе детей, как минимум, двадцать лет».

2

Вот прошло двадцать лет. Мойше Рабинович праздновал своё 65-летие. Уже совсем старенький Рав Клотц вспомнил вдруг давнишний разговор и спросил, как же сложилась теперь судьба непутёвых зятьёв? И Мойше рассказал, что судьба зятьёв не оставляет желать лучшего.

Тот, который не умел пить, стал знаменитым виноделом. Тот, который не умел играть в карты, получил Нобелевскую премию по экономике за книгу «Хозяйство как игра». А тот, кто не умел обращаться с женским полом, придумал феминизм.

«Но счастливы ли твои дочери?» — спросил Рав Клотц. «Не знаю. Наверное», — ответил Мойше Рабинович — «у них теперь другие мужья».

«Значит, ты молился о зятях, а не о дочерях» — сказал рабби.

Наталья ШМЕЛЬКОВА

МОИ БЕСЕДЫ С ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

Родители прозаика Курочкина были знакомы с Львом Николаевичем Толстым. Самому же Курочкину посчастливилось видеть писателя один раз в жизни, в трёхлетнем возрасте и при следующих обстоятельствах. Как-то прогуливались Курочкины всем семейством по парку, а навстречу под ручку, с Софьей Андреевной шёл Лев Николаевич.

Остановились на минуту поговорить, и Толстой, посмотрев на маленького Курочкина, сказал строгим голосом: «Мальчик, вынь палец из носа». Это была первая и последняя встреча Курочкина с великим русским писателем, но его книга «Мои беседы с Львом Толстым» — увидела свет.

ВИЗИТ ПСИХИАТРА

Свою тридцатилетнюю дочь Ёлочку родители считают со странностями — к замужеству равнодушна, к модной одежде тоже и даже ленится вступать в кооператив, хоть и жаждет самостоятельности.

— К чему всё это? Сегодня кооператив, завтра чешский гарнитур, послезавтра кузнецовский сервис, а послепослезавтра повесишься от горя — разбился молочник.

Зато особым её расположением пользуются, по мнению мамы, разные волосатые человекообразные с сумасшедшими глазами. Они разрисовывают стены её комнаты дикими картинами и с непостижимой скоростью уничижают массу бутербродов.

Как-то намекнули деликатно родители, что неплохо бы Ёлочке обратиться к врачу психиатру.

— Доченька, — сказала мама неуверенным голосом, — ты плохо спишь, а врач снотворное нужное пропишет, режим установит. И тут же с женской непоследовательностью добавила: — А вот Таня Мансурова замуж вышла и Нина Фокина тоже.

— Ну и что? — буркнула Ёлочка.

— Что ты всё бурчишь? — рассердилась мама.

— Положительно ты ненормальная! Тебе нужен сон, регулярное питание, любящий муж. Неужели ты так не уверена в себе? Ты красивая, играешь на рояле, поёшь. Ты составишь счастье любому порядочному человеку! А у тебя, что за знакомые? У них на картинах яблоки синие, от них пахнет сыром Рокфор!

— Ну и что? — буркнула Ёлочка.

Разговоры об устроивших свою жизнь подругах и психиатре не были для Елочки новостью, и она не придавала им значения, но вот однажды... Раздался стук в дверь и в Елочкиной комнате появился мужчина в белом халате, среднего роста и средних лет. За его спиной в некотором смущении стояли отец с матерью.

— Ёлочка, познакомься! Это наш хороший знакомый Эрнест Михайлович, дивный человек и изумительный

врач — неестественно оживлённым голосом представила гостя мама. — Он случайно заглянул к нам и заодно согласился с тобой побеседовать.

— Незваный гость хуже татарина — с досадой подумала Ёлочка, а вслух сказала:

— Какой у вас красивый белый халат! Теперь я тоже в таком буду ходить в гости. Проходите, пожалуйста, садитесь.

Убедившись, что гость прижился в комнате дочери, отец с матерью заговорщицки удалились.

— Тэкс, — протянул Эрнест Михайлович, уютно устроившись в кресле и деловито поправив на носу очки. — На что жалуетесь?

— А ни на что — вызывающе улыбнулась Ёлочка.

— Так и ни на что?

— Так и ни на что!

Эрнест Михайлович с минуту растерянно молчал.

— Скажите, — уже с просящими интонациями обратился он к ней. — А чем вы увлекаетесь в свободное от работы время?

— Спортом, — первое, что пришло в голову, отрезала Ёлочка,

— А кроме спорта? — Не отставал доктор, ободрённый тем, что беседа как-то завязалась.

— Кроме спорта? Этой... греблей, — невозмутимо ответила Ёлочка.

Ей становилось весело.

— Тэкс, тэкс, — радостно потёр руки Эрнест Михайлович и, подавшись в кресле немного вперёд, посмотрел на Елочку более внимательно.

— Ну вот, слава богу! Нужным человеком себя почувствовал, на больную напал, — усмехнулась она про себя.

— Интересно, что он ещё придумает?

— Тэкс, — произнёс доктор ещё более решительно. — Закройте глаза и дотроньтесь пальцем до кончика носа.

Ёлочка покорно закрыла глаза и, поправ пальцем в щёку, посмотрела на доктора растерянно-смирненно.

Лицо Эрнеста Михайловича стало торжественным.

— Положите ногу на ногу, — почти приказал он и ударил Ёлочку по коленке молоточком. Ёлочка изо всех сил лягнула его по голени.

— Тэкс, — с обидой скривился Эрнест Михайлович. — Нервышки у вас не в порядке, — и начал гримасничая растирать ногу. Ёлочке стало его жалко, но веселье от нелепой сцены брало верх.

Некоторое время психиатр молчал, но вдруг взгляд его стал почти демоническим. Резко наклонившись к Ёлочке, он спросил её быстрым шёпотом: — Стихи пишите?

— А как же!

— Пожалуйста, прочтите!

— Опять заката киноварь,

Пришло мне время коддовать,

Пришло мне время слёзы лить,

Пора бы руки наложить... — с чувством начала Ёлочка, но доктор прервал её:

— А в чём основная идея вашего произведения?

— Видите ли, важно, — нравоучительно произнесла Ёлка.

— В нём, как нельзя кургузнее, отражена inferнальная сублимация семи концентрических... — Она быстро посмотрела на доктора и, поймав его пристальный взгляд, не выдержала и залиvisto расхохоталась.

Эрнест Михайлович посмотрел на неё изумлённо-обижено.

— Доктор, милый Эрнест Михайлович, простите меня, я идиотничала!

Эрнест Михайлович взглянул на неё ещё раз, опустил голову, а когда поднял её, глаза его были усталыми, как у лошади, и добрыми, собачьими почти что.

— Я не сразу понял — виновато сказал он. — Ведь родители ваши... Впрочем, — махнул он рукой — не надо...

Минут через десять они с удовольствием пили чёрный кофе, ели овсяное печенье. Доктор расслабился, говорил простым голосом.

Он пожаловался на некоего Константина Лазаревича, который совершенно не даёт ему времени доделать докторскую диссертацию. Сообщил, как он в отпуске прошлым летом поймал огромную щуку величиной с крокодила. Обвинил жену в неумении варить обожаемую им уху. Ёлочка тоже непринужденно щебетала.

— Так скажите мне откровенно, доктор, больна я, или здорова?

— Вашему душевному здоровью, милая Ёлочка, может позавидовать каждый, уверяю Вас, — произнес Эрнест Михайлович.

— Тогда скажете при мне моим родителям то же самое, — попросила она его.

— Видите ли, — завозился в кресле доктор — это не совсем как-то... — Неудобно? — Возмутилась Ёлочка. И про себя

148 подумала: — Ещё бы! Конечно, неудобно. Заплатили ему

за визит, а я, оказывается, здорова. Выходит, зря деньги платили. Воображаю, что он им сейчас наплетет! Аферист, а не врач. Глаза, видите ли, закройте и до носа пальцами дотроньтесь. Ну и методы! Каменный век! Лучше бы продолжала дурака валять, и то веселей было бы. — Раздражение Ёлочки нарастало с каждой минутой...

В воскресенье за обедом зашел разговор о психиатре. — Круглый дурак — отрезала мама. И Ёлка с облегчением вздохнула:

Эрнест Михайлович сказал ее родителям, что она совершенно здорова.

Федор ФИЛИППОВ

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СОЮЗА ЛИТЕРАТОРОВ

Цесельчука восславив как-то, — причем, по делу и в струю, — подумал я: а есть ведь факты отметить личность и мою.

И должное воздать той дате, — позыв был искренен и чист, — когда он стал — сопредседатель, а я стал — ревизионист.

Союз тогда лишь брал начало, и, как творенью наших рук, ему мы встали пьедесталом на пару: я и Цесельчук.

Прошли года, жива идея: объединяет наш лит. клан и мусульман, и иудеев, и православных христиан.

Мы вправе сделанным гордиться, но не забыть нам вехи той, как были мы вдвоем в трех лицах — отец и сын и дух святой.

Владимир ШИЛОВ

СОКРОВЕННОЕ

***

И у меня жена Наталья Николавна...

НУ, ТИПА ИСПОВЕДИ

Пишу я мало —
Не для хлеба.
Пишу про травку и про небо.
Про деревца, ручей журчащий,
Про зов, несущийся из чаши...
Пишу про где, чего, почём...
Пишу про всё.
Но не о чём.

Наталья ИЛЬИЧЕВА

ХЛАМИДА МОНАДА

Есть у меня
Хламида монада.

Много ли ей
Малюточке надо.

Вафли не ест,
Не пьет лимонада.

В банке живет
Хламида монада.

Выпала вдруг
хламида из банки.

Нету хламиды,
Нету монады,

Ну...
И не надо...

Константин НИКИТЕНКО

ПАРОДИИ

РОДИТЕЛЬСКИЙ РЕМЕНЬ

Сигаретку закурили
На двоих одну, хотя
Ты капризна, как дитя, —
Знать родители не били...
Дмитрий Цесельчук

Мы забьем с тобой косяк,
На двоих покурим дури.
Я, понятно, что босяк,
А тебе что надо, дуре?
Безрассудно покурю,
Чтоб круги в глазах поплыли,
Видно, задницу твою
Предки в детстве не добили.
Половинку дам тебе
Недокуренного яда..
Нет души — ты не отрада-
Заберу бычок себе,
Докурю ненастным днем,
Тот окурок, что имели,
И доделаю ремнем
То, что предки не сумели.

ИНТЕРВЬЮ

Я возьму у тебя интервью
На диване, который скрипит,
И он каждой пружинкой своей
Слишком многое мне говорит...
Наталья Рожкова

Извини, что тебя перебью,
В журналистике я индивид.
В тусклом свете возьму интервью,
На диване, который скрипит.
От скрипучести старых вещей
Интервью увеличится сразу.
Если честно, не знаю вообще,
Как мне выстроить первую фразу.
Пусть сегодня слова погодят,
Стоит головы наши морочить?
А пружины в диване скрипят,
Интервью можно завтра закончить.

ДОВЕРИЕ

...И прозрачнее стала слеза,
И апрель что-то шепчет игриво...
Дайте руку. Закройте глаза,
Подойдите поближе к обрыву...

Наталья Рожкова

Я заточена, словно фреза,
И стихи изливаю игриво.
Не читайте. Закройте глаза,
И за рифмой пройдите к обрыву.
Там постоит, судьбу помяня,
Чтобы с жизнью нелепой расстаться.
Нет, не могут ни в вас, ни в меня
Люди чем-то бестактно бросаться.
У поэтов есть временный срыв,
Это знает любой обыватель.
Мы стоим. Перед нами обрыв.
Не смогла я; ты прыгай, читатель!

ЗАБЫТЫЙ СОН

...От бессилья вою на луну.
Не вернуть мне прежнего покоя.
Жаль мою несчастную страну,
Видели ли вы во сне такое?...

Николай Иодловский

Сон внезапный, как девятый вал,
Сам пришел, его ведь не просили.
Я во сне такое повидал,
Что обидно стало за Россию.

От бессилья выль я на луну,
И на солнце яростно полаял.
Так рыдал я, глядя на страну,
Что заплакал Петр, за ним и Павел.

И мирянин знатный рукавом
Из-под глаза тайно смел слезинку.
Плакали мы вместе о былом,
Слезы капали на каждую травинку.

Пробудившись, прочь прогнал тоску.
Сны, порой, похлепце страшной яви.
Я побрился, выпил кофейку,
И забыл, о чем во сне рыдали.

150

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА

Олеся БРУКС

В ПОИСКАХ ГОМЕРОВСКОЙ ИТАКИ

Мир — это книга, и кто не путешествовал по нему, тот прочитал в ней только одну страницу!

Блаженный Августин

Ионические острова расположены вдоль берегов Западной Греции. Площадь свыше 2,2 тысяч квадратных километров. Корфу, Пакси, Левкада, Кефалония, Итака, Закинф и Китира — называются «Эптаниса» — в переводе с греческого — «семь островов». Среди множества островов и островков, разбросанных по Ионическому морю и Коринфскому заливу, обитаемы всего двадцать восемь.

Предполагается, что Ионическое море и Ионические острова берут свое название от Ионии, восточного греческого региона. Здесь больше всего солнечных дней в Греции, дожди идут чаще, краски сочнее, растительность пышнее, климат умеренней, чем в Эгейском регионе. Необычные археологические памятники и удивительные природные феномены, венецианская архитектура создали удивительное культурное и историческое наследие Ионического архипелага. Острова лежат на линии разлома земной коры и не раз страдали от землетрясений.

Каждый остров своеобразен и неповторим. Пейзажи, история, памятники, характер жителей, блюда местной кухни — у каждого острова свои особые черты. Учитывая небольшие расстояния между ними и легкость перемещений, за одну поездку можно открыть не один, а сразу несколько островов.

На протяжении многих веков они были перекрестком между континентальной Грецией и Западной Европой, их всегда стремились завоевать Спарта, Афины и Коринф. Несмотря на объединение против римлян, острова потерпели сокрушительное поражение и стали «частью неофициального римского протектората в западной Греции». На протяжении столетий острова подвергались постоянным набегам пиратов. Затем начинается период колонизации островов народами Европы. При нормандах административным центром островов становится Кефалония. Огромное влияние на все сферы жизни: историю, культуру, архитектуру Ионических островов оказали ве-

нецианцы, долгое время владевшие островами. В 1386 году Керкира попала под влияние Венецианской республики, в 1500 - Кефалония и Итака, последними - Левкада в 1684 и Кифера в 1717 году. Венецианцы разделили жителей острова на три категории: аристократов (*nobili*), которые были занесены в «Золотую Книгу» (*libro d'oro*), горожан (*civili*) и пополаров (*popolari*), простонародье. Местные богачи стали аристократами, говорили по-итальянски и исповедовали католичество, их дети учились в европейских университетах. Простой народ сумел сохранить родной язык и веру. В 1797 году Наполеон прогнал итальянцев. На площади Святого Марка на острове Закинф, в столице с одноименным названием народ сжег знаменитую «Золотую Книгу».

В 1798 году в ходе Средиземноморской кампании французов победил вице-адмирал Федор Ушаков. Русский адмирал был канонизирован Русской Православной церковью в 2004 году. Первой задачей эскадры было взятие Ионических островов. Федор Ушаков обратился с письменным воззванием к жителям островов, призывая их содействовать в «низвержении несносного ига» безбожников-французов. Ответом была повсеместная вооруженная помощь населения, воодушевленного прибытием русской православной эскадры. «...жители везде поднимали русские флаги и способствовали десантным войскам отыскивать французов, скрывающихся в горах и ущельях; а когда остров был взят, местный архиерей и духовенство с крестами, все дворянство и жители, при колокольном звоне и пальбе из пушек и ружей, встретили начальника русского отряда и командиров судов, когда они съехали на берег». 10 ноября 1798 года Федор Ушаков в донесении писал: «Благодарение Всевышнему Богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфу, все прочие острова от рук зловерных французов освободили».

1800 году здесь образовалось Государство Семи Островов (Эптаниса), ставшее первым независимым греческим государством. В 1807 году остров был захвачен французами, а в 1809 году — англичанами, которые сделали Закинф столицей Государства Ионических Островов. По Тильзитскому договору острова вернулись к Франции. В 1814 году острова стали Английской колонией, и только в 1864 году Лондон отдал Ионию Греции. В 1941-1945 годах острова оккупировала Италия, а после ее выхода из войны — Германия. С 1950 годов, раньше, чем где-либо, на Ионических островах появился массовый европейский туризм, давший им вторую жизнь.

Ионическим островам посчастливилось быть под турецкой оккупацией очень короткое время. В музеях и церквях островов находятся наглядные доказательства того, каких высот могло бы достичь греческое искусство, если бы не многовековая неволя. История борьбы за свободу, умение взять лучшее из западной культуры и сохранить свою неповторимую национальную традицию, сформировали культуру Ионических островов.

В ПОИСКАХ РОДИНЫ ОДИССЕЯ

В микенскую эпоху Кефалония, Левкада, Закинф и Этолакарнания — часть материковой Греции, согласно Гомеру, составляли царство хитроумного Одиссея. До сих пор ученые спорят о местонахождении родины Одиссея и пытаются повторить его легендарный путь из Трои в родную Итаку. Но, несмотря на многочисленные экспедиции, вопросов становится гораздо больше, чем ответов. Интересно, что, несмотря на кажущуюся хаотичность и непредсказуемость перемещений Одиссея, герои Гомера следуют практически по тому же маршруту, что и герои мифа о Ясоне и аргонавтах.

Первую попытку в 1930 годах организовал французский знаток античности и переводчик Гомера Виктор Берар. В 1986 году легендарный путешественник Тим Северин воссоздал «Арго» — двенадцативесельную галеру и повторил путь аргонавтов и Одиссея. В 1999 году Жан Кюизенне построил катамаран «Царамбо», который шел с той же скоростью, что и галеры Одиссея.

Когда феаки, наконец, доплыли до Итаки, Одиссей крепко спал. А когда проснулся — не узнал родного острова. Так что же говорить о нас, живущих три с лишним тысячелетия спустя? Итаку до сих пор не узнают! Ученые долго и упорно искали соответствия в описания Итаки современному острову и не находили слишком многое...

А неизвестность всегда дает волю воображению и бесконечному поиску истины. Найти истину, поставить точку — значит успокоиться, остановиться, а поиск — это всегда развитие, движение вперед!

В 1868 году немецкий ученый Генрих Шлиман, потративший полжизни на поиски легендарной Трои, приехал на Итаку поклониться родине Одиссея. На горе Аэнос он предполагал, что должен находиться дворец царя Итаки. Но археологи откопали только греческую крепость 8 века до н. э. — развалины крепости Алаалькомены. Дворец Одис-

сея должен был быть как минимум на 5 веков старше... В поэме говорится, что вокруг много островов - Дулихий, Зам и лесистый Закинф, — а Итака ниже их и расположена ближе всех к западу. Современная Итака (Ithaki) лежит, наоборот, в восточной части архипелага и не очень совпадает с описаниями Гомера. При попытке проследить маршрут путешествий Одиссея, возникают многочисленные географические несоответствия. Литературоведы объясняют их тем, что Гомер жил на 5 веков позже событий, описываемых в «Илиаде» и «Одиссее».

Роберт Биттластоун — заметил, что Палики, оконечность полуострова Кефалония — голая, каменистая и «смотрит на закат», как писал поэт, вот только не является островом. А если в древние времена она была отделена проливом? Если Гомер был абсолютно прав, а ландшафт изменился?» — вопрошал Биттластоун в газете Guardian в преддверии выхода в свет своей книги об Итаке. Кефалония и другие Ионические острова Греции расположены как раз над местом, где европейская тектоническая плита сталкивается с африканской. Землетрясения происходят в этом регионе в среднем раз в 50 лет. По словам исследователей, «в результате подземных толчков Кефалония поднялась из моря более чем на 5 метров».

Специалисты по древней Греции не могли устоять перед очевидными свидетельствами. Джеймс Дигла, преподаватель греческого и латыни из Кэмбриджа и соавтор книги, посвященной этому открытию, сказал, что почти все 26 мест, детально описанных Гомером, можно обнаружить сегодня в северной части Палики и в окрестностях. Топография гомеровского острова подходит этой местности «как перчатка», говорит он. После экспедиций в западную часть Греции и компьютерного анализа литературных, геологических и археологических данных с использованием, в том числе, самых передовых спутниковых технологий и трехмерной визуализации, разработанной NASA, Биттластоун нашел порядка 70 свидетельств, ведущих в Кефалонию.

Отчет об исследовании был опубликован в издательстве Cambridge University Press 5 октября 2005 года в книге «Свободный Одиссей: в поисках гомеровской Итаки».

Профессор Дигла говорит: «Примерно через 3200 лет после событий, описанных в «Одиссее», древняя Итака наконец-то была найдена — это открытие произведет революцию в понимании древнего мира и происхождения западной цивилизации».

Трою также считали вымышленным местом, пока в

1870-х годах ее не обнаружил Генрих Шлиман..

Совсем недавно найдено еще одно подтверждение реальности событий, описанных Гомером. На небольшом острове Саламин недалеко от Афин греческие археологи обнаружили дворец героя «Илиады», легендарного Аякса. В течение двух ближайших лет на Кефалонии археологи продолжат геологические исследования, а в 2008 году планируют начать археологические раскопки.

Ученые пока не могут прийти к однозначному выводу. Существует мнение, что родина Одиссея - Кипр, немецкий археолог Вильгельм Дёрпфельд считал, что древняя Итака - это современная Левкада, о которой рассказ впереди. Все в нашей жизни относительно, была ли Кефалония родиной Одиссея или нет — вопрос времени. Помимо перспектив увидеть раскопки своими глазами, на Кефалонии есть множество других, реально существующих, неоспоримых и всемирно признанных чудес.

КЕФАЛОНИЯ — ОСТРОВ ПАРАДОКСОВ

Даже само название острова овеяно мифом, который лег в основу поэмы Овидия «Метаморфозы».

Пожалуй, среди удивительных мест, в которые стоит отправиться на Кефалонии в первую очередь, — подземное озеро Меллисани. В микенскую эпоху оно служило святилищем Пана, Бога лесов, охотников и пастухов, спутника Диониса, а в последствии покровителя всей природы. Здесь нашли его каменное изваяние, статуэтку нимфы и лампу, которые сегодня можно увидеть в Археологическом музее столицы острова — городе Аргостоли. В одном месте свод пещеры обвалился, образовав огромный колодец с водой, меняющей свой цвет в зависимости от угла падающих в него солнечных лучей.

Легенда рассказывает о том, что Пан, играя на сиринге, соблазнял нимф и земных женщин. Нимфа Меллисани пала жертвой его божественной музыки и мечтала о вечной любви и верности. Но, Пану ничто человеческое оказалось не чуждо, он стремился одерживать все новые и новые победы. Несчастливая Меллисани, не смогла пережить измены и утопилась в водах прекрасного озера.

По иронии судьбы, съемки недавно вышедшего на экраны фильма «Греческие каникулы» проходили именно на Кефалонии. «Из 3000 островов Греции мы выбрали для съемок особенный. Нам показали пещеру, открывшуюся в 50-е годы после землетрясения. Оказалось, что это было

капище Пана. Это удивительно совпало с нашей историей», рассказывает режиссер фильма Вера Сторожева. К удивлению киногруппы, древняя легенда почти повторяла первоначальный вариант финала фильма. «По сценарию, главная героиня сначала гибла, но ко мне пришла целая актерская делегация с просьбой сохранить ей жизнь».

Озеро Авитос (Мегали Аколи), согласно местному преданию, вообще не имеет дна, и его воды орошают всю долину. К юго-западу от Ликсури находится Кунопетра — скала, которая постоянно двигалась из стороны в сторону, как маятник. Эти необъяснимые колебания прекратились после землетрясения 1953 года, так и оставшись загадкой. В нескольких километрах от Сами находится Дрогорати — пещера с редкими сталактитами, сталагмитами и уникальной акустикой, возникшая около 150 миллионов лет назад. На нижней площадке пещеры проходят концерты. Когда-то здесь пела Мария Каллас.

Помимо удивительных геологических феноменов, на острове происходят и поистине божественные чудеса. В 25 километрах от местечка Маркопулло в храме Успения Пресвятой Богородицы в день праздника 15 августа у чудотворной иконы Богородицы «Панагия Федуса» появляются небольшие черные змейки с белым крестом на спине. В этот день они абсолютно безопасны, их не боятся местные жители, и даже дети. Они исчезают сразу после праздника. Змеи не появлялись только дважды, и это всегда было плохим знаком.

В праздник Успения у другой святыни острова — чудотворной иконы «Панагия Кринии» на засохших стеблях цветов, которые верующие приносят на праздник Благовещения, вновь распускаются живые лилии.

Кефалонийцы очень любят покровителя острова преподобного Герасима Нового. Почитание греками святого Герасима сравнимо с почитанием в России преподобного Серафима Саровского. В трех километрах к югу от Аргостоли находится пещера Святого Герасима, в которой он жил отшельником в течение шести лет, прежде чем основал монастырь в долине Омала, недалеко от Аргостоли. В нем хранятся нетленные мощи святого. В храме сохранилось и аскетическое жилище Герасима — пещера, в которую можно спуститься. В монастыре растут два платана, по легенде, посаженные самим преподобным. Три больших и тридцать семь маленьких колодцев вырыл святой своими руками, чтобы обеспечить водой эту безводную местность. В 1560 году, перед тем как основать мона-

стырь, святой Герасим отреставрировал часовню Успения Пресвятой Богородицы, которая также сохранилась до нашего времени.

Первые упоминания о монастыре Святого Апостола Андрея Первозванного встречаются с середины XIII века. В 1639 году греко-румынская принцесса Роксана, получившая в монашестве имя Ромила, пожертвовала в обитель величайшую святыню с Афона — стопу апостола Андрея Первозванного, которая находится в монастыре и по сей день. Здесь создан интересный церковный музей, расположенный в бывшем главном храме монастыря. В обители хранятся иконы и фрески из других храмов, пострадавших от землетрясения.

Небольшая церковь Святой Варвары построили после того, как здесь случилось чудо. Однажды, пастух пас овец в горах вместе с дочерью. Девочка гуляла невдалеке и подошла слишком близко к краю обрыва, оступилась и упала. Когда отец подбежал к ней, девочка была жива и невредима, рядом с ней пастух нашел небольшую иконку Святой Варвары. На этом месте в благодарность за чудесное спасение девочки построили церковь.

Самое очаровательное место на Кефалонии — утопающий в зелени поселок Фискардо. Раньше он назывался Панорм, но был переименован в честь нормандского завоевателя Гвискардо, который здесь умер. Из уютной гавани, в которую заходят яхты со всего мира, открывается удивительный вид на Итаку. Ширина пролива между островами — всего 4 километра. Отсюда легко добраться и до Левкады. Здесь можно увидеть исконную архитектуру Ионических островов. Венецианские дома 18 века, выкрашенные в пастельные тона, отреставрированы и используются как гостиницы, на первых этажах расположены небольшие магазинчики и уютные таверны. Можно заглянуть в византийскую церковь с резным изображением Диоскуров, героев античной мифологии, посмотреть на впадину в виде трона в скале и кладбище римского периода. Фискардо, окруженный кипарисовым лесом — место очень популярное, многие путешественники приезжают сюда каждый год. Сотни яхт со всего света зафрахтованы в заливе. Отелей здесь совсем немного, в основном, сдаются целые дома и виллы, Правда, местные цены на 30% выше, чем на всем острове.

Недалеко от Фискардо расположен один из красивейших пляжей в Европе, спрятанный от целого мира высокими скалами — знаменитый Миртос, с белоснежным песком и удивительной игрой морских оттенков — от бледно-голубого

до темно-синего. В 15 километрах от Фискардо расположена деревня Асос — удивительно живописное местечко. На полуострове через узкий перешеек лежат руины венецианской крепости 16 века — свидетельницы венецианской оккупации и высадки французов и русских в 19 веке.

На вершине горы Энос, самой высокой точке Ионических островов высотой 1630 метров, некогда находилось Святилище Зевса Эносского. Вершина покрыта снегом до поздней весны. Венецианцы называли ее «Monte Nero» — Черная гора за удивительный цвет уникальной *Abies cephalonica* — темно-зеленой кефалонийской ели, которая больше нигде не сохранилась. В национальном парке Энос, расположенном на склонах горы, можно встретить другие уникальные растения, и даже диких лошадей. Во время национально-освободительной войны греков против турков на остров в 1823 году прибыл с оружием и боеприпасами Лорд Байрон. Здесь, на Кефалонии, в деревне Метаксата великий английский поэт продолжал работать над поэмой «Дон Жуан» (1818-1823), которая так и осталась незаконченной.

Во время Второй Мировой Войны, в 1941 г., остров был занят итальянскими отрядами, союзниками Германии. В 1943 году Италия сдалась, но 9 тысяч итальянцев из альпийской дивизии отказались отдать остров немцам, и 7 дней оказывали ожесточенное сопротивление. В наказание немцы хладнокровно расстреляли почти всех вчерашних союзников. Выжило 43 человека. Эти события описаны в романе Луи де Бернье «Мандолина капитана Корелли». В 2001 году на острове проходили съемки фильма, который в Российском прокате назывался «Выбор капитана Корелли» с Пенелопой Круз и Николасом Кейджем в главных ролях. Островитяне надолго запомнят эти съемки — фактически половина жителей острова участвовала в массовке. (Продолжение в следующей книге альманаха.)

Марьяна ДАВЫДОВА

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА
или как путешествовать в кризисное время, не выходя из дома. Рассказы архитектора и А.С. Пушкина:

«Укрывшись в кабинет, / Один я не скучаю / И часто цельный свет / С восторгом забываю. / Друзья мне — мертвецы, / Парнасские жрецы; / Над полкою простою / Под тонкую тафтою / Со мной они живут / ...Здесь Озеров с

Расином / Руссо и Карамзин, / С Мольером-исполином / Фонвизин и Княжнин. / За ними, хмурясь важно, / Их грозный Аристарх / Является отважно / В шестнадцатити томах».

Пусть тем, кто с трепетом относится к книге и считает ее наиглавнейшей ценностью жизни, не покажутся варварством рассуждения о декоративном предназначении домашней библиотеки. Рабочая библиотека необходима людям, читающим или коллекционирующим книги, литераторам: для них занятия с книгой неотъемлемая часть профессии или образа жизни, и можно с уверенностью утверждать, что в такой домашней библиотеке обязательно будут характерные черты кабинета или домашнего музея. Существуют и другие варианты многофункциональной библиотеки. Владимир Набоков, например, вспоминая свой петербургский дом начала XX-го века, упоминает, что в его домашней библиотеке размещался небольшой спортивный зал, где его отец по утрам брал уроки фехтования. Насколько я могу судить — чрезвычайно распространенная форма сосуществования этих помещений для того времени. Сегодня проще представить себе сочетание библиотеки и, например, бильярдной. Книжные стеллажи прекрасный антураж для этой философской игры. Прозрачные или глухие, они могут выполнять роль перегородок, отделяющих друг от друга комнаты. Это не стена, а более проницаемая преграда, через которую прослеживается развитие внутреннего пространства квартиры. Библиотечный стеллаж также, своего рода, «измерительная линейка» — инструмент для приведения разрозненных элементов интерьера к единому масштабу. Тома, стоящие в шкафах или на полках, сразу придают помещению любых размеров четко определенные, не ранившие глаз, человеческие пропорции. Достаточно, например, в совершенно пустой комнате расставить вдоль стен стеллажи с книгами, и даже при полном отсутствии иной мебели, комната будет иметь вполне жилой вид. Библиотека — одно из самых свободных по своей внутренней организации помещений и, в то же время, наиболее обитаемая часть дома. Поэтому по воле хозяев она без ущерба для своей природы может кочевать по самым разным уголкам дома, ее можно помещать в самых неожиданных местах. Однажды мне довелось встретить небольшую библиотеку автолюбителя в гараже подмосковной дачи. Ну, чем не профессиональная путешественница, жаждущая побывать везде, которой везде рады!

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

21 марта провозглашено Международным Днем Поэзии. Это произошло в 1999 году на тридцатом заседании Ассамблеи ООН. С этого времени, ежегодно, во второй половине марта на нашей планете на разных языках звучат стихи, что сродни одновременной молитве ради всеобщего блага. С 2001 года Союз литераторов России является неизменным участником Всемирных дней поэзии. Из стихов поэтов, принимавших в разные годы участие во Всемирных днях поэзии, и состоит наша антология.

Анатолий КУТНИК, Германия

ВОЛОШИН

Посмертно жить в Крыму,
На склонах, на холмах,
Летать над пропастью
В январьскую мокрель

И верить в ту страну,
Где важен крыльев взмах,
Последней робостью
Надежды акварель.

Безумья моря,
Тишь после убийств,
Скудеет эхо
Да мгновенья лада,

Скалисто горе,
Воля для витийств,
Спаси от века,
Уведи Эллада.

Игорь ИОГАНСОН

НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Как на Лысой на горе,
На горе на Лысой
Повстречался старый крот
С молодой крысой:
«Для тебя великий крот —
Я ведь не слепая —
Своего покину бой-
Френда-шелопая!»

Закружились во тьме
Ведьмы да чертяки
И невеста в шушуне,
И жених во фраке.
Пляшут чёрные очки
И слепые бельма,
Каблучки клычки зрачки
Вместе и отдельно

Заглотнула чья-то пасть
Жениха с невестой —
Угораздило попасть
В проклятое место!
Чем бесовскому вытью
Вторить ре-минору —
Ей бы с ним — к житью-бытью
В каменную нору!

Народили бы детей
Матушке-Расее —
Кто из деток — покротей
Кто и покрисее
Обезлюдевшей стране —
Ведьмы да вояки,
Крыски в сером шушуне,
Кротики во фраке

Владимир БЕРЕЖКОВ

ПАХРА

До лета, глядишь, не помру,
Развеется снежная замять —
И выйду на речку Пахру,
На скрытую ветлами заводь.

Там звуков не слышно других —
Журчанье в древесной запруде;
Там в желтых кувшинках нагих
И лилиях белых, как груди,
    Неспешно — ведь все впереди! —
    Река, словно девичья шея
    Тонка, глубиной до груди —
    Затянет меня, ворожея.

Я видел твой плавный изгиб,
Где даже речная крапива,
В которой едва не погиб,
Пышна, зелена и красива.
    Там стаи прозрачных мальков,
    Подплыв к незабудкам небесным...
    Глядят, не боясь башмаков,
    В открытую синюю бездну.

А к ночи взойдет соловей;
Черемуха в клочьях тумана;
И ветром, слетевшим с ветвей,
Овеет лицо мое прана.
    И встанет русалка в реке,
    Вся в лилиях — белых, как груди.
    И если б не храм вдалеке —
    Остался бы с нею в запруде.

Александр БУГРОВ, Кострома

***

А мы и не знали, что это сирень,
Покуда не расцвела.
И этот ненастный июньский день —
Как будто цветочек зла.

А почему — не понять никак:
Денек как любой денек.
Остаткам вчерашнего пикника
Радуетя щенок

И мухи, и осы. И только мы
Хандрим от чего-нибудь.
Денек как денежку дали взаймы.

156 Мелочь, а не вернуть.

Ирина СУГЛОБОВА

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Матерь Божья, Матерь Слова,
Матерь Света, в черный час
Исцели сейчас больного,
Сохрани его для нас.

Что б звучало Божье Имя
На земле, как и в раю,
Ты слезами дорогими
Искупи вину мою.

Там, где ангельское пенье
И безмерна благодать,
Испроси ему спасенья,
Милосерднейшая мать.

Ей, Заступнице земного,
Ей, Споручнице людей,
Стань у Божьего престола
За детей и матерей,

За монахов и поэтов,
Всех скорбящих в этот час.
Матерь Божья, Матерь Света,
Исцели... помилуй нас.

Анастасия ГОТОВЦЕВА

***

Вы уезжаете? Куда же?
А впрочем, все равно... Прошу
Вас — выньте из плюмажа
Одно перо — я напишу

Вам пару строк — на память просто,
По-дружески. Смеетесь вы —
К чему все это? Шутки бросьте!
Коряв мой слог? Таков, увы.

Все ж дайте, напишу два слова.
Ваш конь оседлан, ваш багаж

Давно отправлен на почтовой
К дорожной станции, и ваш

Горячий нрав нетерпеливый
Вас с места гонит, вдаль маня.
Но как бы не были счастливы
В изгнание, помните меня.

Я не меняюсь, я все та же,
Ваш образ в сердце я ношу.
Ах, сударь, выньте из плюмажа
Одно перо, я напишу...

Иван АФАНАСЬЕВ, Орел

* * *

Верба и вера. Весна. Воскресенье.
Верба — надежда, а вера — спасенье.
Верочка с вербой в руке на ветру —
Верю и помню, пока не помру.

Юрий БЕКИШЕВ, Кострома

ДОЖДЬ

Обрушилась дождя стена!
И тут же пе-

ре-
мо-
ло-
ти-
ло

листву водой
и в кучу сбило...

Вдоль деревянного настила
лежат и мокнут семена...

И, надъшавшись хлорофилла,
глядит на мир,
удивлена,
зеленоглазая кобыла.

Валерий ДУДАКОВ

Молитва в Киото-Гарден

Спасибо, Господи, за этот дивный сад,
Зеленую траву, кусты и водопад.
Спасибо, Господи, за птичий тихий свист,
Уснувший лес, засохший желтый лист.
Спасибо, Господи, за серебро воды,
Она светла и не несет беды.
Спасибо, что отмел в лихие времена,
Чем соблазнял меня лукавый сатана:
Стяжательство, гордыню, похоть, лесть,
Те смертные грехи, которые не счесть.
Спасибо, Господи, что не дал ты мне власть
Достоинство других себе под ноги класть.
Спасибо, Господи, что крест не тяжек мой.
Ты мне его вручил, с ним обрету покой.
Спасибо, что, души заполнив пустоту,
Ты в жизни указал спасения тропу.
Спасибо, Господи, что дал мне счастье жить
И, падая, вставать, надеяться, любить.

Ольга БИБИКОВА

* * *

Мне в этой жизни нужно очень много:
Трава и солнце, дальняя дорога;
Земля, огонь и свой, пусть странный, дом,
Чтоб хорошо и вольно было в нем.

Еще мне нужен лес и море, волны;
Вечерний сумрак, ожидания полный.
Мне нужен снег, искрящийся под светом,
Июльский полдень в мареве прогретом;

Родных, друзей заботливые лица,
Родник в лесу — в жару воды напиться —
И гриб в траве на солнечной опушке,
И радость от создания безделушки;

Река и летний разнотравный луг,
Березы старой искривленный сук;
Мечта, надежда, встреча у порога...
Ты видишь, нужно мне совсем немного.

Виктор ЛУФЕРОВ

ПЕСНЯ НА ДВА ГОЛОСА

Т. Н.

Пусть за то, что скажу не сносить головы,
Пусть с твоей не слетит ни единого волоса.
Хорошо тьму ночей освещать в две свечи
И любимый мотив напевать на два голоса.

Жаль. Что этого ты не сумела понять,
Оставляя меня одного в одиночестве.
Что ж, одно к одному — значит время пришло
Не по имени звать, а по отчеству.

Вдруг представилось мне, что вперед на сто лет
Наша жизнь в трафарет фотографией вставлена.
Долгий перечень наших поступков и слов,
Как на свечке — нагар, на металле — окалина.

Но высокое пламя мы ценим в свече
И доверье в словах, а не мнимую двойственность,
И окалины слой не заметит металл —
Душ родство не подменит случайная родственность.

Что ж, одно к одному — лепит жизнь нашу жизнь,
И к застрехе — гнездо, и к отчеству — отчество,
Облака — к небесам, и разлуку — к любви,
И к древесным стволам — всей листвы одиночество.

Да простится мне все, что тебе я сказал.
В рассыпную пора, как из спелого колоса,
А за каждым из нас право выбора есть —
С кем гореть в две свечи и с кем петь на два голоса.

Аркадий ПАХОМОВ

***

Любимая, в такие времена,
в такую сучью непогодь и замять,
не дай нам Бог кичиться и лукавить
и выяснять, чья большая вина —
твоя вина, или моя вина,
иль родины злопамятные вины
у нас в крови. Без слез и без запинок
забудь вражду, и да пошлет нам сына
глухая ночь в такие времена...

158

Вячеслав СЫСОЕВ

***

Не за морем, не где-то,
Не навеяно снами —
Деревенское лето
За околицей, с нами.

В буйство красок одето,
Веет сказочной силой...
Все оттуда, из лета,
Что душа сохранила.

Это — наше наследство,
Это — предков заветы.
Деревенское детство,
Деревенское лето.

Татьяна КАЙСАРОВА

***

Полночь отмерена. Теплится рань.
Чуткое время вдыхает герань.
Где-то за стенкой пропели часы,
Раннее утро ребёнком босым
Встанет на цыпочки, тронет кровать,
Ласково руки начнёт целовать...
— Боже, ну хватит, не надо, сдаюсь! —
Бесповоротно со сном расстаюсь,

Пересекаю незримую грань.
— Где ты, моя ворожея герань?

Олег ЧИЛАП

***

Глубокомысленность и вычурность стиха
Слегка напоминает смысл ореха:
На глаз — не больше крошечного смеха,
Раскусишь — сразу видишь суть греха.

Александр ПЕТРОВИЧ-СЫРОВ

***

Уходит жизнь за годом год,
Спешешь за ней, как за красоткой, —
И все равно она пройдет,
Но, главное, какой походкой!

Александр ВОЛОВИК

***

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное — когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда — единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права.
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождейки слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём) является предмет.
Всё — виртуально: водоём, премьера, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

Евгений В. ХАРИТОНОВ

***

в кровоподтеках нажитых болезней
в рубцах исчерпанной любви
лежу на диване
крошащимися зубами пережевывая стихи
слушаю
как седыми волосками
из меня выползает время

Ингрид КИРШТАЙН

Вечер в Токио

Велосипедные скопища. Мост через Эдо.
Воздух стоит как прилизанный.
И глоток — против течения — прозы
Уже стихи.

Людмила ВАГУРИНА

Море

И только один
неизменный свидетель,
тихо нашептывающий —
время... ветер... —
и лишь слегка
пробующий на язык
берега...

Анна ПОПОВА, Орел

***

Смеялся ветер, и жёлтое солнце
Стекало на землю янтарным мёдом,
И волны грузно валились на берег,
Вскипая мутной лохматой пеной,
И, гордые старостью исполины,
Громады гор в облаках терялись.
Цвели парусов далёкие блики —
Мазки растрёпанной белой кисти.
И тускло поблёскивали медузы —
Прозрачные слюдяные розы.

И плакали чайки. И пело небо.
И был тугим и солёным воздух.
И таяло утро в июньском зное.
Мой сын впервые увидел море...

Юрий ПРОСКУРЯКОВ

***

Над мышцей пляжа колыханье вод
окружено пыланием жасмина,
так глубока и тяжела путина,
и смутен путь, и светел небосвод,
и путник, проклиная свой род,
и птица в полосе аквамарина,
и на камнях прозрачная ундина,
холодная и чистая, как лед,
неравномерно западают в слог
уродца у киоска и атлета,
глядящего в глаза ему. Так Лета,
играющая душами у ног,
стирает суть вопроса и ответа,
следы людей, строений и эколог.

Игорь БУРДОНОВ

***

Хорошо бы собаку купить...
Иван Бунин

Уеду в глушь от сует человеческих.
Сниму замок, открою дверь избы.

Зажгу костёр в глубинах русской печи.
Весёлый дым повалит из трубы.
Не пойман, не опознан, не подсуден —
я возвращаюсь к истинной основе.
Горячий чай из глиняной посуды.
Табачный дым мешается с сосновым.

Ночная тьма и звёзды за окном,
и месяцу тонок, как в прыжке борзая.
Страницы книг охотничьим ножом
я медленно и важно разрезаю.

В огонь печи как в родовой камин
уходит взгляд как поезд от перрона.
Как нравится мне, что сижу один
и наслаждаюсь прозой Честертона.

У ног моих ложится славный пёс
и голову на лапы опускает.
Он зимней шерстью хорошо оброс
и от тепла спокойно засыпает.

Недвижима в ночи земная твердь.
Лишь изредка из леса — крик совы.
И если к нам в окно заглянет смерть,
мы даже не подыдем головы.

Александр МИРЗАЯН

ТЯЖЁЛЫЙ БЛЮЗ

Ну что, ответь, мой друг философ,
куда завёл нас поиск носа?
Скажи, зачем вставал на спины
и вдаль светил пером гусиным?
Чего нашёл, кого оставил?
И где сестра, где брат твой Авель?
Да что теперь считать потери —
нам дали всё, что мы хотели. —
И с тем в руках ушли из Рая,
чтоб здесь в снегах искать Израиль,
где слов твоих уже не слышно,
где ты играл и пел для нищих.
И видел, как, теряя силы,
160 уходит мир меж губ Далилы.

И не спасти — тебе тем паче —
и не сдержать — стеною плача.
Да что с того, что к ней прибиты
звезда полей, звезда Давида.
Тогда давай поднимем свечи
за всех, кто пел «ещё не вечер!».
Который час узнаем точно —
ты слышишь бой часов песочных.
Смотри — снесло пустые сети,
держи весло и пой, как ветер.

Олег ГОНТАРЕВ, Екатеринбург

* * *

Пятое время года —
Не весна и не лето,
Не осень и не зима.
Время ожидания.
Пятое время суток —
Не утро и не день,
Не вечер и не ночь.
Время ожидания.
Время остановившихся часов
И календаря.

Наталья ВАНХАНЕН

* * *

С рембрандтовой старухой в электричке
под перестук колесный, по привычке
потолковать о солнце, о траве,
про то, что дней таких в году немного,
чтоб под крылом у голубя и Бога,
что жизнь была бы, в общем, непроста,
когда бы не за пазухой Христа...

Татьяна ГРАУЗ

* * *

Г. А.

сумерки сквозь сиротство
п о м н и ш ь
плач мерзлой земли
подолы старух расшитые петухами
будто на праздник все шли
а в глазах темных скифских
заиндевелость печали
и я хотела спросить

у дороги
у тех собак у погоста
у черной раны земли
где кружились траурные хороводы
я хотела спросить
л и ш ь о ж и з н и
о м и л о с т и
о л ю б в и

НИНА ДУБОВИЦКАЯ

* * *

«Бог — помощь», — сказала соседка.
«Бог в помощь», — ответила я.
Но я ошибалась нередко —
Ошибки учили меня.
Когда тяжело заболела,
Когда я осталась одна,
Меня за живое задела
Двух кровных основ глубина.
В них слабому духу подмога —
Священная родственность слов.
«Бог — помощь», — не надо предлога.
Поверишь и будешь здоров.

Людмила СЕРОВА, Орел

* * *

Помню детство, войною прожженное,
В сердце острая боль утрат.
Оттого и синь окоемная
Мне дороже любых наград.

Оттого и с метелью, может быть,
Говорю языком подруг,
Оттого всей душой, всей кожей
Ощущаю чужой недуг.

Евгений ВЕРБИН, Чехия

Элегия

Уходит молодость без спроса,
Без слов, без мятежей...
Уж волосы растут из носа
И из ушей.

И дети, что в одном квартале
Со мной живут,
Совсем уже большими стали:
Здороваться перестают.
Уже не видят синей птицы
Глаза мои:
То голубь на балкон садится,
То воробьи.
И та, которой столько бредил,
Я весь свой май,
Глядит мне вслед, как на последний
Ночной трамвай.

Ольга КАНАРСКАЯ

Как странно

Мои колени неизвестность
Прошла мелкой дрожью страха:
По переплетам гулких лестниц
Себя крошу на мелкий сахар.

Собак приманивать бродячих,
В обнимку спать, чтобы согреться...
Как странно: я проснулась зрячей,
И автономно запустилось сердце.

Мариам КАБАШИЛОВА, Дагестан

* * *

Это, должно быть, где-то внутри, в подкорке.
Мне каждую ночь снится море,
Непрекращающийся ливень за окном
И школьные тетради с формулой H₂O.

По-моему, впору говорить о душевной ране,
О водофилии. Ведь судите сами,
Дело не только в том,
Что не могу равнодушно пройти мимо крана,

А еще водопады, морось, дожди, цунами.
Когда из занятий всех
Выбираю мытье посуды, полов и, туда же — стирку.
Когда связывает с бывшей съемной квартирой
Абонемент в бассейн.

Татьяна ГОРОХОВА

***

Из ада однажды вернуться,
не расплескав всю любовь,
Солому поджечь, обернуться
на ту, что рифмуется в кровь.
Не буду вдова, слава Богу.
А верная буду жена.
И девочка, дудочка, поле.
Какая большая страна,
В которой игра на гармошке
Покуда не запрещена.
В которой стихи и ладошки
И даже не льется вина,
А строится домик
И гномик
Уже поскакал по морям
Сказать, что принцесса готова
К рождению богатыря.

Фёдор ФИЛИППОВ

***

Вы от судьбы чего-то ждете,
Ввысь задираете главу,
Но жизнь — не гидроплан в полете,
А плоскодонка на плаву.
Наивно, запрокинув выю
И взгляда перпендикуляр
Бросая в небеса тугие,
Стоять, как редкий экземпляр
Прибрежной фауны и флоры:
Когда все сущее внизу,
Вотще воздернутые взоры
Вперять, испытывая зуд
Желанья, в горние пределы,
Мечтой реальности круша:
Что на плаву — то не взлетело,
А не взлетело — значит, ша!

Владимир Н. НОВИКОВ

***

Повсюду снова вороха —
Жестянки листьев бывших,
И на обочинах стиха
Осталась лета пышность.

А в строчках — только дробь дождя,
И ветра завыванье,
И оголенная Земля
Несется на закланье.

Владимир ГЛАНЦ

***

Как дервиш одетую в рухлядь,
На голую кость — в парике,
Всему, что люблю я, поруху
Несущую в грозной руке, —
Стоглаву, столику, сторуку,
Стригушую люд как жнивье,
Босую, косую старуху
Однажды я видел живьем.
В своей театральной рванине
(Не взятой ли где напрокат?)
Она ко мне шла по равнине
Без зова, а так — наугад.
Походка — бесстыжая поступь,
Не в «топ» ли «модели» игра?
Как рельсы на стыках, так кости
Стучали в районе бедра
О том, что нам всем на погосты
«Пора, брат, пора, брат, пора!»...

Марина МИХЕЕВА

АРКАН 8

Закон или Правосудие

Запрет нарушив, выпав из гнезда,
Заслуживаешь гнева и изгнания.
Забудь о вечности. Закон существованья
Земной узнай — извечная борьба.
За зерна истинного знанья.

Николай ГРИЦАНЧУК

Предзимье

Высокий холм. Туман в низине,
И небо затянули облака.
Вершина. Деревце рябины
Как налитая шея индюка.

Татьяна ВИНОГРАДОВА

***

Черные стекла ночного дождя.
Хаос и Хронос настигли тебя.
Не тебе — серебристый и легкий
предугаданной осени свет.
Поздний август сентябрьской свободой сквозит,
И — надкушенным яблоком Гесперид —
свет.
Безо всяких обид и бед.
Свет, лишенный земных страстей.
Свет.
(А вокруг — всё темней).
Райский свет, свет без теней.
...Дождь взял город в стеклянный плен.
Аониды не прощают измен.
Вот твоя кровь, вот стило,
Вот сентябрьской ночи стекло.
По стеклу стекает вода...
— А о нем забудь навсегда.

Марина ЛЕВИНА

***

Я знаю: одно из тысячи слов
Затронет тебя,
И лишь один из тысячи взглядов
Найдет свою цель.
Быть может, одна из тысячи встреч
Поможет тебе
Увидеть — меня, запомнить — меня...
Одну из тысячи тел.

Юрий БЕРДНИКОВ

***

На занесенном снегом полустанке
стоишь один,
растерян и забыт —
промчалась мимо жизнь
в огнях весеннее-ярких
и с надписью короткою: транзит

Геннадий ГОТОВЦЕВ

***

В начале было Слово. И было Слово
У Бога. И было Слово — Бог.
Евангелие от Иоанна

Уж коль в начале было Слово,
И это слово было Бог,
Чего же ищешь ты такого,
Чтоб только ты придумать мог?
Какого жаждешь ты признанья,
Скажи, поэт? Зачем оно?
Ты часть людского мирозданья,
Что не тобой возведено.
Но ты — избранник без сомненья,
Без похвалы и без прикрас,
Когда с искрою вдохновенья
Невнятно слышишь Божий глас.
Тот Божий стих, что в жизни грешной
В тебя нечаянно проник,
Не оскверни рукой поспешной:
Ведь ты всего лишь проводник.

Иосиф РАБИНОВИЧ

Мой шедевр

Я о прошлом и настоящем
Не пекусь, потому — суета,
Символ завтрашний — черный ящик,
Вот о чем у меня мечта.
Чтоб эстетам была приятна
До конца идея моя,
Закажу шесть стенок квадратных
Шестерым Малевичам я.
И собью, сколочу свой ящик,
И упрячу подальше впрок,
Пусть пылится шедевр блестящий,
Пригодится еще, дай срок.
А когда, подчиняясь закону,
Отхожу своё, отпою,
Суньте ящику в мрачное лоно
Закопченную душу мою!
Знаю, я ни к чему Гекубе,
Но эстеты будут болтать:
«Рабинович — Малевич в кубе,
Вот придумал, так его мать!»

Ксения РАДИОНОВА

***

Синяя птица. Летящий Шагал
с Бергою вместе любовь воспевал.

Полуобхват полурук-полукрыльев —
Оба летят в упоении былью.

Мост пролетают, где встретились двое —
перехлестнулись пути их судьбою.

Смена имен — псевдоним — для успеха,
Кисти мазок — разноцветное эхо.

Юрий КЛЕЙБЕРГ

***

Будет свет. Будет лед.
На ладони свирель.
Синий вечер. Полет.
И бессонный апрель.
Небеса на двоих.
Ясной зелени труг.
И затмение тьмы.
И забвение лет.
В мире — небо и мы.
В небе — крылья и свет.
... А потом на пути,
Самом долгом пути,
Здесь — тебя не найти,
Там — меня не найти.

Анатолий ГОМОРЕВ

***

Друзья, цените этих встреч мгновенья.
Не торопите жизнь, желая избавленья.
Пройдут года и время превратит
Любовь и ненависть в сплошное сожаленье.

Людмила КОЛОДЯЖНАЯ

К Покрову

Позову — молитвою без слов,
ты откликнешься — горячей речью.
Снежной скатертью падет Покров

164 на просторный стол короткой встрече.

Глянец окон... Взглянем, даль деля,
облако чуть сдвинет — вечный ветер.
Вздоргнем — как бела уже земля,
розовых берез развиты ветви...

Ангел чуть качнется на часах,
словно воин, вставший за околицей,
и пройдет в раскрытых небесах
по горящей кромке — Богородица.

Ты возьмешь Минеи, иль Триодь,
и тропарь откроешь: глас четвертый.
Кратким гимном отзовется свод,
и скользнет к ладоням Плат простертый.

Андрей КУЛЬПИН, Нижний Новгород

Морозная заря

Томноокий мой избранник,
Мой поэт, безумный странник,
Отчего твои печали
В сердце вьюжное запали?..

Отчего звенит тревогой
Серп Луны сребророгой?
Дай прижаться, прикоснуться,
От студёных снов очнуться...

И морозными устами,
Нежно-хрупкими перстами
Я главу твою хмельную
Заласкаю, зацелую...

Лоб горячий, взор горячий
Утоплю в прохладе жгучей,
В негах снежно сокровенных,
В кружевах метельно пенных...

Загляну случайно в очи,
Бесконечность напророчу,
Закою морозом веки,
Уведу с собой навеки...

Николай ИОДЛОВСКИЙ

***

Горячее яблоко лета
Вкусил я, надежду храня.
Зигзаги искристого света
Навек поразили меня.
И туча невиданной масти,
И радуга чистых кровей...
О, лето — червонное счастье, —
Жемчужина жизни моей.

Арсен МЕЛИТОНЯН

***

Застывший зной.
В нём будто замурован звук
Неразвившейся грозы...

Ия ЭСКО

***

пламя свечи
как лезвием
режет ночь

Елена ЕВСТИГНЕЕВА

Осень

Шепот сменили резкие речи,
Радость сменили редкие встречи.
Дождь зарядивший как будто навечно
Лижет у яблонь голые плечи.

Юрий БОЧКОВ

***

Вечереет. Сентябрьская ясность
Переходит в прозрачную тьму.
Веет в воздухе грусти причастность
И к тебе. И ко мне. Ко всему.

Татьяна ГОРДИЕНКО

***

Начало осени в природе и в судьбе —
Пора раздумий и пора итогов.
Пусть места не окажется беде,
И пусть Господь нас не осудит строго.

Наталья РОЖКОВА

***

Народ на выборы идёт,
А на дорогах — гололёд,
Вспорхнут вороны шумно с крыш,
Чуть поскользнёшься — и летишь
Дорогой гладкой в никуда,
Горит Полярная звезда
Так безразлично, что она
Не знает, где моя страна,
Где те, которые народ
У неизведанных ворот.

Владимир РУБЦОВ

***

Ночь. Звезды. Полная луна.
И легких облаков скольженье.
Душа. Как по морю она
Под парусом воображенья
Скользит. То вовсе пропадет,
То растворится в лунном свете.
А то, как рыба, попадет
В небесные тугие сети.

Ирина АРТАМОНОВА

***

На солнце, у домов, березовые почки
Уж лопнули и клейкие листочки —
Изящное гофре зеленых язычков —
Все видят даже без очков.

Александр КОДЫЛЕВ, Рязань

В Солотче

Природа в сказочном убранстве
Хранит снежинок белизну.
И ты в воркующем пространстве
Встречаешь раннюю весну.

Илья ОГАНДЖАНОВ

***

о прошлом ли о будущем вздохнёшь
ноябрьский ледок под сердцем хрустнет
повеет холодом с реки

и тишиной туманной даль поманит
и снова весело бежит вдоль берега тропа
и плещется волна
и ветер с ней как брат с сестрой играет
и в тусклом зеркале небес
одинокая тень проплывает

Светлана МАКУРЕНКОВА

* * *

Я спала на ладони у Бога
В колыбели ночной тишины.
Светлый луч вопросительно строго
Заглянул в мои вещиные сны.

Полнолуние мир заливало
Древней тайной нездешней красы,
Будто в мире себя избывало
Что-то в эти земные часы.

И незримого тонкие блики
Явью сон обернули легко,
Проступили сокрытые лики,
Отрешилась душа от оков.

Дмитрий КОЛЕДИН

* * *

Попасть в пространство без пространства
Дышать без воздуха — но как?
Ведь танцевать без танца
Мы можем только сбившись с такта

И заблудившись в трех соснах
Найти четвертую уже в других мирах...

Валентин КУКЛЕВ

* * *

Живет не здесь — в звездах Поэта — душа моя!
Е.А. Баратынский

Мы все-таки живем в предчувствии иного света.
Там в Млечной полосе, где жизнь течет без слез,
Где нет весны, ни осени, ни лета,
И трепета чуть обнажившихся берез.

Мы все-таки живем и, веря в тайные приметы,
В мирах любви летим к своим созвездиям,

Пусть путь наш осветит хвост ледяной кометы,
А стих — с неверным перебоем, шестистопный ямб.

Мы все-таки живем, так начинают жить сначала.
И в небо глянет Русь, не ставшая сполна...
Мы все-таки живем, и в трепете берез
и в досках деревянного причала,
Где тихо бьется одинокая волна.

Юрий МАМЛЕЕВ

Тихо лежу, завершая огромную жизни тревогу.
Друг, с кем скитался по дальним жестоким мирам,
Скоро под землю уйдёт — незаметно пророев дорогу,
Ту, по которой скитаться он хочет, подвластный
подземным векам.

Пусть себе! Вижу богов непонятное в небе течение.
Мысль и желания их — так далеки от меня!
Мне б отдохнуть! И услышать блаженное пение,
Что уведёт меня в сладостный плен и в лобзание сна.
Только боюсь, что умру и потом не дождусь поцелуя.
Шар мой застрянет в каких-то немислимых плясках
и снах.

Кто-то бездонный, с вселенским сознанием, подует —
И унесусь навсегда, в неизвестность, в таинственность,
в прах.

Валерий ШАПИРО

* * *

Буду я по городу ходить,
Потому что рано хоронить.
Будет строчка, чистая как медь,
На морозном воздухе звенеть,
Будто капля чёрного огня
С высоты упала на меня.

Аркадий АГАПКИН

* * *

Двужильный день перехитрить
И ночь бездомную прищучить
Златосеребряной луной...

Так пелось брошенной весной
На тот неосторожный случай,
Что жить да жить...

Ольга КАРУЛИНА

Вечный поиск

Учителя, мыслители, пророки,
Философы, учёные в веках,
Трактатов мудрых сочиняя строки,
Слова чужие обращают в прах.
Кому же верить? Каждый прав немного.
И каждый верит в истины свои.
Так трудно выбрать для себя дорогу!
В реке не видно ключевой струи.
Найдет ли правду человека гений —
Её скрывают тысячи дверей.
И сторожат её клешни сомнений.
И только сердце — факел меж теней!
Лишь сердце путь добра и созиданья
Отыщет в вечном лабиринте слов
И приведёт к истоку Мирозданья,
К Тому, кто создал тысячи миров!

Георгий ГЕННИС

Темя

Кроткер искал родник
своих несчастий и наслаждений
и нашел еще не заросшее темя
кем-то вскрытой земли

там лежала нагая птица
среди собственных вырванных перьев

крокер взял ее на руки
дрожащая мякоть дыхания
истекала тяжестью крови
голые крылья сквозили
внезапным смятеньем любви

Вячеслав КУПРИЯНОВ

* * *

Уже весна не за горами!
Скорей во двор, где меж деревьев
Сугробы сыто загорают,
От сна и лени посереб.

А я пройдуся по ним набегом,
Чтоб солнцу ярому под стать
Взимать с зимы налоги снегом
И лужи по миру пускать!

Светлана АРТЁМОВА

Снежинка

Обманула меня снежинка.
Я-то думала, будем дружить,
Будем с нею как две половинки
Неразлучно всю зиму жить.
Ну а ей оказалось нужно
Быть стежком на ковре снегов.
Обманул меня чертик вьюжный,
Прыг с ладони — и был таков.

Константин КЕДРОВ

Библия Бабочки

Две стены как бабочки
под углом расправляют крылья
Бабочка ночная колышет тень
Четырехугольной бабочкой
восьмикрылой
комната давно готова взлететь

Мир амурный из моря крыл
замирает в мирах укромных
Словно Библию приоткрыл
и захопнул

Евгений БАЧУРИН

* * *

В шахматы играют на балконе
В довоенной южной стороне
Смуглый мальчик в новенькой матроске
И курсант при кожаном ремне.

У перил, где листья винограда,
Мать смеется и отец грустит.
Брат приехал — он военный летчик.
За балконом бабочка парит.

Мы сидим за столиком прозрачным,
А над нами летняя пора,
На доске расставлены фигуры —
В шахматы последняя игра.

Мир затих не двигается время,
Замер тополь, голову склоня,
Тонет солнце в безмятежном море,
До войны еще четыре дня...

Прошлое уходит без оглядки,
Но остался голос с высоты:
— Спи, мой мальчик, спи, мой, сладко-сладко, —
Ведь в живых остался только ты.

Юрий ПОЛЯКОВ

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Здесь у меня никто не похоронен,
И надписи мне мало говорят,
Но я брожу
    под зычный гай вороний
По лабиринту крашенных оград,
Читаю даты
    и считаю строки,
Как будто жизни суть —
    в ее длине...
А в чем еще?
    Ни свод небес высокий,
Ни прах подножный
    не ответят мне.
Да и зачем ответ,
    простой и скорый,
Что вместо лада
    нам несет разлад,
Как этой старой церкви,
    на которой
Еще видны
    большие буквы —
    «СКЛАД».

Максим ЖУКОВСКИЙ

СОСНЫ

Стволы ломкие
И безлистые —
Как соломинки,
Но смолистые,
Но суровые
И возвышенные.
Ноги ровные,
Кудри пышные.
Дивно стройные
Стволы сдвоенные.
И построены
Словно воины.

Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК

ИКАР

Стоит мужик на крыше дома
В рубахе, чуть прикрывшей срам.
За ним — техничка тетя Тома.
Но как он очутился там?

Икар — назвал художник сценку.
На жёлтый двухэтажный дом,
На тётитомину коленку
Гляжу, застыв с раскрытым ртом.

Мне нравится татуировка
ИКАР — от кисти до локтя,
На нём картуз сидит неловко —
Большое Божие Дитя.

А этот парень, что Икара
Нарисовал на полотне,
Его красавица Тамара
Ещё не раз приснятся мне.

И узкий жёлоб водосточный,
Куда уже ступил дружок,
И этот беспощадный, точный,
Без крыльев за спиной прыжок.

А Л Ф А В И Т Н Ы Й   У К А З А Т Е Л Ь   А В Т О Р О В

- Агапкин Аркадий 166
 Агеева Надежда 133
 Алимарин Сергей 143
 Арлинский Григорий 33
 Артамонова Ирина 165
 Артёмова Светлана 167
 Афанасьев Иван 157
 Багратион-Мухранели Ирина 98
 Бачурин Евгений 167
 Бекишев Юрий 157
 Бердников Юрий 163
 Бережков Владимир 155
 Бибикова Ольга 157
 Бочков Юрий 165
 Брукс Олеся 150
 Бугров Александр 156
 Бурдонов Игорь 159
 Вагурина Люда 124, 159
 Ванханен Наталья 160
 Вербин Евгений 161
 Виноградова Татьяна 163
 Воловик Александр 159
 Волохонская Лилия 67
 Воробьев Александр 25
 Воропаева Галина 83
 Воротников Борис 16
 Габриэлян Наталья 12
 Геннис Георгий 167
 Глянц Владимир 86, 162
 Голов Андрей 84
 Годубев Анатолий 104
 Гоморев Анатолий 96, 164
 Гонтарев Олег 160
 Гордиенко Татьяна 165
 Горохова Татьяна 162
 Готовцев Геннадий 163
 Готовцева Анастасия 156
 Гравицкий Алексей 27
 Грауз Татьяна 160
 Грицанчук Николай 162
 Давыдова Марьяна 154
 Давыдова Нина 114
 Дубовицкая Ница 161
 Дудаков Валерий 157
 Егорова Антонина 79
 Евстигнеева Елена 165
 Ерофеева Галина 114
 Жидков Спартак 43
 Жуковский Максим 168
 Ильичева Наталья 149
 Иогансон Игорь 155
 Иодловский Николай 165
 Кабашилова Мариам 161
 Каверин Артем 142
 Кайсарова Татьяна 141, 158
 Канарская Ольга 161
 Карудина Ольга 167
 Квартин Юлий 144
 Кедров Константин 167
 Кирштайн Ингрид 159
 Клейберг Юрий 78, 164
 Кодылев Александр 165
 Коледин Дмитрий 3, 166
 Колодяжная Людмила 65, 84, 164
 Красовская Юлия 6
 Куклев Валентин 56, 166
 Кульпин Андрей 164
 Куприянов Вячеслав 167
 Курилов Дмитрий 24
 Кутник Анатолий 155
 Левина Марина 163
 Лобашкова Татьяна 117
 Лукьянов Евгений 82
 Луферов Виктор 158
 Макуренкова Светлана 125, 166
 Мамлеев Юрий 3, 166
 Мелитонян Арсен 165
 Мирзаян Александр 160
 Миронова Мария 39
 Михеева Марина 162
 Михненко Павел 74
 Никитенко Константин 149
 Новиков Владимир И. 90
 Новиков Владимир Н. 162
 Нурисламов Ильдар 37
 Оганджанов Илья 165
 Панфилова Мария 81
 Пахомов Аркадий 158
 Пацаева Татьяна 22
 Петрович-Сыров Александр 158
 Пидевич Инга 41
 Поляков Юрий 168
 Попова Анна 159
 Постнов Олег 138
 Проскуряков Юрий 121, 159
 Рабинович Иосиф 163
 Радинова Ксения 164
 Рожкова Наталья 165
 Рубцов Владимир 165
 Садовская Лара 47
 Серова Людмила 161
 Степанов Евгений 20, 130
 Суглобова Ирина 156
 Сысоев Вячеслав 138, 158
 Филиппов Федор 148, 162
 Харитонов Евгений В. 159
 Харичев Игорь 61
 Цесельчук Дмитрий 84, 112, 129, 141, 168
 Чилап Олег 58, 158
 Шапиро Борис 146
 Шапиро Валерий 166
 Шилов Владимир 149
 Шмелькова Наталья 146
 Эско Ия 165
 Якубович Борис 70

СОДЕРЖАНИЕ

«Эта цивилизация исчерпала себя... своим метафизическим слабоумием...». С писателем Юрием Мамлеевым беседует Дмитрий Коледин.	3	НАСЛЕДИЕ	
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ		Владимир Глянц. Тайна Гоголя	86
Юлия Красовская. Посмертный разговор со Сталиным, или о вреде позднего ужина. Рассказ	6	Владимир Новиков. Поэт — сельский хозяин.	90
Наталья Габриэлян. Несмотря и вопреки. Рассказ	12	А. Пушкин и Е. Баратынский.	96
Борис Воротников. Жан-Локтист Мольер, Взрыв, Стройка. Рассказы	16	Анатолий Гоморев. Неизвестные автографы А. Блока	96
Евгений Степанов. Вот ведь какая настала пора... Стихи	20	ИМЕНА И СИМВОЛЫ ЭПОХ	
Татьяна Пацаева. Скользя по памяти зеркальной... Стихи	20	Ирина Багратион-Мухранели. Опыт прочтения «Египетской марки» Мандельштама	98
Дмитрий Курилов. В шаге от пустоты... Стихи	22	Анатолий Голубев. От Ленинграда до Венеции: триумф и трагедия Иосифа Бродского. Эссе	104
Александр Воробьёв. Красный поводок, Полёт ласточки. Рассказы	24	Дмитрий Цесельчук. Некоторые комментарии к эссе «Помолитесь, ангелы, за меня...» (Венедикт Ерофеев).	112
Алексей Гравицкий. Чтобы помнили. Рассказ	25	С Галиной Ерофеевой беседует Нина Давыдова	114
Григорий Арлинский. Золотая верста. Стихи.	27	ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО	
Книга в альманахе	33	Татьяна Лобашкова. «К.Р.». Из дневника великого князя Константина Константиновича Романова	117
Ильдар Нурисламов. Шалости беса. Стихи	37	МАСТЕРСКАЯ	
Мария Миронова. Из цикла «Совершеннолетие». стихи	39	Юрий Проскураков. Группа — школа — течение и объединение	121
Инга Пидевич. Буфет. Рассказ	41	Людмила Вагурина. Высокое ремесло	124
Спартак Жидков. Самое трудное решение. Рассказ	43	Макуренкова. Мистерия — миф — метафора.	126
ПОВЕСТИ И РОМАНЫ		Дмитрий Цесельчук. Моностих	129
Лара Садовская. Муравьёп. Роман. Окончание	47	Евгений Степанов. Палиндром как поэзия	130
Валентин Куклев. В поисках Андрогина.		Надежда Агеева. Понятным сердцу языком	133
Главы из романа. Продолжение	56	РЕЦЕНЗИИ:	
Олег Чилап. Как я придумал национальный праздник.		Олег Постнов. Парадоксы Сысоева	138
Повесть. Начало	58	Дмитрий Цесельчук. «Трёхмерности привычная волна...». О поэзии Татьяны Кайсаровой	141
Игорь Харичев. Меня убили... Странный детектив. Начало	61	ПУБЛИЦИСТИКА	
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ		Артём Каверин. Живое ТВ	142
Людмила Колодяжная. Стихи для детей от 2-х до 5-ти	65	Сергей Алимарин. Кризис	143
Лилия Волохонская. Шла девочка за хлебом. Рассказ	67	Юлий Квартин. Тестирование и законность	144
Борис Якубович. Воссиявшая на берегах Куры.	70	НЕШУТОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ	
Павел Михненко. Луна-2026. Рассказ	74	Борис Шапиро. Из еврейских фанетий	146
Юрий Клейберг. Земные звездочки. Новелла	78	Наталья Шмелькова. Рассказы	146
ДЕБЮТ		Федор Филиппов. К истории создания Союза литераторов	148
Антонина Егорова. Стихи	79	Владимир Шилов. Стихи	149
Мария Панфилова. Стихи	81	Наталья Ильичева. Стихи	149
MEMORIA. Утраты ушедшего 2008 года		Константин Никитенко. Пародии	149
Евгений Лукьянов	82	ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИТЕРАТОРА	
Галина Воропаева	83	Олеся Брукс. В поисках Гомеровской Итаки	150
170 Андрей Голов	84	Марьяна Давыдова. Домашняя путешественница	154
		Антология одного стихотворения	155
		Алфавитный указатель авторов	169